

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2010

ISSN 0131-2812

Корейский кризис
на современном этапе

Перспективы Китая
на рынке энергоресурсов

Транспортные связи
Дальнего Востока России с Китаем

К 65-летию окончания
Второй мировой войны

Китай глазами русских писателей

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2010

Сентябрь - Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Г. Толорая.* Очередной цикл Корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика 3
- А. Басов.* Китай как новая космическая держава 20

ЭКОНОМИКА

- И. Трокурова, К. Пелевина.* Перспективы Китая на рынке энергоресурсов 32
- Л. Захарова.* Становление межкорейских экономических отношений в конце XX века 43
- М. Папченко.* Экономические основы стратегического партнерства России, Индии и Китая 54

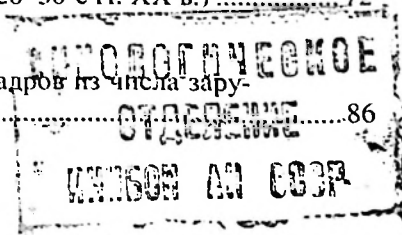
РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- А. Бардаль.* Транспортные связи Дальнего Востока РФ с Китаем: текущее состояние и перспективные проекты 61
- Г. Романова.* Дальний Восток России — Северо-Восточный Китай: торговые связи, транзит, транспортные коммуникации (20–30-е гг. XX в.) 72

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А. Афоняева.* Привлечение квалифицированных кадров из числа зарубежных китайцев для работы в КНР 86

3-Б 9КЗ

К 65-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

- Р. Мировицкая.* Советско-китайское взаимодействие накануне и на первом этапе Второй мировой войны (1937–1941 гг.) 102
- В. Кузьминков.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией с позиций сегодняшнего дня 113
- В. Гайкин.* Японские и корейские колонисты в Маньчжоу-го (1931–1945 гг.) 123

КУЛЬТУРА

- В. Кузнецов.* Китай глазами русских писателей XIX—начала XX века 132
- А. Ипатова.* Российская эмиграция в Шанхае: русские музыканты и русская музыка (1920–1930-е гг.) 141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т. Гурзулева, А. Макаров.* Становление и развитие нового лингвистического направления в контексте российско-китайского межкультурного взаимодействия 158
- С. Горбунова, В. Портяков.* XVIII конференция Европейской ассоциации китаеведения 164
- А. Воронин, А. Федорин.* О научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения» 168
- А. Сергеева.* О Седьмой международной конференции Общества по изучению зарубежных китайцев 171

РЕЦЕНЗИИ

- В. Портяков.* Дипломатия глобальных изменений климата и политика Китая 173
- Л. Забровская.* Ткаченко Б.И. Курильская проблема: история, право, политика и экономика 176
- Н. Захарова.* Собрание китайских ксилографических новогодних картин. Альбом картин «няньхуа», хранящихся в России 181
- Contents 186
- Summary 187

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленов, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Политика

Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика

© 2010

Г. Толорая

Северная Корея сегодня попала в фокус соперничества прежде всего США и Китая. Суть геополитической игры в намерении ликвидировать северокорейское государство, что означало бы не только пересмотр итогов Второй мировой войны, но и крупнейший успех США в предотвращении китайского доминирования в Азии. России необходимо определиться в том, какое направление развития корейской ситуации отвечает ее национальным интересам — объединение Кореи на южнокорейских условиях, коренное изменение военно-политического баланса на Дальнем Востоке или статус-кво, что означает необходимость сохранения северокорейской государственности. Ключом к российской стратегии в корейском вопросе остается сохранение добрых отношений с КНДР, при этом Россия заинтересована в прекращении ракетно-ядерных программ.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Россия-КНДР, Южная Корея, ядерная проблема Корейского полуострова.

Корейский полуостров в геополитике Северо-Восточной Азии

Ситуация на Корейском полуострове остается не только региональной, но и глобальной проблемой для российской внешней политики. Она на протяжении уже десятков лет развивается циклически: обострение сменяется переговорами и сближением противников, потом вновь происходит срыв. К этому специалисты уже привыкли и склонны прогнозировать такие «качели» и на будущее.

В последнее время, однако, реальное содержание борьбы в корейском вопросе все дальше уходит от ядерной проблематики (служащей частично в качестве «прикрытия» интересов вовлеченных сторон). После прихода в 2008 г. к власти в Сеуле консерваторов и провала первого цикла шестисторонних переговоров (2003–2007) сам характер противоборства изменился, вернувшись во многом к параметрам 90-х годов, когда на Западе рассчитывали на скорый коллапс режима КНДР в связи с прекращением советской

поддержки, политическим и экономическим кризисом, особенно после смерти Ким Ир Сена. Северная Корея попала в фокус соперничества прежде всего США и Китая, причем за их реальными намерениями с беспокойством следят в Южной Корее, не остается в стороне и Япония. И в КНР, и в РК (с участием США) разработаны планы «реагирования в случае кризиса в КНДР», а по сути — оккупации. Суть геополитической игры — в намерении ликвидировать северокорейское государство, что означало бы не только пересмотр итогов Второй мировой войны, но и крупнейший успех США в предотвращении китайского доминирования в Азии, стратегическое «окружение» Китая (а заодно и России, хотя ее роль в этих планах отнюдь не центральная).

Активность США и союзников в этом направлении особенно возросла в 2009–2010 гг. Очередным примером, подтверждающим зыбкость мира в Корее, стал инцидент с южнокорейским судном «Чхонан» 26 марта 2010 г., ответственность за гибель которого в РК возлагают на Северную Корею (об этом ниже). Инцидент может стать поворотным пунктом в истории противоборства на Корейском полуострове, поскольку консерваторы в Южной Корее увидели в нем повод для изоляции Севера и «отрыва» его от китайской поддержки — в целях ослабления и эвентуального падения режима. В этом Сеул рассчитывает на содействие США.

Не стоим ли мы накануне новой «схватки за Корею», по масштабу не уступающей той, которая сто лет назад привела к кардинальным геополитическим сдвигам в Северо-Восточной Азии (тогда Корея попала в колониальную зависимость от Японии, ставшей региональным гегемоном, а позиции России и Китая резко ослабли)?

России необходимо определиться в том, какое направление развития корейской ситуации отвечает ее национальным интересам. Что для нас лучше — объединение Кореи на южнокорейских условиях, коренное изменение военно-политического баланса на Дальнем Востоке, соответствующее ослабление геополитических позиций Китая и необходимость недешевых военно-политических контрмер? Или статус-кво, что означает необходимость сохранения северокорейской государственности, какую бы аллергию этот режим не вызывал в России?

После распада СССР Москва уже уступила США и Китаю инициативу в корейских делах и решения, которые ее касаются, иной раз принимаются без нее. Она не готова к возможному кризисному развитию событий на полуострове (в которое немедленно вмешаются США, а возможно, будет вовлечен и Китай). В этом случае Москва окажется практически выключенной из управления ситуацией: единственный рычаг — обсуждения в ООН, так как великие державы будут убеждены, что достаточно весомых военно-политических или экономических аргументов у России на Корейском полуострове практически не осталось.

Однако и в условиях стабильного развития будущей международной уклад, касающийся Корейского полуострова, прежде всего новый режим поддержания мира и механизм обеспечения безопасности может рождаться без российского участия. А ведь его параметры во многом определяют будущее всей Северо-Восточной Азии — включая место России в региональном раскладе сил и в экономических процессах. И при недостатке «веса» (политического и экономического) в Северо-Восточной Азии (СВА) Россия рискует остаться «за бортом» регионального сотрудничества и эвентуального формирования региональной архитектуры.

Касаясь глубинных причин сохраняющейся напряженности в СВА, нельзя не признать, что контролируемый уровень напряженности в СВА отвечает геополитическим целям США в качестве обоснования военного присутствия в регионе и военных союзов с Японией и Кореей, а также соответствует долгосрочной стратегии сдерживания Китая.

Дело, в частности, в том, что «плохое поведение» Пхеньяна и даже в какой-то мере его ракетно-ядерные амбиции выгодны США, так как ставят Пекин в положение «оправдывающегося».

Китай, однако, никогда не пойдет на то, чтобы «сдать» Северную Корею (входящую в сферу его многовекового влияния) по причинам как геополитическим, так и военным (выход на границы американских войск), а также в связи с возможными территориальными притязаниями объединенной Кореи.

Четкие, проработанные и внутренне непротиворечивые формулировки относительно задач и интересов России по отношению к Корейскому полуострову пока не выработаны. Политики и эксперты говорят о необходимости денуклеаризации, обеспечения мира и безопасности и предотвращения всплеск напряженности¹ для «внутреннего употребления», все согласны с необходимостью укрепления позиций и влияния России в корейских делах, но цели и возможности, противники и союзники не определены. Политика неизбежно становится всего лишь реагированием на внешние раздражители. Необходимо отдавать себе отчет в том, что российские интересы в Корее все больше расходятся как с интересами Запада (непременная денуклеаризация как возможная прелюдия к смене режима), так и поддерживающего Пхеньян Китая, который не против консервации нынешнего режима или его замены с китайской помощью на более покладистый в целях вовлечения Севера Кореи в свою орбиту. Пора трезво оценить уроки недавних циклов напряженности в Корее для того, чтобы понять, куда двигаться дальше и быть готовым к кризису, если он вдруг возникнет. Активизация российской политики в корейском вопросе сделает Россию нужной крупнейшим мировым державам — США, Китаю, Японии, а также Южной Корее, чьи жизненные интересы сходятся в корейском фокусе.

Ретроспектива ядерного вопроса и противоборства КНДР с внешним миром: мотивы и модели поведения

Чему учит история взаимоотношений КНДР с внешним миром после распада социалистической системы? Пхеньян ведет борьбу за выживание, не стесняясь в средствах, и в этом его можно понять. Вся история корейского урегулирования во всяком случае после распада мирового социализма — это чередование политики давления, изоляции и санкций против КНДР со стороны ее противников (США, Япония, на разных этапах в разной степени — Южная Корея) в интересах смены режима и попыток «вовлечения». На ожидание результатов последнего (а такими результатами выделась та же смена режима, но только «мягкая» или, в крайнем случае, его эволюция в направлении отказа от государственной самостоятельности и присоединение к Южной Корее), однако до сих пор терпения не хватало.

Оглянувшись назад, нельзя не признать, что без кардинального пересмотра старой парадигмы отношений с КНДР со стороны США и их союзников, которые на деле даже не очень скрывают, что конечной целью является ликвидация режима, прогресса не будет. Конечно, шаги навстречу должна будет сделать и КНДР. Ее вызывающее поведение и провокации недопустимы, но для предотвращения таких действий в дальнейшем надо понять их мотивацию.

Ядерная проблема КНДР возникла в начале 1990-х гг., когда стало ясно, что в ответ на угрозу существованию страны, в одночасье лишившейся союзников и помощи после распада СССР, Пхеньян принял решение обзавестись ядерным оружием. Возник серьезный кризис, подошедший к грани применения военной силы против ядерных объектов КНДР, что могло привести к полномасштабной войне. К ней никто готов не был, а потому начался цикл «вовлечения». Суть договоренностей между КНДР и США (закреп-

ленных в Рамочном соглашении 1994 г. и в секретных приложениях к нему) — «мир, признание и экономическая помощь в обмен на ядерное оружие». КНДР заморозила свою ядерную программу и приостановила выход из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Однако Вашингтон рассчитывал на скорый крах КНДР как на естественное средство разрешения ядерной проблемы и не торопился выполнять эти договоренности. США постоянно использовали нажим, изоляцию и санкции, чтобы добиться уступок, «заставить КНДР правильно себя вести». В осуществимость этого, похоже, даже сами идеологи этого подхода не верили — на самом деле такая политика имела целью ослабление режима.

Когда к началу нового века стало ясно, что надежды на «мягкую посадку» (тихий коллапс) режима не оправдываются, американское политическое и экспертное сообщество стало обсуждать иные варианты. Возобладало мнение (изначально исповедуемое республиканцами и неоконсерваторами) о необходимости отказа от уступок «режиму-изгою», который в начале президентства Дж.Буша был зачислен в «ось зла». Договоренности с Пхеньяном были отброшены. В 2002 г. начался новый цикл давления и попыток «удушения» Северной Кореи, что и спровоцировало гонку Пхеньяна за ядерной бомбой (КНДР окончательно вышла из ДНЯО в начале 2003 г.).

Парадоксально, но взятие Пхеньяном «ядерного» рубежа фактически упрочило стабильность на полуострове, так как стало фактором, препятствующим соблазну применить «военное решение» к северокорейской проблеме. Однако, что весьма прискорбно, безопасности в мире и регионе это не прибавило из-за сохраняющейся конфронтации между КНДР и ее противниками, а также в результате серьезной пробоины, нанесенной режиму нераспространения. КНДР в результате «нуклеаризации» оказалась в явном проигрыше. Ее ядерные амбиции привели к изоляции страны и беспрецедентному росту внешнего давления. Однако таков был сознательный выбор северокорейского руководства. Оно посчитало, что военные гарантии безопасности для него важнее, чем возможности (и опасности), вытекающие из международного сотрудничества, и переступило ядерный порог (что объективно ухудшило и внешние позиции страны, и ее благосостояние) с открытыми глазами.

С 2003 г. в качестве реакции на жесткие действия Пхеньяна начался новый цикл в «вовлечении» — дипломатический процесс в форме шестисторонних переговоров. Первый успех был достигнут в 2005 г. — в Заявлении от 19 сентября была закреплена формула «мир в обмен на денуклеарзацию».

Однако договоренность тут же была торпедирована неоконсерваторами. Именно так восприняли северокорейцы введение против них финансовых санкций (благодаря «делу Банко дельта Азия» в Макао, где были заморожены счета КНДР), по сути изолировавших их от мировой финансовой системы. Ответом стал выход КНДР из переговоров и первое ядерное испытание в КНДР в октябре 2006 г. После этого администрация Дж. Буша (и прежде всего госсекретарь К. Райс) приняли решение более последовательно применять мягкий подход, «выторговывать» у КНДР ее ядерную программу в обмен на экономическую помощь, в то же время придерживая реальные гарантии безопасности все в той же призрачной надежде на коллапс режима. Тем не менее тогда появились робкие надежды, что в конечном итоге противники пхеньянского режима смирятся с его существованием, оставив «за скобками» ядерную проблему в расчете на ее решение в контексте эвентуальной либерализации страны (так, по нашей оценке, были настроены и южнокорейские либералы, и часть американских экспертов). Сам же режим будет поти-

хоньку продвигаться по пути позитивной эволюции, к чему его активно подталкивал Китай (и Россия).

На практике американцы затянули выполнение своих обязательств. Американский истеблишмент не готов смириться с существованием режима Ким Чен Ира по идеологическим соображениям и даже в случае принятия Пхеньяном всех условий «денуклеаризации» будет стремиться к демонтажу этого режима. Американские неоконсерваторы преследовали эту цель достаточно прямолинейно, не давая пространства для маневра сторонникам более прагматичной линии (которые также не готовы к тому, чтобы отказаться от попыток изменить режим в КНДР).

Сейчас северокорейцы неофициально признают: "Отказ от более чем сорокалетней программы создания ядерного оружия означает отказ от принятой в КНДР основной идеологии приоритета армии и всех постулатов о превращении Северной Кореи в богатую и мощную державу". КНДР будет вести разговор только с США и, хотя не исключает возможности пойти на определенные уступки в сфере ядерного разоружения, "но полностью не откажется от атомного оружия никогда, хоть при Ким Чен Ире, хоть после его смерти"².

Обостряя ситуацию, Пхеньян стремится заставить мировое сообщество смириться с самопровозглашенным ядерным статусом как меньшим из зол, альтернативой которому является ядерный шантаж и балансирование на грани войны. Именно ракетные и ядерные испытания поставили КНДР в фокус политики Белого Дома, что удовлетворяло амбиции руководства КНДР. США воспринимаются в Пхеньяне как главный противник, и поэтому только США сегодня в состоянии — если того пожелают — переломить опасные тенденции и найти компромисс с КНДР.

Развитие кризисной ситуации на современном этапе: хроника и мотивация

Хронологически нынешний последний по времени виток напряженности, кульминацией которой стал политический кризис после гибели южнокорейского корвета в марте 2010 г., начался с конца 2007 г. КНДР стала главным инициатором обострения, реагируя на два фактора: приход к власти в РК в конце 2007 г. консервативного правительства Ли Мён Бака и смену администрации в Вашингтоне.

Сеул с начала 2008 г. под прикрытием риторики о «принципе взаимовыгодности» сотрудничества стал стремиться к «размягчению» северокорейского режима с последующим мирным поглощением Севера. Особое недовольство Пхеньяна вызвало выдвижение Сеулом на первый план ядерной проблемы, которую Северная Корея считала предметом торга между ней и США. КНДР выступила с резкой критикой «национального предателя» и «проамериканского сикофанта»³ и фактически повела курс на сворачивание отношений с Югом и исключение его из обсуждения ядерной проблемы. Результатом политики Ли Мён Бака становится, по выражению известного английского исследователя А. Фостер-Картера, «потеря Севера» Южной Кореей: «Сеул теряет свое влияние в северной части собственной, по его утверждениям, страны, уступая поле Пекину, который с трудом верит в такую удачу»⁴.

К концу 2008 г. перспективы достижения реального компромисса и на двустороннем треке КНДР—США стали более туманными. Время было упущено. Сначала камнем преткновения стала проблема «полной и точной декларации ядерной деятельности» КНДР, компромисс по которой удалось найти лишь к середине 2008 г. США (в том числе из-за противодействия Японии) затянули выполнение обязательства по выведению КНДР из списка государств-спонсоров терроризма: это было сделано лишь в октябре

2008 г. Далее на пути встала практически неразрешимая проблема верификации: американцы предъявили КНДР чрезвычайно жесткие и явно преждевременные требования по типу проверок в Ираке в 1991 г. (включая раскрытие любых объектов для доступа инспекторов, право на отбор проб, доступ к любым документам и т.п.).

КНДР, очевидно, посчитала, что время для компромиссов с участием уходящей администрации республиканцев ушло.

Уже в конце лета 2008 г. в КНДР заговорили о потере интереса к обсуждению вопроса денуклеаризации и «требованиях соответствующих организаций [КНДР] о восстановлении работы объектов в Нёнбёне»⁵. «Нодон синмун» 27 октября 2008 г. писала о необходимости «укрепления военного сдерживания в интересах самообороны, что бы ни говорили другие... в условиях ракетно-ядерной угрозы США», а в заявлении МИД КНДР от 12 ноября содержался резкий протест против попыток США заставить КНДР выполнять требования режима нераспространения в вопросе верификации⁶. Переговоры «шестерки» в декабре 2008 г. закончились провалом. В условиях смены администрации в США и разрастания родившегося в Америке глобального финансового кризиса вывод пхеньянских политиков о недопустимости сдачи «ядерного козыря» стал предсказуемым и вполне закономерным.

Похоже, что именно в это время в КНДР было принято решение о новой тактической линии. Главным ее элементом стал отказ от поиска компромиссов с США и курс на конфронтацию с Вашингтоном и особенно с Сеулом в целях укрепления своих позиций в противостоянии с оппонентами и внутреннего сплочения, а внутри страны — на реставрацию кимирсеновских порядков и борьбу с «отклонениями от социализма».

С начала 2009 г. тон заявлений из Пхеньяна стал еще более воинственным. 13 января представитель МИД КНДР указал в заявлении для прессы, что требуемая США в рамках шестистороннего переговорного процесса верификация предполагает также инспекции в Южной Корее и отметил: «без прекращения враждебной политики США в отношении КНДР и устранения ядерной угрозы со стороны США даже через сто лет не будет того, чтобы наша страна первой отказалась от ядерного оружия.»⁷ Военные власти Севера заявили о непризнании линии демаркации в Желтом море и пригрозили применением силы против Южной Кореи⁸.

Тогда же началась подготовка к запуску северокорейской ракеты-носителя, о чем стало известно в конце января 2009 г.⁹ Несмотря на давление, прежде всего со стороны Японии, а также США и Запада в целом, КНДР произвела «полуудачный» пуск (представленный как запуск спутника) в начале апреля. На это последовала достаточно резкая международная реакция (в рамках Заявления председателя Совета Безопасности ООН), причем неожиданно принципиальную позицию занял Китай. Это дало пхеньянским руководителям повод к ужесточению внешнеполитической линии. Однако такой поворот, как было показано выше, готовился раньше.

Воспользовавшись поводом, КНДР заявила о выходе из шестисторонних переговоров, что в общем-то явилось неожиданностью. 14 апреля МИД КНДР выступил с жестким заявлением, где это было зафиксировано, поставив под сомнение необходимость даже членства КНДР в ООН, и заявил: «КНДР решительно осуждает покушение СБ ООН на суверенитет КНДР... КНДР продолжит реализации права на использование космического пространства...» Были высланы инспектора МАГАТЭ, находившиеся на ядерных объектах КНДР в соответствии с решениями, принятыми на шестисторонних переговорах. Пхеньян заявил о пересмотре решения о прекращении ядерной программы и намерении возобновить ее¹⁰. Уже 25 апреля представитель МИД сообщил о том, что начата переработка урановых топливных стержней.¹¹ В ответ на осуждение США Пхень-

ян обрушился с резкой критикой на Вашингтон, заявив, что «новая администрация ничем не отличается от предыдущей администрации, которая всячески стремилась удушить силой страны, вызывающие ее недовольство»¹².

Всего через 40 дней — 25 мая 2009 г. КНДР провела ядерное испытание, которое вряд ли можно было подготовить в столь сжатые сроки, а также осуществила новые ракетные пуски. В какой-то момент ситуация обострилась настолько, что некоторые стали описывать ее как наихудшую со времен окончания корейской войны. КНДР вышла из соглашения о перемирии 1953 г. и юридически оказалась в состоянии войны с коалицией войск ООН. В ответ на резолюцию СБ ООН от 12 июня 2009 г. № 1874, объявляющую новые санкции против КНДР в связи с ядерным испытанием, КНДР сообщила о решении реализовать программу обогащения урана, заявила о «вепонизации» полученного плутония, пригрозила новыми ракетными испытаниями и «военным ответом» на попытки блокады¹³. 4 июля КНДР произвела ракетные пуски, явно демонстрируя свою «непреклонность» США и всему мировому сообществу. В начале сентября КНДР заявила о «вступлении в завершающую фазу экспериментальной переработки урана»¹⁴.

Стратегия Обамы в отношении корейской проблемы формировалась противоречиво, хотя и с учетом опыта предшественников. Подход «эпохи Клинтона» — обещания северокорейцам о нормализации отношений и помощи *после* ликвидации ядерной программы — себя скомпрометировал и в США (где, впрочем, обещания Пхеньяну всерьез выполнять не собирались), и (именно поэтому) в Пхеньяне. Настрой на смену режима, который определял подходы неоконсерваторов к корейской проблеме, остается пока вне поля возможного выбора нынешней администрации. Подход эпохи позднего Буша (точнее, Райс-Хилла) на продвижение шаг за шагом по принципу «действие в обмен на действие» не может привести к удовлетворяющим обе стороны результатам, пока не принято стратегических решений — в США о сосуществовании с КНДР, в Пхеньяне — об уступках не только в ядерном вопросе, но и в сфере демилитаризации и открытости.

С приходом к власти администрации Обамы была избрана довольно противоречивая тактика «стратегического терпения» — сочетания давления и санкций в отношении КНДР, отказа от признания ядерного статуса с попытками вернуть Пхеньян в переговорный процесс на прежних параметрах, то есть в многостороннем формате и на основе презумпции *безусловной обязанности* Пхеньяна самоликвидировать ядерную программу независимо от исхода переговоров. Вашингтон сделал упор на реализации утвержденных СБ ООН санкций, в особенности стремясь прекратить оружейный экспорт КНДР, изолировать ее финансово в надежде на лишение источников дохода, что, как мыслится, должно сделать Пхеньян более сговорчивым. При этом для американцев принципиально важно участие в выработке формулы договоренностей своих союзников — Японии и Южной Кореи — во избежание обострения противоречий с ними. И, конечно, еще важнее чтобы в этом процессе принял участие Китай.

В неофициальном порядке вашингтонские эксперты признают, что, если говорить без обиняков, Вашингтон «выжидает» ухода Ким Чен Ира в том или ином варианте, надеясь, что новые правители КНДР будут более сговорчивыми в плане ядерного разоружения. Вряд ли такую позицию можно считать продуманной и обоснованной стратегией уже хотя бы потому, что новое руководство под сильным влиянием военных может оказаться еще в меньшей степени готовым к компромиссам.

Очередной «компромиссный» период начался после визита в КНДР в начале августа 2009 г. Б. Клинтона, когда северокорейцы обозначили перспективы поиска решения, но только на двустороннем переговорном треке. США вынуждены были согласиться на контакты, уклончиво заявив, что Соединенные Штаты «готовы к двустороннему диалогу».

логу, если это поможет продвинуть шестисторонний процесс". Пхеньян сумел "продать" свой подход и не только отыграть, но и даже улучшить свои позиции¹⁵. С одной стороны, руководство КНДР публично призвало к «прекращению враждебных отношений с США», назвав это «основной задачей для обеспечения мира и стабильности на Корейском полуострове и в Азии в целом»¹⁶. С другой стороны, условия, выдвигаемые Пхеньяном, для США заведомо неприемлемы. КНДР выдвинула в качестве предварительного условия отмену санкций ООН, введенных в связи с ядерным испытанием¹⁷.

Несмотря на начало нового цикла разрядки и переговоров с осени 2009 г. КНДР продолжала предпринимать провокационные шаги, поддерживающие градус напряженности — осуществляла артиллерийские стрельбы в спорном районе Желтого моря, публиковала жесткие заявления.

Однако влияние санкций, соображения относительно создания более позитивного фона для «престолонаследия», вынудили руководство страны отказаться от демонстрации нарочитой жесткости. В ходе состоявшегося 4–6 октября 2009 г. визита в Пхеньян Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао Ким Чен Ир указал на возможность возобновления диалога в целях урегулирования ядерной проблемы. Поворотным был визит в КНДР специального представителя США по политике в отношении Северной Кореи С. Босуорта 8 декабря 2009 г.: северокорейцы подтвердили как приверженность целям денуклеаризации Корейского полуострова, согласно Совместному заявлению от 19 сентября 2005 г., так и значимость этого переговорного формата¹⁸.

11 января 2010 г. МИД КНДР опубликовал заявление, официально предлагающее начать с США переговоры о заключении мирного договора. Пхеньян предложил государствам-подписантам Соглашения о перемирии в кратчайшие сроки начать переговоры о его замене на мирное соглашение, причем уже в нынешнем году, когда исполняется 60 лет с начала корейской войны. В нем также говорилось, что шестисторонние переговоры могут быть возобновлены сразу после отмены санкций, введенных в отношении КНДР резолюциями СБ ООН № 1718 и 1874¹⁹. США, однако, отклонили эти идеи и акцентировали внимание на важности соблюдения КНДР обязательств, закрепленных в Совместном заявлении от 19 сентября 2005 г. Вашингтон, в принципе не отвергая идею о замене Соглашения о перемирии на мирное соглашение, в то же время дал понять, что готов предметно обсуждать этот вопрос только после того, как Пхеньян предпримет практические шаги в направлении денуклеаризации и вернется за стол шестисторонних переговоров.

Официальный представитель МИД России 15 января 2010 г. отметил: «Мы неизменно считаем необходимым осуществление денуклеаризации Корейского полуострова в соответствии с Совместным заявлением от 19 сентября 2005 г., тем более, что приверженность ему подтвердили все участники шестистороннего процесса. Исходим из того, что поиск взаимоприемлемых решений должен вестись исключительно в политико-дипломатической плоскости, для чего требуется скорейшее возобновление шестисторонних переговоров. К ним следует привлечь МАГАТЭ для оказания консультационных услуг и иного содействия.

Считаем также важным, чтобы в рамках шестисторонних переговоров был продолжен диалог по проблематике оздоровления обстановки и укрепления доверия на полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом, в том числе, по вопросам нормализации отношений между соответствующими государствами.

Наша страна непосредственно заинтересована в мире и стабильности в Северо-Восточной Азии, с самого начала была активным участником шестисторонних переговоров, возглавляла, как известно, Рабочую группу по механизму мира и безопасности в ре-

гионе. Мы готовы к продолжению ее работы вслед за возобновлением шестистороннего процесса»²⁰.

Между столицами вовлеченных в дипломатический процесс государств началась интенсивная дипломатическая работа в интересах возобновления шестисторонних переговоров. Активную роль играл Пекин, предложивший поэтапный план, который включал: американо-северокорейский двусторонний контакт, подготовительную встречу в шестистороннем формате, официальный перезапуск шестисторонних переговоров.

Однако вскоре произошла трагедия, по сути изменившая весь ход событий на Корейском полуострове. 26 марта 2010 г. после взрыва затонул южнокорейский корвет «Чхонан», погибло 46 моряков. В Южной Корее сразу же предположили, что виновником этого была Северная Корея. Итоги расследования (объявленные 20 мая, за несколько дней до промежуточных выборов в Южной Корее и накануне визита в регион Х. Клинтон), к которому южнокорейские военные привлекли экспертов из США, Великобритании, Австралии а также Швеции, состояли в том, что корабль погиб в результате взрыва торпеды под днищем, причем общественности был предъявлен и сам остов торпеды, найденной на дне в районе инцидента рыбаками с удивительно хорошо сохранившимися надписями, свидетельствующими о том, что торпеда была сделана в КНДР. Вывод комиссии — корабль был потоплен торпедой с северокорейской субмарины²¹.

Президент Ли Мён Бак 26 мая обратился к народу с посланием и объявил о новых санкциях в отношении Северной Кореи, включая практически полный отказ от всех видов сотрудничества с ней. Южная Корея также отказалась от возврата к шестисторонним переговорам и обратилась в Совет Безопасности ООН с целью осуждения Пхеньяна и принятия санкций²².

КНДР, однако, категорически отвергла свою причастность к инциденту, что было ею подтверждено на высшем уровне в ходе визита Ким Чен Ира в Пекин в мае 2010 г.

Некоторые эксперты не считают доказательства о виновности КНДР достаточно убедительными²³. Указывается на отсутствие мотивов и нелогичность подобных действий КНДР (инцидент произошел в месте американо-южнокорейских учений, что значительно повышало возможность обнаружения северокорейских субмарин), нестыковки в самом расследовании. Ходит множество версий, например, о случайном поражении корабля торпедой одного из «дружественных кораблей», принимавших участие в учениях, или об ответном ударе наблюдавшей за учениями с северокорейской стороны подлодки, которая была атакована южнокорейской стороной. Российские эксперты, направленные в Южную Корею для ознакомления с материалами расследования по распоряжению президента Медведева, к определенным выводам прийти не смогли²⁴.

Тем не менее, с политической точки зрения инцидент был использован для мощной атаки на КНДР — в целях ее дальнейшей изоляции и новых санкций в интересах дальнейшего ослабления режима. Не исключено, что сеульские «горячие головы» увидели шанс для окончательного решения корейского вопроса на своих условиях. Бывший президент Южной Кореи Ким Ён Сам ясно высказался о настроениях в Сеуле: «[В инциденте с «Чхонаном»] мы увидели подлинную суть диктатуры Ким Чен Ира... Мы должны собрать все силы, чтобы свергнуть диктатуру Ким Чен Ира как можно скорее. Первый шаг в спасении северокорейского народа, страдающего от репрессий, и обеспечения постоянного мира на Корейском полуострове и безопасности — добиться коллапса режима и создать новое правительство...»²⁵

Во внешнеполитической сфере главным условием этого является отрыв КНДР от китайской поддержки. Именно поэтому острее дипломатической активности Запада в связи с инцидентом было направлено против Пекина с тем, чтобы «доказать» ему, что

поддержка Пхеньяна противоречит его собственным интересам. Пекин, однако, не поддался на эти попытки и несмотря на мощное давление отказался присоединиться к осуждению КНДР в связи с инцидентом в рамках ООН, объяснив свой отказ недоказанностью обвинения. Тем не менее США значительно укрепили свои позиции в противоборстве с Китаем, поставленным в неудобное положение, добились отказа Японии от попыток убрать с Окинавы американские военные базы (что стоило кресла премьер-министру Ю. Хатояме), был поднят вопрос о необходимости новых крупных военных закупок американских союзников «в интересах укрепления обороноспособности перед лицом растущей северокорейской угрозы».

В России в связи с инцидентом призвали к «проявлению сдержанности и осторожности, чтобы усилившаяся в последнее время напряженность на Корейском полуострове не переросла в конфликт»²⁶. Президент Д.А. Медведев отметил, что «несмотря на трудности общения с [Северной] Кореей, все-таки нельзя их загонять в угол и напрягать ситуацию до такой степени, когда это спровоцирует какие-то неадекватные действия»²⁷. Тем не менее долгосрочный ущерб для мирного процесса и перспектив денуклеаризации КНДР, а также осложнение позиций России в корейском урегулировании очевидны.

Кризис как образ жизни: что ждет КНДР?

Анализируя движущие мотивы поворотов в политике КНДР нельзя не принимать во внимание соотношение *внутренних и внешних факторов*.

Как представляется, руководство КНДР почувствовало растущую угрозу своей власти из-за расширения внешних контактов на фоне неконтролируемой экономической либерализации сталинистской системы в условиях глубокого кризиса. Элиту и особенно набравших невиданную силу военных устраивал лишь жесткий контроль и «монолитная сплоченность» страны, они оказались не готовы делиться властью с зародившимся «серым» негосударственным сектором. Северокорейское руководство в очередной раз отказалось от шанса реформировать систему и пытается «вливать новое вино в старые мехи». По сути дела, в конце 2008 г. произошла «консервативная контрреволюция», и решающее влияние на северокорейскую политику стали оказывать «ястребы», к которым стал больше прислушиваться руководитель страны²⁸. Решающую роль в этом, похоже, сыграла болезнь Ким Чен Ира, который пропал из виду в августе 2008 г. более чем на три месяца. Ситуация всерьез напугала северокорейскую политическую элиту, осознавшую хрупкость системы, замкнутой на одного человека. К тому же нескрываемое злорадство противников, ставших по сути дела открыто готовиться к падению режима, оказало определенное психологическое воздействие на северокорейских лидеров в плане их готовности к проявлению доброй воли и к уступкам. Стало ясно, что торг с Западом не дает гарантий выживания политической системы в случае возникновения внутренней нестабильности при возможной рано или поздно смене руководства. Военная истерия и подновление «образа врага» являются проверенным средством сплочения подданных. Ким Чен Ир принял, похоже, решение, оставить будущим руководителям в наследство «ядерный щит».

Не следует упускать из виду, что политика «*сонгун*» (милитаризации страны) предельно откровенно отражает воззрения пхеньянского руководства относительно судьбы страны. В последней редакции северокорейской Конституции, принятой в апреле 2009 г., отсутствует понятие «коммунизм», а «*чучхе и сонгун*» стало основополагающей государственной идеологией. «Противостояние агрессивным силам империализма, по сути своей, силовое; империалистов сможет победить только сила»²⁹. Сила, в представлении северокорейцев, должна быть ответом на те посягательства на «самостоятельность», кото-

рые относятся к военным аспектам. Как не менее опасный вызов воспринимаются политическое и экономическое давление, «подрывные действия», включая «мягкое» проникновение южнокорейской идеологии и культуры. Опасность исходит не только со стороны Запада: растущую угрозу в Пхеньяне видят в китайском факторе, включая экономическое проникновение, «вредный» образец отказа от жесткого контроля над обществом и монополии руководства на политическую истину.

На практике пхеньянское руководство в качестве ответа на стоящие перед страной вызовы обрушилось на «отклонения от социализма», включила маховик репрессий (подобные попытки отмечались еще с 2005 г., но стали особенно настойчивыми с 2008 г.). При этом идеологи «возврата к истокам» утверждали, что именно таким образом может быть решена задача более справедливого распределения и достигнут экономический прогресс. Ким Чен Ир заявил, что «если будет решительно поднят уровень жизни народа, раздадутся клики «Ура социализму!», по всей стране запоют Ариран (народная песня.- ГТ) и откроются ворота к созданию процветающей страны»³⁰. Для достижения этого надо было запретить рыночные механизмы и вернуть времена жесткого централизованного планирования и командную систему, основанную на распределении.

С начала 2009 г. были усилены гонения на рыночную торговлю: ограничивался круг лиц, которым разрешено торговать на рынках, сужалась номенклатура товаров. Власти стремились направить торговлю потребительскими товарами в государственные магазины (при том, что карточная распределительная система практически рухнула). Тем временем в глубокой тайне готовилась денежная реформа (деноминация). Возможно, обещания КНР (сделанные в ходе визита премьера Госсовета Вэнь Цзябао в октябре 2009 г.) об экономической помощи стали последним толчком к проведению пхеньянской верхушкой этого «экономического эксперимента». 30 ноября было объявлено, что в течение последующей недели старые воны будут заменены на новые в отношении 1:100, причем сумма обмена была ограничена 100 000–300 000 вон (менее 100 долл. США по курсу «черного рынка»). Магазины были закрыты, обмен валюты не производился. В конце 2009 г. было полностью запрещено хождение в стране иностранной валюты (даже иностранцы были обязаны менять ее).³¹ Временно закрылись валютные магазины и рестораны, до чего не додумался даже Сталин, разрешавший «Торгсин». Эти меры единодушно были охарактеризованы зарубежными аналитиками как «грабительские», направленные на ликвидацию «среднего класса» — то есть лиц, научившихся в голодные 1990-е гг. и позднее получать доход вне парализованного государственного сектора³². Реформа разом лишила накоплений более или менее состоятельных граждан и подрубила основы негосударственного сектора в экономике. Одновременно реформаторы, видимо, хотели поднять доход работающих в госсекторе, резко увеличив им зарплату (номинал зарплаты в новых вонх был сохранен на уровне старого или незначительно уменьшен), однако это не было подкреплено увеличением товарной массы. Протесты населения, с закрытием рынков утратившего источники товарного снабжения, жестоко подавлялись.

Естественно, наивные надежды на то, что удастся сбалансировать товарную массу с денежной по новым стоимостным пропорциям не оправдались. Возник товарный дефицит, инфляция, валютный курс (неофициальный) новых вон начал резко падать и уже к весне 2010 г. практически вернулся к дореформенному³³. На этом фоне как издевательство звучали призывы к «радикальному повороту к повышению уровня жизни населения», который был объявлен в качестве стратегической задачи на 2010 г.³⁴ Власти вскоре были вынуждены пойти на попятный. Сообщалось, что был репрессирован и казнен отвечавший за реформу «главный плановик» страны Пак Нам Ги, сделанный козлом отпущения³⁵. В начале 2010 г. без особой шумихи деятельность рынков восстановилась,

на валютные операции власти снова смотрят сквозь пальцы.³⁶ Однако неуклюжие попытки «загнать народ в светлое будущее» породили массу вопросов о реальных пределах понимания правящей группировкой мировых тенденций и закономерностей, о ее готовности адекватно реагировать на стоящие перед страной вызовы, даже во имя самосохранения (а ведь доступ к полной информации и право подготовки решений имеют в КНДР всего несколько сотен человек, заметная часть из которых — преклонного возраста)³⁷.

Поэтому центральным вопросом остается прогнозирование перспектив существования КНДР и правящего в стране режима.

Нельзя абсолютно не принимать во внимание вариант *коллапса режима*, который так жаждут увидеть на Западе. Способно ли северокорейское руководство достойно ответить на новые угрозы: продолжающийся экономический кризис, брожение в народе, растущая изоляция, тупик в дипломатической игре — особенно если не станет Ким Чен Ира? В специфической политической системе КНДР национальный лидер становится «государствообразующей» личностью, а потому личностные факторы могут серьезно повлиять на вектор развития страны.

Конечно, экономический кризис в КНДР носит перманентный, системный характер, однако международные санкции и «экономические эксперименты» властей по искоренению рыночных отношений подтачивают терпение населения. Драконовский репрессивный режим контроля над народом в последнее время стал давать сбои. В страну, несмотря на все меры по ее закрытию, стали проникать не только импортные товары (показывающие северокорейцам всю глубину их экономической отсталости), но и идеология свободы, масс-культура (в том числе южнокорейская). Пока что властям удается «держат крышку закрытой»: поддерживать стабильность, несмотря на хронический экономический кризис. Однако это не может долго продолжаться. Тот или иной вариант реформирования, то есть управления процессами вместо того, чтобы прятаться от них, становится все более насущным. Однако разработать толковую стратегию реформ, как показывают попытки «государственных мер» 2002 г., «консервативного реванша» 2009 г. нынешние престарелые идеологи не в состоянии — тем более, что реформы несут в себе угрозу полной разбалансировки политической системы и краха государства.

Коллапс северокорейского режима стал бы серьезным потрясением для всех сопредельных государств. Южная Корея не сомневается в том, что вынуждена будет взять Север под контроль и активно готовится к такому сценарию (хотя неизвестно, как на это посмотрит Китай, который в кризисной ситуации может попытаться поставить у власти в КНДР прокитайский режим, что для правящей в КНДР элиты все же предпочтительней, чем капитуляция перед Югом). Объединение путем поглощения могло бы привести к весьма негативным последствиям не только для корейской нации, но и в региональном масштабе. Велика вероятность того, что некоторая часть «бывших» — сторонников «чучхейского» национализма — начнет вооруженную борьбу «с оккупантами и компрадорами». Этим оппозиционным силам будет нечего терять: южнокорейская общественность вряд ли удовлетворится освобождением от ответственности за прошлые преступления «деятелей кровавого режима» и даже их потомков. Наверное, планы подобного сопротивления, в том числе партизанской войны, в КНДР разработаны, и соответствующие базы уже имеются. Нельзя исключить, что на подобных объектах сохранятся ядерные материалы и другие виды ОМУ. При реализации такого сценария новые власти столкнутся не просто с диверсионной деятельностью по типу Афганистана, а с крупномасштабной гражданской войной с возможностью применения ОМУ, причем не только в пределах Корейского полуострова, но и на территории Японии и американских баз. Даже в случае, если удастся избежать столь драматических поворотов, северокорейское насе-

ление, не готовое к включению в капиталистическое хозяйство и недовольное неизбежной для него ролью «людей второго сорта» в объединенной Корее, будет находиться в постоянной оппозиции к центральным властям.

Россия в этом случае окажется во многом выключенной из управления событиями. Разумеется, надо быть готовым и к силовой реакции в период кризиса (недопущение переливания конфликтующих и беженцев на наши приграничные территории), однако прямое вмешательство в корейские дела вряд ли возможно. Пожалуй, единственный вариант — использование для наведения порядка международных сил ООН (по решению Совбеза), в которые мог бы войти российский контингент, но вряд ли игроки с более серьезными ставками в корейской игре (США, РК, Китай) будут этому рады. Скорее всего придется ограничиться гуманитарной помощью, неизбежно скромной по своим масштабам по сравнению с предоставляемой другими странами и международными организациями, только лишь для того, чтобы сохранить добрые отношения с простыми корейцами. Любое новое руководство (будь то централизованное в масштабе всей Кореи или управляющее бывшей КНДР) не особенно будет нуждаться в России для решения своих проблем, да и наши возможности содействия при таком сценарии ограничены и не идут ни в какое сравнение с китайскими и американскими.

Однако такой сценарий пока что маловероятен. Сверхзадача режима — обеспечение *выживания государства* и его политической структуры — встречает известное понимание и поддержку народа. Население в целом сохраняет лояльность властям, редкие протесты связаны с экономическими причинами. Многолетняя пропаганда привела к тому, что значительная часть северокорейцев искренне убеждена в том, что проявление нелояльности руководству, «измена идеалам» будет иметь катастрофические последствия и для каждого жителя, и для судьбы «самой превосходной» корейской нации. Опасения оказаться «порабощенными» империалистами и южнокорейцами выглядят в этой системе координат достаточно логичными.

. Проблема «престолонаследия» хотя и является вызовом для руководства, но вполне разрешима в рамках той феодально-бюрократической модели, которая сформировалась в Северной Корее (она имеет корни не столько в сталинском социализме, сколько в конфуцианстве). Можно ожидать, что после ухода Ким Чен Ира страной будет руководить группа его единомышленников (возможно, с преобладанием более молодых кадров, если их костяк успеет сформироваться), объединенных вокруг символической (для начала) фигуры сына «полковнца» Ким Чен Ына, который уже стал появляться на публике в качестве «помощника» отца, ответственного за его безопасность. Эта группа вряд ли допустит, чтобы экономические проблемы и проблема преемственности руководства поставили под угрозу ее власть.

Консолидация власти в случае нахождения с мировым сообществом компромиссов по поводу ядерной проблемы создала бы некоторые возможности для *трансформации* КНДР. Формирующийся из приближенных к власти партработников, военных, представителей спецслужб предпринимательский класс («олигархизация номенклатуры») мог бы, при безусловной лояльности политическому руководству, стать двигателем экономических перемен. Через 10–15 лет КНДР (возможно, уже под другим самоназванием) могла бы продвинуться по пути реформ, наверное, не в меньшей степени, чем нынешний Китай или Вьетнам. Именно это создало бы для нее гарантии безопасности, которые сделали бы ядерное оружие и другое ОМУ излишними.

Выводы для России

При сохранении нынешних параметров переговорного процесса, сфокусированного на проблеме ядерного оружия КНДР, ликвидация ее ядерного потенциала представляется практически недостижимой, поскольку не решает вопросов безопасности пхеньянского режима. Однако ядерный потенциал КНДР является фактором в большей степени политико-психологическим, чем военным. Использование ядерного оружия в военном конфликте крайне маловероятно, да и сам такой конфликт может возникнуть лишь случайно или в случае внутреннего кризиса в КНДР.

Главная опасность для России состоит в том, что дальнейшее совершенствование КНДР ядерных зарядов параллельно с развитием ракетных программ может привести к изменению военного баланса в регионе (в том числе «нуклеаризации» Японии, Южной Кореи, Тайваня), разрушению режима нераспространения. Поэтому Россия заинтересована в прекращении подобных программ КНДР. В этом ее интересы совпадают с США, Японией и Южной Кореей. Однако хотелось бы высказать мнение, что сама по себе полная ликвидация уже имеющегося ядерного потенциала КНДР не должна быть для России абсолютным приоритетом и главной целью, по отношению к которой все остальные цели носили бы подчиненный характер (как это декларируют США, Южная Корея и Япония). Необходимо отдавать себе отчет в том, что если это произойдет без создания прочной системы коллективной безопасности в регионе, военные риски могут даже увеличиться.

В данный момент не вполне ясно, что вкладывается в понятие «денуклеаризация». Полный отказ КНДР от национальных ядерных программ в принципе невозможен, поскольку лишение страны права на мирные разработки противоречит принципам Договора о нераспространении. К тому же в этом случае будет сохранен научно-технический и кадровый потенциал, что означает возможность возобновить эти программы в любой момент. Однако такая «денуклеаризация» противников КНДР не устроит, и очевидно, теоретически речь может идти о ликвидации только военного потенциала (оружия в войсках и запасов расщепляющих материалов), проверяемость которой упрется в проблему верификации. Закрытый характер общества Северной Кореи исключает возможность верификации (в том числе возможных программ обогащения урана) в удовлетворяющих мировое сообщество масштабах. Поэтому следует признать, что денуклеаризация в широком смысле, т.е. достижение убежденности мирового сообщества в отсутствии у КНДР военного ядерного потенциала, возможна только при изменении самого режима страны. Даже в самих США понимают практическую невозможность денуклеаризации на нынешнем этапе и обдумывают варианты «управления рисками» — то есть при молчаливом согласии с ядерным статусом КНДР требовать от нее лишь выполнения «четырёх не»: не производить расщепляющиеся материалы, не проводить ядерных испытаний, не распространять ядерные технологии, не расширять ракетную программу.

Единственной разумной альтернативой на сегодня является обуздание ядерных амбиций КНДР и постепенное снижение значимости для Пхеньяна фактора ядерного сдерживания дипломатическим путем, ориентированным на декларативную некопкретизируемую цель «денуклеаризации» в отдаленном будущем. При таком подходе главным в переговорах становятся не технические вопросы сворачивания тех или иных аспектов программ, а ликвидация застарелых военно-политических противоречий и укрепление режима безопасности на полуострове и вокруг него.

При таком целеположении нельзя повторять ошибки 1990-х гг., когда, абсолютизируя интересы ядерного нераспространения, в том числе в качестве козыря в отношениях с США, Россия оказалась отстраненной от корейского урегулирования в целом. Для

России сохранение переговорного процесса на Корейском полуострове важно в первую очередь для обеспечения ее вовлеченности в процессы, идущие в СВА, хотя и недопущение подрыва режима нераспространения и предотвращение экспорта технологий массового уничтожения (особенно в исламские страны) также важны.

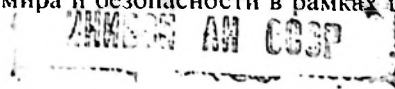
Таким образом для России сохраняемая при нынешнем раскладе «конфронтационная стабильность» в Северо-Восточной Азии, похоже, менее опасна, чем ее надлом, даже с учетом потенциальной угрозы для режима нераспространения. Вряд ли отвечают российским интересам усиление здесь влияния как США, так и Китая, равно как и рост конфронтации между ними. Именно сохранение статус-кво, включая независимость КНДР (вне контекста ее социального устройства) позволило бы избежать крупных сдвигов в расстановке сил.

Строить политику, исходя из надежд на падение режима в КНДР, нереалистично: правящая элита накопила запас прочности. С глубоко эшелонированной властью связанного тысячами родственных и дружеских нитей правящего класса придется считаться и любому альтернативному руководству, если на повестку дня встанет возможность замены верхушки режима. Даже прокитайский кандидат будет вынужден опираться на выпестованную в течении десятилетий по «признаку крови» многотысячную номенклатуру. В ней нет случайных людей. Альтернативы ей с учетом особенностей доступа в КНДР к образованию и информации тоже пока нет (на ближайшие несколько лет, во всяком случае). Поэтому в случае, например, взятия страны под контроль южнокорейцами возникают большие сомнения в их способности управлять северокорейским населением.

Таким образом, ключом к российской стратегии в корейском вопросе остается налаживание нормальных отношений с элитой КНДР, со «старым-новым» руководством в Пхеньяне в том числе и восстановление экономического сотрудничества. Между тем из-за недостаточно определенной позиции России по ряду вопросов, например, в эпизоде с ракетным пуском в апреле 2009 г. руководство КНДР пошло на искусственное обострение отношений с Россией, что представляется нежелательным, поскольку корректные и доброжелательные отношения выгодны обеим странам. России целесообразно спокойно и твердо обозначать свою позицию.

Появление в перспективе единой Кореи, стремящейся поддерживать с Россией отношения дружбы, добрососедства и сотрудничества в принципе не противоречит глубинным российским интересам, Наиболее желательным было бы национальное примирение и мирное сосуществование двух корейских государств на протяжении длительного исторического периода. Это не исключает постепенную конвергенцию, которая в свое время может поставить на повестку дня добровольное сращивание государственных механизмов. Для этого необходимо создание системы поддержания безопасности на полуострове, основанной не только на взаимном сдерживании, но на общепринятых нормах уважения суверенитета и невмешательства. Это достижимо в рамках создания новой многосторонней архитектуры безопасности в СВА.

Важность поддержки переговоров в шестистороннем формате продиктована для России тем, что только они могут обеспечить управляемость ситуации с участием российской стороны. С этой точки зрения на первый план выходят усилия по подготовке концепции многостороннего механизма безопасности и сотрудничества в регионе, за что Россия отвечает в рамках шестистороннего процесса. Однако ощущается определенная опасность, что центр тяжести принятия решений переместится в формат, обсуждающий новый режим поддержания мира (США—РК—КНДР и КНР) и в связи с этим особое значение приобретает рабочая группа по механизму мира и безопасности в рамках шес-

тистороннего процесса, особенно выработка и принятие всеми участниками руководящих принципов.

В российских интересах — поддерживать все шаги в направлении нормализации обстановки: признание КНДР Западом, развитие межкорейских отношений. Существуют определенные возможности для совместных усилий России, США и стран Запада по предотвращению незаконного оружейного экспорта КНДР, недопущению дальнейшего разрушения ею режима нераспространения. Ситуация на Корейском полуострове — одна из немногих международных проблем, где у России нет особых противоречий с США на уровне практической политики, а возможно сотрудничество, особенно с администрацией Обамы, а значит, в этом проекте Вашингтон объективно может воспринимать Россию как «ответственного акционера».

Сложности на пути денуклеаризации Корейского полуострова означают необходимость постановки более конкретных целей. Недопустимо, чтобы от прогресса (или его отсутствия) на денуклеаризационном треке зависело продвижение на треках, посвященных вопросам безопасности. Очевидно, что санкциями денуклеаризации и снижения конфронтации не добиться, поэтому стоило бы трезво проанализировать их эффективность и необходимость участия в столь жестком режиме России (тем более, что результатом является лишь возрастание зависимости КНДР от Китая)

Следует принимать во внимание и экономические интересы России. Содействие России в развитии энергетики КНДР имеет не только узко северокорейское измерение. Однако проекты строительства ЛЭП через Север на Юг Кореи и модернизации построенных СССР электростанций пока не движутся с места. Не стоит забывать и про транспортные проекты — прежде всего железнодорожного транзита с Юга через Север на Транссиб. Он сулит миллиардные прибыли всем участникам и рано или поздно будет реализован, хотя нынешнее обострение межкорейских отношений затормозило выполнение уже согласованных в трехстороннем формате планов.

Немаловажными были бы и усилия по реанимации проекта Транскорейской железнодорожной магистрали, начиная хотя бы со строительства ветки Хасан—Раджин для транспортировки контейнеров из Южной Кореи. Торможение в реализации этого проекта вызывает определенные сомнения в реальной заинтересованности России в корейских делах. Нельзя сбрасывать со счетов и возможное в рамках денуклеаризации строительство АЭС на легководных реакторах в КНДР. Для России то или иное участие в этом проекте (хотя бы в поставках периферийного оборудования и ядерного топлива) важно не только по экономическим, но и по престижно-политическим соображениям.

Стабилизация ситуации в СВА и в особенности снижение напряженности в отношениях между двумя Кореями, выход КНДР из изоляции и полноценное подключение к международному сотрудничеству важны для реализации российских политических и экономических интересов. Однако для этого надо найти выход из корейского тупика.

1. В Концепции внешней политики Российской Федерации говорится: «Принципиальное значение для России имеет общее оздоровление ситуации в Азии, где сохраняются источники напряженности и конфликтов, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения. Усилия будут сосредоточиваться на деятельном участии России в поисках политического решения ядерной проблемы Корейского полуострова, на поддержании конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея, на поощрении диалога между Пхеньяном и Сеулом, на укреплении безопасности в Северо-Восточной Азии.» Концепция внешней политики Российской Федерации. Опубликовано 12 июля 2008 г. на сайте "Российской Газеты". <http://www.rg.ru/2008/05/26/koncepciya-dok>.
2. <http://www.ng.ru/politics/news/2009/09/22/1253612956.html>.

3. «Нодон синмун», 01.04. 2008.
4. <http://www.newsweek.com/id/236499>.
5. <http://www.kcna.co.jp/item/2008/200808/news08/>
6. <http://www.kcna.co.jp/item/2008/200811/news13/20081113-18ee.html>.
7. ЦТАК. 14.01.2009.
8. Заявление представителя Генштаба КНА 17.01.2009 // Пресс-релиз Посольства КНДР в России.
9. Санкэй симбун. Токио. 2009. 3 февр. — <http://www.sankei.co.jp>.
10. ЦТАК. 14.04.2009. — <http://www.kcna.co.jp/index-e.htm>.
11. ЦТАК. 25.04.2009. — <http://www.kcna.co.jp/index-e.htm>.
12. ЦТАК. 04.05.2009.
13. ЦТАК. 14.06.2009.
14. ЦТАК.04.09.2009.
15. Российская газета. 2009. 14 сент.
16. Нодон Синмун. 2010. 1 янв.
17. <http://www.kcna.co.jp/index-e.htm>.
18. Kirk D. By Way of Non-stop Talks About Talking. N. Korea Advances Toward Its Nuclear goal — http://www.worldtribune.com/worldtribune/WTARC/2009/ea_nkorea0976_12_19.asp;
<http://www.kswo.com/global/story.asp?s=11687755>.
19. DPRK Proposes to Start of Peace Talks // ЦТАК. 11.01.2010.
20. www.mid.ru.
21. Klinger B. U.S. Must Respond Firmly to North Korean Naval Attack. — <http://www.heritage.org/Research/Reports/2010/05/US-Must-Respond-Firmly-to-North-Korean-Naval-Attack> Published on May 20, 2010.
22. <http://wireupdate.com/wires/5445/south-korean-president-lee-says-he-will-use-self-defense-measures-in-case-of-further-north-korean-provocation/>
23. Tanaka Sakai. Who Sank the South Korean Warship Cheonan? A New Stage in the US-Korean War and US-China Relations. — <http://www.tanakanews.com/100507korea.htm>.
24. Russia Charting Neutral Course in UN
<http://www.dailynk.com/english/read.php?catald=nk00400&num=6509>.
25. <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbrieftNO=364&GoP=1>.
26. http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/urh/C3EF5524995774CEC3257729004B00CD?OpenDocument.
27. <http://www.baltinfo.ru/tags/Yuzhnaya-Koreya>.
28. <http://www.nautilus.org/fora/security/08088Petrov.html>.
29. Ким Чен Ир. КНДР— чужейское социалистическое государство с несокрушимой мощью. Пхеньян, 2008. С. 20.
30. Нодон синмун. 2010. 1 янв.
31. <http://www.dailynk.com/english/read.php?catald=nk01500&num=5839>
<http://www.dailynk.com/english/read.php?catald=nk01500&num=5839>.
32. <http://www.nautilus.org/fora/security/09092Frank.html>,
<http://www.piie.com/publications/opeds/oped.cfm?ResearchID=1439>.
33. http://news.km.ru/v_kndr_prodolzhaetsya_padenie_no.
34. Ким Чен Ир. When the People's Living Standards Are Decisively Improved, Hooray For Socialism And Singing of Arirang of Prosperity Can Ring Out Louder Across the Country And The Gate To A Prosperous Nation Be Opened // Нодон Синмун. 2010. 1 янв.
35. <http://www.dailynk.com/english/read.php?catald=nk00100&num=6133>.
36. http://www.channelnewsasia.com/stories/afp_asiapacific/view/1038246/1.html,
http://www.channelnewsasia.com/stories/afp_asiapacific/view/1038246/1.html.
37. О дефиците экономических кадров свидетельствует назначение для срочного наведения порядка в экономике и ценообразовании в марте 2010 г. 82-летней Юн Ги Джон, работавшей при Ким Ир Сене в области финансов — кстати, она родилась в Сеуле — <http://www.dailynk.com/english/read.php?catald=nk01500&num=6160>.

Китай как новая космическая держава

© 2010

А. Басов

В статье анализируется развитие китайской ракетно-космической отрасли на современном этапе с точки зрения научных и коммерческих интересов страны.

Ключевые слова: космос, ракета-носитель, искусственный спутник Земли, космическая орбитальная станция, освоение Луны, луноход.

За 60 лет существования Китайская Народная Республика совершила мощный рывок по пути технического и технологического прогресса и, начав фактически с нуля, стала одним из передовых государств мира, достигла серьезных успехов во всех сферах современной науки и техники, стала космической державой.

Важное значение для становления ракетно-космической отрасли Китая имело широкое научно-техническое сотрудничество с СССР. Освоение ракетных технологий, полученных от Советского Союза в 50–60-е гг. прошлого века, в соответствии с советско-китайскими соглашениями о сотрудничестве, позволило Китаю добиться успеха в запуске в 1970 г. первого искусственного спутника Земли (ИСЗ), а по отдельным направлениям космических технологий занять сегодня место среди наиболее развитых стран мира.

При техническом содействии Советского Союза в КНР были построены ракетостроительные предприятия и стартовые комплексы. В сжатые сроки была создана научно-исследовательская база отрасли и ряд учебных заведений. Большое количество китайских специалистов прошло обучение в вузах СССР. Они составили костяк научно-технического персонала страны¹.

Второй этап наращивания технологических возможностей Китая, начавшийся после застоя, вызванного разрывом связей с СССР, пришелся на 80–90 годы XX в., когда США, Европа и Япония начали массовое размещение в КНР собственных производственных мощностей. В результате Китай смог заметно улучшить свой технологический потенциал, включая сферу оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и ракетно-космическую отрасль. Кроме того, свой вклад в этот процесс внес развал СССР, когда в 1990-е годы оборонная промышленность России, Украины и Белоруссии оказалась фактически без государственных средств и вынуждена была выживать за счет поставок на экспорт самой современной боевой техники и оборонных технологий², в том числе и в ракетно-космической области.

Мирное освоение космоса

Сегодня в ряде важных областей космической техники Китай стоит в ряду мировых лидеров, добившись достаточно впечатляющих успехов, среди которых запуск пилотируемых космических аппаратов, выход в открытый космос. В XXI в., исходя из своих

Басов Александр Николаевич, главный эксперт Департамента анализа и перспективного планирования ФГУП «Рособоронэкспорт», соискатель Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН. E-mail: alexbas@mail.ru, 8(916) 555-38-96.

реалий, он намерен продолжать развивать космическую технику и технологии, внося свой вклад в мирное использование космического пространства.

В 2006 г. в КНР были приняты "Основные положения 11-й пятилетней программы социально-экономического развития" и "Тезисы государственной среднесрочной программы научно-технического развития (2006–2020 гг.)", важное место в которых отведено развитию ракетно-космических технологий. В соответствии с положениями этих документов правительство КНР разработало национальную космическую программу, в которой определены основные цели и задачи отрасли на ближайшие 5 лет и последующий период.

В соответствии с программой Китай продолжит реализацию проектов пилотируемых космических полетов, зондирования Луны, высокоразрешающей системы наблюдения за поверхностью Земли из космоса и создания ракет-носителей нового поколения, а также ряд других приоритетных проектов, будет активизировать соответствующие фундаментальные исследования, в опережающем порядке развивать космические технологии, чтобы способствовать научно-техническому прогрессу и инновационной деятельности в области космонавтики³.

В программе определены следующие задачи ракетно-космической промышленности Китая, которые можно сгруппировать по следующим направлениям:

а) создание новых ракет-носителей

разработка нового поколения ракет-носителей с высокой тяговооруженностью, способных доставлять до 25 т полезной нагрузки на низкую околоземную орбиту и 14 т на околоземную синхронную переходную орбиту. Важным требованием является значительное снижение токсичности топлива, завершение разработки ракетного двигателя с тягой до 120 т, работающего на жидком кислородно-керосиновом топливе и двигателя с тягой 50 т, работающего на водородно-кислородном топливе; повышение надежности ракет-носителей "Великий поход";

б) пилотируемая космонавтика

продолжение экспериментов в открытом космосе; проведение экспериментов по стыковке космических аппаратов; создание орбитальной станции прикладного назначения, рассчитанной на длительный автономный полет и периодическое пребывание на ней экипажей;

в) развитие системы искусственных спутников Земли (ИСЗ)

разработка и выведение на полярные и стационарные орбиты искусственных спутников Земли нового поколения: метеорологических для исследования морских и природных ресурсов, миниспутников мониторинга окружающей среды и прогноза стихийных бедствий; исследование ключевых технологий разработки спутника трехмерного зондирования Земли нового типа; создание многочастотного комплекса систем для всепогодного и круглосуточного наблюдения Земли с различной степенью разрешения, осуществление трехмерного зондирования и динамичного мониторинга суши, атмосферы и океанов; разработка и выведение на геостационарные орбиты спутников связи и прямого телевидения с длительным сроком эксплуатации, высокой надежностью и большой емкостью; развитие прямого спутникового телевидения, мультимедийных услуг на базе широкополосных сетей, аварийной спутниковой связи; развитие спутниковой связи и вещания и их прикладного применения в интересах населения, расширение спектра платных услуг в этой области; разработка и выведение на орбиту экспериментальных спутников в интересах разработки и испытания новых технологий, материалов, элементов и приборов в условиях космического полета; разработка и вывод на орбиту спутников в интересах исследований в сфере биотехнологий, увязывание космических технологий с технологиями селекции сельскохозяйственных культур, расширение применения космических технологий в области аграрной науки и техники; разработка и соз-

дание телескопа, работающего в жестких рентгеновских лучах, выведение в космос искусственного астрономического спутника;

г) создание системы спутниковой навигации

проведение модернизации экспериментальной системы навигационных спутников "Бэйдоу" ("Большая медведица"), начало реализации программы создания спутниковой навигационной системы "Бэйдоу-2"; разработка отечественных технологий и выпуск продукции с правом интеллектуальной собственности в области спутниковой навигации, координации и службы времени, создание унифицированных вспомогательных систем для поддержки спутниковой координации и прикладной системы абонентных терминалов, освоение новых отраслей применения и рынков спутниковой навигации;

д) исследование Луны и Марса, участие в международных программах

разработка и запуск первого отечественного спутника зондирования Луны "Чанъэ-1", осуществление зондирования Луны с окололунной орбиты; проведение научных исследований Луны и изучение ее природных ресурсов; участие в китайско-российской программе исследований Марса, в программе строительства Всемирной космической обсерватории ультрафиолетового диапазона, а также в француско-китайской программе изучения взрывов на Солнце (SMES);

е) совершенствование наземных стартовых комплексов и систем управления космическими аппаратами

развитие наземных комплексов и систем прикладного применения спутникового зондирования Земли; создание и модернизация государственного центра обработки данных спутникового зондирования Земли; строительство базовых сооружений, предназначенных для количественного анализа и прикладного применения, включая, в частности, платформу радиометрического калибрования для спутников оптического зондирования; открытие доступа к данным спутникового зондирования, относящимся к сферам общественного благосостояния и касающимся интересов населения; создание подразделений для прикладного использования спутниковых данных по охране окружающей среды и прогноза стихийных бедствий, формирование соответствующих операционных систем; повышение возможностей и эффективности использования космодромов в проведении комплексных испытаний, оптимизация их размещения, повышение технической надежности и уровня автоматизации объектов и оборудования космодромов; повышение технического уровня и возможностей сети слежения и управления космическими полетами, увеличение коэффициента охвата этой системой в целях проведения исследований глубокого космоса⁴.

Финансирование ракетно-космической промышленности

Данные по затратам на ракетно-космические программы Китая в открытом доступе практически отсутствуют, большинство их носит закрытый характер, а имеющиеся официальные статистические данные противоречивы. Так, согласно официальной статистике, в период 1986–2001 гг. на закрытый раздел государственной программы развития высоких технологий ("Программа 863"), охватывающий разработки в области исследований океана, развитие ракетно-космических технологий и лазеров, было затрачено около 5,3 млрд юаней (641 млн долл.)⁵

Имеются две различные оценки объема средств, выделяемых на космическую деятельность Китая. Первая — это заявление заместителя руководителя Китайской национальной космической администрации — China National Space Administration, (CNSA) Лю Гэ в ходе визита в США в апреле 2006 г., когда он признал, что система финансирования китайской космической программы "очень сложна", но ежегодные ассигнования равны примерно 500 млн долл. Цифра, очевидно, занижена и, возможно, является бюджетом собственно Китайской национальной космической администрации. Вместе с тем,

по оценкам российских и иностранных экспертов, эта цифра может быть увеличена в несколько раз: затраты на гражданскую космическую программу, включая пилотируемую, в 2006 и 2007 гг. составили около 2,1 и 2,6 млрд долл. соответственно, на военную — около 0,913 и 1,116 млрд долл. соответственно. Таким образом, долю ассигнований в сфере освоения космоса в государственных затратах на НИОКР, в частности, в 2006 г. можно оценить в 14,4%⁶.

Более реалистична оценка китайских специалистов, высказанная в октябре 2006 г., согласно которой китайское правительство ежегодно тратит на космос около 10% бюджета НАСА (на тот момент бюджет НАСА составлял около 17 млрд долл.). Стоимость отдельных программ оценивалась следующим образом: программа "Шэньчжоу" ("Священная ладья") с ее начала и до запуска корабля "Шэньчжоу-V" с космонавтом на борту в 2003 г. обошлась китайцам в 2,4 млрд долл. Запуск пилотируемого корабля "Шэньчжоу-VI" в октябре 2005 г. обошелся в 125 млн долл. Бюджет программы запуска спутника Луны (состоялся в 2007 г.) должен был составить 170 млн долл.⁷

По оценкам иностранных экспертов, общий рост китайской экономики и роста юаня по отношению к ведущим мировым валютам должны были привести к заметному увеличению в номинальном выражении бюджета китайской программы освоения космического пространства. Таким образом, сейчас он, по всей вероятности, близок к 2,53 млрд долл.⁸ Это подтверждают и данные Федерального космического агентства России (Роскосмоса), согласно которым в 2009 г. США израсходовали на космические программы 18,8 млрд долл., Европейское космическое агентство (ESA) — 5,3 млрд долл., Китай — 3,1 млрд долл., Россия — 2,7 млрд долл., Япония — 2,2 млрд долл., Индия — 1,2 млрд долл.⁹

Пилотируемые полеты

Программа пилотируемых космических полетов, получившая в Китае название "Проект 921", реализуется в три этапа. Первый предусматривает запуск пилотируемого корабля ("Проект 921-1"), второй — выход космонавта в открытый космос и стыковку космических аппаратов ("Проект 921-2"), запуск научной лаборатории, а также проведение экспериментов в области прикладных технологий ("Проект 921-3"). В ходе третьего этапа на околоземную орбиту планируется вывести пилотируемую космическую станцию.

Программа пилотируемых полетов ("Проект 921-1"), которой в основном руководит Министерство обороны КНР при участии Китайской национальной космической администрации, направлена на содействие общему развитию космических технологий и повышение технологического уровня экономики страны в целом, включает разработку и эксплуатацию космического аппарата "Шэньчжоу", строительство нового сборочного комплекса на космодроме Цзюцюань (в нем можно будет осуществлять одновременно две сборки кораблей "Шэньчжоу" с ракетоносителями "Великий поход-2F", а также ракетоносителями более крупного класса).

В октябре 2003 г. Китай стал третьей страной в мире после СССР и США, самостоятельно осуществившей запуск человека в космос. Первый китайский космонавт Ян Ливэй совершил 21-часовой полет вокруг Земли.

В 2005 г. Китай осуществил новый успешный запуск корабля "Шэньчжоу-VI" с двумя космонавтами на борту.

В сентябре 2008 г. в ходе полета третьего пилотируемого корабля "Шэньчжоу-VII" («Проект 921 2») с тремя космонавтами на борту был впервые осуществлен выход китайского космонавта в открытый космос.

В настоящее время в Китае ощущается нехватка молодых летчиков-космонавтов, которым в ближайшие годы предстоит совершить полеты в околоземное пространство.

Средний возраст нынешнего поколения китайских космонавтов («тайкунавтов»), в том числе первого в КНР космонавта Ян Ливэя, превышает 40 лет. Поэтому уже сейчас необходимо начать подготовку новых кадров на ближайшую перспективу, считают руководители китайской космической программы.

В этой связи в феврале 2009 г. Национальный центр по подготовке космонавтов начал прием кандидатов в возрасте около 30 лет, которые имеют опыт в сфере военной авиации. Новому поколению китайских космонавтов предстоит решать более сложные задачи, чем их предшественникам. Среди них — состыковка кораблей, запуск космической лаборатории, создание и эксплуатация космической станции. Помимо этого Китай планирует активное освоение Луны, куда также намерен отправить человека, причем международные эксперты утверждают, что это может произойти раньше, чем американские астронавты вновь сумеют достичь спутника Земли.

В общей сложности будет отобрано 57 человек, не исключено, что в состав группы войдут не только мужчины, но и женщины. Как и при формировании первого отряда космонавтов КНР, все кандидаты будут отобраны из числа военных летчиков.

Создание перспективных ракет-носителей

Сегодня в КНР разрабатывается целый парк совершенно новых ракет-носителей, более мощных и гибких в использовании. Они представляют собой набор единых элементов, позволяющих "собрать" ракету практически любого класса и грузоподъемности — от тяжелой до легкой (по этому же принципу построены перспективные российские ракеты-носители семейства "Ангара" и американские ракеты-носители нового поколения серий Ares-I и Ares-V¹⁰).

Так, Китайская академия технологии ракет-носителей ведет разработку нового поколения тяжелых носителей серии "Великий поход-5". Новое поколение ракет-носителей будет включать три версии, основанные на модульных ступенях с диаметрами 5, 3,35 и 2,25 м, иметь длину 59,4 м, пусковой вес — 643 т. На твердотопливных ускорителях предполагается установить двигатели тягой 1200 кН, а верхние ступени будут снабжены криогенными двигателями тягой 500 кН. При этом не будут использоваться токсичные компоненты топлива. С помощью семейства ракет-носителей "Великий поход-5" можно будет выводить полезные нагрузки массой от 0,5 до 25 т (сейчас 9 т) на низкие околоземные орбиты и от 4 до 5 т (сейчас 5 т) — на геостационарную орбиту.

Самым мощным в семействе данных ракет-носителей является вариант "Великий поход-5/504", способный вывести на низкую околоземную орбиту полезную нагрузку массой до 25 т. Предполагается, что эта ракета-носитель предназначена для выведения в космос модулей орбитальной пилотируемой станции класса "Салют" или "Мир" (СССР/Россия), которая будет обслуживаться космическими пилотируемыми аппаратами "Шэньчжоу". Ракеты-носители подобного класса позволят Китаю совершить облет Луны и осуществить посадку автоматической станции на ее поверхность¹¹.

В связи с этим в ближайшие 5 лет китайским специалистам предстоит решить следующие задачи: полностью завершить разработку ракетных двигателей на жидком кислороде и керосине мощностью до 120 т, а также водородно-кислородных двигателей мощностью до 50 т. В мае-июне 2008 г. успешно прошли стендовые испытания двигателей, которые будут установлены на ракетах-носителях "Великий поход-5".

Ракеты-носители "Великий поход-5" будут обеспечивать запуск пилотируемых космических аппаратов, космических станций и другой тяжелой космической техники в течение последующих 20–30 лет. Предполагается, что ракета будет также использоваться в рамках программы по освоению Луны. Работы по созданию ракет-носителей "Великий поход-5" должны быть завершены не позднее, чем через семь-восемь лет. Первый запуск

ракеты-носителя "Великий поход-5" из Центра запусков спутников в Вэньчане (остров Хайнань) намечен на 2014 г. Всего планируется произвести двенадцать ракет-носителей.

Производить новое поколение ракет-носителей "Великий поход-5" будут в г. Тяньцзинь в 100 км к юго-востоку от Пекина. Строительство этого объекта уже начато, первый этап его строительства был завершен в 2009 г. Стоимость создания производственной базы составит 4,5 млрд юаней (657 млн долл.). Производственные возможности этого объекта могут быть расширены для сборки еще больших ракет диаметром 8 или даже 10 м. Ракеты-носители по морю будут доставлять на остров Хайнань, где к 2013 г. будет построен новый космодром Вэньчан¹².

По данным официального сайта Национального космического управления Китая, Китайская аэрокосмическая научно-техническая корпорация приступила к разработке ракеты-носителя "Великий поход-6". Согласно информации Управления, ракета-носитель "Великий поход-6" будет нетоксичной и в ней впервые в Китае будут использованы новые не загрязняющие технологии. Полезная нагрузка ракет не разглашается. Как ожидается, ракеты "Великий поход-6" будут готовы к старту в 2013 г.¹³

Китайская академия технологий ракет-носителей изучает возможность разработки сверхтяжелых ракет-носителей, которые могут быть использованы для лунных экспедиций. Общий вес такой ракеты может составить 3000 т. Для такой ракеты-носителя должна быть разработана первая ступень с пятью двигателями тягой по 600 т. Возможно, схема будет такой — центральный двигатель и четыре боковых ускорителя. Внешне такая ракета будет похожа на "Великий поход-5", но значительно превысит ее по габаритам. Хотя данных о массе полезной нагрузки нет, можно предположить, что она будет аналогична полезной нагрузке американской ракеты "Сатурн-5" (примерно 137 т), которая использовалась для пилотируемых экспедиций на Луну¹⁴.

Китайская авиационно-космическая корпорация по науке и технологиям (China Aerospace Science & Technology Corporation, CASTC), отвечающая за программы космических запусков, работает над созданием нового семейства ракет-носителей для выведения на орбиты малых спутников по двум направлениям. Первое направление работ — это проект воздушного запуска, второе — создание ракеты-носителя принципиально новой компактной конструкции с ЖРД, работающим на жидком кислороде и керосине (проект NGSLV). Для воздушного запуска предлагается использовать трехступенчатый ускоритель, а в качестве платформы для него — модифицированный бомбардировщик "Хун-6 Сянь"¹⁵.

Ракета-носитель NGSLV¹⁶, в основе проекта которой лежит твердотопливная ракета «Кайточже» («Пионер») может вывести на синхронную орбиту высотой 700 км полезную нагрузку массой 500 кг. Она позиционируется как экологически чистая, быстро окупаемая ракета-носитель.

По заявлениям китайских специалистов, ракеты-носители нового типа, способные с помощью крупного транспортного самолета осуществить запуск спутника с воздуха, имеют важное стратегическое значение, в особенности на сегодняшний день, когда в мире наблюдается стремительное развитие малых искусственных спутников. Во-первых, они отличаются гибкостью и маневренностью в отношении способов запуска и способностью быстрого запуска; во-вторых, они характеризуются низкими расходами на осуществление запуска, что соответствует требованиям запуска малых спутников. Несущая мощность всех ракет-носителей серии "Великий поход" превышает сегодня 1000 кг, и использовать их для запуска малых спутников неэкономично. Поэтому требуется создание ракет-носителей, которые будут запускать только малые спутники. В настоящее время в КНР ведутся НИОКР по разработке подобных ракет.

Создание космической орбитальной станции (Программа 921–3)

В 2010–2011 гг. КНР планирует вывести на орбиту в беспилотном автоматическом режиме космические аппараты "Шэньчжоу-VIII" и "Шэньчжоу-IX", представляющие собой обитаемые модули, которые после стыковки на орбите образуют первую китайскую пилотируемую космическую станцию. Если стыковка этих кораблей пройдет успешно, то следующим этапом станет отправка корабля "Шэньчжоу-X" с космонавтами на борту для проведения работ по отработке технологии ручной стыковки¹⁷.

По словам главного конструктора китайских пилотируемых кораблей Чжан Байнана, после запуска корабля "Шэньчжоу-VIII" в Китае будет осуществлена модификация космического корабля этой серии. Следующая модификация уже сможет совершать семидневные полеты и стыковку с космической станцией. Освоение технологий стыковки позволит этому кораблю стать одним из основных транспортных средств доставки на будущую китайскую космическую станцию, а также составить конкуренцию американскому "шаттлу" и российским кораблям серии "Союз" в предоставлении другим странам услуг доставки в космос различных грузов¹⁸.

Также ожидается, что в конце 2010 — начале 2011 гг. будет выведена на орбиту первая китайская космическая лаборатория "Тяньгун-1", представляющая собой модуль, который позволит космонавтам находиться в нем и проводить определенные работы в условиях нулевой гравитации. Кроме того, модуль сможет долгое время пребывать в режиме автономного полета без присутствия астронавтов. В 2011 г. к "Тяньгун-1" планируется пристыковать новый космический аппарат "Шэньчжоу-VIII". После стыковки двух аппаратов фактически начнется новый этап строительства собственной китайской орбитальной космической станции.

К 2015 г. планируется осуществить запуск двух космических лабораторий "Тяньгун-2" и "Тяньгун-3"¹⁹.

К 2020 г. Китай намерен вывести на околоземную орбиту собственную космическую станцию с возможностями для проведения более масштабных и многочисленных прикладных экспериментов²⁰.

В апреле 2009 г. президент США Барак Обама одобрил план Конгресса по продаже Китаю американского сегмента Международной космической станции (МКС). Сумма сделки не разглашается. Ранее многократные попытки Китая совершить сделку по покупке американской доли в МКС наталкивались на нежелание американской стороны идти на уступки в этом вопросе. Ситуацию кардинально изменил финансовый кризис, из-за которого пострадал бюджет НАСА, американцам пришлось пересмотреть его приоритеты по целому ряду направлений²¹.

Заместитель министра науки и технологий Китая Ли Сюэюн заявил, что КНР рассматривает приобретение американской доли в МКС как серьезный прорыв отрасли, который позволит сократить отставание КНР от США и России в освоении космоса. В этой связи китайские специалисты стремятся к совместной разработке с заинтересованными государствами единых международных стандартов стыковки для доставки своих космонавтов отечественными кораблями на МКС, а также на космические объекты других стран. В настоящее время ведутся работы по спецификации нового варианта космического корабля "Шэньчжоу", стыковочный узел которого будет выполнен по стандарту МКС. Тем не менее, к настоящему времени вопрос продажи американской доли МКС Китаю окончательно пока не решен²².

Китай также приступил к проработке технических аспектов проекта "космического самолета" — воздушно-космического летательного аппарата (ВКЛА). Многие эксперты уверены в том, что он будет аналогичен американскому ВКЛА, который был запущен в 2010 г. В настоящее время НИИ № 601, НИИ № 611, 1-ая и 8-ая космические академии прорабатывают проекты перспективных пилотируемых космических аппаратов²³.

Программа исследования Луны

Китай ставит задачу обозначить свое присутствие на Луне путем создания исследовательской лунной станции. Такой масштабный план требует развития новейших технологий и новой техники. В марте 2008 г. Госсовет КНР одобрил второй этап программы исследований Луны и окололунного пространства. Инвестиции на вторую очередь китайской лунной программы по сравнению с ассигнованиями на ее первую очередь будут увеличены. Стоимость первого этапа китайской программы исследований Луны составила 1 1,4 млрд юаней²⁴.

На втором этапе в 2010–2012 гг. последует высадка на Луне непилотируемого самоходного аппарата, на третьем этапе к 2020 г. будет произведен сбор образцов лунного грунта с помощью автоматического зонда (лунохода). Уже после этого, ориентировочно в 2024 г., на Луну будет осуществлена высадка космонавтов. Работы в 2010–2011 гг. будут проходить при участии специалистов российского НПО им. С.А. Лавочкина.

К 2011 г. будет запущен аппарат "Чаньэ-2", который должен обработать технологию "прилунения". Спутник "Чаньэ-2" будет изготовлен на основе технической реконструкции запасного экземпляра "Чаньэ-1". На борту нового спутника Луны предстоит провести эксперименты по пяти ключевым технологиям.

В задачу аппарата "Чаньэ-3", запуск которого планируется осуществить к 2013 г., войдет посадка на поверхности Луны и взятие проб грунта. Вторая стадия предполагает высадку на поверхности Луны самоходного аппарата. Планируется, что он будет доставлен туда на борту лунного аппарата "Чаньэ-3". Самоходный аппарат покинет "Чаньэ-3" и будет работать на поверхности Луны три месяца. На сегодняшний день проект китайского лунохода пока не выбран — идет конкурс, в котором участвуют 13 разработчиков. Некоторые из проектов уже были представлены общественности²⁵. Так, на Чжухайском авиасалоне в октябре 2006 г. была продемонстрирована модель лунохода MR-3, разрабатываемого Китайской академией космических технологий (China Academy of Space Technology, CAST) в кооперации с другими фирмами.

В апреле 2008 г. Шанхайское управление космической промышленности при участии Харбинского политехнического института, Шэньянского НИИ автоматики, Института оборонной науки и техники закончило разработку опытной модели лунохода MR-2, который может быть выбран для первого китайского запуска на Луну в 2013 г.

По заключению шанхайской комиссии по науке и технике, ключевые технологии аппарата соответствуют требованиям государственного стандарта. Основное внимание комиссии при проверке было уделено маневренности лунохода и работе сенсорных датчиков. Аппарат, еще не получивший официального названия, разрабатывался в Шанхайской академии космических технологий на протяжении последних трех лет. Прототип развивает скорость в среднем до 100 м/ч, весит 200 кг, высота его составляет 1,5 м. По словам экспертов, вездеход напоминает американский марсоход «Spirit», однако, в отличие от него китайский снабжен атомной энергетической установкой, которая, по мнению специалистов, гарантирует ему бесперебойное обеспечение энергией для передвижения по Луне. Кроме того, аппарат сможет передавать трехмерные изображения поверхности планеты, движущееся изображение в режиме реального времени, а также брать и анализировать пробы грунта. Исследователи отмечают, что вездеход в состоянии преодолевать неровности грунта, кроме того, датчики помогают аппарату избегать столкновения с препятствиями²⁶.

Китай планирует осуществить запуск на Луну своего лунохода для поиска полезных ископаемых на ее поверхности. Планируется, что этот аппарат будет запущен с космодрома Сичан (провинция Сычуань) и прилунится в Заливе Радуги. Кроме поиска полезных ископаемых, он займется также изучением особенностей рельефа Луны. Его работа рассчитана на три месяца²⁷.

В рамках второго этапа программы освоения Луны, который планируется завершить до 2017 г., ожидается запуск спутника "Чанъэ-4". Основной задачей аппарата будет отправка на Землю образцов лунных пород. Согласно имеющимся на данный момент техническим возможностям, аппарат сможет доставить порядка 2 кг образцов лунного грунта²⁸.

Что касается отправки пилотируемого корабля к Луне и высадки космонавтов на ее поверхность, то, по мнению специалистов, Китай сможет осуществить их не ранее 2025–2030 гг.²⁹

По заявлению бывшего директора НАСА Майкла Гриффина, Китай обладает всеми техническими возможностями, необходимыми для того, чтобы отправить своих космонавтов на Луну раньше, чем США. Кроме того, следует учитывать, что по итогам рассмотрения в Конгрессе США доклада Комитета по планированию пилотируемых полетов при правительстве США³⁰, опубликованного в сентябре 2009 г., в связи с неоправданно большими финансовыми затратами закрыта американская программа "Со-звездие" по освоению Луны с помощью новой ракеты-носителя "ARES V" и пилотируемого космического корабля "ORION". По мнению авторов исследования, в нынешней экономической ситуации проект "ARES V" не будет завершён до конца 2020-х гг., а денег на высадку на Луну и разработку систем изучения поверхности спутника Земли не будет до 2030-х гг. Кроме того, рекомендовано отказаться от прямой отправки астронавтов на Марс (программа "Mars Direct"), так как программа сложна технически и крайне дорога³¹.

Развитие системы ИСЗ

В ближайшее десятилетие (до 2015 г.) предполагается создать систему наблюдения за поверхностью Земли, рассчитанную на длительное и устойчивое функционирование. Система будет включать ИСЗ различного назначения и предназначена для объёмного наблюдения и динамического мониторинга суши, атмосферы и прилегающей к Китаю поверхности мирового океана, а также удалённых районов Земли. Одновременно будут предприняты усилия для дальнейшего развития спутниковых систем телевидения и радиовещания, а также создания автономной спутниковой системы навигации и определения местоположения объектов. В этой связи планируется создание серии исследовательских ИСЗ нового поколения, предназначенных для осуществления технологических экспериментов и научных исследований в области изучения гравитации, свойств материалов и жизни биоорганизмов в космосе, свойств космической среды, космической астрономии, а также — предварительного изучения космического пространства, прежде всего Луны.

В настоящее время китайские специалисты налаживают производство современных навигационных спутников, космических аппаратов дистанционного зондирования Земли, способных выполнять как гражданские, так и военные задачи, а также разрабатывают проекты космических систем, оснащённых РЛС с многоспектральной и синтезированной апертурой и гиперспектральными датчиками³².

В соответствии с программой широкого освоения космического пространства, до 2020 г. Китай намерен осуществить запуски около 30 спутников, в том числе некоторое их количество — на коммерческой основе. В более отдалённой перспективе Китай предполагает производить ежегодно более 6 спутников. Одновременно будут продолжаться закрытые разработки для нужд министерства обороны КНР, в частности, специальные космические программы, предусматривающие создание лазерного оружия, способного поражать космические объекты.

Создание системы ИСЗ различного назначения и соответствующее им наземное спутниковое оборудование намечается объединить в единую многофункциональную

космическую систему, предназначенную для длительного и устойчивого функционирования в соответствии с государственными планами КНР³³.

Создание космической навигационной системы

В 2006 г. КНР приступила к созданию экспериментальной космической навигационной системы "Бейдоу-1" (Beidou-1), аналогичной американской NAVSTAR (GPS), российской ГЛОНАСС и европейской "Галилео" (Galileo), с использованием российских технологических разработок, в т.ч. принципов построения системы и управления ею³⁴.

С 2007 г. Китай начал размещать на околоземной орбите спутники космической навигационной системы "Бейдоу-2". К 2012 г. услуги системы должны стать доступными во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе³⁵.

Региональная система будет охватывать Китай и соседние страны с использованием экспериментальных спутников "Бейдоу-1"³⁶.

К 2011 г. система "Бейдоу-2" будет насчитывать, по прогнозам, 12 спутников. Полное формирование системы должно завершиться в 2015–2020 гг., когда она будет насчитывать 30–35 спутников (в том числе: 24 — на средневысотной орбите (MEO), 3 — на геостационарной орбите (GEO) и 3 — на наклонной геостационарной орбите (IGSO) и оказывать услуги по определению местоположения и передаче коротких сообщений по всему миру³⁷.

Китайская навигационная система будет доступна не только правительственным службам, но также частным лицам и коммерческим организациям. Система будет предоставлять две навигационные услуги: "Открытая служба", предназначенная для обеспечения пользователей с точностью определения координат в пределах 10 м, скоростью 0,2 м/с и "Пользовательская служба" (в основном для государственных органов управления), которая будет предоставлять точность определения координат, скорость и время в соответствии с требованиями заказчика³⁸.

В мае 2009 г. China Aerospace Science & Industry Academy of Information Technology (CASIC-IT)³⁹ и американская компания Trimble⁴⁰ подписали соглашение о создании на территории Китая (г. Пекин) совместного предприятия (50% акций будет принадлежать компании Trimble, 50% — CASIC-IT), которое будет заниматься разработкой, производством и продажей в Китае систем и приемников сигналов Глобальной навигационной спутниковой системы (Global Navigation Satellite System, GNSS) гражданского назначения, основанной на работе китайской спутниковой системы "Бейдоу". СП начнет свою работу после получения соответствующих разрешений правительства КНР⁴¹.

* * *

Таким образом, Китай за относительно короткий промежуток времени достиг значительных успехов в исследовании космического пространства, освоив технологии создания ракет-носителей и спутников различных классов, орбитальных обитаемых космических аппаратов, выхода человека в открытый космос.

В настоящее время в области космических исследований в официальные планы КНР входит продолжение программы изучения Луны: запуск в 2012 г. на ее поверхность спускаемого аппарата с луноходом на борту, а в 2017 г. — возвращаемого зонда для сбора образцов лунного грунта. В 2024 г. Китай планирует осуществить высадку на Луне человека. Помимо этого, в планы КНР входит осуществление программы исследования Марса.

Планируется, что в ближайшие пять лет Китай осуществит запуск на околоземную орбиту около 100 спутников для создания систем связи и навигации, метеорологических наблюдений, обследования земной поверхности.

К 2020 г. китайские специалисты планируют вывести на околоземную орбиту космическую станцию для проведения достаточно масштабных прикладных экспериментов. При этом рассматривается возможность приобретения Китаем американского сегмента Международной космической станции (МКС), накопления опыта в строительстве крупных орбитальных объектов.

Таким образом, Китай становится одним из главных конкурентов России в осуществлении запусков пилотируемых космических аппаратов для обслуживания МКС и, в ближайшем будущем, с окончанием эксплуатации американских "шаттлов", может стать основным оператором по обслуживанию станции. В настоящее время ведутся работы по сертификации новой модификации космического корабля "Шэньчжоу", стыковочный узел которого будет выполнен по стандарту МКС.

1. Китай запустил пилотируемый космический корабль "Шэньчжоу-6" // АРМС-ТАСС. 2005. 12 окт.
2. Кошуров И. Дракон готовится к прыжку // Национальная оборона. 2009. № 12. — <http://www.oborona.ru/283/308/index.shtml?id=4380>.
3. Жэньминь жибао. 2007. 24 окт.
4. Синьхуа. 2006. 12 окт.; Жэньминь жибао. 2007. 26 февр.; "Жэньминь жибао" он-лайн. 2007. 24 окт.
5. Прокопенкова И.О. Ракетно-космическая деятельность в системе национальных приоритетов Китая, Индии и Японии // Политические, военные и экономические факторы обеспечения безопасности в современных условиях: Сб. докл. молодых ученых и аспирантов на конф. ИМЭМО РАН. 16 апреля 2009 г. М., 2009.
6. Там же.
7. China-U.S. dialogue on Space. Budget / World Security Institute. China Program.
8. Там же.
9. Новости космонавтики. Вып. № 827. — <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/z30.12.09.shtml>.
10. Кисляков А Россия — Китай: стратегическое партнерство в освоении космоса // ИнфоШОС.
11. Китай запустил пилотируемый космический корабль "Шэньчжоу-6" // АРМС-ТАСС. 2005. 12 окт.
12. <http://www.bbc.co.uk/news/science-environment-10762634>.
13. Военный паритет. 2009. 9 сент.
14. <http://www.bbc.co.uk/news/science-environment-10762634>.
15. Крылатая ракета массой 13 т сможет доставлять на солнечно-синхронную орбиту высотой 500 км полезную нагрузку массой 50 кг. Запуск ракеты с самолета "Хун-6" производится на высоте 11 тыс. м: включение первой ступени происходит через 5 секунд после запуска. Менее чем за 8 мин ракета достигает высоты 490 км. Первая ступень отделяется, включается вторая ступень, с помощью которой спутник выводится на окончательную орбитальную высоту.
16. Имеет длину 29,2 м, стартовую массу 103,2 т.
17. По материалам интернет-сайта The Military Power of China. — www.sinodefence.com.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Штыльвелд В. Китайское освоение космоса // Highway — Незалежна громадянська журналістика (highway.com.ua), 14 окт. 2005 г.
24. Новости космонавтики. Вып. № 827. — <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/z30.12.09.shtml>.
25. Павельцев П. Полетят ли китайцы на Луну? // Новости космонавтики, 2007. № 5 — www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/numbers/292/06.shtml.
26. Там же.
27. ИТАР-ТАСС. 2009. 27 нояб.
28. Павельцев П. Указ. соч.
29. ИТАР-ТАСС. 2009. 27 нояб.

30. Комитет по планированию пилотируемых полетов при правительстве США возглавляет бывший исполнительный директор компании Lockheed Martin Норман Огустин.
31. Summary Report of the Review of U.S. Human Space Flight Plans Committee. 2009. Sept. 8. — www.nasa.org.
32. О ходе модернизации оборонной промышленности и вооруженных сил Китая и их возможностях по ведению боевых действий в современный период. По материалам Доклада конгрессу США Американо-китайской комиссии по вопросам, экономики и безопасности) // Федеральное государственное унитарное предприятие — научно-технический центр оборонного комплекса "Компас". М., 2009.
33. Там же.
34. GPSClub.ru. 2009. 7 окт.
35. РИА: Горячая линия. 2010. 31 мая.
36. GPSClub.ru. 2009. 7 окт.
37. ИТАР-ТАСС. 2009. 3 июля.
38. GPSClub.ru. 2009. 7 окт.
39. China Aerospace Science and Industry Academy of Information Technology (CASIC-IT) основана в июле 2002 г. Сфера деятельности — разработка миниспутников, спутников связи, информационных технологий. Работает в тесном сотрудничестве с министерством науки и технологий, ГКРП, CNSA по проектам, связанным со спутниковой навигацией.
40. Компания Trimble (Саннивейль, Калифорния, США) основана в 1978 г., занимается разработкой технологий определения местоположения для строительства, сельского хозяйства, флота, общественной безопасности и картографии.
41. РИА: Горячая линия. 2010. 31 мая.

Перспективы Китая на рынке энергоресурсов

© 2010

И. Троекурова, К. Пелевина

В статье говорится, что с недавнего времени Китай вступил на путь диверсификации импорта нефти и газа для обеспечения перспектив новых и надежных источников поставок энергоресурсов. КНР заключает договоры о сотрудничестве в разработке или совместном владении нефтяными и газовыми месторождениями со странами, расположенными в различных частях мира. Рассматриваются проекты, связанные с поставками нефти и газа из России в Китай.

Ключевые слова: энергоресурсы, диверсификация, сотрудничество, проекты поставок нефти и газа

Нефть была, есть и в обозримом будущем останется важным источником первичной энергии, потребление которой неуклонно расширяется в связи с развитием мировой экономики.

Доказанные или разведанные извлекаемые запасы нефти на 2008 г. составляли 168.6 млрд т, то есть на 4.1 млрд т больше, чем в 2007 г., причем 102.9 млрд т (61,0%) сосредоточено в странах Ближнего и Среднего Востока. Неразведанные запасы, то есть перспективные и прогнозные ресурсы, специалистами оцениваются в 200–320 млрд т. Чтобы сохранить в XXI в. годовой уровень нефтедобычи хотя бы на уровне 2007 г. (в объеме 4,0 млрд т), надо наращивать ее разведанные извлекаемые запасы более чем на 200 млрд т¹.

Мировая добыча нефти неуклонно растет, среднегодовые темпы роста за период 1970–2008 гг. составили примерно 1,6%. Около 40% всемирной добычи и почти 50% экспорта нефти приходится на страны ОПЕК. Сейчас лидерами в ее экспорте нефти являются Саудовская Аравия и Россия (32%). В условиях экономического роста азиатских стран, быстрого увеличения их населения и высокой энергоемкости национальных экономик резко возросла их потребность в энергоресурсах. Одновременно там увеличивается разрыв между растущим потреблением и снижающимся производством углеводородов.

Троекурова Ирина Степановна, доктор экономических наук, зав. кафедрой мировой экономики и таможенного менеджмента Саратовского государственного социально-экономического университета. Email: troekurovais@mail.ru

Пелевина Ксения Александровна, аспирант кафедры мировой экономики и таможенного менеджмента Саратовского государственного социально-экономического университета. Email: kseniapellevina@yandex.ru

Главная причина возникновения серьезных сдвигов в мировых потоках нефти видится в том, что основной прирост добычи — в странах Африки и России, а основное увеличение спроса ожидается со стороны стран Азии, особенно Китая.

Международное энергетическое агентство значительно повысило прогнозные показатели роста мирового спроса на энергоносители до 2030 г., указав, что это увеличение почти полностью вызвано спросом со стороны Китая². От того, удастся ли ему гарантировать себе источники нефти и газа, зависит будущее КНР как мировой супердержавы.

Потребление нефти в КНР за последние 40 лет возросло более чем в 25 раз. С 1991 г. КНР увеличила свою долю в мировом энергобалансе с 9 до 16%, вплотную приблизившись к Европе (18%) и крупнейшему потребителю — США (21%).

К 2018 г. Китай догонит США по потреблению нефти (превысит 20 млн баррелей в сутки), к 2025 г. ему нужно будет нефти вдвое больше (примерно 40 млн баррелей в сутки), а в 2030 г. его суточный спрос превысит 50 млн баррелей.

Потребление нефти в КНР за последние 5 лет росло в среднем на 4,9% в год, но в декабре 2009 г. было зафиксировано рекордное увеличение — на 7,3%³.

Производство нефти сосредоточено на месторождениях в семи районах страны, расположенных далеко друг от друга. Значительная часть запасов уже исчерпана, добыча растет минимально — в 2012 г. достигнет, как ожидается, 3,9 млн баррелей в день, а затем к 2030 г. постепенно сократится до 2,7 млн баррелей в день.

В последние годы в Китае открыт ряд крупных месторождений углеводородов: Ордосский, Таримский, Сычуаньский бассейны. В мае 2007 г. на мелководье залива Бохай (Желтое море) специалисты госкомпании PetroChina обнаружили еще одно нефтегазовое месторождение — Цзидун Наньпу, которое стало самым большим из разведанных за последние десятилетия — около 3 млрд баррелей доказанных запасов нефти. Впрочем, данные открытия едва ли помогут изменить ситуацию в нефтяном комплексе Китая, добыча отстает от спроса. Правительство Китая намерено активизировать разведку и разработку нефтяных и газовых запасов на территориях и шельфе Китая, рассчитывая в 2010 г. увеличить там добычу на 3%.

Увеличение объемов использования Китаем нефти и газа происходит в результате преимущественно экстенсивного экономического роста, развития систем и средств транспорта⁴. Китай ожидает, что в предстоящие 25 лет его автопарк возрастет с нынешних примерно 25 млн машин до более, чем 125 млн.

До 1993 г. Китай производил нефти больше, чем потреблял. Сейчас он — ее крупнейший (после США) импортер с устойчивой тенденцией увеличения поставок извне. Примерно половина потребностей КНР в нефти покрывается импортом, который в 2008 г. достиг 200 млн т (при собственной добыче 190 млн т).

По данным Китайского центра по изучению энергетической экономики и стратегии ее развития, к 2015 г. спрос на нефть составит около 520 млн т, к 2020 г. — 600 млн т. При этом собственная добыча в 2020 г. ожидается на уровне 200–220 млн т, т.е. зависимость от импорта нефти достигнет 67%⁵.

Более половины китайского импорта сейчас приходится на страны Ближнего Востока (только на Саудовскую Аравию — 19%). Ситуация в этом регионе считается политически нестабильной, что подталкивает Китай к поиску альтернатив. Договоры о сотрудничестве в разработке и совместном владении нефтяными месторождениями заключаются на всех континентах силами крупнейших китайских госкорпораций — КНКК (CNPC, или China National Petroleum Corporation), КНОНК (CNOOC, или China National Offshore Oil Corporation) и Синопек (China Petroleum & Chemical Corporation). Как правило, они обеспечивают себе весомую долю от ежегодной добычи на соответствующем месторождении, тем самым страхуясь от резких колебаний цен на мировом рынке.

Сегодня на Африку приходится 25–28% всего объема импорта нефти в Китай. К 2045 г. предполагается увеличить этот показатель до 45%.

Благодаря льготным кредитам, оказанию технической помощи и списаниям задолженностей Китай обеспечил себе доминирующие позиции в Анголе, которая при добыче 500 тыс. баррелей в сутки стала для него ведущим поставщиком нефти. В Анголе китайские компании прокладывают автомобильные и железные дороги, модернизируют порты, создают школы и больницы, жилье и производственные мощности.

В 2006 г. был подписан ряд соглашений, в том числе о долгосрочном сотрудничестве в добыче углеводородов и их поставках в КНР. Особенно здесь активна Синопек: она заключила с государственной нефтяной компанией «Сонангол» договор о совместном проведении поисково-оценочных работ в зоне Блока 3, а также о строительстве нового ангольского НПЗ, вложив 3,5 млрд долл. В 2007 г. Синопек приступила там к разработке нефтяных месторождений в рамках проекта Блок-18. Китайско-ангольское СП с участием Синопек приобрело доли в проектах разработки трех ангольских шельфовых месторождений с запасами в 3,2 млрд баррелей. Общая сумма сделки составила 692 млн долл. Новые участки позволят этому СП увеличить добычу примерно на 100 тыс. баррелей в сутки⁶.

Весьма значимым источником нефти стал для КНР Судан. Только за 2006 г. геологи КННК (крупнейшего из иностранных инвесторов в эту африканскую страну) открыли 11 месторождений нефти, прирастив ее запасы на 200 млн баррелей. Тогда же китайские специалисты завершили вторую стадию проекта расширения Хартумского НПЗ, что позволило увеличить его перерабатывающие мощности до 5 млн т нефти в год. Китай и суданское правительство владеют по 50% акций Хартумского НПЗ (при производственной мощности 100 тыс. баррелей в сутки)⁷.

КННК построила нефтепровод от своих концессионных блоков 1, 2 и 4 в южном Судане к новому терминалу в Порт-Судан на Красном море, где нефть грузится на танкеры. В 2006 г. вступил в эксплуатацию экспортный нефтепровод протяженностью 1370 км. КННК — активнейший инвестор суданских месторождений:

– На основном суданском месторождении нефти Маглэнд доля Китая — 40% (при нефтедобыче — 200 тыс. баррелей в сутки);

– На 6-м блоке в Дарфуре доля Китая — 95% (при добыче 42 тыс. баррелей в сутки);

– На месторождении Мелут доля Китая — 47% (нефтедобыча — 210 тыс. баррелей в сутки)⁸.

Активна КНР и в других странах Африки.

В 2004 г. был подписан контракт между французско-габонской компанией Тотал Габон и китайской Унитек (часть компании Синопек) на добычу, очистку и экспорт в КНР габонской нефти.

В апреле 2006 г. КНОНК приобрела 45% акций огромного оффшорного нефтяного месторождения Акпо на глубоководном шельфе Нигерии, в которой до этого доминировали концерны из Европы и США. По условиям сделки КНОНК заплатила 2,27 млрд долл. за право пользования месторождением и еще 424 млн долл. — на покрытие финансовых, операционных и капитальных издержек. Начать промышленную добычу предполагалось в 2010 г.⁹

В 2006 г. КННК выиграла тендер на разведку нефти на четырех месторождениях в бассейне озера Чад (северо-восток Нигерии). Китай также инвестировал 4 млрд долл. в нефтеперерабатывающий завод в городе Кадуна на севере Нигерии в обмен на освоение нефтяных месторождений создаваемой китайско-нигерийской компанией.

Китайская компания «Великая стена» (Great Wall Well Drilling Co) приступила к бурению первой скважины на участке № 20, расположенной на границе Мавритании и Сенегала. По прогнозам специалистов, оно будет завершено на глубине 3,8 км.

В 2006 г. было подписано соглашение, позволяющее компании КНОНК эксплуатировать 6 нефтяных блоков площадью 44,5 тыс. кв. миль на юге Кении.

Синопек заключила контракты на освоение нефтяного месторождения в пустыне Сахара в Алжире и на добычу нефти в Кот д'Ивуаре. Смешанная компания, в которой по 50% акций принадлежат Синопек и канадской компании Енсана, действует в Чаде, который надеется получить взамен техническую помощь, инвестиции и кредиты по аналогии с Анголой и Нигерией и ослабить зависимость от Всемирного банка, финансирующего нефтепровод Чад—Камерун (Китай выражает готовность построить нефтепровод за 900 млн долл., тогда как смета Всемирного Банка предусматривает затраты в 3,5 млрд долл.). В Чаде КНР строит первое в стране нефтеперерабатывающее предприятие.

Энергично осваивает африканские рынки китайский нефтяной гигант Петро-Чайна. Эта компания подписала контракт на совместную с алжирской компанией эксплуатацию нефтяного месторождения и строительство нефтеперерабатывающего завода в Алжире, а также соглашение о поставках нефти с Нигерийской национальной нефтяной корпорацией. Китайские нефтяные компании подписали также контракты на эксплуатацию оффшорных месторождений и добычу нефти с Республикой Конго, начали добычу нефти в северной Намибии и разработку нефтяных скважин в Эфиопии. Китайские компании готовятся приступить и к разработкам месторождений в Ливии.

В условиях сегодняшнего размаха сотрудничества Китая со странами Африки в 2010 г. взаимная торговля составит 100 млрд долл.

Все более активен Китай на Ближнем Востоке.

В августе 2009 г. КНОНК подписала с Катарской нефтяной корпорацией соглашение о сотрудничестве по освоению нефтяных ресурсов в восточной акватории Катара и о разделе этих ресурсов. В соответствии с соглашением китайская компания будет заниматься разведкой в акватории площадью 5649 кв. км. Срок действия соглашения — 25 лет, сумма: 100 млн долл.

Двумя месяцами ранее КННК выиграла тендер на разработку иракского нефтяного месторождения Румайла с запасами нефти 2260 млн т. и добычей 2,85 млн баррелей в сутки. Эта компания уже ведет разведку нефти на блоке Ахдаб на севере Ирака¹⁰.

Согласно китайско-иранскому соглашению, подписанному в январе 2009 г., КННК получила права на освоение иранского нефтяного месторождения «Северный Азадеган», запасы которого оцениваются в 1 млрд т (ежедневный объем извлекаемой нефти может составить от 75 до 150 тыс. баррелей в день). Сумма сделки составила 1,76 млрд долл.

Значимыми экспортёрами нефти в Китай постепенно становятся и страны Латинской Америки. Так, Венесуэла является четвертым поставщиком этого вида топлива в Китай: в 2010 г. — 1 млн баррелей в сутки. Кроме того, заключены соглашения, в соответствии с которыми китайская сторона намерена до 2012 г. инвестировать 5 млрд долл. в ТЭК Венесуэлы.

КННК и Синопек получили права на разведку и добычу нефти и газа в бассейне реки Ориноко и на шельфе Карибского моря, где будут работать совместно с венесуэльской государственной компанией Петролеос де Венесуэла СА. Подписаны также контракты о постройке на китайских судовых верфях 18 нефтяных танкеров для увеличения поставок нефти в Китай и 12 буровых платформ. Еще 12 платформ будут собраны уже в Венесуэле на совместном с китайскими компаниями предприятии.

Однако наиболее перспективным для Китая партнером в энергетической сфере становится Бразилия. С октября 2008 г. бразильский нефтегазовый концерн Петробраз начал добычу нефти на двух новых месторождениях в Атлантическом океане — в бассейнах Сантос и Камаму-Алмада. Им запланировано вложить в период 2007–2011 гг. в добычу и разработку нефти внутри страны около 40,7 млрд долл. К 2011 г. Петробраз намерен увеличить производство нефти до 2,37 млн баррелей в сутки.

Таким образом, Бразилия может выйти по нефтедобыче в мировые лидеры. Для реализации этого грандиозного плана Петробразу нужны партнеры. Китай и Бразилия подписали меморандум о привлечении кредита в размере 10 млрд долл., который Банк развития Китая предоставит компании Петробраз для освоения морских месторождений¹¹. Одновременно Синопек и Петробраз подписали соглашение, гарантирующее поставки в Китай до 100 тыс. баррелей нефти в сутки. Поставлена цель довести годовой объем торговли нефтью с 3 млн т в 2008 г. до 10–12,5 млн т к концу 2010 г. и до 30 млн т в перспективе.

Достигнутые в бразильской столице соглашения вписываются в сырьевую стратегию КНР — обеспечение крупных сырьевых контрактов в обмен на финансовую помощь.

В 2006 г. Синопек договорилась с индийской компанией ОВЛ о совместной покупке доли Омимекс де Коломбиа, получив по 25% акций (у колумбийской Экопетрол осталось 50%). КНР вложила 850 млн долл. в это совместное предприятие. Омимекс де Коломбиа производит около 20 тыс. баррелей нефти в день, запасы месторождения оцениваются в 3 млрд баррелей, доказанные резервы — 157 млн баррелей.

В Боливии КННК совместно с тамошней компанией создала СП по разработке боливийских месторождений, вложив в проект 1,5 млрд долл.

Китай намерен также наладить поставки нефти из Эквадора — 96 тыс. баррелей в сутки в течение двух лет. Петрочайна договорилась с властями о предоплате в размере 1 млрд долл. по фьючерсному контракту.

Как наиболее перспективное направление деятельности в области энергетики, КНР рассматривает сотрудничество с Россией и государствами Центральной Азии. КННК и Синопек проявляют наибольший интерес к поставкам нефти из Казахстана. В конце 2006 г. был открыт новый этап во взаимодействии двух государств в этой сфере: Китайская государственная инвестиционная трасовая корпорация (СИТИК) достигла соглашения с канадской фирмой Нэшн Энерджи о покупке за 1,9 млрд долл. ее основного актива на территории Казахстана — 96,4% компании «Каражанбас-мунай». Кроме того, КННК приобрела за 4,2 млрд долл. компанию «ПетроКазахстан» с доказанными запасами нефти 535 млн баррелей.

Нефть с месторождений Центрального Казахстана поставляется в Китай по нефтепроводу Атасу—Алашанькоу. Также возможны поставки нефти из западных регионов Казахстана, для чего в Атасу построена сливная эстакада для приема нефти с железнодорожных цистерн и дальнейшей ее перевалки в указанный трубопровод. Данный проект реализован ТОО «Казахстанско-Китайский Трубопровод» — совместным предприятием, созданным на паритетной основе (с долями участия по 50%) АО «КазТрансОйл» и одним из дочерних предприятий КННК. К 2011 г. данная магистраль будет продлена до Душаньцзы и дополнится газовой веткой.

КННК также проявляет активность на рынке нефтяного оборудования. Так в Актюбинской области открылось специализированное казахстанско-китайское предприятие «Актобемунаймашкомплект» по ремонту и производству техники для нефтедобычи.

Для поставок российской нефти в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) большое значение будет иметь строящийся в настоящее время магистральный нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО) с отводом на Китай. Берущий начало в г. Тайшет (Иркутская область), он тянется до Сковородино (Амурская область) и далее до бухты Козьмино (Приморский край). От Сковородино прокладывается ответвление до перерабатывающих предприятий Дацина (провинция Хэйлуцзян) (пока нефть поставляется по железной дороге), а для АТР — по маршруту Сковородино—Козьмино — 50 млн т.

В 2009 г. прошли китайско-российские переговоры по крупным нефтяным проектам: КННК подписали ряд соглашений с «Транснефтью» и «Роснефтью»:

– о прокладке нефтепровода Сковородино — российско-китайская граница (67 км) далее через приграничный китайский город Мохэ) — на Дацин (около 960 км), ожидается, что поставки нефти российскими компаниями начнутся в январе 2011 г.,

– о предоставлении кредитов российской стороне на сумму 25 млрд долл. под 5% годовых (15 млрд — «Роснефти», 10 млрд — «Транснефти»),

– об объемах долгосрочных поставок нефти в Китай¹².

По расчетам Транснефти, выход системы ВСТО на полную проектную мощность будет происходить последовательно: в период 2010–2012 гг. — до 30 млн т, к 2016 г. — до 50 млн т, к 2025 г. — до 80 млн т нефти в год с последующим поддержанием объемов на этом уровне¹³.

Для организации крупных поставок нефти из России в Китай должны быть построены подводящие нефтепроводы от месторождений Талакан-Верхнечонской зоны нефтегазонакопления до нефтепровода ВСТО, а также подключения Юрубчено-Тохомская зона нефтегазонакопления — Пойма. В результате будет сформирован новый канал для поставок в восточном направлении как западносибирской, так и восточносибирской нефти.

«Роснефть» рассматривает возможность строительства нового НПЗ мощностью 20 млн т нефти в год в конечной точке нефтепровода ВСТО на расстоянии 3–4 км от будущего порта отгрузки в районе бухты Козьмино.

Синнепек, получив от «Роснефти» предложение построить этот НПЗ совместными усилиями с перспективой поставки нефтепродуктов в КНР, решила направить в РФ рабочую группу для оценки проекта.

«Роснефть» заключила соглашение с КННК о строительстве НПЗ на территории Китая в Тяньцзине. Работы, как ожидается, будут начаты в 2010 г., общая стоимость проекта может достигнуть 3 млрд долл. Соглашение также предполагает строительство от 300 до 500 АЗС на территории Китая¹⁴.

У «Роснефти» сложились особые отношения с Китаем, учитывая еще и тот факт, что китайские банки предоставили ей 6 млрд долл. для финансирования покупки «Юганскнефтегаза». Долг будет возвращен за счет будущих поставок нефти в Китай — «Роснефть» обязалась экспортировать туда 48,8 млн т нефти до 2010 г.

Китайские компании объединились с игроком «№ 1» в нефтяной промышленности России и теперь получили хороший шанс участвовать вместе с «Роснефтью» в аукционах на востоке страны. Китайские компании еще больше укрепили связи с «Роснефтью», став ее акционерами: КННК купила ее акций на 500 млн долл.¹⁵

Экспорт сырой нефти с Сахалина и его шельфа осуществляется в основном через порты Хабаровского и Приморского краев (Де Кастрин, Находка), а также с производственно-добывающего комплекса «Витязь» в Охотском море.

Для экспорта нефти в западные районы Китая (СУАР) необходимо провести реконструкцию с увеличением пропускной способности нефтепровода Омск — Павлодар — Атасу. В настоящее время завершено строительство нефтепровода от Атасу в Казахстане до Алашанькоу в Китае протяженностью 980 км и начальной ежегодной пропускной способностью 10 млн т. Нефтепровод будет продлен до НПЗ Синьцзян-Уйгурского автономного района и во внутренние провинции КНР, а его мощность может быть увеличена до 30 млн т.

Газификация также относится к приоритетам экономической политики КНР. В соответствии с «Планом развития энергетической отрасли на период до 2010 г.» объемы извлечения газа на территории КНР должны достигнуть 92 млрд м³. Только за последние шесть лет добыча газа в Китае возросла более чем удвоилась — с 27,2 до 57 млрд куб. м¹⁶ В результате интенсификации геолого-разведочных работ сделан ряд открытий средних и мелких месторождений в Тариме, Ордосе, Сычуани и т.д. В 2007 г. КННК обнаружила газовое месторождение Лунган в Северо-Восточной впадине Сы-

чуаньского бассейна с запасами не менее 1 трлн м³ на глубине свыше 6,5 км. Перспективы открытия новых запасов также будут связаны со сверхбольшими глубинами. Это очень дорогой и тяжело извлекаемый газ, экономическая целесообразность добычи которого сомнительна.

В 2008 г. рост добычи газа составил 17,2%, а потребления — на 21,6%. К 2010 г. оно составит не менее 100 млрд м³, а к 2020 г. увеличится до 250 млрд м³. Таким образом, к 2030 г. Китай будет потреблять природного газа вдвое больше Японии и вчетверо больше Республики Корея. При этом объем производства газа в Китае должен составить 80 млрд м³.¹⁷ Из этого следует, что рост спроса на газ за счет внутренних месторождений удовлетворить в ближайшие годы будет невозможно, его импорт с 2020 по 2030 гг. может удвоиться (до 160 млрд куб. м). При этом разрыв между добычей и потреблением будет расти еще стремительней.

Китай заключил несколько долгосрочных соглашений с Ираном и Туркменистаном. Согласно предварительным договоренностям руководства Ирана и Китая, Синопек обязуется в течение 25 лет ежегодно закупать 10 млн т иранского сжиженного газа (СПГ), а также построить в Иране завод по его производству. В свою очередь, Иран гарантирует в течение 30 лет поставлять в Китай 150 тыс. баррелей нефти в день с одного из своих крупнейших месторождений «Ядавран». Общая сумма контракта, по разным данным, может составить от 70 до 100 млрд долл. КНОНК предложила инвестировать более 15 млрд долл. в разработку газового месторождения Парс.

В июле 2007 г. КННК подписала контракт с Туркменистаном на закупку 30 млрд м³ газа в год на протяжении 30 лет, начиная с 2009 г.¹⁸ Позже этот показатель был пересмотрен в сторону увеличения еще на 10 млрд м³ газа. В августе 2007 г. были утверждены маршрут и технические параметры второй ветки газопровода Запад-Восток на территории Китая. Особенность данного проекта состоит в том, что в его реализации принимает непосредственное участие КННК, полностью взявшая на себя финансирование строительства газопровода от месторождения Багтиярлык до потребителей. Поставки начались после сдачи в эксплуатацию этого газопровода в конце 2009 г. В кратчайшие сроки было проложено 7 тыс. км трубопроводной магистрали. Общая ее протяженность по территории Туркменистана составляет 184,5 км, Узбекистана — 490 км, Казахстана — более 1300 км, Китая — 4500 км. Сооружение энергетической магистрали требовало применения самых высоких технологий и смелых инженерных решений. При строительстве перехода под руслом реки Амударья впервые в мировой практике были проведены сложнейшие работы по подземному «протаскиванию» трубы диаметром 1420 мм и протяженностью 1740 м.

Специфика рынка газа Китая заключается в доминировании поставок СПГ (табл. 1). Так, в 2004 г. он заключил с Австралией 25-летнее соглашение на поставку 3,7 млн т СПГ на первый в КНР регазификационный завод в провинции Гуандун (на общую сумму 18,3 млрд долл.). Первый газовоз отправился в КНР в июле 2006 г. Китайское правительство уже выдало разрешения еще на 9 проектов установок по регазификации.

Основные поставщики СПГ на рынок Китая: Индонезия, Малайзия, Австралия, Мьянма, Оман, Катар, ОАЭ, а также Алжир, Египет, Нигерия¹⁹. Так, с Индонезией подписан контракт о ежегодных поставках 2,6 млн т СПГ в течение 25 лет. Подписано и долгосрочное соглашение с Малайзией, по которому ежегодные поставки СПГ составляют 3 млн т. Однако сомнительно, что к 2011 г. Китай сумеет найти на нем требуемые свободные мощности более 10–15 млрд м³. Тем более, что на него давно уже вышли Япония и РК, а возможности роста производства газа в Индонезии и Малайзии практически исчерпаны.

Ведутся переговоры о строительстве магистральных газопроводов из России и Центральной Азии. Сооружение магистральных газопроводов из Центральной Азии рас-

считается КНР как аргумент в переговорах с Россией относительно условий поставок газа из Западной и Восточной Сибири.

Таблица 1

Терминалы по приему и регазификации СПГ в Китае*

Терминал	Компании	Объем импорта	Источник импорта	Срок ввода в эксплуатацию
Гуандунский	КНОНК (33%), БП (30%), газовые комп провинции Гуандун (31%), Hong Kong & China Gas (3%), Hong Kong Light & Power (3%)	1-я очер. — 3,85 млн т, 2-я очер. — 2,5 млн т	Австралия	1-я очер. — 2006 г., 2-я очер. — 2010 г.
Фуцзяньский	КНОНК (60%)	2,6 млн т	Индонезия	2009 г.
Шанхайский	КНОНК, Синопек	3 млн т	Австралия, Индонезия	2009–2010 гг.
Чжэцзянский	КНОНК (51%), Zhejiang Energy Group (49%)	3 млн т	Австралия	2010 г.
Шаньдунский (г. Циндао)	Синопек	3 млн т	Иран, Йемен	после 2010 г.
Тяньцзиньский	КНОНК			после 2010 г.
Даляньский	КНОНК, Синопек			после 2010 г.
2-й Гуандунский	КНОНК			после 2010 г.
Гуанси-Чжуанский (г. Бэхай)				после 2010 г.
Цзянсу (г. Яньчэн)				после 2010 г.

См.: Коржубаев А.Г. Нефтегазовый комплекс России: перспективы сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Навстречу саммиту АТЭС во Владивостоке. Новосибирск, 2009. С. 102.

В складывающейся ситуации Россия, располагающая самыми крупными в мире запасами газа (более 47 млрд м³) и, будучи соседом и важным торгово-экономическим партнером КНР, должна предпринять ряд мер по экономически обоснованному вхождению на китайский рынок и недопущению ценовой конкуренции с другими экспортерами. Для этого необходимо обеспечить увеличение поставок из Туркменистана, Казахстана и Узбекистана на атлантическом направлении через территорию России, что предполагает развитие транспортной инфраструктуры (строительство Прикаспийского газопровода, реконструкция магистралей Средняя Азия—Центр и Бухара—Урал), расширение участия российских компаний в проектах на территории Центральной Азии.

Фактор, сдерживающий расширение экспорта энергоносителей в Китай: отсутствие эффективной системы транспортировки (прежде всего, магистральных трубопроводов).

Россия располагает развитой сетью нефте- и газопроводов в Западной Сибири и европейской части, однако на востоке страны в настоящее время система магистральных нефтепроводов АК «Транснефть» заканчивается в районе Ангарска, Единая система газоснабжения ОАО «Газпром» — в районе Проскоково (Кемеровская область). Для организации крупных поставок газа на экспорт необходимы создание сверхдальнего трубо-

проводного транспорта, строительство заводов по переработке и сжижению природного газа, формирование инфраструктуры для отгрузки СПГ и конденсата в портах Хабаровского, Приморского краев и Сахалинской области.

На первом этапе не интегрированные в восточносибирскую систему нефтегазообеспечения проекты поставок газа с месторождений шельфа острова Сахалин должны обеспечивать газификацию Сахалинской области и Хабаровского края, загрузку Комсомольского и Хабаровского НПЗ, экспортные поставки в АТР — в частности, в Китай.

При выборе трасс трубопроводов приоритет будет отдан российским экономическим и геополитическим интересам, и в первую очередь построен газопровод из Восточной Сибири к Единой системе газоснабжения (ЕСГ). В дальнейшем, по мере трансформации, возможно строительство трубопровода в Китай. Причем цены поставок должны находиться в диапазоне между ценой европейского рынка сетевого газа и стоимостью СПГ в АТР.

Что касается конкретных проектов, значимо строительство следующих газопроводов: Ковыктинское месторождение — Саянск — Ангарск, Иркутск — Улан-Уде — Чита, Чаяндинское месторождение — Ковыктинское месторождение, Ковыктинское месторождение — Иркутск — Проскоково. Для экспорта в восточном направлении на первом этапе возможно использование БАМа и Транссиба, что предполагает строительство заводов по сжижению природного и углеводородных газов и железнодорожных терминалов по отгрузке СПГ и СУГ в Усть-Куте и Ангарске.

После 2010 г., по мере наращивания объемов добычи газа в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) и развития инфраструктуры газообеспечения в Восточной Азии, должно быть принято окончательное решение о строительстве экспортных газопроводов. Здесь экономически наиболее эффективным представляется маршрут Чита — Забайкальск — Харбин — Далянь — Пекин, Пьентек — Сеул: Чита — Сковородино — Хабаровск — Владивосток — Находка (с газопроводом-отводом на Китай в районе Дальнереченска и терминалом СПГ в Находке).

Возможна также прокладка газопровода от Чаяндинского месторождения на Дальний Восток в едином коридоре с ВСТО, что позволит получить дополнительные экономические и технологические преимущества. Газ на завод СПГ на Сахалине уже поставляется в рамках проекта «Сахалин-2» с возможным подключением газа с месторождений, предполагаемых к открытию при реализации проектов «Сахалин-3–9»²⁰.

Наиболее подготовлены и оценены локализованные ресурсы газа в рамках проекта «Сахалин-3», в который входят четыре блока месторождений: Киринский, Венинский, Айяшский и Восточно-Одоптинский. Общий прогнозируемый объем углеводородных ресурсов — 700 млн т нефти и 1,7 трлн м³ газа. Согласно плану, начало реализации этого проекта намечено на 2015–2016 гг.

В 2005 г. «Роснефть» подписала ряд документов с компанией Синопек о совместной разведке и разработке Венинского месторождения в рамках проекта «Сахалин-3» (прогнозные ресурсы этого блока: 114 млн т нефти и 315 млрд куб. м газа). Участок площадью 5,3 тыс. кв. км расположен на шельфе Сахалина в Охотском море. Глубина моря там варьируется от 25 до 150 м. Доли участников проекта: Роснефть — 74,9%, Синопек — 25,1%. Последний обязался взять на себя часть расходов «Роснефти» на геологоразведку и также определенный объем финансирования на стадии разработки. Стороны зарегистрировали компанию «Вениннефть», которая будет оператором проекта²¹.

В настоящее время на Дальнем Востоке действуют: газопровод Северный Сахалин — Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск; Северный Сахалин — Комсомольск-на-Амуре и Северный Сахалин — порт Де Кастри.

Еще один важный проект по выходу России на энергетический рынок КНР — газопровод «Алтай», предусматривающий крупномасштабные поставки западносибирского газа в западные районы Китая. Это предполагает прокладку магистрали в транс-

портном коридоре: ЯНАО (КС, Пурлейская) — Сургут—Кузбасс—Алтай с последующим продолжением в КНР через перевал Капас и подключением к транскитайским газопроводам Запад—Восток, Запад—Восток-2 и Запад—Юг. Поставки трубопроводного газа в Синьцзян-Уйгурский автономный район могли бы осуществляться (в зависимости от сроков решения вопроса о ценах и гарантиях закупок) начиная с 2012–2013 гг. Планируемый объем экспорта 30 млрд куб. м, протяженность трубопровода с КНР составляет около 2670 км, диаметр трубы — 1420 мм²². По итогам визита в Китай премьер-министра РФ В.В. Путина в октябре 2009 г. разработана «дорожная карта»: предусматриваются поставки газа через Алтай и Дальний Восток. По первому маршруту предполагается осуществлять поставки до 2015 г., по второму — после 2015 г.

Большие перспективы сулят разведка и последующее освоение углеводородного сырья в Примагаданском шельфе Охотского моря с прогнозными ресурсами около 2,5 млрд т углеводородного топлива (1,3 млрд т нефти и 1,2 млрд куб. м газа). На этой акватории выделяются четыре укрупненных участка, каждый из которых разбит на несколько блоков. Проект «Магадан-1» включает три блока с ресурсами газа 0,7 трлн куб. м. Извлекаемые ресурсы трех блоков участка «Магадан-2» оцениваются в 927 млн т условного топлива, в которых преобладает газ. Примерно так же оценивается участок «Магадан-3», а по проекту «Магадан-4» начальные геологические ресурсы определяются в 1 млрд т условного топлива.

Еще в 2005 г «Роснефть» и китайская Синопек договорились о совместном проведении геологоразведки, а также о разработке месторождений нефти и газа, лицензии на которые получила «Роснефть» или они могут быть получены обеими компаниями. Среди «объектов совместного изучения» перечислены и месторождения нераспределенного фонда полуострова Магадан. Привлечение китайских партнеров «Роснефтью» возможно, но только при сохранении контроля в проекте за российской компанией. Китайские компании соглашались на это, если условия будут прозрачными. По данным экспертов, освоение запасов нефти и газа Магаданского шельфа могло бы стать одной из точек роста, послужить укреплению экспортного потенциала области, тем более что она имеет определенное преимущество — к ней примыкают рынки АТР, в частности, Китая.

Имеющаяся ресурсная база — надежная основа для реализации всех, даже смелых и масштабных проектов. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке ждут освоения такие крупнейшие месторождения нефти, как Ванкорское, Юрубчено-Тохомское, Кююмбинское, Верхнечонское, Талаканское. Огромные перспективы открывает выход на запланированную мощность проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Запасы природного газа здесь также велики.

После создания экспортной инфраструктуры от 11,6% до 26% нефти можно будет отправлять на Восток трубопроводным транспортом. Объем поставок нефти в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в случае успешной реализации намеченных планов может достичь 80 млн т в год, а общая доля государств региона (прежде всего Китая) в получении российской нефти может вырасти с 3% в настоящее время до 30% в 2020 г. Реализация разработанной в России Восточной газовой программы может обеспечить в 2030 г. экспорт 37 млрд м³ газа в Китай.²³

Нельзя не учитывать, что европейский рынок — даже при его снижающейся привлекательности — еще надолго останется основным для российских экспортеров энергоресурсов. Но в любом случае уже сегодня для них есть не только Запад, но и Восток. Доказательством этого явились переговоры В.В. Путина с премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао в октябре 2009 г., по итогам которых подписано более 20 документов как межправительственного характера, так и между различными экономическими структурами обеих стран. У России за последние годы сформировалось стратегическое энергетическое партнерство с Китаем.

1. Мамедов Ю. Нефть XXI века. — <http://www.kaspiy.az/articles.php>.
2. Конторович А., Коржубаев А., Эдер Л. Покорение Азии // Нефть России. 2008. № 1. С. 2.
3. Вествуд Дж. В условиях идеального шторма // Нефть России. 2010. № 3. С. 54.
4. В 2009 г. в КНР было продано 13,6 млн машин, тогда как в США — 10 млн (Нефть России. 2010. № 3. С. 54).
5. Китайский паук // Нефть и капитал. 2009. № 11. С. 53.
6. Галаджий И. Энергетический спрут // Нефть России. 2007. № 9. С. 107.
7. Там же. С. 109.
8. Рачко Э. Отличник с берегов Янцзы // Нефть России. 2007. № 10. С. 97.
9. Там же.
10. Нефтяное дно // Нефть и капитал. 2009. № 7–8. С. 60–61.
11. Тамберг Р. Друзья за горизонтом: Китай и Латинская Америка — <http://www.fondsk.ru>.
12. Будущий взаимный выигрыш Китая и России // Китай. 2009. № 3. С. 40–41.
13. ФСТ представила в правительство РФ оценку тарифов на прокачку нефти по ВСТО // Служба новостей «Нефтегазовой вертикали»
14. Пусенкова Н. Восток есть Восток: новая нефтегазовая провинция России // Рабочие материалы. 2007. № 4. С. 45.
15. Пусенкова Н. От Рейна и Дуная — к Янцзы и Гангу // Нефть России. 2008. № 1. С. 93.
16. Конторович А., Коржубаев А., Эдер Л. Указ. соч. С. 14.
17. Ганаджий И. Энергетический спрут // Нефть России. 2007. № 8. С. 105.
18. Миннулин Я. Чья труба пойдет на Восток // Нефть России. 2008. № 3. С. 109.
19. Коржубаев А. Пригладиваясь к новым рынкам // Нефть России. 2009. № 5. С. 8.
20. Пусенкова Н. Восток есть Восток: новая нефтегазовая провинция России // Рабочие материалы. 2007. № 4. С. 56.
21. Терещенко В. Госкомпании идут на Восток // Нефть России. 2007. № 12. С. 40.
22. Коржубаев А., Суслов В. Вопреки кризису // Нефть России. 2009. № 4. С. 38.
23. Маскаев И. Восточный маршрут российских энергоресурсов // Азия и Африка сегодня. 2008. № 11. С. 7.

Становление межкорейских экономических отношений в конце XX века

© 2010

Л. Захарова

Интерес к теме межкорейского экономического сотрудничества вызывает желание проследить исторические корни этого феномена, чему и посвящена данная статья. Начало межкорейским экономическим отношениям было положено в конце 1980-х гг. В статье проанализированы предпосылки, условия, особенности и процесс их становления в конце XX в. Чтобы выйти на новый уровень взаимодействия после саммита 2000 г., Северу и Югу было необходимо пройти через период 1990-х гг.: кардинальное изменение геополитической ситуации в мире, новый расклад сил в регионе, первый ядерный кризис, прощупывание почвы для налаживания экономических связей. Достигнутые тогда результаты стали прологом к существенному расширению двусторонних экономических отношений в начале XXI в.

Ключевые слова: Корейский полуостров, КНДР, Республика Корея, межкорейские экономические отношения, политика «солнечного тепла», межкорейская торговля.

В 2010 г. исполнилось 65 лет со дня окончания Второй мировой войны, положившего начало разделению Корейского полуострова на Север и Юг. Начавшаяся в 1950 г. Корейская война окончательно закрепила разделение полуострова, надолго посеяв семена враждебности между южными и северными корейцами. Исторически единый хозяйственный комплекс потерял свою целостность, каждое из корейских государств в своих экономических связях стало ориентироваться на своих союзников. Межкорейские экономические связи долгое время были невозможны. Первые реальные подвижки в этой области стали происходить в период изменения геополитической ситуации в мире в конце 1980-х гг. XX века.

Истоки

Исторически межкорейские отношения развивались неравно, проходя через периоды спада и подъема. Однако вектор их развития в экономической сфере можно проследить достаточно четко — от полного отсутствия контактов в 1950–1970-е гг. — через начало переговоров и достижение первых договоренностей в 1980–1990-е гг. — до начала их практической реализации и осуществления совместных экономических проектов в 2000-е гг.

Первые официальные контакты между властями двух стран состоялись в 1972 г. и закончились обнародованием Совместного заявления Севера и Юга 4 июля 1972 г. В документе были зафиксированы три принципа объединения Кореи, а также ряд других

намерений сторон, включая намерение «осуществлять широкий обмен в различных областях», в том числе и в области экономики. Однако, как показали дальнейшие события, в тот период межкорейский диалог не был стратегически важен ни для одной из сторон и вскоре был свернут.

В сентябре 1984 г. КНДР приняла решение оказать безвозмездную материальную помощь южнокорейскому населению, пострадавшему от наводнения (стоимость этой помощи составила 12 млн долл.). Этот шаг способствовал созданию атмосферы для возобновления межкорейского диалога. С ноября 1984 г. начались межкорейские экономические переговоры, в ходе которых был создан Совместный комитет по экономическому сотрудничеству Севера и Юга на уровне заместителей глав правительств¹. К ноябрю 1985 г. было проведено пять раундов. Во время этих встреч стороны обменялись мнениями по поводу подходящих для взаимной торговли товаров, однако никаких соглашений на данных переговорах достигнуто не было. Южане главной причиной безрезультатности переговоров назвали нежелание Севера идти на межправительственные соглашения². Это было связано с тем, что в то время КНДР все еще отказывалась от признания факта существования на Корейском полуострове двух самостоятельных государств.

Предпосылки

Начало межкорейским экономическим отношениям было положено лишь в конце 1980-х гг. на фоне мирового политического кризиса, связанного с распадом мировой системы социализма, а потом и Советского Союза. КНДР в одночасье лишилась политической, экономической и военной поддержки одного из главных своих союзников. Инициатива в корейском вопросе фактически полностью перешла к Сеулу. Главным фактором этого явились экономические достижения Южной Кореи, превращение ее в одно из развитых государств в АТР.

В новых условиях Южная Корея постепенно трансформировала свою северо-корейскую политику от целей «конфронтации» к «вовлечению», направленному на примирение и сотрудничество. Во время проведения Олимпийских игр летом 1988 г. Сеулом была проявлена согласованная с американской администрацией инициатива о налаживании экономических контактов с КНДР, изложенная в специальной президентской декларации.³ Заявление президента Ро Дэ У 7 июля 1988 г. дало старт официальному экономическому сотрудничеству между Северной и Южной Кореей. Президент РК объявил о решении считать межкорейскую торговлю внутренним обменом товаров и поэтому не облагать ее таможенными пошлинами. В результате компания «Хендэ» в декабре 1988 г. импортировала партию моллюсков с Севера, а ее председатель Чон Джу Ен в январе 1989 г. посетил КНДР, чтобы обсудить совместный проект о развитии гор. Кымган.

В 1989 г. межкорейская торговля с нулевой отметки возросла до 18,7 млн долл.⁴ А после того, как в августе 1990 г. в РК был принят Закон об обменах и сотрудничестве между Севером и Югом, товарооборот превысил 100 млн долл.

В июле 1991 г. 5 тыс. т южнокорейского риса были впервые отправлены напрямую в северо-корейский порт Раджин из южнокорейского порта Мокпхо, хотя что по просьбе КНДР рис должен был быть упакован без указания страны производства и перевезен на судне под флагом третьего государства⁵.

Причиной согласия на межкорейское экономическое сотрудничество для Севера стали экономические трудности, с которыми страна столкнулась в 1990-е гг. После прекращения экономической помощи со стороны России и разрушения системы сотрудничества социалистических стран в КНДР началось резкое снижение производства и падение уровня жизни населения.

Крушение мировой системы социализма тяжело отразилось на экономике КНДР. В 1980-е гг. Северная Корея получала от соцстран важнейшие виды сырья и материалов по льготным ценам, которые могли быть в 3–4 раза ниже мировых. В 1990-е гг. бывшие братские страны стали требовать оплату уже по мировым ценам. Такое внезапное повышение стоимости импортируемых товаров больно ударило по сфере производства в КНДР, приведя к сокращению капиталовложений и объемов производства. Изменилась и система расчетов между бывшими соцстранами. Вместо использования системы клиринговых расчетов теперь необходимо было рассчитываться за поставки твердой валюты, заработать которую в условиях повысившихся цен на сырье для КНДР было очень сложно. В отличие от восточноевропейских стран, получавших в период реформирования экономики финансовую помощь от международных организаций, КНДР, сохранявшая соцсистему, не могла рассчитывать на нее. В сложившейся ситуации в Северной Корее произошло стремительное падение объемов производства, и ее экономика оказалась в кризисе. Падение производственных возможностей страны привело к сокращению внешнеторгового оборота. Снижение объемов экспорта привело к еще большему сокращению возможностей для получения иностранной валюты. Возник порочный круг, для преодоления которого Северу катастрофически стал необходим приток капитала извне. На этом фоне развитие сотрудничества с РК оказалось для КНДР способом получения необходимой иностранной валюты через инвестиции и внешнюю торговлю⁶.

Базовое соглашение 1991 года

В новых международных условиях в 1990 г. Пхеньян и Сеул возобновили межкорейский диалог. В ходе последовавших переговоров на уровне премьер-министров 13 декабря 1991 г. было подписано Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом (Базовое соглашение).

В этом историческом документе стороны впервые официально признали суверенитет друг друга, как и сам факт существования на полуострове двух государств. В ряде статей были определены задачи экономического сотрудничества «в целях пропорционального развития национальной экономики в едином порядке и повышения благосостояния всей нации». В разделе «Обмены и сотрудничество между Севером и Югом» (статьи 15, 19, 20, 22), в частности, говорилось:

– стороны будут осуществлять экономические обмены и сотрудничество, включая совместную разработку ресурсов, торговое сотрудничество в рамках внутренней торговли, совместные инвестиции в промышленные объекты;

– обе стороны восстановят железнодорожные пути, магистрали, которые были в прошлом перекрыты, откроют новые наземные, морские и воздушные маршруты между Севером и Югом;

– установят и введут в действие сооружения, необходимые для почтовой и телекоммуникационной связи между Югом и Севером и обеспечат конфиденциальность почтовых и телекоммуникационных сообщений;

создадут ряд совместных комитетов, включая Комитет по экономическим обменам и сотрудничеству между Севером и Югом, по истечении трех месяцев со дня вступления соглашения в силу. (Последний пункт соглашения не был выполнен северокорейской стороной)

В Соглашении о примирении, взаимном ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом от 13 декабря 1991 г. для межкорейского экономического сотрудничества впервые были заложены институциональные рамки. После его подписания открылись переговоры об участии южнокорейского капитала в создании на крайнем северо-востоке КНДР международной свободной экономической зоны (Туманганский проект). Обсуждался также вопрос об организации специальной экономической зоны для

южнокорейского бизнеса на западном побережье КНДР, в районе г. Хэджу. Более 40 фирм РК изъявили желание вступить в деловые контакты с КНДР. Глава концерна «Дэу» Ким У Чун заключил с правительством КНДР соглашение о строительстве в г. Нампхо пошивочной фабрики и отеля. Рассматривались планы возведения еще одного отеля в горах Кымгансан или Мёхянсан, создания в КНДР современной туристической индустрии. В июле 1992 г. вице-премьер правительства КНДР Ким Дар Хён посетил Сеул для обсуждения широкого круга проблем двустороннего экономического сотрудничества, встречался там с Ро Дэ У, побывал на крупнейших промышленных предприятиях⁷.

Администрация Ким Ён Сама имела большие планы в отношении разветвления контактов с Севером, в том числе и на высшем уровне. Ожидались сенсационные договоренности на объявленной встрече Ким Ён Сама и Ким Ир Сена в 1994 г. Южнокорейский бизнес планировал масштабные инвестиции в совместные проекты. Однако смерть Ким Ир Сена в середине 1994 г. обусловила новый поворот в межкорейских отношениях. Сеул отреагировал на это трагическое событие повышенным боеготовности своей армии, чем надолго испортил отношения с Пхеньяном. Межкорейский диалог оказался сорванным.

В то же время начавшая развиваться на уровне частных южнокорейских компаний межкорейская торговля продолжала расти. Например, в 1995 г. она возросла на 48% во многом благодаря принятию в РК Закона о стимулировании экономического сотрудничества между Севером и Югом. Принятие закона позволило бизнесменам из Южной Кореи посещать КНДР с целью развития инвестиционных связей и вкладывать капитал в реализацию небольших совместных проектов.

Вторжение северокорейской подводной лодки в территориальные воды Южной Кореи (18 сентября 1996 г.) и экономический кризис середины 1990-х гг. в КНДР обусловили 12% падение товарооборота в 1996 г. Урегулирование ядерной проблемы КНДР привело к началу реализации проекта по строительству атомного реактора на легкой воде, увеличив экспорт материалов с Юга на Север. В результате в 1997 г. товарооборот между странами превысил 300 млн долл. Но уже в 1998 г., когда в кризисе оказалась южнокорейская экономика, ознаменовался резким снижением объемов двусторонней торговли.

«Политика солнечного тепла»

Новые реальные успехи в отношениях КНДР и РК были достигнуты в период нахождения у власти южнокорейского президента Ким Дэ Чжуна. В своей инаугурационной речи в феврале 1998 г. Ким Дэ Чжун подчеркнул, что его правительство будет проводить политику, направленную на расширение межкорейского сотрудничества и экономических обменов на основе реализации Базового соглашения между Севером и Югом от 1991 г. Главное отличие политики Ким Дэ Чжуна от политики его предшественников заключалось в его решимости развивать межкорейское сотрудничество на основе «принципа отделения экономики от политики» и «принципа взаимности». Первый принцип рассматривался президентской администрацией как «пряник» для привлечения Севера, а второй как средство вынудить КНДР соблюдать правила игры⁸.

Принцип отделения экономики от политики предполагал, что Сеул будет применять рыночные принципы в отношении гражданских экономических обменов с Севером, которые должны осуществляться для удовлетворения интересов обеих сторон. Одной из мер, направленных на поддержку гражданских фирм, стала отмена Министерством объединения РК в апреле 1998 г. существовавших ограничений (5–10 млн долл.) на объем инвестиций в Северную Корею⁹. Кроме того, правительство облегчило административные процедуры одобрения визитов в КНДР представителей крупных корпораций и глав экономических организаций, а также разрешило гражданским организациям продолжить

гуманитарную помощь Северу. В то же время Сеул четко заявил, что межправительственное сотрудничество будет осуществляться через официальные переговоры и будет основано на принципе взаимности. Кроме того, правительство заявило о намерении выработать фундаментальные меры по оказанию помощи Северу в преодолении нехватки продовольствия через развитие сотрудничества в сельскохозяйственном секторе¹⁰.

Постепенное увеличение числа компаний, участвовавших в двусторонней торговле, привело к тому, что на конец 1999 г. их количество превысило 500, а в 2000 г. — 650¹¹. Наибольшую активность в инвестировании в КНДР проявила южнокорейская промышленная корпорация «Хёндэ групп». С 1998 г. она начала активно развивать туристический проект Кымгансан, сделав ставку на создание там современного туристического комплекса.

Северокорейская политика нового президента получила название «политики солнечного тепла». Этот образ был взят из басни Эзопа, в которой не сильный ветер, а именно солнечное тепло заставило человека снять пальто добровольно. Так и Ким Дэ Чжун верил, что его политика быстрее приведет к позитивным изменениям на Севере, чем какие-либо жесткие меры.

Пхеньян сначала отреагировал на новый курс Сеула критикой. В официальных печатных органах КНДР ожесточенным нападкам подвергся и лично президент РК, и провозглашенный им курс на примирение и сотрудничество с Севером. Однако вскоре Пхеньяну стало ясно, что в условиях затяжного кризиса, из которого КНДР собственными силами не выбраться, и неясности перспектив получения экономической помощи с Запада «политика солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна стала единственным реальным источником получения внешнего содействия. К тому же возобновление диалога с официальным Сеулом было одним из главных условий, которые выдвинул Запад для нормализации отношений с КНДР¹².

В результате, на рубеже XX–XXI вв. произошло резкое изменение политики северокорейского руководства в отношении Сеула: отход от конфронтации, вражды и военных провокаций, приостановка оскорблений в северокорейской прессе в отношении южнокорейского президента. Провозглашенный Ким Дэ Чжуном принцип отделения политики от экономики и обещание не стремиться к поглощению ослабшего Севера, а также готовность к безвозмездной гуманитарной помощи оказались действенной тактикой в отношении Пхеньяна.

Пхеньян решил пойти на сближение с Сеулом, прежде всего, для достижения своих внешнеполитических (налаживание отношений с внешним миром) и экономических (получение помощи в выведении экономики из кризиса) целей. Готовность РК к диалогу и сотрудничеству с КНДР без каких-либо предварительных условий были крайне удобны для Пхеньяна, использовавшего «политику солнечного тепла» по своему усмотрению. Каждая достигнутая договоренность или ее выполнение щедро оплачивались Сеулом в форме крупных денежных сумм (например, согласие на проведение саммита было получено в обмен на сумму около 200 млн долл.) или масштабных гуманитарных поставок (сотни тонн зерна и удобрений)¹³.

Так или иначе, результатом начатого Ким Дэ Чжуном курса стал беспрецедентный прорыв в экономических отношениях двух стран в 2000–2007 гг., база для которого была заложена во время первого межкорейского саммита в 2000 г.

По мнению С.С. Суслиной, «политика солнечного тепла», разработанная Ким Дэ Чжуном для постепенного втягивания северокорейской экономики в систему межкорейских интеграционных связей, удачно соответствовала сложившейся на Корейском полуострове ситуации. До 2000 г. межкорейское сотрудничество развивалось, главным образом, на негосударственной основе и часто в благотворительной форме (в виде непосредственно гуманитарной помощи, Кымгансанского туристического проекта, создания на Севере ряда мелких предприятий легкой промышленности).

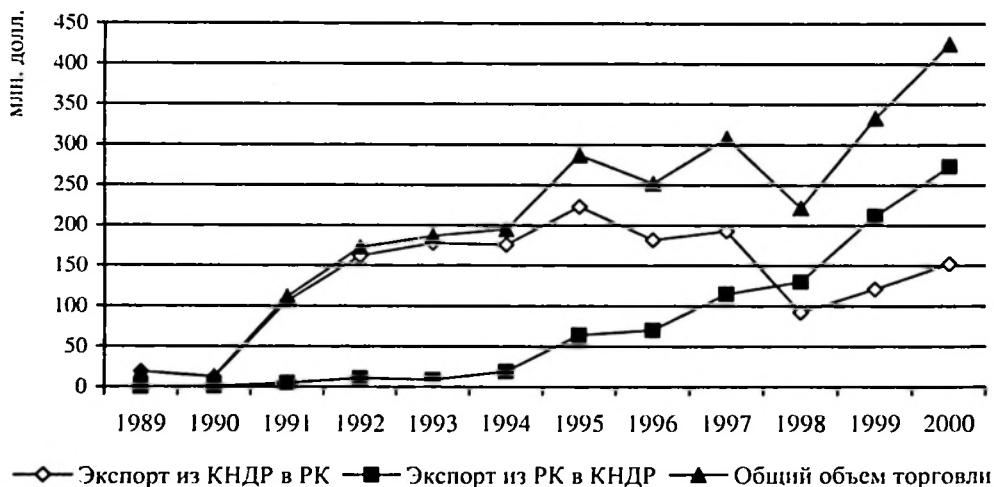

Однако развитие более тесного сотрудничества наталкивалось на непреодолимую преграду — отсутствие мер экономического доверия и соответствующего правового статуса, создающих благоприятный климат для развертывания всесторонних и долгосрочных связей. В связи с этим на повестку дня ставилось признание обоими государствами необходимости вести экономический диалог не только на частной, но и на межгосударственной основе. В решение этой задачи и заложил фундамент июньский саммит 2000 г., а также подписанные в том же году соглашения¹⁴.

Особенности межкорейского экономического взаимодействия:

1) Динамика торговли между КНДР и РК с самого начала оказалась подвержена резким колебаниям, обусловленным политическими событиями на Корейском полуострове. В целом, с 1989 по 1999 гг. общий оборот превысил 2 млрд долл. Это впечатляющая цифра на фоне кризиса внешней торговли самой КНДР (оборот в 1999 г. составил 1,44 млрд долл.). Для сравнения: в конце 1980-х гг. северокорейская торговля со всеми странами достигла наивысшей за все годы существования КНДР отметки в 5 млрд долл. В 1999 г. оборот внешней торговли РК составил 263,5 млрд долл., что в 265 раз выше оборота внешней торговли КНДР.¹⁵

Динамика межкорейской торговли в 1990-е гг.

Между 1989 и 1997 гг. большую часть межкорейской торговли составлял экспорт с Севера на Юг. Однако с 1995 г. объемы экспорта из РК в КНДР существенно увеличились в связи с поставками мазута по линии КЕДО и оказываемой Северу со стороны Юга гуманитарной помощью. В результате уже с 1998 г. экспорт из РК в КНДР стал превышать импорт¹⁶.

2) Межкорейская торговля представляет собой типичный пример экономического обмена между развитым и развивающимся государством, т.е. главным образом основана на поставках сырья с Севера на Юг и поставках промышленных товаров с Юга на Север. Изначально КНДР поставляла в РК в основном полезные ископаемые и металлы, такие как золото, цинк и чугун. До 1997 г. металлы были главной статьёй северокорейского экспорта на Юг. Но уже с 1998 г. резко возросла доля продукции сельского хозяйства, морепродуктов и текстиля, которые вытеснили металлопродукты с первой позиции в списке. Текстиль стал вторым по значимости элементом северокорейского экспор-

та на Юг, стабильно составляя 30–40% от общего объема с 1998 г. Большая часть текстильных изделий сначала экспорттировалась в КНДР в виде сырья и после обработки вывозилась обратно в РК. Другим важным товаром, экспорттируемым с Севера на Юг, стала продукция сельского хозяйства.

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Экспорт из КНДР в РК, млн долл.	19	12	106	162	178	176	223	182	193	92	121	152
Экспорт из РК в КНДР, млн долл.	0	1	5	11	9	19	64	70	115	130	212	273
Общий объем торговли, млн долл.	19	13	111	173	187	195	287	252	308	222	333	425

Товары, экспорттируемые с Севера на Юг (%)

	Продукция сельского хозяйства и морепродукты	Полезные ископаемые	Продукция химической промышленности	Пластик, резина и кожа	Текстиль	Продукты первой необходимости	Металлопродукты	Машинное оборудование	Электроника	Другое	Всего
1989	12.5	5.9	0.6	0	0	0	80.8	0.1	0	0.1	100
1990	45.4	0.5	14.1	0	0	0.7	36.9	0.1	0	2.4	100
1991	9.4	20.8	5.4	0	0	0.2	63.7	0	0	0.6	100
1992	10.4	27	7.9	0	2.1	0.4	51.3	0.3	0	0.6	100
1993	6.6	48.9	0.7	0	4.7	0.4	35.4	0	0	3.2	100
1994	8.6	42.8	0.7	0	10.2	1.2	35.8	0	0	0.7	100
1995	9.5	38.8	0.2	0	12.9	1.2	36.6	0	0	0.9	100
1996	12.7	35.5	0.2	0	24.4	1.7	24.3	0	0.9	0.2	100
1997	14.2	32.5	0.1	0.3	24.4	1.4	24.8	0.5	1.6	0.2	100
1998	23.7	2.6	0.2	0	42	4.2	22	0.8	3.8	0.8	100
1999	39.5	1.8	0.4	0	37.6	3.2	13.3	1.3	2.3	0.5	100
2000	47.1	0.2	0.4	0.1	35.2	2.2	7.7	1.2	5.4	0.5	100

Источник: Министерство объединения РК

Основные позиции в экспорте с Юга на Север занимали промышленные товары. В 1991–1992 годах первым номером в списке была продукция химической промышленности, но уже с 1993 г. в общем объеме существенно возросла доля вывоза текстиля для переработки. С 1997 г. стали увеличиваться объемы поставок продовольствия и экспорта неметаллической продукции и машинного оборудования.

3) Одной из особенностей межкорейской торговли является существенная доля в ее составе так называемой «некоммерческой торговли» — по южнокорейской классификации туда входит односторонняя безвозмездная помощь Северу, включая гуманитарные поставки риса, удобрений и медикаментов, поставки мазута по линии КЕДО, а также материалов для совместных проектов (например, Кымгансанского туристического проекта).

Товары, экспортируемые с Юга на Север (%)

	Продукция сельского хозяйства и морепродукты	Полезные ископаемые	Продукция химической промышленности	Пластик, резина и кожа	Текстиль	Продукты первой необходимости	Металлопродукты	Машинное оборудование	Электроника	Другое	Всего
1989	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0	100
1990	0,8	0	0	0	7	0	0	92,2	0	0	100
1991	29	25,1	32,8	3,9	1,1	0	0	0	8,1	0	100
1992	0,6	0	50,6	22,2	7	0,8	18,5	0,2	0	0	100
1993	0,8	0	10,9	3,7	69,9	0,8	3,1	0	6,9	3,9	100
1994	18,1	0	8,7	0,4	64,9	1,9	1,5	0,4	0,8	3,4	100
1995	14,4	19	2,3	2,5	54,3	3,6	0,3	2,4	0,4	0,8	100
1996	9,6	18,4	4,9	2,5	54,1	4,4	0,4	1,3	3,2	1,2	100
1997	14,7	25,4	3,5	4,1	30,4	3,5	3,4	11,3	3,1	0,5	100
1998	15,1	15,8	4,9	2,7	22,9	3,3	7,3	22,3	4,4	1,2	100
1999	8	20,1	24,3	1,5	17,9	3	8	12,6	3,5	0,9	100
2000	9,6	5,9	36,8	1,5	15,9	2,3	5,1	11,8	10,2	0,8	100

Источник: Министерство объединения РК

Динамика коммерческой и некоммерческой торговли между Севером и Югом

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Коммерческая торговля	230,3	163,4	174,0	72,7	89,4	110,5
Некоммерческая торговля	10,9	14,3	55,3	78,3	144,4	185,4
Процессионная торговля	45,9	74,4	79,1	70,9	99,6	129,2
Общий объем торговли	287,3	252,0	308,3	221,9	333,4	425,2

Источник: Inter-Korean Interchange and Cooperation, and Humanitarian Project. (All books between 1995–2000)

Состав некоммерческой торговли (млн долл.)

	Экспорт с Юга на Север						Экспорт с Севера на Юг	Всего
	Реактор на легкой воде	Помощь Северу	Мазут (КЕДО)	Проект Кымгансан	Другие проекты	Всего		
1995	—	0,2	10,8	—	—	11,0	—	11,0
1996	—	1,4	12,8	—	—	14,3	—	14,3
1997	17,8	8,4	29,0	—	—	55,3	2,8	61,1
1998	4,0	15,6	19,8	37,6	1,2	78,1	0,1	78,2
1999	14,4	43,4	39,5	46,0	6,3	144,3	0,1	144,4
2000	35,6	104,5	11,7	14,6	17,2	183,6	1,9	185,5

Источник: Министерство объединения РК

4) Другой особенностью развития внутрикорейской торговли стала процессионная форма, которую ранее, в период существования соцсистемы, КНДР довольно успешно использовала в торгово-экономических отношениях с СССР, ГДР и северными европейскими странами. Процессионная торговля по существу является одной из форм производственной кооперации (сотрудничества по давальческому сырью, т.е. изготовле-

ния из импортного сырья и материалов готовой продукции и поставка ее в страну-поставщика сырья). Впервые она была предложена Северу южнокорейской фирмой Колон, которая разместила на северокорейских предприятиях заказы на пошив готовой одежды. Кооперация по давальческому сырью между Севером и Югом набирала обороты, составив в 2000 г. 30,4% всей внутрикорейской торговли¹⁷.

Изначально основным товаром для этого вида межкорейского экономического сотрудничества являлись текстильные изделия. В 1996 г. их доля превысила 20% в общем объеме процессионной торговли, достигнув 68% в 2000¹⁸.

Объемы процессионной торговли

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Объем процессионной торговли (млн долл.)	0,8	7,0	25,7	45,9	74,4	79,1	71,0	99,6	129,2
Доля в общем объеме торговли (%)	4,8	3,8	13,2	16,0	29,5	25,6	32,0	29,9	30,4
Доля в объеме коммерческой торговли (%)	4,8	3,8	13,2	16,6	31,3	32,0	49,4	52,7	53,9

Источник: Министерство объединения РК

Прибыльность процессионной торговли для южнокорейских предприятий объясняется, прежде всего, низкой себестоимостью производства отдельных групп товаров (прежде всего, текстильных) в КНДР по сравнению с РК. Согласно докладу Корпорации малого бизнеса РК¹⁹, сделанному в конце 2001 г., на рубеже XX—XXI вв. 40,8% предприятий, участвовавших в процессионной торговле с Севером, платили 40–70% себестоимости производства таких же товаров на Юге, а 29,6% предприятий платили 20–40%. Средняя себестоимость производства единицы продукции в КНДР в тот период составляла 53,5% от себестоимости такого производства в РК.

Другим важным преимуществом процессионной торговли с Северной Кореей для южнокорейских предприятий стал нулевой уровень таможенных пошлин, установленный на товары, произведенные в КНДР. (На товары, ввозимые из других стран, в РК были установлены пошлины в размере 13%.)²⁰.

5) Следует подчеркнуть, что на начальном этапе развития торговли между Севером и Югом весьма низким оставался удельный вес прямой торговли, который в 1995 г. составлял лишь 4,5% от общего объема товарооборота.

Большая часть межкорейской торговли приходилась на «непрямую торговлю», где посреднические, агентские операции выполнял иностранный партнер, а также на «видоизмененную непрямую торговлю», где заключение контрактов и платежи осуществлялись через иностранного посредника²¹.

Большинство южнокорейских предприятий, участвовавших в осуществлении совместных проектов в КНДР, общались с северокорейской стороной через иностранные отделения или третьи страны. Многие из них открыли офис связи в Пекине для коммуникаций по телефону или факсу. Некоторые имели прямую связь с пекинским отделением Комитета национального экономического сотрудничества КНДР (ранее — Ассоциация национального экономического сотрудничества). Четверть предприятий общалась с северокорейской стороной по телефону или факсу через третью страну. В большинстве случаев партнером по коммуникации с северокорейской стороны выступала Ассоциация национального экономического сотрудничества (56,6%). Она была основана в КНДР в 1994 г. специально для ведения бизнеса с южнокорейскими предприятиями. К началу XXI в. около четверти (26,7%) фирм РК общались с северокорейскими партнерами напрямую, а 6,7% делали это через агента в третьей стране²².

Преобладание форм внешней торговли с участием посредников объяснялось стремлением южан снизить риск невыполнения северокорейскими предприятиями заключенных контрактов и преодолеть трудности с расчетами на основе аккредитива (так как корреспондентские связи между банками двух стран отсутствуют). Роль посредников в межкорейской торговле чаще всего выполняли фирмы из Гонконга, Японии, Китая²³.

б) Неотъемлемой частью межкорейского экономического взаимодействия является гуманитарная помощь Северной Корее. Она началась с 1990 г. Религиозные организации РК, в частности, начали компанию по отправке риса в КНДР в июле 1990 г. В 1995 г. Северная Корея, пострадавшая от сильного наводнения, впервые обратилась к Сеулу с просьбой о помощи. В ответ на это с июня по октябрь 1995 г. южнокорейское правительство отправило на Север 150 000 т риса, согласно договоренности с правительством КНДР²⁴.

Неудача администрации Ким Ён Сама в улучшении отношений с КНДР привела к снижению объема гуманитарной помощи в 1996–1997 гг. Однако избранный новым президентом РК в конце 1997 г. Ким Дэ Чжун уделил гуманитарной помощи Северу особое внимание в своей «политике вовлечения». Его правительство заявило, что будет гибко расширять гуманитарные поставки в соответствии с принципом взаимности, причем взаимность осуществлялась по формуле «отдай-сначала-получи-потом».

Гуманитарная помощь КНДР со стороны РК (в млн долл. США)

Организация	06.1995	1996	1997	1998	1999	2000
Прав-во РК	232.00	3.05	26.67	11.00	28.25	78.63
НПО РК	0.25	1.55	20.56	20.85	18.63	35.13
Итого	232.25	4.60	47.23	31.85	46.88	113.76
Доля в помощи мирового сообщества (в %)	80,7	4,5	15,2	9,5	11,6	38,5

Источник: Министерство объединения РК

По словам южнокорейского ученого Хонг Янг Хо, возглавлявшего Бюро по гуманитарным вопросам в Министерстве Объединения РК, гуманитарные поставки являлись практическим способом улучшить межкорейские отношения²⁵. В результате при президенте Ким Дэ Чжуне объемы помощи стабильно росли, несмотря на периоды напряженности в двусторонних отношениях. В 2000 г. доля РК в продовольственной помощи, полученной КНДР, достигла половины от общего объема.

Заключение

В данной статье освещен период становления межкорейского экономического взаимодействия вплоть до 2000 г., ознаменовавшего коренной перелом в сотрудничестве между Севером и Югом. На всем протяжении короткого периода существования межкорейских экономических отношений политический фактор был решающим для их существования и развития. Разбор завалов периода холодной войны и признание друг друга равноправными партнерами, без чего невозможно существование взаимовыгодного экономического сотрудничества, нелегко далось обоим корейским государствам. Для того, чтобы выйти на новый уровень взаимодействия после саммита 2000 г., Северу и Югу было необходимо пройти через период 1990-х гг.: кардинальное изменение геополитической ситуации в мире, новый расклад сил в регионе, первый ядерный кризис, прощупывание почвы для налаживания экономических связей, смена лидеров, экономические кризисы и сложный путь к налаживанию взаимовыгодных экономических контактов. Опыт президентства Ким Ён Сама показывает, что ожидание коллапса северокорейского режима и применение жестких мер в отношении Пхеньяна не является удачным тактическим ходом. Гибкость Ким Дэ Чжуна, напротив, заложила основы для возможного продвижения к созданию на полуострове экономического сообщества.

1. *Торкунов А.В., Уфимцев Е.П.* Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995. С. 150–158.
2. *Yoo Young Ock.* North Korean Economic Situation and the Possibilities for South-North Economic Cooperation // *East Asian Review*. 1996. Vol. 8. № 1.
3. *International Journal of Korean Unification Studies*. 2000. Vol. 9, № 1. P. 72.
4. *Тригубенко М.Е.* Влияние нормализации межгосударственных отношений РК с КНДР на развитие экономического сотрудничества двух стран // *Азия-2000: путь к сотрудничеству и экономическому обновлению*. М., 2001. С. 29.
5. *Yoo Young Ock.* Op. cit.
6. *Юн Док Рен.* Развитие экономического сотрудничества Северной и Южной Кореи и экономика Северной Кореи // Сб. докл. междунар. конф. «Ситуация и будущие вопросы экономического сотрудничества Северо-Восточных стран», 2005.
7. *Вашин Ю.В.* Корея на трудном пути к воссоединению // *Корея на рубеже веков*. М., 2002. С. 337.
8. *Kim Gahb-chol.* The Principle of Separating Economics from Politics, and Prospects for Improvement in South-North Relations // *East Asian Review*. 1998. Vol. 10, № 2. P. 19.
9. Чосон Ильбо. 1998. 1 мая.
10. Ministry of Unification (Seoul), Policies of the National Government Regarding North Korea. 1998. 6 apr. P. 13–14.
11. *Каукин И.* Основные черты межкорейского экономического сотрудничества // *Пробл. Дальнего Востока*. 2002. № 16. С. 123.
12. *Жебин А.З.* Межкорейские отношения: взгляд из России // *Пробл. Дальнего Востока*. 2003. № 2. С. 68.
13. Там же.
14. *Султина С.С.* Межкорейский экономический диалог и южнокорейский крупный бизнес // *Перспективы межкорейского диалога: внутренние и внешние аспекты: Материалы 5-й научн. конф.* 2001. М., 2002. С. 92–93.
15. Policy toward North Korea for Peace, Reconsolidation and Cooperation. Seoul, 1999. P. 10.
16. Evaluation of South-North Economic Cooperation and Tasks for Success / By Young-Yoon Kim. Seoul, 2005. P. 7.
17. *Тригубенко М.Е.* Влияние нормализации межгосударственных отношений РК с КНДР на развитие экономического сотрудничества двух стран // *Азия-2000: путь к сотрудничеству и экономическому обновлению*. М., 2001. С. 31.
18. *Jong-geun Lee.* Research on the Structure of Processing Trade between two Koreas: M.A. Dissertation. Kyungnam Univeraity, Dec., 2002. P. 66–69.
19. Small Business Corporation, Report on the Status of Processing Trade with North Korea of Small and Medium Business. 2002. Dec. P. 30.
20. *Jong-geun Lee.* Op. cit. P. 66–69.
21. *Андряинов В.Д.* Современное состояние и перспективы межкорейского торгово-экономического сотрудничества // *Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи: материалы научн. конф.*, 1996 г. М., 1997. С. 126.
22. *Jong-geun Lee.* Op. cit. P. 67–69.
23. *Андряинов В.Д.* Указ. соч. С. 126.
24. *Hong Yang-ho.* Humanitarian Aid toward North Korea // *East Asian Review*. 2001. Vol. 13, № 4. P. 22.
25. Там же. P. 26–27.

Экономические основы стратегического партнерства России, Индии и Китая

© 2010

М. Панченко

Работа посвящена экономическим аспектам «стратегического треугольника» России, Индии и Китая. Показано, что, несмотря на расширение торгово-экономического сотрудничества между этими странами, его фундамент пока не является достаточно прочным.

Ключевые слова: геополитика, международный порядок, стратегическое партнерство, «треугольник РИК», экономическое сотрудничество.

Стремясь найти конкретные способы упорядочения отношений мировых и региональных субъектов, политические деятели и политологи предлагают различные модели международного порядка. В качестве таковой рассматривается ЕС, цивилизационный союз народов и государств России—Индии—Китая—Ирана (РИКИ), БРИК (объединение четырех наиболее динамично развивающихся гигантов — Бразилии, России, Индии и Китая), «евразийский стратегический блок» во главе с Россией.

Ряд российских исследователей обосновывает идею создания «стратегического треугольника» РИК (Россия — Индия — Китай), способного, по их мнению, стать мощным инструментом формирования стабильных международных отношений¹. Ученые и политики по-разному интерпретируют сущность «стратегического треугольника». Часть из них рассматривает его как потенциальный военно-политический союз трех стран, имеющий антизападную направленность. Другие придерживаются неконфронтационного понимания «треугольника», определяя его не как военно-политический блок или альтернативный антизападный культурный кластер. Эти авторы называют отношения между РИК «стратегическим партнерством», «трехсторонним взаимодействием», «трехсторонним сотрудничеством», «диалогом», не направленным против третьих стран².

На наш взгляд, партнерство России, Индии и Китая в рамках трехсторонних отношений («стратегического треугольника») — это форма несоюзнической координации внешнеполитической деятельности трех государств, которая осуществляется на регулярной основе с помощью определенных механизмов (встречи на высшем уровне, консультации министров иностранных дел, контакты руководителей министерств и ведомств, представителей общественности и т. д.).

Несомненно, РИК имеет огромные возможности для воздействия на международную политику. «Большая евразийская тройка» располагает мощным экономическим потенциалом. В совокупности она производит 10% мирового валового продукта. В этих странах проживает 40% населения планеты, т.е. они обладают внушительными демографическими ресурсами. РИК занимает огромную территорию, равную одной пятой части мировой суши двух частей света (Европы и Азии). Таким образом, РИК имеет возмож-

ность воздействовать на обширное географическое и политическое пространство. Россия, Индия и Китай обладают большим культурным влиянием, поскольку представляют три величайшие цивилизации мира. Как отмечают Г.К. Широков и С.И. Лунев, у них «отсутствует осознание приниженности, и как следствие этого, проявления подобострастия или, напротив, агрессивности»³. М. Титаренко подчеркивает гармонизирующий характер духовного воздействия трех цивилизаций на мировую культуру: «Китайская, индийская и российская цивилизации, отдавая приоритет духовным ценностям, подчеркивают стремление человека поддерживать гармонические отношения с природой и восстанавливать у него умение терпеливо переносить жизненные невзгоды, быть духовно счастливым и физически здоровым, ограничиваясь исключительно необходимым для жизни и духовного развития»⁴. Кроме того, РИК имеет довольно значительные институциональные ресурсы. Двумя голосами в Совете Безопасности ООН располагают (Россия и Китай), могут воздействовать на международные процессы через такие организационные структуры, как ООН, ВТО, ШОС, СНГ, АСЕАН, ЕврАзЭС, СААРК, G-8 и др., членами которых они являются либо вместе, либо поодиночке. Так, Китай и Индия в ВТО совместно отстаивают интересы развивающихся стран, в частности, в вопросе об открытии западных рынков для экспорта сельскохозяйственной продукции, снижении субсидий фермерам и т. д. РИК обладает и большим военным потенциалом. Все три государства являются ядерными державами. Индия и Китай осуществляют ускоренную модернизацию своих вооруженных сил, причем последний, по мнению некоторых аналитиков, постепенно занимает место России как стратегический соперник США⁵.

Экономической основой «стратегического треугольника» является разностороннее торговое, научно-техническое, производственное и другое сотрудничество между Россией, Индией и Китаем, которое в 1990–2000-е гг. развивалось по восходящей линии. По мнению ряда политологов, укреплению стратегического партнерства трех стран способствует их экономическая взаимодополняемость⁶.

Она проявляется в том, что Россия испытывает нехватку рабочей силы, а ее партнеры — избыток, который может быть использован (особенно жители Китая) при освоении ресурсов малонаселенных районов Дальнего Востока. Россия обладает огромными запасами энергоносителей, в которых Китай и Индия испытывают острую необходимость. На это указывают многие эксперты. Так, Чжун Сяньпин отмечает объективную потребность в энергетическом сотрудничестве Китая и России, поскольку динамично развивающаяся экономика КНР испытывает постоянную нужду в нефти и газе⁷. Китай заинтересован в том, чтобы участвовать в формировании энергетической инфраструктуры в Центральной и Северо-Восточной Азии, в том числе в многосторонних трубопроводных проектах. В частности, речь идет о строительстве нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан с ответвлением на Китай, а также сооружении к 2011 г. первой, а затем и второй газовой линии из Сибири в КНР. Энергетические проблемы есть и у Индии. Неудивительно, что эта страна, как полагают эксперты, стремится к установлению с РФ «стратегического союза в области энергетики»⁸. Россия оказывает индийским партнерам широкое содействие в создании собственной энергетической базы — поставляет оборудование и материалы для АЭС «Куданкулам», помогает в строительстве и модернизации гидроэлектростанций, реконструкции ТЭС, участвует в разработке нефтяных и газовых месторождений.

Россия и Индия помогают китайскому экономическому «локомотиву» в поставках сырья и продуктов химической промышленности. Так, Китай получает из РФ древесину, бумагу и целлюлозу, черные металлы, удобрения, из Индии — железную руду, черные металлы. РФ испытывает необходимость в товарах широкого потребления, в то время как такой ее партнер, как КНР, является мировым поставщиком продукции легкой промышленности.

Наконец, связующим звеном РИК является сотрудничество в области военной техники и вооружений. РФ — основной поставщик оружия в Индию и Китай. Среди стран, куда наша страна поставляет вооружение, они занимают, соответственно, первое и второе место в мире. Поскольку после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Китай не может закупать оружие на Западе, РФ является для него безальтернативным внешним источником укрепления обороноспособности.

Взаимозависимость в определенных сферах трех стран определяет необходимость активизировать торгово-экономическое сотрудничество. Неудивительно, что именно в этой области отношений партнерства РИК достигнут наибольший прогресс. Товарооборот между странами растет высокими темпами.

В 2000–2007 гг. объем индийско-китайской торговли вырос в 15 раз. Китай уже в 2005 г. отеснил США в качестве главного поставщика товаров на индийский рынок и недавно стал вторым по значению рынком сбыта для индийских производителей. Большое значение для углубления экономических связей двух стран имел государственный визит премьер-министра Индии М. Сингха в КНР в январе 2008 г., в ходе которого он провел переговоры с премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао и председателем КНР Ху Цзиньтао. Стороны договорились о более частых встречах на высоком уровне, подписали более 10 документов о сотрудничестве в области строительства, железнодорожного транспорта, сельского хозяйства, медицины и фармацевтики, а также контроля за качеством товаров. Символично и обязательство обеих сторон увеличить взаимный товарооборот к 2010 г. до 60 млрд долл. (ранее намечалось 40 млрд долл.). В дни визита в Пекине прошел представительный китайско-индийский деловой форум.

Укрепление сотрудничества между РФ и КНР выразилось в последние годы в значительном росте российско-китайского товарооборота. Так, в 2008 г. он увеличился на 38,7% и достиг 55,9 млрд долл.

Россия за первые десять месяцев 2009 г. на 31% увеличила экспорт нефти в Китай, объем которого составил 13 млн тонн. Доля России в китайском импорте нефти в 2009 г. повысилась до 7,8% против 6,5% в предыдущем. Экспорт электроэнергии в октябре 2009 г. из России в КНР впервые превысил уровень 100 млн кВт/ч. в месяц, составив фактически 107,128 млн кВт/ч. Существенное увеличение объемов экспорта связано с ростом потребления электроэнергии на северо-востоке КНР.

Расширяется инвестиционное сотрудничество двух стран. Так, китайцы продолжают инвестировать в долгосрочные проекты на российской территории. В частности, китайские компании строят сейчас крупнейший в России цементный завод в Рязанской области стоимостью 70 млн долл. (еще два таких проекта отложены из-за кризиса). Недавно было подписано соглашение о сборке автобусов в марки Shuchi на промышленных площадках Тихорецкого машиностроительного завода в Краснодарском крае, а китайские девелоперы из приграничной провинции Хэйлуцзян построят в сопредельном с ней Благовещенске жилой комплекс площадью 135 тыс. квадратных метров (инвестиции составят 87,85 млн долл.).

Крепнут российско-индийские экономические связи. Так, последовательно реализуется Комплексная долгосрочная программа научно-технического сотрудничества, принятая более 20 лет назад. Она является одной из наиболее широкоформатных программ международного сотрудничества в области науки, которую Индия установила с какой-либо иной страной. Совместные исследовательские проекты, семинары и симпозиумы, обмен делегациями ученых и сотрудничество между научными учреждениями двух стран — основные направления сотрудничества в рамках программы. С течением времени роль программы выросла, и она распространилась на такие сферы, как открытие научно-технических центров, что облегчает процесс передачи технологий.

Успешно развивается научно-производственная кооперация в области передовых высокотехнологичных военно-технических проектов, в расширении которой заинтересо-

ваны как Индия, так и Россия. Примером такого сотрудничества может быть предприятие "БрахМос", разработавшее и успешно испытывавшее уникальную противокорабельную ракету. Теперь предполагается использовать этот ценный опыт в других перспективных проектах, в частности в совместной разработке передовой авиатехники — многофункционального транспортного самолета и истребителя пятого поколения.

В 2006 г. была сформирована Совместная исследовательская группа (СИГ). Ее главная задача — подготовить обоснование для подписания Всеобъемлющего соглашения об экономическом сотрудничестве между РФ и Индией, а также для увеличения двустороннего товарооборота до 10 млрд долл. к 2010 г. Группа завершила работу над докладом и предложила "дорожную карту" для выхода на значительное увеличение нашего двустороннего товарооборота путем диверсификации и наращивания торговли товарами и услугами, а также посредством инвестирования и экономического сотрудничества.

Набирает обороты и трехстороннее экономическое взаимодействие РИК. Так, формируются консультационные механизмы на уровне руководителей отделов (департаментов) министерств России, Индии и Китая в сфере сельского хозяйства, медицины и здравоохранения и др.⁹ В 2007 г. в Дели состоялась первая встреча представителей бизнес-сообщества трех стран. Осенью 2008 г. в Москве проведены консультации представителей Китайского комитета содействия международной торговле и торгово-промышленных палат России и Индии. Трехсторонние деловые форумы стали регулярными.

Как мы видим, существуют серьезные экономические факторы, благоприятствующие упорядочению отношений в формате РИК. Вместе с тем, следует признать, что у стратегического партнерства России, Индии и Китая пока довольно слабый экономический фундамент.

Торгово-экономические связи трех стран по сравнению с их сотрудничеством с другими партнерами можно рассматривать как маломасштабные. В частности, Индия и Китай экономически более тесно связаны с США, чем с Россией. США являются вторым (после Японии) торговым партнером Китая. Товарооборот КНР и США в шесть раз (!) превышает аналогичный показатель российско-китайской торговли¹⁰, несмотря на рост товарооборота между двумя странами в последние годы. Это перечеркивает планы правительств РФ и КНР довести к 2010 г. товарооборот до 60–80 млрд долл. Доля России во внешней торговле Китая составляет 2,22% (восьмое место среди партнеров КНР)¹¹.

Товарооборот Индии с США составляет более 30 млрд долл. По этому показателю американцы занимают второе место среди экономических партнеров Индии. В то же время объем торговли России и Индии не превышает 1,5% от общего внешнеторгового оборота каждой из стран¹². При этом существенное значение для оценки экономических отношений Индии и Китая с США имеет не количественная сторона вопроса (у Китая и Индии, например, также очень активная торговля), а то, что сотрудничество с этой страной играет жизненно важную роль для решения насущных внутренних задач двух государств. Именно США и Запад, в целом, а не Россия, являются источниками капиталов, передовой науки и технологий. Без связей с США невозможен значительный подъем и развитие ни китайской, ни индийской экономики и политики. Поэтому многие эксперты небезосновательно считают, что отношения, например, Китая с США являются для него более приоритетными, чем с Россией, т.к. последние могут блокировать достижение китайских стратегических целей во внутренней и внешней политике¹³.

Серьезной проблемой экономического сотрудничества РИК является его «архаичная структура», дисбаланс товарообмена России и Индии, с одной стороны, и КНР — с другой. Россия и Индия, по сути дела, превратились в сырьевой придаток второго. В своей книге «Китай и Россия в Евразии» А.Д. Воскресенский пишет о том, что китайцы понимают взаимодополняемость наших экономик как «наличие природных ресурсов, которыми обладает Россия, и колоссальных демографических ресурсов, которыми обладает Китай»¹⁴. Действительно, РФ и Индия экспортируют в КНР главным образом сырье.

Индия — горнорудную продукцию, Россия — энергоносители, древесину, удобрения. Доля машин и оборудования в индийском экспорте в Китай составляет 4%¹⁵, российском — 1%. Такая же ситуация сложилась и в российско-индийской торговле. РФ экспортирует в Индию минеральные удобрения, цветные и черные металлы, газетную бумагу, продукты и сырье, а импортирует чай, кофе, табак, специи, текстиль и парфюмерию. Доля машин и оборудования в товарообороте составляет 5–10%.

К сожалению, «колониальная» структура экономического сотрудничества в «треугольнике» не меняется. В статье «Россия и Китай» Э.С. Кульпин-Губайдуллин отмечает, что в КНР определено место РФ в международном разделении труда — «поставщика ресурсов и рынка сбыта продукции, отбракованной для реализации на других рынках»¹⁶.

Некоторые российские исследователи уповают на военно-техническое сотрудничество как на средство укрепления взаимозависимости в рамках РИК. Действительно, это одна из немногих сфер интенсивных контактов России, Индии и Китая. Но в последнее время и в этой области наметились серьезные проблемы. Например, Китай небезосновательно считает, что Россия не поставляет ему самые современные виды вооружений в отличие от Индии. В настоящий момент китайцы взяли паузу в развитии некоторых направлений военно-технического сотрудничества в связи с жалобами на низкую надежность российского вооружения. Кроме того, создание большого количества «пиратских копий» образцов российской и советской военной техники делает КНР все более независимой в военной области. Более того, Китай становится конкурентом РФ в экспорте оружия. Участились случаи рекламаций на качество российского оружия и со стороны Индии. Так, ВМС этой страны отказались принимать дизельную подводную лодку «Синдувнджай», противолодочные самолеты Ил-38 SD. У индийцев есть претензии и к качеству истребителей СУ-30 МКИ. Серьезной проблемой военно-технического сотрудничества с Индией являются срывы сроков поставок российской стороной. Например, постоянно откладывается завершение модернизации авианосца «Викрамадитья» (бывший «Адмирал Горшков»), задерживается строительство подводной лодки «Chakra» (проект 971Н «Щука Б») и т. д. В результате Индия все чаще отдает предпочтение нероссийским вооружениям.

Существуют и другие проблемы экономического сотрудничества трех стран. Так, Индия не считает Китай и Россию странами с рыночной экономикой, поэтому устанавливает заградительные пошлины на некоторые виды их товаров. В свою очередь, партнеры проявляют предубежденность к качеству индийских товаров. Индия и Китай выступают конкурентами на рынке энергоносителей.

Ослабляет экономическое сотрудничество и разница потенциалов трех стран. Для Китая характерен устойчивый бурный рост, с точки зрения модернизации экономики Россия буксует, а Индия только вступила на путь реформ. В. Лихачев еще в 1990-е гг. писал: «Стратегическое партнерство», где один из партнеров пребывает в затыжном экономическом и военном упадке, а другой на подъеме, неизбежно приводит к такому распределению ролей, когда первый выступает ведомым, а второй — ведущим...»¹⁷. С определенными оговорками этот вывод можно признать актуальным для характеристики современных экономических отношений РИК.

Экономические связи трех стран не только несбалансированны и архаичны (как мы видим, они сводятся главным образом к обмену российского и индийского сырья на китайский ширпотреб), но и неустойчивы, сопровождаются заметными взлетами и падениями¹⁸.

В рамках «треугольника» наблюдается определенная (порой жесткая) экономическая конкуренция. Так, Китай и Индия конкурируют за роль региональных лидеров в Азии. Геоэкономическое соперничество двух азиатских гигантов отмечают многие авторы¹⁹. Страны внимательно следят за достижениями друг друга, сравнивают их, завидуют успехам соседей. Индия и Китай наращивают свое экономическое, политическое и военное присутствие в Юго-Восточной Азии, где сталкиваются китайская стратегия «про-

движения на юг» и индийская «ориентация на восток». Геоэкономическая конкуренция характеризует также отношения Китая и России. В частности, латентно идет борьба за влияние на постсоветском пространстве Центральной Азии, где китайцы стремятся взять под свой контроль казахстанские, туркменские и узбекские источники энергоресурсов, а также трубопроводные магистрали²⁰. Российско-индийское экономическое соперничество в настоящее время не так выражено в силу значительного разрыва в уровнях социально-экономического развития, однако можно наблюдать его возникновение в некоторых регионах, например, в той же Центральной Азии²¹.

Однако, несмотря на непрочность экономического фундамента «треугольника», степень взаимозависимости трех стран не следует недооценивать. Более того, для Индии и Китая экономические мотивы во многом являются приоритетными в развитии стратегического партнерства с Россией. Например, Китай, как мы уже отмечали, весьма заинтересован в получении ресурсной базы для развития национальной экономики и наращивания военного потенциала страны, а также рынка сбыта для китайского ширпотреба и сферы приложения избыточной рабочей силы. Индия, как и Китай, по нашему мнению, рассматривает «треугольник», прежде всего, в качестве средства решения определенных экономических задач.

Учитывая это, необходимо развивать торгово-экономическое сотрудничество трех стран на взаимовыгодной основе. Укреплению экономической взаимозависимости РИК могло бы способствовать создание РФ в центрально-азиатском регионе собственной энергетической сети «производитель-потребитель», в которой Индия и Китай играли бы ключевые роли как главные потребители энергоресурсов на длительное время. Весьма перспективным является создание совместной транспортной инфраструктуры, предусматривающей, в частности, строительство трансконтинентальных железных и шоссейных дорог, соединяющих Центральную, Северо-Восточную и Южную Азию. При этом важно не столько увеличить количественные показатели экономического сотрудничества в рамках «треугольника», сколько кардинальным образом изменить его структуру и характер. Необходимо повысить удельный вес машин и оборудования, технологической составляющей в товарообмене трех стран. Актуальной является и проблема развития производственной, научно-технической интеграции РИК, создания совместных производств и т.д. Так, Индия и Китай могут совершить совместный прорыв в области информационных технологий, поскольку Индия добилась больших успехов в разработке программного обеспечения, а Китай — в производстве компьютерной техники. Нуждается в расширении экономическое сотрудничество на трехсторонней основе (в настоящее время в «треугольнике» доминируют двусторонние экономические связи).

Углубление и гармонизация экономического сотрудничества России, Индии и Китая будет иметь огромное социально-политическое значение. Прежде всего, это поможет решению тех сходных внутривнутриполитических задач, которые стоят перед тремя странами — модернизация экономики, реформирование общества с целью выхода на уровень современного цивилизационного развития. Для достижения перечисленных социально-экономических целей РИК нуждаются в объединении усилий, установлении между собой тесных отношений. Как отмечает в своей диссертации Н.П. Шубкина, активные экономические реформы, проводимые в России, Индии и Китае придадут связям нашей страны с ее партнерами «новую динамику»²². Кроме того, укрепление экономического сотрудничества РИК поставит стратегическое партнерство трех стран на прочный фундамент, приведет к усилению геополитического потенциала «треугольника», росту его международного авторитета, будет содействовать стабилизации мирового и регионального порядка.

1. Россия — Китай — Индия: проблемы стратегического партнерства. М., 2000; Яскина Г.С. Россия — Китай — Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1; Уянаев С.В. Россия — Китай — Индия: на пути трехстороннего взаимо-

- действия // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). М., 2004; Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. В 2-х т. М., 2004; *Портяков В.Я.* Основные особенности и проблемы взаимодействия России, Индии и Китая на современном этапе // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). М., 2005; *Уянаев С.В.* Москва — Дели — Пекин: мост взаимопонимания и сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). М., 2008.
2. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 492; *Уянаев С.В.* Россия — Индия — Китай: не блок, а система партнерства в интересах развития и мира // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. М., 2005; *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М., 2009. С. 189.
  3. *Широков Г.К., Лулев С.И.* Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998. С. 89.
  4. *Титаренко М.Л.* Указ. соч. С. 482.
  5. См.: *Karlan R.* How we would Fight China // *Atlantic Monthly*. 2005. June.
  6. *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимодействий. М., 2006. С. 501; *Гао Шуцзинь.* Российско-китайские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 124; *Ли Фэньлин.* Исторический выбор подходов двух стран // *Проблемы Дальнего Востока*. 1997. № 2. С. 34.
  7. *Чжун Сяньлин.* Китайско-российское сотрудничество в области энергетики и его влияние на экономику региона СВА // *Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях и развитии внутренней обстановки в РФ*. М., 2005. С. 46–52.
  8. *Шубкина Н.П.* Российско-индийское сотрудничество в региональном измерении: Автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2006. С. 19.
  9. Об итогах восьмой трехсторонней встречи ученых России, Индии и Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 2. С. 16.
  10. <http://www.kreml.org/interview/224983235>.
  11. *Портяков В.Я.* Российско-китайские отношения в 2008 г. // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 1. С. 12–13.
  12. *Титаренко М.Л.* Указ. соч. С. 504.
  13. *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай—Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 12; *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX — XXI вв. Владивосток, 2006. С. 51.
  14. *Китайский фактор в новой структуре международных отношений и стратегия России*. М., 2004. С. 18.
  15. *Уянаев С.В.* Китай — Индия: отношения в начале нового столетия // *Проблемы Дальнего Востока*. 2006. № 1. С. 27.
  16. *Культин-Губайдуллин Э.С.* Указ. соч. Россия и Китая: проблемы безопасности и сотрудничества в контексте глобальной борьбы за ресурсы // *Полис*. 2008. № 6. С. 153.
  17. *Лихачев В.* О стратегическом партнерстве между Россией и Китаем // *Проблемы Дальнего Востока*. 1997. № 2. С. 38.
  18. *Ма Шуфан.* Стратегический ракурс китайско-российских отношений, обращенных в XXI в. // *Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях и развитии внутренней обстановки в РФ*. М., 2005. С. 12.
  19. *Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М., 2007. С. 360–461; *Яскина Г.С.* Указ. соч. С. 34; *Ефремова К.А.* Модели взаимодействия неравновесных участников международных отношений (на примере Китая, Индии и Мьянмы): Автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2004.
  20. *Гаджиев К.С.* Мифы и реальности «нового великого шелкового пути» // *МЭ и МО*. 2008. № 11. С. 3–14; *Сыроежкин К.Л.* Центральная Азия в треугольнике «Россия—Китай—Запад»: выбор приоритетов // *МЭ и МО*. 2007. № 10. С. 12–24.
  21. *Шамгунов Р.Г.* Политика Индии и России в Центральной Азии // *Россия и Индия в современном мире: Материалы международной конференции, 24–25 февр. 2005 г.* СПб., 2005. С. 73–83.
  22. *Шубкина Н.П.* Указ. соч. С. 22.

Российский Дальний Восток

Транспортные связи Дальнего Востока РФ с Китаем: текущее состояние и перспективные проекты*

© 2010

А. Бардаль

В статье рассматривается проблема транспортных связей сопредельных районов РФ и КНР. Представлены основные элементы инфраструктуры по обслуживанию взаимных перевозок и их маршруты. Проанализирована структура перевозимых грузов и динамика пассажиропотока. Охарактеризованы перспективные проекты в сфере транспортного сотрудничества между РФ и КНР на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: Дальний Восток России, транспортная инфраструктура, перевозки между РФ и КНР, проект Туманган, мосты через Амур

Протяженность государственной границы РФ и КНР превышает 4,3 тыс. км, включая как сухопутные, так и водные участки. Рост взаимного экономического интереса¹ требует адекватного развития транспортных коммуникаций. Имеется в виду не только увеличение числа транспортных смычек, но и повышение технического уровня существующих, чтобы предоставлять более качественные услуги, применяя логистические принципы при перемещении грузов и пассажиров.

Договорно-юридические основы

Между РФ и КНР к настоящему времени заключено немало договоров и соглашений по различным направлениям экономического взаимодействия.

«Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)» является одним из последних по времени документов. Одобренная в

Бардаль Аша Борисовна, кандидат экономических наук, зав. сектором экономики транспорта, ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск. E-mail: Bardal@ecrin.ru

* Исследование поддержано грантами РГНФ, проект № 09-02-88209а/Г «Трансформация грузопотоков и их транспортного обслуживания в южной зоне Дальнего Востока»; ДВО РАН, проект № 09-1-П24-01 «Дальний Восток России в национальном и субглобальном пространстве»; ДВО РАН, проект № 09-П-УО-10-001 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции».

октябре 2009 г. на встрече Президента РФ Д. Медведева и Председателя КНР Ху Цзиньтао, она определяет вектор взаимоотношений, в т.ч. развитие транспорта.

Российско-китайское сотрудничество в этой сфере регламентируется рядом документов, закрепляющих порядок функционирования отдельных видов транспорта, элементов транспортной инфраструктуры при осуществлении международных перевозок грузов и пассажиров. К основным можно отнести: соглашение «О режиме торгового судоходства на пограничных и смежных с ними реках и озере» (подписано 21 декабря 1957 г.), договор «О торговле и мореплавании» (23 апреля 1958 г.), соглашения «О воздушном сообщении» (26 марта 1991 г.),² «Об организации речных перевозок между РФ и КНР» (16 января 1992 г.), «О международном автомобильном сообщении» (18 декабря 1992 г.), «О пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе» (27 января 1994 г.), «О совместном строительстве моста через реку Амур (Хэйлуцзян) в районе городов Благовещенск — Хэйхэ» (26 июня 1995 г.), «О совместном строительстве пограничного мостового перехода через реку Аргунь в районе Олочи — Шивэй» (15 февраля 2001 г.) и др. Однако далеко не все документы ощутимо работают.

Эффективный механизм координации текущей деятельности между странами возник в 1996 г., когда в ходе визита Президента РФ Б.Н. Ельцина в КНР было достигнуто соглашение о ежегодных встречах глав правительств. Этот механизм закреплен «Соглашением о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая» (27 июня 1997 г.), в котором установлена ежегодная регулярность встреч глав правительств с целью координации деятельности в различных областях сотрудничества, включая транспорт. Предварительная работа осуществляется Российско-китайской комиссией по подготовке регулярных встреч глав правительств, в состав которой входят многочисленные подкомиссии по конкретным направлениям. В частности, проводятся ежегодные заседания Подкомиссии по сотрудничеству в области транспорта на уровне глав транспортных ведомств. В ходе ее работы представители РФ и КНР обмениваются информацией об итогах деятельности транспорта за предыдущий период, обсуждают возникающие проблемы и разрабатывают варианты их решения. По итогам работы Подкомиссии определяются направления взаимодействия в сфере транспорта на следующий год. В период до 2010 г. было проведено 13 заседаний Подкомиссии (последнее по времени состоялось в Пекине 3 октября 2009 г.)

Современное состояние транспортных связей

К настоящему времени между китайской северо-восточной провинцией Хэйлуцзян и приграничными административно-территориальными субъектами РФ осуществляется движение по 43 международным автодорожным и трем железнодорожным транспортным коридорам. В 2009 г. действовало 22 маршрута для перевозок пассажиров и 21 грузовой. Открыты автодорожные маршруты перевозок грузов и пассажиров: Краскино (РФ) — Хунчунь (КНР), Славянка (РФ) — Тумэнь (КНР), Уссурийск (РФ) — Яньцзи (КНР).

Число линий организованных двусторонних перевозок нарастает. Так, в конце 2008 г. был открыт новый автомобильный маршрут Уссурийск (РФ) — Цзиси (КНР), являющийся наиболее протяженным (309 км). Данный маршрут предназначен для перевозок продукции промышленности и сельского хозяйства. В г. Цзиси открыта зона международной торговли и логистики, а также рынок оптовой торговли овощами и фруктами. Действуют регулярные международные морские линии контейнерных перевозок по маршрутам: Хунчунь (КНР) — Зарубино (РФ) — Иомишима (Япония), Хунчунь — Посьет (РФ) — Акита (Япония), Сокчо (Республика Корея) — Никосия (Япония) — Зарубино — Хунчунь. Также на регулярной основе осуществляются перевозки грузов и пассажиров по направлению Хунчунь — Зарубино — Сокчо.

Один из наиболее важных элементов инфраструктуры при международных перевозках — пункты пропуска через госграницу. Их пропускная способность, скорость и качество обслуживания во многом определяют эффективность всей транспортной цепи. В настоящее время на границе между РФ и КНР официально установлены три железнодорожных (Забайкальск — Маньчжурия, Гродеково — Суйфэньхэ, Махалино — Хунчунь), один речной (Хабаровск — Фуюань), 11 автомобильных и 10 пунктов пропуска смешанного типа (в летнее время перевозки осуществляются судами по реке, в зимнее — автомобилями по льду)³. С 1994 г., когда было принято вышеупомянутое соглашение о пунктах пропуска⁴, число таковых изменилось в связи с изменением потребностей в перемещениях грузов и пассажиров. Так, летом 2009 г. был открыт грузопассажирский смешанный пункт пропуска «Сковородино» в Амурской области, получивший статус временного⁵. Он понадобился для организации работ по строительству подводного перехода отвления на Китай нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО). Открыт для пропуска персонала, транспортных и технических средств, стройматериалов и др. необходимых товаров до окончания строительства подводного перехода нефтепровода в 3-м квартале 2010 г.

Некоторые официально учрежденные пункты пропуска в настоящее время не функционируют. Например, российской стороной все еще не решены вопросы организации работы железнодорожного перехода Махалино — Хунчунь в Приморском крае. Инфраструктура перехода принадлежит ОАО «Золотое звено» (железнодорожная станция Камышовая и железнодорожная ветка от магистрали до госграницы протяженностью 20,3 км). Указывается множество причин, по которым не работает этот перспективно расположенный переход: недостаточная оснащенность, высокие тарифы на железнодорожные перевозки в направлении перехода, несогласованность действий руководства компании-собственника инфраструктуры перехода с руководством ДВЖД и др. При незначительных объемах перевозок долги ОАО «Золотое звено» росли и в сентябре 2009 г. Арбитражным судом компания признана банкротом, назначен временный управляющий⁶. Китайские партнеры активно поддерживают возобновление перевозок на данном направлении. Со стороны границы КНР была построена железнодорожная ветка протяженностью 40 км, принято решение об установке на ст. Хунчунь оборудования для перекачки нефти и нефтепродуктов из российских цистерн.

Фактически не действует и автомобильный пункт пропуска Кани-Курган — Чанфатунь, установленный в 1996 г. в районе предполагаемого строительства моста через Амур в районе Благовещенска. Он был организован как временный для перемещения персонала, стройматериалов, оборудования и техники. Но не реализован.

В 2008 г. объемы перевозок грузов железнодорожным и автомобильным видами транспорта снизились.

По итогам 2008 г. сложилась следующая структура железнодорожных грузовых перевозок: 90% общего объема грузов было перевезено из РФ в КНР, 9,4% — из КНР в РФ, доля китайского транзита по территории России составляет 0,6%.

Наиболее значимым в обслуживании двусторонних грузовых перевозок остается железнодорожный пограничный переход Забайкальск — Маньчжурия. Через него проходит около 60% грузов, следующих в КНР, и примерно 40% грузов в обратном направлении. В 2009 г. были организованы пуски демонстрационных контейнерных поездов между Китаем (Шэньчжэнь) и Чехией (Пардубице) транзитом по железным дорогам России через пограничный переход Забайкальск. Рост перевозок сопровождается увеличением мощности транспортно-логистической инфраструктуры с обеих сторон границы. На станции Забайкальск в 2008 г. открылся модернизированный контейнерный терминал пропускной способностью 470 тыс. ДФЭ. Продолжаются работы по комплексной реконструкции железнодорожной линии Карымская — Забайкальск, предполагающие строительство двухпутных вставок, реконструкцию станций и электрификацию.

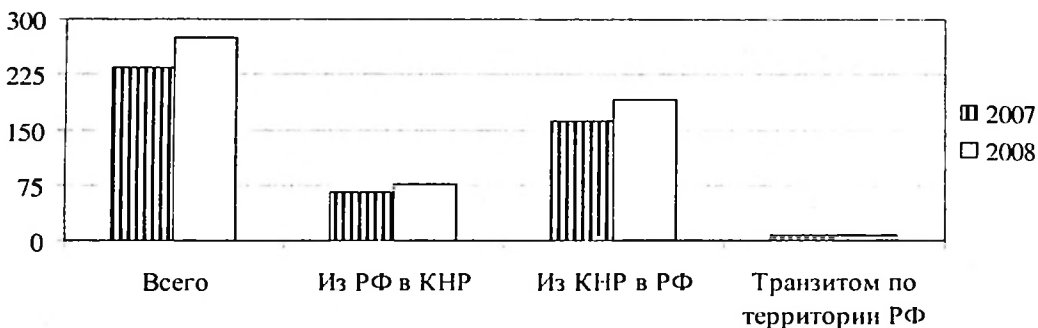
По масштабам грузовых перевозок лидирует на Дальнем Востоке железнодорожный переход Гродеково—Суйфэньхэ. В 2008 г. объем перевезенных грузов составил 8,4 млн т, в том числе: из РФ в КНР — 8,1 млн т, из КНР в РФ — 330 тыс. т.

В 2009 г. на фоне мирового кризиса перевозки грузов между Россией и Китаем через железнодорожные погранпереходы снизились за 6 месяцев на 14% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. В наибольшей степени сократились и ранее незначительные по объемам транзитные перевозки — на 80%, перевозки из КНР в РФ упали на 60%, из РФ в КНР — на 10%.

По итогам 2008 г. наблюдался рост пассажиропотока. За год между Россией и Китаем было пропущено 2 млн 97 тыс. чел., или на 5,6% больше, чем в 2007 г. В первом полугодии 2009 г. пассажиропоток снизился по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. на 51%. Кризис проявился в снижении численности россиян, осуществляющих в Китае покупки потребительских товаров для личного пользования и для перепродажи («челночные» туристы), несколько снизился и выезд туристов на отдых. Положительная тенденция грузовых перевозок последних лет: развитие контейнеризации (рис. 1).

Рисунок 1.

Динамика в контейнерных перевозках железнодорожным транспортом между РФ и КНР, тыс. ДФЭ.

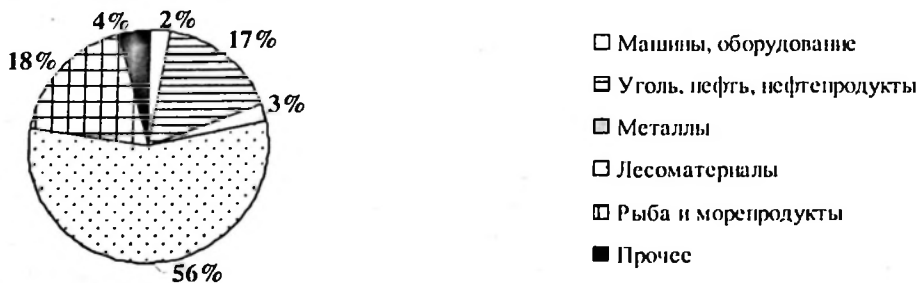

За первое полугодие 2009 г. контейнерные перевозки грузов по железной дороге из КНР в РФ и транзитом по территории РФ снизились на 61% в сравнении с аналогичным периодом 2008 г. Объем перевозок из России в Китай вырос на 3%.

Товарная структура экспорта Дальнего Востока за 2000–2008 гг. значительно изменилась: снизился удельный вес машин и оборудования (с 37 до 2%), увеличилась доля экспортируемых лесоматериалов (с 12 до 56%), рыбы и морепродуктов (с 6 до 18% общего показателя) (рис. 2).

Рисунок 2.

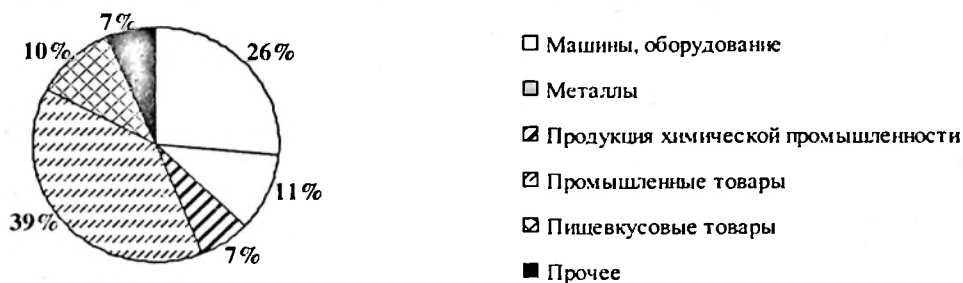
Структура экспорта Дальнего Востока России в КНР (2008 г.), %⁷

Структура импорта за 2000–2008 гг. также изменилась: возросла доля промышленных товаров, ввозимых из Китая (с 16 до 39%), увеличилась доля машин и оборудования (с 10 до 26%) и металлов (с 3 до 11%), снизился удельный вес пищевкусовых товаров (с 55 до 10%) (рис. 3).

Рисунок 3.

Структура импорта Дальнего Востока России из КНР (2008 г.), %⁸

Наряду с пунктами пропуска немаловажным звеном транспортной цепи являются дороги от магистральных железнодорожных и автомобильных направлений до государственной границы. На территории Дальнего Востока автомобильные дороги от федеральных трасс «Амур» (Чита — Хабаровск) и «Усури» (Хабаровск — Владивосток) до границы с КНР преимущественно имеют асфальтобетонное покрытие со значительными гравийными участками и принадлежат к III, IV категориям. Как считают специалисты, по своим параметрам они не соответствуют нормам международных перевозок⁹. Имеются многочисленные деформации дорожного полотна (выбоины, проломы, просадки), часть дорог проходит через населенные пункты, что затрудняет движение и не позволяет развивать высокую скорость. Необходима первоочередная модернизация автодорог, ведущих к пунктам пропуска Пограничный — Суйфэньхэ, Полтавка — Дуннин, Краскино — Хунчунь и Благовещенск — Хэйхэ.

Перспективные проекты сотрудничества

Работы по обустройству пунктов пропуска, объектов инфраструктуры, мест пересечения госграницы проводятся в рамках ФЦП «Государственная граница РФ». Приоритетными объектами программы являются пункты пропуска, которые будут задействованы при проведении Олимпиады 2014 г. в Сочи, саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г., а также объекты для обеспечения экспорта нефти по БТС-2 и ВСТО.

Согласованы ключевые направления работ и конкретные проекты, обозначен перспективный вектор развития. Перечень проектов по обустройству пограничных пунктов пропуска на российско-китайской границе в пределах территории ДФО включает:

- реконструкцию пункта пропуска Нижнеленинское — Тунияз (на российской стороне — строительство комплекса причальных сооружений и грузовой площадки, строительство третьей очереди причальных сооружений, предусматривающей окончательное обустройство береговой линии, а также реконструкцию пассажирского причала и пассажирского терминала пункта пропуска);
- реконструкцию многостороннего автомобильного пункта пропуска Пограничный — Суйфэньхэ;
- реконструкцию пункта пропуска Амурзет — Лобэй (на российской стороне — строительство комплекса причальных сооружений);
- реконструкцию пункта пропуска Пашково — Цзянь (на российской стороне — строительство пассажирского причала, на китайской — строительство и реконст-

рукция причалов, терминалов и других объектов инфраструктуры, необходимых для осуществления контроля за перемещением грузов, пассажиров);

- реконструкцию пункта пропуска Покровка — Жаохэ;

- реконструкцию автомобильных дорог на подъезде к пунктам пропуска через госграницу (с российской стороны: автомобильной дороги Биробиджан — Ленинское, Биробиджан — Амурзет, автомобильной дороги к пункту пропуска Пашково, автомобильной дороги к международному речному порту в с. Нижнеленинское; с китайской стороны: обустройство и реконструкцию автодорог от пограничных пунктов пропуска Цзянь. Лобэй, Тунцзян до автодороги Тунцзян — Санья, реконструкцию и продление автодороги Тунцзян — Санья до г. Фуюаня);

- организацию и обустройство железнодорожного пункта пропуска Нижнеленинское — Тунцзян (с китайской стороны — строительство железной дороги от пункта пропуска до г. Тунцзян, реконструкцию железной дороги Тунцзян — Сяньянчуань — Цзямусу, входящей в железную дорогу Тунцзян — Фуцзинь, строительство железной дороги Тяньцзинь — Фуюаня);

- обустройство и реконструкцию двустороннего автомобильного пункта пропуска Покровка — Логухэ (с российской стороны — строительство автомобильной дороги от федеральной трассы «Амур» от п. Амазар до пункта пропуска с мостовым переходом через р. Амур; с китайской стороны — строительство автодороги от пункта пропуска через г. Логухэ до г. Мохэ, строительство железной дороги Логухэ — Гулянь, входящей в железную дорогу Фуцзинь — Цзыси);

- строительство пункта пропуска в районе предполагаемого строительства моста через Амур (в районе Благовещенска и Хэйхэ), строительство сторонами примыкающей к пункту пропуска автодороги, грузового причала и терминала, организацию совместной деятельности транспортно-логистических комплексов в Благовещенске и Хэйхэ;

- строительство многостороннего автомобильного пункта пропуска Краскино — Хуньчунь (с китайской стороны — реконструкцию и расширение грузового и пассажирского терминалов, строительство автодороги от автомобильного пункта пропуска до Хуньчуна, соединенной со скоростной автотрассой Хуньчунь — Тумэн);

- реконструкцию моста в районе действующего пункта пропуска Полтавка — Дунин (с китайской стороны — строительство скоростной автомагистрали Суйфэнхэ — Маньжоули, скоростной автомагистрали Дуннин — Муданьцзян, строительство железной дороги Дуннин — Хуньчунь);

- строительство железнодорожного мостового перехода через р. Амур в районе с. Нижнеленинское и г. Тунцзян (с российской стороны реконструкцию железнодорожной ветки Биробиджан — Ленинское с выходом на строящийся железнодорожный мост через р. Амур; с китайской стороны — строительство железной дороги от пункта пропуска в г. Тунцзян, связанной с железной дорогой Фуцзинь — Тунцзян, и реконструкцию железной дороги Тунцзян — Сяньянчуань — Цзямусу);

- сооружение в зимний период временной льдоукрепляющей понтонной переправы в районе пункта пропуска Нижнеленинское — Тунцзян;

- усиление льдоукрепляющей понтонной переправы через р. Усури в районе между пунктами пропуска Покровка и Жаохэ;

- строительство автотрассы Владивосток — Чанчунь (с китайской стороны — строительство автомобильной дороги от пункта пропуска до г. Хуньчунь, связанной со скоростной автодорогой Чанчунь — Хуньчунь);

- прокладку автотрассы порт Зарубино — Хуньчунь (с китайской стороны — строительство автодороги от пункта пропуска до г. Хуньчунь, автотрассы Хуньчунь — Тумэн, связанной со скоростной автотрассой Чанчунь — Хуньчунь).

Эти и другие проекты вошли в «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 2018 годы)», в

которой обустройство пунктов пропуска, строительство и реконструкция приграничной инфраструктуры выделены в самостоятельный блок.

Помимо совершенствования инфраструктуры пограничных пунктов пропуска предусмотрен ряд других важных направлений сотрудничества в сфере транспорта.

Совместное использование Большого Уссурийского острова

В соответствии с дополнительным соглашением между РФ и КНР «О российско-китайской государственной границе на ее Восточной части» от 14 октября 2004 г. под юрисдикцию Китая перешли остров Тарабаров и западная часть Большого Уссурийского острова на Амуре.

Ныне Большой Уссурийский остров — есть территория, разделенная между РФ и КНР. Необходимо организовать его совместное использование, в частности, определить основной вектор развития, создать соответствующую транспортную инфраструктуру с обеих сторон, организовать пограничные пункты пропуска. Российская сторона вступила в этап разработки программы развития восточной части острова, оставшейся в ведении России. Прорабатываются различные варианты обустройства территории. Разработку проекта курирует администрация Хабаровского края, завершить работы по «Программе комплексного развития острова Большой Уссурийский» планируется в 2010 г. Китайская сторона уже имеет проект развития западной части Большого Уссурийского острова. Данный вопрос курирует правительство провинции Хэйлунцзян, разработавшее «Программу по охране и развитию острова Хэйсяцзыдао», к настоящему времени уже утвержденную Госкомитетом по делам развития и реформы КНР¹⁰. Проект китайской стороны основан на четырех ключевых позициях: создание ППП, создание территории для туризма и развлечений, соблюдение норм экологической безопасности, развитие товарного обращения. Планируется, что на первом этапе будут реализованы проекты по созданию транспортной инфраструктуры с материковой части до острова. Этот этап проекта уже реализуется — в частности, осенью 2009 г. началось строительство моста протяженностью 2,1 км с китайской территории в направлении острова (объем необходимых инвестиций оценивается в 35 млн долл). Запланированы строительство международного аэропорта в г. Фуюань (инвестиции порядка 44 млн долл), берегоукрепительные работы, строительство подъездных автомобильных дорог. В дальнейшем предполагается прокладка железной дороги от Фуюаня до Цзямусы и ее соединение с ДВЖД на российской стороне.

Российской стороной прорабатывается концепция развития восточной части острова, предполагающая строительство парка отдыха, торговых центров для оптовой и розничной торговли, гостиничного комплекса, организацию ППП. В 2009 г. правительство Хабаровского края подготовило и направило в МИД РФ и в Федеральное агентство по обустройству государственной границы РФ пакет документов по созданию пункта пропуска на Большом Уссурийском острове. Предполагается, что пропускная способность пограничного перехода составит 250 грузовых автомобилей, 50 автобусов, 1,5 тыс. чел.¹¹ Объем возможного ввоза грузов в контейнерах — до 200 тыс. ДФЭ в год. Пункт пропуска будет состоять из контрольно-пропускного пункта, пропускных пунктов для автобусов и грузовых машин, боксов углубленного досмотра, инспекционно-досмотрового комплекса, зданий для обеззараживания, ветеринарного, фитосанитарного и санитарно-карантинного контроля, административных и складских помещений. Строительство ППП запланировано на 2011—2013 гг. Объем инвестиций, необходимых для строительства, оценен в 1,8 млрд руб. Кроме того, с российской стороны будет построено мост через Амурскую протоку, соединяющий остров с пригородом Хабаровска, а также подъездные пути к мосту (протяженностью 4,2 км). Основной объем работ будет профинансирован в рамках программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года».

В более отдаленной перспективе Большой Уссурийский остров может стать звеном в транзитном коридоре грузов из провинций Северо-Восточного Китая в направлении морских портов Ванино и Советская Гавань (Хабаровский край).

Сухопутно-морская линия Сокчо—Ниигата—Зарубино—Хуньчунь

С 2009 г. реализуется международный транспортный проект по организации грузопассажирских перевозок между Японией, Южной Кореей, Китаем и Россией. Этот маршрут обслуживается железнодорожным, автомобильным, морским видами транспорта. Коридор начинается с китайской провинции Цзилинь, далее следует в порт Зарубино, затем в южнокорейский порт Сокчо и в порт Ниигата на западе Японии. Общая протяженность маршрута — около 92 км по суше и 800 миль по морю. Время перевозки грузов он сократит, по оценкам специалистов, с 12 суток до 20 часов¹².

К настоящему времени проведена вся необходимая работа по обслуживанию сухопутного участка маршрута от Махалино до Зарубино, решены все технические и технологические вопросы. В дальнейшем для увеличения пропускной способности маршрута потребуется модернизация пункта пропуска Махалино, а также инфраструктуры железнодорожной станции Камышовая и участка железной дороги до госграницы с КНР.

Бывшим собственником инфраструктуры пограничного перехода (ОАО «Золотое звено») пока не завершены работы по обустройству пункта пропуска Махалино. В июне 2005 г. в результате совместной российско-китайской инспекционной поездки по пунктам пропуска специалистами Подкомиссии по сотрудничеству в области транспорта Комиссии по подготовке регулярных встреч глав Правительств России и Китая отмечено, что состояние обустройства пункта пропуска Махалино — Хуньчунь не позволяет обеспечить осуществление в нем пограничного, таможенного и иных видов контроля.

Строительство моста через Амур

На всем протяжении границы между РФ и КНР пока что действуют два железнодорожных перехода: Забайкальск — Маньжоули (в Забайкальском крае) и Гродеково — Суйфэньхэ (Приморский край). Расстояние между ними: 3,2 тыс. км., поэтому идея создания дополнительного круглогодичного перехода уже давно стала актуальной.

Создание новой транспортной связи изначально задумывалось на территории Амурской области. Еще в июне 1995 г. было подписано соглашение правительства РФ и КНР «О совместном строительстве моста через реку Амур (Хэйлуицзян) в районе городов Благовещенск—Хэйхэ», предполагавшем строительство с поэтапным вводом в эксплуатацию: сначала двухполосной автомобильной части моста, затем — железнодорожной. В технико-экономическом обосновании проекта, выполненном ОАО «Гипрострой-мост», отмечено, что финансовая эффективность может быть достигнута при реализации именно совмещенного варианта. Для обеспечения работ был учрежден пункт пропуска в районе п. Каникурган, расположенного на 7,5 км ниже Благовещенска. Однако инвесторы не были определены, и проект до настоящего времени не реализован.

В условиях неопределенности строительства постоянного мостового перехода между Благовещенском и Хэйхе здесь будет устанавливаться понтонный мост. Финансирование строительства и эксплуатация которого будет осуществляться на паритетных условиях российскими и китайскими хозяйствующими субъектами-инвесторами.

Новое воплощение идеи строительства мостового перехода в настоящее время активно продвигается на территории Еврейской автономной области (ЕАО). В 2008 г. заключено соглашение о строительстве мостового перехода через Амур, соединяющего с. Нижнеленинское (ЕАО) и г. Тунцзян (пров. Хэйлуицзян). Планируется построить железнодорожный мост протяженностью 2180 м. Объем перевозимых грузов оценочно составит к 2015 г. 12 млн т и увеличится до 30 млн т в дальнейшем. Для реализации проекта в

полном объеме помимо строительства моста необходима реконструкция малодеятельной железнодорожной линии Биробиджан — Ленинское (120 км) и ее электрификация к 2017 г.

Железнодорожный мост предназначен в первую очередь для транспортировки продукции горно-обогатительного комбината, строительство которого запланировано на территории ЕАО. Инвестировать средства в строительство объектов промышленного производства и транспортной инфраструктуры будут: с китайской стороны «Хуан Юан Industrial Development Co. Ltd», с российской — Металлургический альянс «Петропавловск» (ООО «Ариком» и дочернее предприятие британской компании Peter Hambro Mining ООО «Рубикон»), имеющее лицензии на разработку железорудных месторождений Кимканское и Сутарское (ЕАО). На первом этапе китайская компания профинансирует строительство горно-обогатительного комбината на Кимканском и соседнем Сутарском месторождениях. Затем планируется построить горно-обогатительный комбинат на близлежащем Гаринском месторождении. Третий этап включает строительство металлургического комплекса в Кимкано-Сутарском районе мощностью 2,5 млн т железа в год. Проект по созданию горно-металлургического кластера на территории ЕАО получил летом 2009 г. одобрение Инвестиционной комиссии Министерства регионального развития РФ, что означает выделение средств Инвестиционного фонда. Они будут направлены на проектирование и строительство железной дороги от Гаринского ГОК до Транссиба. Эта дорога является составной частью ветки Шимановская—Февральск, включенной в Стратегию развития железнодорожного транспорта РФ до 2030 г.

В феврале 2010 г. российская техническая документация по проекту строительства моста передана на экспертизу. По железнодорожной ветке запланировано выполнить в 2010 г. проектно-изыскательские работы. Строительство предполагается начать в 2011 г, введение в эксплуатацию ожидается в 2013 г.

Программа «Туманган»

Начало проекту было положено в 1990 г., когда на международной конференции с участием представителей стран СВА в г. Чаньчуне (КНР) была выдвинута основополагающая идея. В следующем году были сформулированы основные направления сотрудничества при создании международной производственно-транспортной зоны в районе реки Туманган:

- создание крупного транспортного узла;
- разработка сырьевых месторождений северной части Китая, Монголии и Дальнего Востока России;
- расширение сельскохозяйственного производства;
- развитие энергетической инфраструктуры для нужд территории.

В 1995 г. представители Республики Корея, КНДР, КНР, России и Монголии подписали межправительственные соглашения о сотрудничестве в зоне реки Туманган. К 1996 г. концепция претерпела существенные изменения и трансформировалась в новую версию — проект «Туманган». Географически район включает провинцию Северный Хамген (КНДР), Яньбяньский автономный округ провинции Цзилинь (КНР) и южную часть Приморья (РФ) с Уссурийском и Находкой. Главная цель проекта — ускорение темпов экономического развития территории и повышение уровня благосостояния населения путем привлечения и развития внутренней и транзитной торговли. Однако из-за несоответствия интересов стран-участниц и несогласованности их действий реальные результаты в рамках проекта «Туманган» не достигнуты. В 2005 г. был продлен срок соглашений между странами, обновлена законодательная база сотрудничества, программа переименована в «Расширенную Туманганскую инициативу»¹³.

По транспортной составляющей проекта «Туманган», не реализованной в начальном варианте, к настоящему времени все же есть некоторые результаты. С 2000 г.

действует паромная линия Зарубино — Сокчо, в 2003 г. этот маршрут был продлен до Владивостока, с 2009 г. — до Нингаты. Другие проекты в рамках «Тумангана» представляют потенциал развития транспортной инфраструктуры в регионе СВА: возобновление перевозок по железнодорожной линии Хунчунь — Махалино, реконструкцию морского порта в бухте Троицы (Зарубино), соединение Транссибирской магистрали с Транскорейской железной дорогой, развитие порта Раджин (КНДР) и др. В перспективе возможен возврат к базовой цели создания единого транспортного узла на стыке трех стран.

Фактически за минувшие годы в районе Тумангана улучшилось состояние объектов транспортной инфраструктуры. При поддержке со стороны исполнительных органов проекта создана сеть шоссейных дорог между КНР и Россией в направлении Хунчунь—Чанлиньцзы—Краскино—Славянка, осуществлено соединение железной дороги Тумэнь—Хунчунь—Чанлиньцзы—Камышовая с железной дорогой до ст. Хасан и далее — с Транссибирской магистралью, осуществляются перевозки грузов. Китай в настоящее время использует российские порты южной части Приморского края (Зарубино, Посьет, Славянка и др.), хотя и в небольших объемах.

Китайская сторона продолжает активно инициировать создание свободного порта в районе реки Туманган (Тумэньцзян), что создаст кратчайший путь к Японскому морю через трансграничную зону с участием РФ и КНДР.

Дальнейшее развитие российско-китайского сотрудничества в рамках проекта «Туманган» предполагает: строительство автодороги Цюаньхэ—Фанчуань; открытие в г. Фанчуань пограничного пункта пропуска в Россию и его стыковка с приграничной автодорогой в России; расширение речных пристаней в Фанчуане, создание комфортных условий для пассажирских перевозок; реконструкцию автодороги по маршруту Краскино—Подгорное вдоль границы, далее вдоль реки и моря; открытие пограничного пункта пропуска в Китай в п. Подгорное.

КНДР в декабре 2009 г. заявила о выходе из проекта «Туманган»¹⁴.

Программа на 2009–2018 гг.

Данная программа, одобренная 23 сентября 2009 г. главами РФ и КНР, не только задает общий вектор развития межгосударственных отношений, но и содержит перечень конкретных совместных проектов на перспективу до 2018 г. Хотя сотрудничество в сфере транспорта выделено в Программе отдельным блоком, в приложении, содержащем список проектов по реализации программы на территории РФ и КНР, транспортные проекты «в чистом виде» отсутствуют. Развитие транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке, таким образом, предполагается лишь в качестве составляющей части многочисленных намерений по освоению месторождений. Представляется, что это может выражать неверную расстановку приоритетов в структуре намеченных мероприятий, а также отсутствие четкой позиции в этой области, отражающей национальные интересы страны.

Среди заявленных в Программе направлений сотрудничества в области транспорта к наиболее актуальным можно отнести:

- открытие регулярных пассажирских автомобильных перевозок по маршрутам Хабаровск — Бикин — Жаохэ — Харбин и Бикин — Жаохэ;
- организацию железнодорожного сообщения южных провинций КНР через города провинций Ляонин и Хэйлуцзян (Даньдун, Цзямусы, Муданьцзян и др.) с выходом на Транссибирскую железнодорожную магистраль в Приморском крае;
- организацию авиалиний из китайских городов Хух-Хото, Хайлар, Харбин, Чаньчунь, Шэньян, Далянь, Муданьцзян, Цзямусы, Цицикар, Хэйхэ, Дацин в российские города (в частности, на Дальнем Востоке: во Владивосток, Магадан, Южно-Сахалинск, Якутск, Анадырь, Петропавловск-Камчатский);

– открытие дополнительных и стыковочных рейсов в Харбин, Далянь, Санья из аэропорта Благовещенска (для этого необходима реконструкция аэровокзального комплекса и строительство второй взлетно-посадочной полосы).

* * *

Взаимоотношения между Россией и Китаем в области транспорта, позитивно развиваясь, не перерастают, однако, в масштабное сотрудничество. Китай активнее защищает свои интересы, тверже выражает и отстаивает приоритеты при реализации транспортных проектов, максимально жестко формулируя условия сотрудничества и вложения инвестиций, крайне редко выражая заинтересованность в проектах, не сопровождающихся доступом к сырьевым ресурсам. Российская сторона, к сожалению, гораздо инертнее в процессе принятия решений, не всегда имеет четко выраженную позицию по наиболее актуальным вопросам, а также единство во взглядах центральных и региональных властей на их решение. Сохраняется несогласованность в реализации проектов, требующих совместного участия. Несмотря на широкие перспективы, примеров успешно реализованных совместных транспортных проектов на сегодня — единицы.

1. *Минакир П.А.* Россия — Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // *Пространственная экономика*. 2009. № 3. Стр. 7–19.; *Автонова Н.Е., Бардадь А.Б., Калашиников В.Д., Кучерявенко В.Е., Ломакина Н.В., Минакир П.А.* Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке // *Пространственная экономика*. 2009. № 3. Стр. 134–158.
2. Данные нормативно-правовые акты продолжили действие после заключения межправительственного соглашения «Об инвентаризации договоров, заключенных между СССР и КНР в период с 1949 по 1991 год» (в форме обмена нотами от 28 апреля 1999 г.).
3. Распоряжение Правительства РФ от 20 ноября 2008 г. № 1724-р. // *Собрание законодательства РФ* от 08.12.2008. № 49. Ст. 5844.
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе (подписано 27 января 2004 г. в Пекине) // *Консультант Плюс*. 2004.
5. Приказ Федерального агентства по обустройству государственной границы РФ от 20.07.2009 г. № 104 «Об открытии смешанного грузо-пассажирского временного двустороннего пункта пропуска через государственную границу Российской Федерации Сквородино» // *Консультант Плюс*.
6. *Гладилин А.В.* Выступление на конференции проекта Расширенная Туманганская инициатива Программы развития при ООН. г. Пекин, 18–19 декабря 2009 г.
7. Рассчитано по данным: *Деваева Е.И., Котова Т.Е.* Внешняя торговля Дальнего Востока России: современное состояние и тенденции развития // *Пространственная экономика*. 2009. № 4. С. 40–56.
8. Рассчитано по данным: *Деваева Е.И., Котова Т.Е.* Указ. соч. С. 40–56.
9. Развитие сети автомобильных дорог на подходах к автотранспортным пограничным переходам Дальневосточного федерального округа: Материалы научных исследований. — <http://www.khstu.ru/rus/?menu=PogranAuto>.
10. Провинция Хэйлунцзян: Остров Хэйсяцзыдао (Большой Уссурийский) станет образцовым районом китайско-российского сотрудничества // *Китайский информационный интернет-центр*. Новости от 12.11.2009 г. — <http://russian.china.org.cn/index.htm>.
11. Завершен проект обоснования установления пограничного пункта пропуска на Большом Уссурийском острове близ Хабаровска // *РИА Восток-Медиа*. Новости от 10.06.2009 г. — <http://www.vostokmedia.com>.
12. *Лукин А.* Региональный обзор. Китай и соседи: к каждому партнеру — свой подход... // *Информационный портал МГИМО МИД России*. Новости от 15.01.2010 г. — <http://www.mgimo.ru>.
13. Greater Tumen Initiative // *Официальный сайт Секретариата Программы «Расширенная Туманганская инициатива»*. — <http://www.tumenprogramme.org>.
14. Проект «Туманган» // *Проект «Туманган»*. Новости от 3.12.2009. — <http://www.tumangan.ru>.

Дальний Восток России — Северо-Восточный Китай: торговые связи, транзит, транспортные коммуникации (20–30-е гг. XX в.)

© 2010

Г. Романова

В статье детально анализируются динамика и особенности торговых связей Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в 20–30-е гг. XX в. Исследуется транзит сельскохозяйственных грузов Северо-Востока на международный рынок, что способствовало развитию мировой торговли. В связи с этим рассматривается коммерческая деятельность КВЖД. Показана роль транспортных коммуникаций в экономическом развитии регионов. Автор подчеркивает целесообразность активного использования исторического опыта в процессе расширения экономических связей России и Китая, в частности формирования международного транспортного коридора «Восток–Запад», который непосредственно проходит по территориям Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР. Отмечается большое международное значение Владивостокского порта в первой трети XX в. в результате развития транзита и в настоящее время в период подготовки к Саммиту АТЭС в 2012 г.

Ключевые слова: транспортный коридор «Восток–Запад», Транссиб, КВЖД, Северо-Восточный Китай, Примурье, Владивосток, Саммит АТЭС-2012.

Южное Приморье Дальневосточного края обладает огромными возможностями обслуживать транзитные перевозки по Транссибу и региональные перевозки между странами Северо-Восточной Азии. Здесь находятся несколько стратегически значимых портов с круглогодичной навигацией (60% грузооборота портов Дальневосточного бассейна), имеющих непосредственный выход к железнодорожным магистралям: Восточный, Владивосток, Находка, Посьет, Зарубино. В соответствии с Федеральной целевой программой «Развитие транспортной системы России (2010–2015 гг.)» необходимо использовать геополитическое положение Приморского края и его потенциал транзитного транспортного коридора для эффективного взаимодействия основных видов транспорта — железнодорожного и морского. Этому способствует выделение Дальнего Востока как приоритетного региона в развитии экономики России.

Сейчас развитие транспортной системы юга Дальнего Востока осуществляется на базе обслуживания экспортных грузопотоков. Доля транзита — около 3%, экспорт становится основой интеграции в международную транспортную сеть. Для предоставления транзитных услуг и получения при этом финансовых средств нужна современная транспортно-логистическая система с использованием интермодальных технологий.

В условиях глобализации и развития интеграционных процессов, встраивания ряда стран и регионов в мировую транспортную систему идет интенсивное формирование международных транспортных коридоров (МТК). Система МТК на территории Дальнего Востока и Забайкалья включает в себя два евроазиатских коридора — «Транс-сиб», Северный морской путь, а также коридор регионального значения, связывающий северо-восточные провинции Китая через российские морские порты Приморского края с портами стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Два МТК проходят непосредственно по территории Северо-Восточного Китая и Южному Приморью.

– Трансконтинентальный азиатско-американский транспортный коридор «Восток—Запад» связывает северо-восточные провинции Китая и западное побережье США по схемам «*Приморье-1*» (Харбин—Суйфэньхэ—Гродеково—Владивосток/Восточный/Находка—порты АТР) и «*Приморье-2*» (Хуньчунь — Краскино—Посьет/Зарубино—порты АТР).

– Международный евроазиатский транспортный коридор «Северный морской путь» (северо-восточные провинции Китая — «Приморье 1» и «Приморье 2» — Северная Европа). Коридоры «Приамурье-1» и «Приамурье-2» объединяют в единую транспортную сеть северо-восток Китая и юг Приморья.

Ныне происходит переосмысление транспортных и транзитных возможностей региона. Ввиду целесообразности развития МТК, способствующих интеграции России в мировую экономику, выявилась необходимость создания развитой логистической системы для выхода на международный рынок. В ближайшие годы в Приморье предполагается построить два крупных транспортно-логистических комплекса (ТЛК), способных оказать серьезное влияние на повышение конкурентоспособности российской транспортной инфраструктуры. Это — Владивостокский и Находкинско-Восточный транспортные узлы. Для развития первого разработан проект «Южный приморский терминал»¹.

В 2000 г. был принят документ «Концепция участия России в форуме «Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество» (АТЭС), в котором сформулирована задача «выделить азиатско-тихоокеанское направление в качестве одного из приоритетных в общей композиции российской внешней политики». Дальний Восток России максимально ориентирован в экономическом смысле на рынки стран СВА. Если доля стран СВА во внешней торговле федеральных округов Европейской части России составляет от 5 до 10%, в Сибирском федеральном округе — 17,4%, то в Дальневосточном на страны СВА приходится 77% внешнеторгового оборота². Рост грузопотока через дальневосточные морские порты, являющиеся воротами страны в Азиатско-Тихоокеанский регион, — составная часть проекта «Стратегии развития транспорта РФ на период до 2030 года». В связи с подготовкой к Саммиту АТЭС в 2012 г. во Владивостоке принята подпрограмма «Развитие Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР»

В рамках визита премьер-министра В.В. Путина в КНР в октябре 2009 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в различных сферах экономики, в частности, в нефтедобыче, о создании супернефти во Владивостоке. Намечается строительство нефтегазовых платформ на море. Соглашение предполагает совместные инвестиции со стороны России и Китайско-сингапурской компании. Общий объем инвестиций данного проекта составляет 200 млн долл. Все это свидетельствует о возрастающем значении Владивостока как центра международного сотрудничества, в перспективе не исключено создание в нем портовой особой экономической зоны, что уже намечено в Советской Гавани. Это в целом может содействовать инновационному пути развития транспорта тихоокеанской России, оптимизации функционирования транспортно-логистических комплексов.

В связи с этим целесообразно проанализировать большое международное значение Владивостокского порта, характерное для него в первой трети XX в.

Победа в гражданской войне давала основание считать советский строй достаточно устойчивым, чтобы поддерживать с ним торгово-экономические отношения. Идея «санитарного кордона», оставаясь актуальной политически, становилась нерентабельной экономически. Деловые круги сопредельных с Россией стран, а затем и других государств Европы и Азии стали высказываться за урегулирование экономических отношений и возобновление с ней хозяйственного сотрудничества. 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение отменить в отношении России экономическую блокаду и восстановить с ней торговые отношения³. В 1921 г. с Советской Россией установили договорные отношения Англия, Германия, Норвегия, Австрия и Италия; в 1922 г. были заключены договоры с Швецией и Чехословакией⁴.

С установлением советской власти на Дальнем Востоке на его территорию распространялось законодательство РСФСР о монополии внешней торговли, в связи с этим во Владивостоке 1 октября 1923 г. открылся оперативный отдел Народного Комиссариата внешней торговли (НКВТ) Дальгосторг⁵, который имел свою контору в Харбине⁶.

Вопрос о торговой политике на Дальнем Востоке обсуждался на краевом промышленном совещании, созванном в июне 1923 г. Дальневосточным Промбюро в Чите. В области внешней торговли право производства операций принадлежало непосредственно НКВТ или организациям, имевшим его разрешение; во внутренней торговле была почти полная свобода, монополия и ограничения могли касаться лишь отдельных объектов. Положение госторговли и ее взаимодействие с частной торговлей на Дальнем Востоке были иными, нежели в центральных регионах Советской России, где имелась разветвленная сеть государственных распределительных органов. На Дальнем Востоке превалировала частная торговля. В 1922 г., когда был уже организован Госторг, 88% всего торгового оборота приходилось на долю частного капитала и только 12% — на долю госторговли. Характерной чертой Дальнего Востока являлось слабое развитие фабрично-заводской промышленности, и доставка со стороны не только различного рода фабрикатов, но и в значительной части хлеба ставила его в зависимость от восточных иностранных рынков. Основная задача торговой политики России состояла в том, чтобы превратить Дальний Восток в рынок для промышленной продукции центральных регионов и источник сырья для них⁷.

После установления советской власти Дальний Восток продолжал осуществлять экономические связи с Китаем, прежде всего с Дунбэем (Северо-Востоком). Главными предметами дальневосточного экспорта были пушнина, кожевенное сырье, уголь, различные полезные ископаемые, лес и лесоматериалы, рыба и рыбная продукция, а также стекло, нефтепродукты, хлопчатобумажные ткани из Европейской части России. Из Дунбэя ввозились сельхозпродукты (скот, мясо, кожа, жир, яйца, соевые бобы, соевое масло, жмых, пшеница, мука, чай), а также соль, различные красители, лекарственное сырье, изделия из металла и дерева, хлопчатобумажные товары, шелк, лес⁸. В 1923 г. товарооборот Дальнего Востока России с Дунбэем выражался в следующих показателях: по Забайкальской области — 8,4 млн руб., Амурской области — 5 млн руб., Приамурской и Приморской областям — по 2,5 млн руб.⁹

В целом из фонда крупного рогатого скота земледельческих районов Северной Маньчжурии на рынки сбыта поступало около 10%¹⁰. В 1924 г. 97% импортированной китайской продукции поступало из Северной Маньчжурии (на долю которой приходилось 75% советской продукции, продаваемой Китаю).¹¹

В первые годы советской власти на Дальнем Востоке реэкспортом маньчжурских бобов и соевых продуктов из Северо-Восточного Китая (Дунбэя) через Владивостокский порт занимались многие иностранные фирмы: *датские* — «Восточно-Азиатская Компания» (Вассард и К^о), «Сибирская компания», *английские* — «Соскин и К^о», «Англо-китайская восточная торговая компания» (Я.Р. Кабалкин), *японские* — «Транспортная контора Сиосен Гуми», «Транспортная контора Кокусай унсо», «Судзуки», «Мицуй», а также другие — «Международная банковская корпорация», «Харбинское коммерческое агентство»¹². Это было возможным в условиях НЭПа в России.

В отличие от других портов СССР во Владивостокском порту помимо местного экспорта и импорта, транзита в Сибирь и оттуда, значительную роль играли транзитные экспортно-импортные операции с Дунбэем. В 1922 г. китайская доля составляла 88% всего экспорта и 71% общего грузооборота Владивостокского порта¹³. Благодаря транспортировке сельскохозяйственных грузов из Северной Маньжурии на мировой рынок КВЖД после дефицита предыдущих лет (в 1920 г. — 1,5 млн, в 1921 г. — 2,6 млн руб.) получила в 1922 г. прибыль 5,7 млн руб. и в 1923 г. — 6,4 млн руб.¹⁴

До русско-японской войны 1904–1905 гг. Дальний, оборудование которого стоило правительству России больших денег, был главным портом для экспорта товаров Северо-Восточного Китая. После войны, в 1906 г. встал вопрос о переводе маньчжурского экспорта во Владивосток. Важным шагом в установлении более тесных связей между Дунбэем и Владивостоком явилось решение правительства России 22 декабря 1906 г. о введении единого управления Уссурийской и Китайско-Восточной железными дорогами. Первая из них передавалась во временную эксплуатацию «Обществу КВЖД» — главным образом, для привлечения во Владивосток международного транзита и увеличения товарооборота с Дунбэем. Но в 1920 г. состоялось отделение Уссурийской железной дороги от КВЖД с переходом к самостоятельному управлению.

Эгершельд (мыс, одноименный район Владивостока) был передан во временное пользование «Общества КВЖД» на основании указа российской Верховной власти от 12 января 1897 г. В 1908 г. во Владивостокском порту была выделена транзитная свободная гавань, через которую шло значительное количество маньчжурских бобов и другой продукции для реэкспорта на мировой рынок. В 1908–1914 гг. 80–90% сельскохозяйственных грузов Северной Маньжурии шло с КВЖД по Уссурийской железной дороге на Владивосток и только 10–20% — на Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД) и в Дальний (в период Первой мировой войны — соответственно 60–80% и 20–30%). В 1917 г. экспорт маньчжурских бобов составлял около 85% вывоза в грузообороте Владивостокского порта.¹⁵

С 1917 г. поток устремился на порт Дальний, куда в 1919–1920 гг. было перевезено 78–88% грузов (во Владивосток — 12–22%). Однако с 1921 г. был предпринят ряд мер для возобновления экспорта через Эгершельд: 21 марта был снижен тариф, благодаря чему перевозки через него оказались на 9–10 коп. дешевле, чем через Дальний, были снижены таможенное и складское налогообложения. В результате на Эгершельд было отправлено 30% грузов (благодаря чему Уссурийская железная дорога заработала более 1 млн золотых руб.), в 1922 г. — 42%. На Дальний соответственно — 70 и 58%.

Хотя КВЖД изначально предназначалась прежде всего для перевозок транзитных грузов из Европы и Центральной России на Дальний Восток и обратно, а также для увеличения экспорта российских товаров в Китай, эти направления не получили достаточного развития. Главное место в грузообороте занял вывоз (реэкспорт) маньчжурской сельхозпродукции на мировой рынок — в Европу, США, Японию и т.д.¹⁶

Основную часть экспорта Дунбэя (около 70%) составляли бобы, пшеница и незначительное количество других хлебов — главным образом, гаоляна. Экспорт бобов постоянно увеличивался: с 24 млн пудов в 1909 до 65 млн пудов в 1922 г. Экспорт пшеницы в 1909 г. составил 1,5 млн, 1920 г. — 31,5 млн и в 1922 г. — 8,3 млн пудов. Из Северной Маньчжурии хлеб вывозился в Монголию, Приамурье, Приморье и Южную Маньчжурию, а также в Южный Китай, Японию, Европу, Америку. Этот экспорт имел естественное тяготение к Владивостокскому порту. В 1922 г. в порты Европы были экспортированы бобы: через Владивосток — 77,7%, через Дайрен (Дальний) — 22,3%¹⁷.

Советское правительство предпринимало радикальные меры, чтобы сосредоточить экспортно-импортные операции Советского Союза — в частности, Дальнего Востока с Китаем, Японией и Монголией в государственных органах. В начале 1922 г. в Харбине была открыта контора Сибдальнешторга, ставшая первой государственной торговой организацией Советской России в Дунбэе, затем — транспортная контора Доброфлота (позднее влившаяся в отделение акционерного общества Совторгфлот). В июне 1923 г. было получено разрешение китайской администрации на организацию советского АО Дальневосточный банк (Дальбанк)¹⁸.

Рост перевозок из Дунбэя содействовал оздоровлению финансовых показателей Уссурийской железной дороги, Владивостокского порта, в какой-то мере, Доброфлота, одновременно укрепляя позиции СССР на КВЖД и в Дунбэе. Китайско-Восточная и Уссурийская железные дороги вели борьбу с ЮМЖД за вывоз маньчжурских хлебных грузов. Работа велась в нескольких направлениях. Во-первых, расширялась пропускная способность Уссурийской железной дороги (особенно ее южного участка) и Владивостокского порта: аналогичные усилия прилагались на КВЖД. Во-вторых, усиливалась коммерческая деятельность российского транспорта на Дальнем Востоке: для этого Уссурийская железная дорога открыла коммерческие агентства во Владивостоке, Харбине (с филиалом в Шанхае) и в Турьем Роге; владивостокское коммерческое агентство способствовало ускорению грузовых операций в порту, Харбинское — привлечению маньчжурских экспортных грузов на КВЖД и Уссурийскую железную дорогу. В-третьих, в 1922 г. на КВЖД были установлены тарифы, благодаря которым перевозка хлебных грузов по железной дороге становилась для производителей и поставщиков более выгодной, чем гужевым транспортом. С 1925 г. на КВЖД было организовано прямое уссурийско-китайское железнодорожное сообщение¹⁹.

Советско-китайское «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой» от 31 мая 1924 г. имело большое значение в развитии торгово-экономических отношений двух стран. Для Китая это был первый после «опиумных» войн равноправный договор с иностранным государством. Помимо вопросов о КВЖД, становившейся совместным советско-китайским коммерческим предприятием, была юридически оформлена деятельность на территории Китая советских хозорганизаций. С переходом КВЖД 3 октября 1924 г. в совместное управление СССР и Китая обстановка на дороге коренным образом изменилась. Тарифный барьер между Приморьем и Северной Маньчжурией, созданный белой эмиграцией, был ликвидирован, что позволило усилить движение по Уссурийской железной дороге и увеличить грузооборот Владивостокского порта, оживить приграничную торговлю. Согласно ст. 2 на советско-китайской конференции предполагалось обсудить вопрос о торговом договоре, заключение которого должно было произойти в «кратчайший срок». Предусматривалась и выработка нового таможенного тарифа. Однако из-за вмешательства капиталистических держав ни эта конференция, ни

переговоры по торговле так и не состоялись. Советское правительство пошло на развитие торговых связей с Китаем без заключения соответствующего договора.

В 1925 г. в Тяньцзине было открыто Торговое представительство СССР с отделениями в Шанхае и Харбине. Стала налаживаться также сеть представительств советских хозяйственных организаций. В их число входили действовавшие на территории Внутреннего Китая: Дальгосторг, производивший экспортно-импортные операции по соевым бобам, пушнине, морепродуктам, пантам, женьшеню и некоторым второстепенным видам товаров; Нефте синдикат и Текстиль синдикат, осуществлявшие экспорт из СССР нефтепродуктов, хлопчатобумажных тканей и других текстильных изделий; Чаеуправление, импортировавшее из Китая чай; Совторгфлот, проводивший транспортно-экспедиционные операции. Наряду с этими организациями на территории Китая непродолжительное время находились агентства Дальлеса, Дальугля и акционерного общества «Транспорт». Финансовые операции велись преимущественно через Дальбанк²⁰.

В 1924—1925 гг. в процентном отношении в экспорте российского Дальнего Востока на лес приходилось 65%, на рыбу — 13%, на пушнину — 10%, на уголь — 10%. Импорт включал прежде всего сырье для промышленности, машины и оборудование, химические продукты, медикаменты и продовольствие. За годы советизации дальневосточный баланс внешней торговли из дефицитного стал активным: если в 1921 г. отрицательное сальдо составило 175 млн руб. (импорт — 176 млн, экспорт — 10 млн руб.), то в 1923/1924 г. налицо был положительный баланс (116 млн руб.). Торговый оборот с 21,4 млн руб. в 1923 г. возрос до 37,3 млн руб. в 1925 г.²¹

В 1924—1925 гг. во внешнеторговом обороте российского Дальнего Востока преобладающее значение по экспорту имели Япония — 59% и Китай (прежде всего Манчжурия) — 31%; доля США составила лишь 8%, Англии — 1,4%, прочих стран — 1,1%. По импорту доля Китая составила 66%, США — 14%, Японии — 12,7%, Германии — 6%, прочих стран — 2%²². Если с Японией, Америкой и Монголией наш Дальний Восток имел в 1923 г. активное сальдо (7,5 млн руб.), то с Китаем — пассивное (6,5 млн руб.)²³. Значительное отставание стоимости российского экспорта в Китай от импорта объяснялось, в частности, непрекращавшейся контрабандой. Сложное социально-экономическое положение, а также особые геополитические условия Дальневосточного региона (большая протяженность сухопутной и морской границ, близость Китая) благоприятствовали ей. Методы провоза контрабанды менялись, объемы росли. Малочисленность пограничных застав, неукомплектованность штатов таможен и органов милиции, слабая заселенность приграничных районов способствовали проникновению контрабандистов (русских, китайцев, корейцев) в уезды и города. Свой товар доставляли преимущественно на парусниках по побережью трех заливов — Амурского, Уссурийского и Петра Великого. По данным Дальневосточного таможенного управления, в дореволюционное время оборот контрабанды не превышал 2–3 млн руб., в 1923–1924 гг. он достиг 11,8 млн, в 1927 г. — 32,9 млн руб.²⁴ Во Владивосток контрабанда проникала по железной дороге, на приходивших из-за границы судах, а также привозилась по пешеходным тропам: готовое платье, мануфактура, кожа и обувь, трикотаж, галантерея, парфюмерия и т.д. Предметами вывоза служили в основном золото, панты, пушнина²⁵.

С целью увеличения транзитных перевозок китайской сельхозпродукции через Владивосток Совнарком СССР принял 24 декабря 1924 г. по просьбе правления КВЖД специальное решение «О транзитной перевозке иностранных товаров через Владивостокский порт», в соответствии с которым в нем выделялся особый, изолированный район. Чтобы ускорить погрузку пароходов, увеличить пропускную способность порта и превратить его в мощную перевалочную базу, в январе 1925 г. по постановлению Даль-

ревкома была создана на юго-востоке мыса Эгершельд — от 2-го до 18-го причала — «Транзитная часть» («вольная гавань») площадью свыше 2 кв. км²⁶. Она была оборудована пакгаузами, удобными причалами и конвейерными линиями, принадлежавшими двум организациям — Управлению торгового порта и Уссурийской железной дороге. Организацией транспортировки транзитных товаров на комиссионных началах занимались Коммерческое агентство Уссурийской железной дороги и О-во «Транспорт». Они выполняли операции, связанные с таможенной, железнодорожным транспортом и погрузкой на пароходы. Были упрощены таможенные формальности, некоторые торговые сборы, осуществлялось обезличивание экспортных грузов. Важным условием успешной работы порта являлась дешевизна перевалок. Конкурировать с Дальним, пользовавшимся дешевым трудом китайских рабочих, Владивостокский порт мог только лишь при условии усиленной механизации полуострова Эгершельд. Вопреки нехватке средств уже к 1926 г. его механизация значительно ускорилась. На двух причалах начали работать 4 конвейерных линии. На маслохранилище были установлены 2 новых бака вместимостью 4 тыс. т. Расширилась машинная часть маслохранилищ: появились новые котлы, увеличилось помещение, для взвешивания бобового масла были установлены автоматические весы. По всей территории Эгершельда проложили водопровод для снабжения водой пароходов. Конвейеры строили на Дальзаводе. С благоустройством порта увеличился его грузооборот, а также экономическая значимость в мире²⁷. Благодаря этому в 1924 г. Владивостокский порт посетило 420 океанских судов (на 8,5% больше, чем в 1923 г.)²⁸.

С осени 1925 г. советские организации стали производить значительные закупки в Северо-Восточном Китае соевых бобов, жмыхов и растительного масла для реэкспорта в страны Западной Европы. Мероприятия советского правительства по увеличению пропускной способности Владивостокского порта, согласованные с администрацией КВЖД, способствовали росту экспортно-импортных перевозок через Владивосток. Если в 1924 г. экспорт из Дунбэя составлял 745 тыс. т, а импорт в регион — 6,9 тыс. т, то в 1926 г. экспорт увеличился до 1177 тыс. т, а импорт — почти в 9 раз, составив 61 тыс. т. Благодаря транзиту и возросшим экспортно-импортным операциями грузооборот КВЖД увеличился с 3 млн т в 1924 г. до 4,2 млн т в 1926 г.²⁹

60% урожая соевых бобов Северной Маньчжурии шло на экспорт³⁰. Хлебные грузы (включая соевые бобы и соевую продукцию) составляли 85–90% всего ее экспорта. Бобы и бобовый жмых составляли 2/3 экспортного груза, переправлявшегося по КВЖД³¹. Во Владивосток стали приезжать представители китайского купечества, заинтересованные в скорейшем экспорте своих товаров.

Географическое положение Северной Маньчжурии, примыкавшей на значительном расстоянии к территории СССР, также весьма благоприятствовало тесному экономическому взаимодействию. 80% торговли СССР с Китаем приходилось на Северную Маньчжурию, около 10% — на долю Ханькоу, остальные 10% делились между Тяньцзинем и Шанхаем³².

Территориальный охват Китая советским экспортом (сравнительно с иностранным) ограничивали, главным образом, препятствия правового характера. Тем более, что советский экспорт относительно недавно начал завоевывать себе место на китайском рынке, тогда как иностранные фирмы располагали широко разветвленной сетью товаропроводящих каналов, громадным опытом в работе и широкими торговыми связями. К тому же номенклатура советского экспорта была недостаточно приспособлена к особенностям китайского потребления; излишней громоздкостью характеризовалась номенклатура отдельных товаров, имело место игнорирование китайского рынка со стороны экспортных объединений в отношении массовых товаров (сода, сахара, пшеницы, сигарет и

т.д.). Наконец, китайскому рынку еще не уделялось соответствующего внимания со стороны центральных организаций, как и хозорганизаций, работавших в Китае. Глубокое изучение китайской экономики и рынка, приспособление отечественной промышленности к выработке товаров китайского потребления являлись серьезными задачами в деле увеличения удельного веса советского экспорта³³. Тем не менее, в результате деятельности Наркомторга существенно менялось соотношение между экспортом и импортом Дальневосточного края, сокращалось пассивное сальдо. Если в 1913 г. превышение импорта над экспортом в торговле Дальневосточного края с Китаем (прежде всего с Дунбэем) составляло 15,1 млн, то в 1924–1925 гг. этот показатель снизился до 0,3 млн руб.³⁴

Для усиления хлебного экспорта Северной Маньчжурии через Владивосток и формирования хлебного рынка в 1926 г. была создана Эгершельдская транзитная хлебная биржа. Акционерами стали Дальбанк, Уссурийская железная дорога, Дальгосторг. Совторгфлот, Акционерное общество «Транспорт», а также ряд китайских и русских частных экспортных фирм³⁵. Для увеличения потока транзитных грузов с 1 апреля 1926 г. были освобождены от гербового сбора все предприятия советских и иностранных граждан, занимавшихся исключительно экспортом и импортом товаров, шедших в Дунбэй и оттуда транзитом на мировой рынок через Владивостокский порт.³⁶

Между Уссурийской железной дорогой и ЮМЖД существовала конкуренция из-за объемов перевозок сельскохозяйственных грузов. 16 сентября 1925 г. они достигли на Харбинской конференции соглашения о контингентировании между собой хлебных грузов в пропорции: 45% на Восток и 55% на Юг из общего количества грузов, которые будут вывезены за пределы КВЖД за весь экспортный год с 1 октября 1925 г. до 30 сентября 1926 г. В случае фактического получения одной из дорог большего количества грузов, чем установлено договором, ей полагалось выплатить другой дороге особые приплаты по специальной шкале. Но оказалось, что Уссурийская железная дорога перевезла в 1926 г. 51,1% (ЮМЖД — 48,9%), в 1927—49,5% (ЮМЖД — 50,5%), а в 1928 г. — 54% (ЮМЖД — 46%). Заключенное в 1925 г. соглашение не отвечало реальности, норма вывоза грузов на Уссурийскую железную дорогу оказалась заниженной. Это объяснялось преимуществами Владивостокского порта: во-первых, Северная Маньчжурия, входившая в сферу влияния КВЖД и дававшая 2/3 сельскохозяйственной продукции, экономически тяготела к Владивостоку, который по географическому положению являлся ближайшим для нее портом. От Харбина до Владивостока 728 верст, а до Дальнего 875 верст, и владельцы товаров, отправляя их через Владивосток, выигрывали не только экономически, но и во времени.³⁷ В 1929 г. соглашение между Уссурийской железной дорогой и ЮМЖД было пересмотрено, долю каждой из двух дорог определили в 50% всех хлебных грузов, вывозимых из района КВЖД³⁸.

В ноябре 1927 г. Наркомторг СССР признал за североманьчжурским экспортом через Владивостокский порт государственное значение. Дав Госторгу директиву о восстановлении работы, он гарантировал ему покрытие возможных убытков компенсационным импортом. Госторг усматривал свою задачу в закреплении позиций Эгершельдского направления по заготовке экспортных товаров в конкурентных районах: 1) через собственный стационарный аппарат и создаваемые подсобные китайские фирмы; 2) путем установления прямых связей с производителем товара; 3) посредством органичного соединения с рынками сбыта по каналу Маньчжурия—Эгершельд—Европа, установления постоянных пароходных линий и совместного выступления в Европе с наиболее прогрессивным китайским купечеством³⁹. Отметим, что к 1926–1927 гг. частный капитал уже практически полностью был вытеснен из официальной внешней торговли Дальнего Востока СССР⁴⁰.

Менее благоприятно для восточного направления складывалось распределение по общему импорту грузов в Северо-Восточный Китай. В 1925–1927 гг. импорт в Северную Маньчжурию через станцию Пограничная поднялся до 10% в сравнении с 4% в годы гражданской войны, хотя основная масса грузов направлялась через порт Дальний (тогда как до Первой мировой войны через Владивосток и станцию Пограничная шло 70–90% импорта в Северо-Восточный Китай)⁴¹.

Но в целом товарооборот между СССР и Китаем в 1925–1927 гг. заметно возрос. Главной статьей советского импорта (75%) являлся дорогостоящий чай. Относительно устойчивым был ввоз в СССР жиров восточного происхождения, кожаного сырья и растительного масла. Практически прекратился ввоз маньчжурской пшеницы (зерна и муки), что объяснялось не только стремлением сохранить активный торговый баланс внешней торговли, но и изменением конъюнктуры на китайском рынке, где быстро росли цены. В связи с этим намечался даже обратный процесс: ввоз в Дунбэй сибирской пшеницы. Сократился импорт крупного рогатого скота (с 5,2 тыс. в 1922 г. до 0,7 тыс. голов в 1925 г.). Но импорт мяса увеличился соответственно с 1,3 тыс. т. до 2,1 тыс. т.⁴²

Согласно данным Секции торговли и кооперации Госплана СССР, в середине 1920-х гг. из всей лесной площади Дальневосточного края 24% могло использоваться на внутреннем рынке и 75% — на внешних. Единственной государственной лесопромышленной организацией на Дальнем Востоке был трест Дальлес, начавший работу в 1923 г. Экспорт леса активизировался с 1918 г. Главная его масса направлялась в Японию и в Китай. Если рынок Японии требовал только необработанный лес, т.к. как ввоз готовых пиломатериалов облагался высокими запретительными пошлинами, то в Китай вывозились пиломатериалы⁴³.

В 1920-е гг. значительный объем в экспорте из Приморья приходился на сучанский каменный уголь. Ввоз его в Северную Маньчжурию осуществлялся как для нужд КВЖД, так и для харбинских промышленных предприятий. В 1920 г. для КВЖД поступило 5 тыс., в 1925 г. — уже 90 тыс. т. Ежегодный экспорт угля увеличился с 12,5 тыс. т в 1922 до 30,5 тыс. т в 1925 г. В Харбине и других городах региона китайские фирмы открывали специальные магазины по торговле советскими товарами: пушниной, рыбными изделиями, морепродуктами, тканями и т.д.⁴⁴

Значительного объема достиг реэкспорт через Владивосток на мировой рынок соевых бобов. Реэкспорт маньчжурских грузов (прежде всего бобов, жмыхов, соевого масла) через Владивостокский порт возрос с 1924/1925 г. по 1927 г. с 726,1 до 1412,4 тыс.т. Европа (Англия и Германия, Голландия, Дания) и Япония занимали наибольший удельный вес в экспортных операциях Владивостокского порта, США — незначительное место. В порты Китая экспорт из Владивостока не осуществлялся⁴⁵.

Ввиду увеличения транзита маньчжурских бобов на мировой рынок произошел рост грузооборота Владивостокского порта, маньчжурский транзит в 1918 г. возрос до 80,3%, в 1922–1923 гг. равнялся 72%⁴⁶. В 1926–1928 гг. 80% грузооборота Владивостокского порта приходилось на экспорт, а 85–90% его составлял маньчжурский реэкспорт, 95% маньчжурского транзита приходилось на хлебные грузы⁴⁷. В общем грузообороте Владивостокского порта соевые продукты из Маньчжурии в течение 1924/25–1927–28 гг. составляли в среднем 80%, являясь важным источником прибыли и стимулом для участия иностранных судов в работе морской гавани: в 1923 г. Владивосток посетило 318 иностранных судов, а в 1927 г. — уже 509⁴⁸.

Непосредственная экономическая заинтересованность СССР в усилении маньчжурского экспорта в уссурийско-эгершельдском направлении определялась прямыми доходами, которые получали от перевозки экспортных грузов Уссурийская железная до-

рога и Владивостокский порт. До Первой мировой войны Владивосток был преимущественно импортным портом, через который ввозились как заграничные товары, так и товары российского происхождения, приходившие из черноморских и балтийских портов России. В 1920-е гг. роль Владивостока радикально поменялась, он превратился в порт преимущественно экспортный. Если до войны Владивосток обслуживал, главным образом, Россию (в 1913 г. около 70%) и в гораздо меньшей степени Северо-Восточный Китай (около 30%), то в 1920-е гг. он развивался благодаря маньчжурскому транзиту: обслуживал, прежде всего, Дунбэй (70%) и в значительно меньшей мере — СССР (30%).

Китайские транзитные грузы, которые увеличивали грузооборот Эгершельда и оживляли его работу, вместе с тем, способствовали более эффективной эксплуатации Уссурийской железной дороги на протяжении от ст. Пограничная до Владивостока (220 верст), давая ей крупную выручку и повышая коэффициент эксплуатации. Прибыль Уссурийской железной дороги от перевозки 1 пуда хлебных грузов, следовавших из Маньчжурии во Владивосток, была в среднем 13–14 коп. — в результате получаемый дорогой ежегодный доход составлял 5–6 млн руб. Прямые доходы от перевозки маньчжурских экспортных грузов поступали в казну СССР (часть их шла на оплату труда рабочих и служащих железной дороги и Владивостокского порта). С увеличением транзитного экспорта на Эгершельд связано и развитие встречного транзитного импорта через него по Уссурийской дороге в Северную Маньчжурию. Импорт через Владивосток с 1921 по 1925 гг. возрос с 19 млн до 26,2 млн пудов. В собственном экспорте Приморья росло значение местных, приханкайских бобов (в 1921–1925 гг. — около 1,5 млн пудов). Удельный вес местного экспорта увеличился с 1922 по 1925 гг. с 13,2 до 24,5%. Маньчжурский экспорт сохранял решающее значение для развития Эгершельда поскольку местный экспорт (лес и лесные материалы, каменный уголь, рыбные продукты, пушнина, приханкайские бобы) не обеспечивал ему полную нагрузку. К тому же, по ценности он уступал маньчжурскому — более дорогому по ассортименту и потому более выгодному для транспортировки экспорта⁴⁹.

В 1927/1928 г. вывоз местных дальневосточных грузов через Владивостокский порт составил 1% от общего экспорта. Роль Эгершельда в работе Уссурийской железной дороги и Владивостокского порта не ограничивалась транспортом. Экспорт служил источником привлечения иностранной валюты, — тем более, что крупные операции, совершавшиеся с 1 октября 1928 г. через Госбанк во Владивостоке, производились только в валюте⁵⁰.

Наибольшее значение в грузообороте КВЖД играл экспорт, прежде всего зерновых (соевых бобов и пшеницы), который составлял около 70% грузооборота; на грузы местного сообщения и ввоз приходилось 30%. По итогам 1926 г. транспортировка соевых бобов и их продукции по КВЖД дала дороге примерно 30 млн руб. тарифных доходов, в 1928 г. прибыль от коммерческих перевозок достигла 65 млн руб. Спрос на соевые бобы на мировом рынке способствовал увеличению их производства в Северо-Восточном Китае, главным образом, на территории, прилегавшей к КВЖД. С 1922 по 1925 гг. оно возросло со 140 до 188 млн пудов⁵¹.

Мировой экономический кризис повлиял на экономикку Дунбэя, связанную с международным рынком; упал спрос на маньчжурский экспорт. В 1929 г. перевозка бобов по КВЖД в восточном направлении сократилась на 45,3%. Кризис их сбыта на мировом рынке вызвал массовое банкротство торговых фирм: в Мукдене к концу марта 1929 г. закрылось 464 торговых предприятия; в Дайрене ряд фирм был ликвидирован, немало китайских хлеботорговцев и биржевиков оказались на грани банкротства. В Харбине закрылось 78 хлебных фирм, по линии КВЖД — 168⁵².

В период советско-китайского конфликта на КВЖД 10 июля 1929 г. китайские власти захватили по всей линии дороги телеграф, прервав сообщение с СССР, а также отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгофлота. 17 июля 1929 г. СССР был вынужден заявить о прекращении дипломатических отношений с нанкинским правительством, которое не признавало и не выполняло принятых им обязательств. В связи с этим были отозваны все советские дипломатические, консульские и торговые представители, а также сотрудники администрации КВЖД; прекратилась железнодорожная связь между Советским Союзом и Китаем. После подписания Хабаровского протокола 1929 г. стали возобновляться торговые связи между дальневосточными торговыми организациями (Дальгосторгом, «Экспортхлебом») и китайскими фирмами, занимавшимися торговыми операциями в приграничных районах Маньчжурии. Основные расчеты производились через харбинскую контору «Экспортхлеба» и китайские банки.

К концу 1920-х гг. в Северо-Восточном Китае наряду с отделениями Торгпредства значительную роль начинал играть «Экспортхлеб», развернувший свои операции по экспорту из Маньчжурии хлебобудовых продуктов на мировой рынок. Его деятельность уравновешивала некоторую односторонность работы по импорту в Китай советских товаров (хлеба и сахара). Задачами «Экспортхлеба» являлись также регулирование экспортных грузопотоков и привлечение грузов на железные дороги СССР⁵³.

Железнодорожные перевозки североманьчжурских экспортных грузов с КВЖД на Уссурийскую железную дорогу увеличились с 1918 по 1928 гг. с 184 до 1510 тыс. т. В период конфликта на КВЖД в 1929 г. количество грузов, отправленных во Владивосток, снизилось до 27% (против 73%, отправленных в порт Дальний). Однако в 1930 г. соотношение вновь изменилось в пользу восточного направления, куда было отправлено 59% маньчжурских грузов (в Дальний — 41%)⁵⁴. Вместе с тем, переход к концу 1920-х гг. от рыночной экономики, характерной для периода НЭПа, к централизованной повлек постепенное свертывание транзитных операций.

Образование в 1932 г. Маньчжоу-го и захват Японией экономики региона привели к прекращению транзита сельхозгрузов Северной Маньчжурии через Владивостокский порт. Все дороги были переданы в ведение ЮМЖД, Япония обрела возможность экономического давления на КВЖД. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке продолжали развиваться до японской оккупации Северо-Восточного Китая. Это в первую очередь относилось к приграничной торговле, которая существовала до 1933 г. — т.е. до полной оккупации Японией Маньчжурии и начавшегося принудительного выселения китайского населения из приграничной полосы. В 1933–1934 гг. были прекращены операции «Экспортхлеба» по закупке соевых бобов и жмыхов для ввоза в СССР и транзита через Владивосток. После закрытия советских торговых организаций в Маньчжурии экспорт СССР в Северо-Восточный и Внутренний Китай почти полностью прекратился. Наибольший удельный вес в общем объеме внешней торговли Китая Советский Союз имел в 1928 г. (5,4%), в 1929 г. он упал до 3,3% и в 1933 г. — до 1,4%⁵⁵.

После заключения договора 23 марта 1935 г. о продаже КВЖД Маньчжоу-го, она была переименована в Североманьчжурскую железную дорогу (СМЖД) и перешла в подчинение Бюро и Департамента ЮМЖД, 1 октября 1936 г. объединилась с ЮМЖД с главным управлением в Мукдене. В сентябре 1935 г. было закрыто отделение Торгпредства СССР в Харбине, руководившее деятельностью советских организаций в Дунбэе. В Северном Китае и Маньчжурии осталось лишь одно торговое представительство СССР — отделение торгпредства в Дальнем, в качестве филиала торгпредства

СССР в Японии. Железнодорожные связи Приморья и Забайкалья с Северо-Восточным Китаем прекратились.

16 июня 1939 г. между СССР и Китаем был подписан торговый договор, предусматривавший решение на правах взаимности всех вопросов торговой деятельности и мореходства. По его условиям каждая из сторон пользовалась режимом наибольшего благоприятствования во всем, что касалось ввоза товаров, обложения пошлинами и сборами и т.д. Договор предоставлял также данный режим морским судам при заходе их в порты каждой из сторон⁵⁶. Он создал прочные основы для развития торговли между СССР и Китаем.

Таким образом, в первой трети XX в. между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем имелись развитые торговые связи, что способствовало экономическому развитию сопредельных территорий. Сдерживающим моментом в осуществлении международного транзита послужили свертывание рыночных отношений в СССР в конце 1920-х гг., мировой экономической кризис и оккупация Северо-Восточного Китая Японией. Исторический опыт формирования и деятельности первых международных транспортных коридоров, в частности, прообраза МТК «Восток — Запад» может способствовать оптимизации транспортных комплексов Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая для возрождения одной из эффективных форм экономических связей — транзита.

1. Романова Г.Н. Транспортные коммуникации Дальнего Востока России в системе международных региональных связей // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2008. № 3. С. 88–89, 93; *Она же*. Морской и железнодорожный транспорт во внешнеэкономических связях Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (рубеж XX—XXI вв.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2008. № 4. С. 30–32.
2. Минакир П.А. Россия в Северо-Восточной Азии: вызовы и возможности // Дальневосточный международный экономический конгресс: В 8 т. Т. 6. Развитие приграничного сотрудничества на Востоке России: материалы круглого стола. Хабаровск, 28 сент. 2005 г. Владивосток: Хабаровск, 2006. С. 80.
3. Системная история международных отношений: В 4 т. События и документы, 1918–2000. Т. 1. События, 1918–1945. М., 2000. С. 93.
4. Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959. С. 42.
5. Первое совещание работников Дальнешторга и Дальгосторга, 14–18 сент. 1924 г. Хабаровск, 1926. С. 3.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 280. Л. 57; Весь Дальний Восток: Справочник на 1925 г. Хабаровск, 1926. С. 79.
7. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-61, Оп. 1. Д. 179а. Л. 25–26; Отчет Дальревкома и Дальэконосо за 1923–1924 г. Хабаровск, 1925. С. 228.
8. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917–1950 гг.). Владивосток, 1987. С. 92; Чжунсу цзиньци маонши [История китайско-советских торгово-экономических отношений]. Харбин, 1992. С. 263; Ho Pingyin. A survey of China's trade with the USSR // Chinese economic journal. 1935, Vol. 16, № 5. P. 441.
9. Панин И. Размер и условия торговли Маньчжурии с русским Дальним Востоком // Экон. вестн. Маньчжурии. Харбин, 1923. № 12–13 С. 8.
10. ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 7. Л. 387.
11. Чжунсу цзиньци маонши. Харбин, 1999. С. 249.
12. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917–1950 гг.). Владивосток, 1987. С. 92;

13. ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 7. Л. 366: Владивостокский морской торговый порт. Владивосток, 1925. С. 149, 150, 155.
14. История Северо-Восточного Китая, XVII—XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай, 1917–1949 гг. Владивосток, 1989. С. 102; Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг. // Становление советско-китайских отношений (1917–1950 гг.). Владивосток, 1987. С. 91–92.
15. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8002. Оп. 1. Д. 27. Л. 49–52; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке, XIX — начало XX вв. М., 1987. С. 103–104, 117.
16. Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. М., 1987. С. 124; ш. Китайско-Восточная железная дорога: Основные периоды эксплуатации и перевозки коммерческих грузов (1903–1935 гг.) // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае: Сб. науч. трудов. Хабаровск, 2008. С. 29; Russian economic review. 1922. № 1. P. 25.
17. Хлебная торговля и мукомольная промышленность в Северной Маньчжурии. Харбин. 1923, № 2. С. 13–14, 19–20.
18. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М., 1977. С. 35–36; Чжунсу цзинци маон ши. Харбин, 1992. С. 446.
19. Ковальчук М.А. История транспорта Дальнего Востока России (вторая половина XIX — июнь 1941 г.). Кн. 2. Исторические аспекты транспортного освоения региона. Хабаровск, 1997. С. 71–72.
20. РГАЭ. Ф. 7591. Оп. 1. Д. 124 Л. 69 об, 82 об.; Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения... С. 93–95.
21. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 280. Л. 54–56.
22. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения. На Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917–1950 гг.). Владивосток. 1987. С. 94.
23. ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 193. Л. 128.
24. Шабельникова Н.А. Особенности борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. Вып. 6. С. 44–45.
25. ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. д. 44. л. 22.
26. РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 27. Л. 54–55; Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения... С. 94; Ковальчук М.А. История транспорта Дальнего Востока России... С. 73; Медведева Л.М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20–30-е гг. XX в.). Владивосток, 2002. С. 90.
27. ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 155. Л. 11; Конъюнктурный обзор народного хозяйства Дальневосточного края на 1924–25 год. Хабаровск, 1925. С. 53; Красное знамя. Владивосток, 1925. 25 июня; 1926. 10 ноября.
28. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 936. Л. 24.
29. Сладковский М.И. Указ. соч. С. 71, 77,
30. Horvath A.A. The soybean oil of China and its manifold uses // Chinese economic journal. 1930. Vol. 6, No. 1. P. 33–34.
31. Курсель К.П. Экономика зарубежного Дальнего Востока (Северная Маньчжурия, Китай, Монголия) в связи с задачами Дальбанка в Харбине (Экономический обзор). Харбин, С. 58; Tsao L.E. The Chinese Eastern Railway // Chinese economic journal. 1929, Vol. 4, № 4. P. 275.
32. История Северо-Восточного Китая, XVII—XX вв. Кн. 2. Владивосток, 1989. С. 10–105.
33. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3116. Л. 12.
34. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения, XVII—XX вв. Кн. 2. Владивосток, 1989. С. 96.
35. Там же. С. 96; Медведева Л.М. Указ. соч. С. 183.
36. Курсель К.П. Указ. соч. С. 68; Красное знамя. 1926. 28 мая.
37. РГАЭ. Ф. 7591. Оп. 1. Д. 124. Л. 78 об., 82 об.; История Северо-Восточного Китая. С. 105; Суриш В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае. Харбин, 1932. С. 97; Курсель К.П. Указ. соч. С. 70, 72; Владивостокский морской торговый порт. Владивосток, 1925. С. 145;

38. *Зилеская О.* Государственная торговля советского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем в 1920-е гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 3. С. 48–49.
39. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 76. Л. 125, 130.
40. *Архитов Н.Б.* Дальневосточный край. 2-е изд. М.; 1929. С. 142.
41. *Сурин В.И.* Указ соч. С. 130–131; *Шишканов В.Г.* Импортные грузы на КВЖД // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1929, № 9. С. 21.
42. История Северо-Восточного Китая. XVII—XX вв. Кн. 2. Владивосток, 1989. С. 105–106; Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД. Харбин, 1927. С. 106–128.
43. РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 981. Л. 114–116.
44. РГАЭ. Ф. 7591. Оп. 1. Д. 124. Л. 69 об.; Курсель К.П. Указ. соч. С. 52; Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД. Харбин, 1929. С. 170.
45. ГАХК. Ф. 730. Оп. 2. Д. 9. Л. 9; Оп. 5. Д. 12. Л. 122, 125; Оп. 9. Д. 389. Л. 146 об.; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 936. Л. 24; *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 76–77.
46. ГАПК. Ф. 373. Оп. 1. Д. 7. Л. 74–75; ГАХК. Ф. 730. Оп. 9. Д. 154. Л. 51; Владивостокский морской торговый порт. Владивосток, 1925. С. 159.
47. РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 27. Л. 54–56; Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917–1950 гг.) Владивосток, 1987. С. 98.
48. ш. Указ. соч. С. 184.
49. РГАЭ. Ф. 7591. Оп. 1. Д. 124. Л. 79 об.-80 об.
50. ГАХК. Ф. 730. Оп. 2. Д. 9. Л. 9–10.
51. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения. С. 94, 98; *Сурин В.И.* Указ. соч. С. 394.
52. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 100. Оп. 14. Д. 6. Л. 41. об., 42.
53. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 3116. Л. 5.
54. *Сурин В.И.* Указ соч. С. 97, 128–129; История Северо-Восточного Китая. XVII—XX вв. Кн. 2. Владивосток, 1989. С. 107.
55. РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 15. Л. 52–53; *Романова Г.Н.* Советско-китайские экономические отношения. С. 99–100.
56. РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 48а. л. 3–34, д. 15. л. 54; Ф. 413. Оп. 13. Д. 2557. Л. 43–49; *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 110, 133–134; *Романова Г.Н.* Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917–1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917–1950 гг.) Владивосток, 1987. С. 100–101; *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 98.

Государство и общество

Привлечение квалифицированных кадров из числа зарубежных китайцев для работы в КНР

© 2010

А. Афонасьева

В статье рассматриваются меры, принимаемые руководством КНР для привлечения в Китай зарубежных ученых и квалифицированных специалистов китайского происхождения в целях сокращения дефицита квалифицированных кадров на рынке труда. Обозначен ряд проблем, с которыми сталкиваются китайские реэмигранты на родине. Проведен сравнительный анализ китайского и российского опыта привлечения трудовых ресурсов из числа соотечественников, проживающих за рубежом. Автор приходит к выводу о целесообразности частичного использования Россией китайского опыта в данной сфере.

Ключевые слова: Китай, Россия, трудовые ресурсы, квалифицированные и высококвалифицированные кадры, зарубежные китайцы, реэмигранты, соотечественники.

КНР — страна избыточных трудовых ресурсов, но для выхода на качественно новый уровень развития Китая наряду с материальными ресурсами необходимы и человеческие ресурсы высшего и высокого уровня, удельный вес которых в КНР составляет менее 4%¹. Дефицит квалифицированных и высококвалифицированных кадров оцутим во многих сферах занятости, главным образом, в финансовом секторе, сфере новых и высоких технологий, в биомедицине, науке, культуре, образовании, СМИ. Решению проблемы дефицита квалифицированных кадров в Китае уделяют серьезное внимание. В частности, проводятся меры по качественному улучшению образования в китайских вузах. Источниками восполнения дефицита кадров являются китайские выпускники зарубежных вузов, зарубежные китайские ученые, специалисты, эксперты, предприниматели.

По данным китайской статистики, около 600 тыс. научно-технических специалистов китайского происхождения, граждан как Китая, так и других стран, работают за его рубежами. В одних только США их насчитывается 450 тыс. Своими исследованиями эти специалисты охватывают почти все отрасли современных высоких технологий. В самом Китае в области науки и техники трудятся 18 млн чел.² Этого количества специалистов явно недостаточно для удовлетворения растущих потребностей страны в разработке и развитии инновационных научно-технических проектов. Нехватка квалифицированных кадров, главным образом, является следствием возобновившейся с 1978 г. «утечки моз-

гов» из Китая. С началом проведения политики реформ и открытости многие китайские студенты выехали для получения образования за границу и не стремились возвращаться домой по завершении обучения.

С 1978 г. за границу выехали 1,5 млн китайских студентов, из них к концу 2008 г. вернулись 300 тыс. чел.³ Тем не менее, необходимо отметить, что количество вернувшихся студентов уверенно растет. Так, в 2004 г. было зарегистрировано 25 тыс. вернувшихся студентов⁴, в 2006 г. — 42 тыс.⁵ (на 21,3% больше, чем в 2005 г.)⁶, в 2007 г. — 44,5 тыс. чел.⁷, в 2008 г. количество студентов, желающих вернуться, превысило 50 тыс. чел.⁸ Значительное увеличение числа вернувшихся студентов, на наш взгляд, вызвано не только ухудшенном экономической ситуации в странах пребывания, связанным с мировым финансовым кризисом, но и является результатом хорошо продуманной, взвешенной политики руководства КНР, направленной на привлечение в страну специалистов высшего и высокого уровня.

На основе имеющихся данных можно предположить, что в КНР на сегодняшний день существует два хорошо отработанных канала привлечения квалифицированных и высококвалифицированных специалистов. **Первым каналом** являются многочисленные программы, гранты, строительство технопарков для зарубежных китайских ученых, специалистов, выпускников зарубежных вузов. Ко **второму каналу** относятся форумы и конференции, которые организуют центральные и местные власти КНР для зарубежных китайцев, ярмарки вакансий в КНР и за рубежом, которые организуют рекрутинговые компании совместно с государственными и частными предприятиями Китая. Следует отметить, что оба канала функционируют как на уровне всей страны, так и на уровне отдельных провинций и городов КНР.

Первый канал привлечения кадров начал работать с 1987 г., когда была принята «Программа финансовой поддержки выдающихся молодых профессоров». Программа была завершена в 2003 г., ее бюджет составил 144 млн юаней, количество вернувшихся профессоров — 2218 чел.⁹

В 1992 г. прозвучал призыв Дэн Сяопина к китайским студентам, обучающимся за границей, вернуться и послужить родине. Тем, кто вернется, гарантировалась безопасность пребывания на территории КНР, а также ряд льгот и преференций. Вслед за призывом центральные и местные власти приступили к разработке новых программ по привлечению квалифицированных и высококвалифицированных кадров. В частности, правительство Шанхая разработало «Условия привлечения для работы в Шанхае специалистов, получивших образование за рубежом»¹⁰. На сегодняшний день в КНР разработано огромное количество программ и грантов. Считаем целесообразным осветить наиболее известные из них.

«Программа 100 талантов» принята в 1994 г. Академией наук КНР, ее цель — привлечение высококвалифицированных ученых. Механизм действия программы состоял в следующем: 1) Академия наук КНР объявила о стипендиях исследовательским институтам для привлечения ведущих ученых из числа зарубежных китайцев; 2) для получения стипендий каждый исследовательский институт направлял заявку в оргкомитет «Программы 100 талантов» и комитет Академии наук, курирующий исследовательское направление института. Заявка должна содержать общий план развития института и обоснование целесообразности выделения ему стипендий; 3) Академия наук рассматривала заявки и выделяла фиксированное количество стипендий каждому институту; 4) получив стипендии, институты размещали информацию о своих вакансиях в журналах, таких как «Science» или «Nature»; 5) претенденты на стипендию, если они являлись зарубежными китайцами, должны были вернуться в КНР и представить результаты или планы своих исследований отделу кадров института, который рекомендовал Академии наук одобрить кандидатуру претендента; 6) Академия наук редко отклоняла рекомендации институтов, предоставляя каждому из них широкие полномочия и

свободу действий; 7) стипендиаты «Программы» получали стипендию в размере 2 млн. юаней. На эти средства они открывали лаборатории, включая приобретение оборудования и найм технического персонала, 20% средств могло расходоваться на премии; 8) обладатели стипендий становились научными консультантами, к ним прикрепляли магистрантов и докторантов, которые могли работать в их лаборатории; 9) стипендиаты получали субсидии на жилье¹¹.

Программа «Весенний свет» («Chunhui») была запущена в 1996 г. Управление иностранных дел Министерства образования КНР. Программа предлагала зарубежным китайским ученым вернуться и поработать в Китае непродолжительное время. Правительство финансировало краткосрочные визиты зарубежных китайских ученых в КНР, которые включали чтение лекций, или исследовательское сотрудничество¹². Программа оплачивала зарубежным китайским ученым билет в один конец, полагая, что обратную дорогу ученые оплатят из своих исследовательских грантов. В течение первого года действия программы в ней приняло участие 600 ученых. В 1998 г. финансирование было увеличено. В ноябре 2000 г. новые условия программы предлагали ученым вернуться в КНР на период летнего отпуска, им предлагалась зарплата в пять раз больше той, что они получали за рубежом. В период с 1996 по май 2003 гг. Минобразования КНР привлекло свыше 7000 ученых и 50 групп ученых в КНР «на службу родине». Программа «Весенний свет» является предшественницей концепции «служить родине из-за границы», наряду с концепцией «вернуться и послужить родине»¹³. Программа ставила целью показать зарубежным китайским ученым те положительные изменения, которые произошли в стране за время их отсутствия. Предполагалось, что ученые принесут новые для Китая знания и технологии, доведут до сведения других зарубежных ученых и китайских выпускников зарубежных вузов информацию об условиях в Китае. Правительство надеялось, что такие визиты будут в дальнейшем стимулировать возвращение ученых в КНР на постоянное место жительства.

Программа исследований «Янцзы» («Changjiang») была открыта в 1998 г. Министерством образования КНР. Финансировал программу гонконгский магнат Ли Ка-шин. С 1998 по 2004 гг. в программе приняли участие 537 зарубежных китайских ученых, которые заняли ведущие позиции в ключевых исследовательских областях¹⁴. Ученым ежегодно выплачивали стипендию в размере 100 тыс. юаней и отдельно предоставлялись средства на исследование. С 2004 г. Программа увеличила квоту для зарубежных китайских ученых до 100 чел. в год, по сравнению с набором 10 чел. в год в предшествующие годы. С 2008 г. по этой Программе начали выплачивать гранты в размере 1 млн юаней пяти лучшим ученым Программы. Всего в ней приняли участие 1308 ведущих зарубежных ученых¹⁵, 90% из них являлись зарубежными китайцами¹⁶.

В 2005 г. в КНР впервые был объявлен грант на проведение долгосрочных фундаментальных исследований, доступный только зарубежным китайцам. Гранты выделяет Национальный фонд естественных наук Китая. Количество грантов не ограничено. Каждый грант рассчитан на 4 года, ежегодные выплаты по гранту составляют 1 млн юаней (\$120 тыс.). Претенденты должны быть моложе 45 лет, являться ведущими учеными в своей области исследования, иметь докторскую степень и приглашение на работу в китайский университет, или исследовательский центр. Они должны оставаться в Китае в течение всего периода финансирования их исследований. Ученые из Гонконга и Макао не имеют права на получение данного гранта¹⁷.

В 2008 г. по аналогии с «Программой 100 талантов» была разработана и запущена «Программа 1000 талантов». По ней предполагалось нанять 1000 ведущих ученых и специалистов для участия в государственных инновационных проектах, работы в лабораториях, на предприятиях, управляемых из центра, в государственных коммерческих и финансовых институтах и зонах высоких технологий¹⁸. Программа проходит под эгидой ЦК КПК¹⁹.

Помимо программ, в Китае распространена практика создания инкубаторов в зонах развития городов, которые называются «технопарками для открытия бизнеса». К настоящему времени уже построено более 70 таких парков²⁰. Инкубаторы являются комфортными пропускными пунктами для зарубежных китайцев с незначительным количеством связей в Китае. Муниципальное правительство Шанхая открыло четыре центра для вернувшихся ученых в четырех зонах развития города, и к 1994 г. привлекло свыше 100 вернувшихся ученых с докторскими степенями в зону высоких технологий Чжанцзян. К 1998 г. было уже 14 таких зон для зарубежных ученых, распределенных по всему городу. Сегодня Пекин также имеет 14 зон развития, соревнуясь с Шанхаем. Одной из таких зон является Зона экономико-технологического развития Пекина, которая находится в пригороде Пекина — Ичжуан (далее — Зона развития Пекина — ЗРП). На сегодняшний день здесь расположено более 36 предприятий, владельцами которых являются вернувшиеся из-за рубежа китайцы. Эти предприятия представляют собой стремительно развивающиеся высокотехнологичные компании, в которых постоянно растет спрос на квалифицированных специалистов в области информационных технологий²¹, что в свою очередь, даст работу вернувшимся китайским выпускникам зарубежных вузов. Эти высокотехнологичные компании разрабатывают совместно с властями Ичжуана программы, нацеленные на привлечение высококвалифицированных специалистов из числа зарубежных китайцев. В частности, в 2008 г. была запущена программа найма китайских специалистов, получивших образование и опыт работы за рубежом для работы в компаниях, находящихся в ЗРП. По условиям программы вернувшиеся китайские специалисты получают вознаграждение в размере 100 тыс. юаней, субсидии на жилье, образование детей, бесплатное медицинское обслуживание. А компании-работодатели получают 500 тыс. юаней. Кроме высокотехнологичных предприятий в ЗРП еще находятся 300 исследовательских центров²². ЗРП является привлекательным объектом для многочисленных инвесторов. В первые семь месяцев 2008 г. инвестиции в ЗРП составили 1,56 млрд долл., что на 116% превышает сумму инвестиций в 2007 г., 61% всех инвестиций в ЗРП вливают зарубежные инвестиционные компании. Всего с 1992 г. ЗРП привлекла внимание более 2,5 тыс. инвестиционных компаний, которые инвестировали в общей сложности 18 млрд долл.²³

Следует упомянуть и технопарк Чжунгуаньцунь, находящийся близ Пекина — известный как «китайская силиконовая долина». Здесь вернувшиеся зарубежные специалисты могут рассчитывать на налоговые каникулы, льготные условия аренды, ссуду на открытие дела, консультации по вопросам взаимодействия с местными чиновниками. На сегодняшний день в парке Чжунгуаньцунь работают свыше 8 тыс. вернувшихся китайских специалистов, которыми открыто более 2 тыс. высокотехнологичных предприятий²⁴.

Активные меры по привлечению зарубежных китайских специалистов принимают и другие города и провинции КНР. Например, в Шэньчжэне (пров. Гуандун) с августа 1989 г. действуют правила, по которым вернувшиеся китайские специалисты могут приехать прямо в Специальную экономическую зону, на законных основаниях сменить место жительства, сохранить заработки в иностранной валюте, купить новый дом, открыть собственное дело и пользоваться приоритетом, по сравнению с местными специалистами такой же квалификации, в использовании финансовых средств на научное и техническое развитие²⁵.

Город Вэйхай (пров. Шаньдун) также предлагает ряд преференций вернувшимся зарубежным китайцам. По правительственному документу 1992 г., вернувшимся китайским специалистам предлагают дополнительную премию в размере 500 юаней в месяц, отдельно от тех премий, которые были обещаны. Вернувшиеся китайцы имеют право на двадцатипроцентную скидку на жилье, освобождение от пошлин на импорт, включая пошлину на автомобиль. Власти брали на себя обязательства по устройству детей вернувшихся китайцев в школы, и поиску работы для их жен/мужей. Доходы от зарубежных

источников, полученные во время работы в Вэйхае, разрешалось отправлять за границу. Если технологии, которые привозили с собой зарубежные китайцы, приносили крупную экономическую или общественную выгоду, местной администрации рекомендовалось выплачивать вернувшимся китайцам большие премии²⁶.

На основе изложенных выше фактов можно сделать вывод, что в КНР к настоящему времени накоплен немалый опыт (более 20 лет) по разработке и реализации программ, направленных на привлечение высококвалифицированных и квалифицированных кадров. Эти программы имеют строгую структуру, схему реализации, четко прописаны условия программ: требования к национальной принадлежности участника (часто требуется китайское происхождение, но бывают случаи, когда происхождение не важно), возраст, ученой степени, квалификации, опыту работы потенциального участника.

Программы и гранты предлагают очень выгодные условия своим участникам: полномасштабное финансирование исследований (причем вернувшиеся зарубежные китайцы имеют приоритетное право использовать средства исследовательских фондов); хорошая заработная плата и премии, хороший социальный пакет, гарантии обучения детей в школах и вузах, свобода предпринимательской деятельности. К достоинствам существующих в Китае программ, можно отнести то, что имеются как краткосрочные, так и долгосрочные программы; от участников не требуется обязательное принятие китайского гражданства. Кроме того, присутствие вернувшихся ученых усиливает конкуренцию и среди их местных коллег, что служит дополнительным стимулом в достижении высоких научных результатов. Безусловно положительным моментом является и то, что городские и провинциальные власти могут самостоятельно разрабатывать и осуществлять необходимые им программы, предоставлять гранты зарубежным китайским ученым, решать вопросы по строительству технопарков и делегировать часть своих полномочий коммерческим структурам.

Необходимо отметить, что Китай очень грамотно использовал зарубежный опыт в создании технопарков на своей территории. Новым здесь является то, что в отличие, например, от Силиконовой долины в США, где трудятся специалисты разных национальностей, Китай вводит практику создания технопарков исключительно для вернувшихся китайских ученых, хотя в стране есть немало технопарков, куда привлекают и зарубежных ученых.

Программы, гранты, технопарки приносили и приносят существенную выгоду Китаю, т.к. вернувшиеся ученые внедряют новые для Китая технологии, используя знания, полученные за границей, проводят исследования и осуществляют разработки в КНР, результаты этих исследований и разработок также остаются в КНР. Вернувшиеся ученые обучают местных китайских студентов, магистрантов, докторантов; доводят до сведения других зарубежных китайских ученых информацию о положительных изменениях в КНР.

Обратимся теперь ко второму каналу привлечения высококвалифицированных и квалифицированных зарубежных китайских специалистов в КНР, который включает в себя ярмарки вакансий, конференции и форумы для зарубежных китайцев, а также деятельность китайских рекрутинговых компаний за рубежом. Этот канал получил широко-масштабное развитие с 2000 г., хотя некоторые рекрутинговые компании начали свою деятельность по поиску талантов за рубежом еще в 1994 году²⁷. За границей китайские ярмарки вакансий проходят ежегодно с 2000 г. В числе работодателей на ярмарке присутствуют: представители правительственных структур, государственных корпораций, исследовательских институтов КНР и ряд крупных, средних и малых предприятий Китая. В США такие ярмарки проходят при поддержке Центра международного обмена китайских ученых Северной Америки. В декабре 2008 г. муниципальное правительство Шанхая совместно с 24 страховыми компаниями, банками, компаниями по операциям с ценными бумагами провело три ярмарки вакансий в Лондоне, Чикаго и Нью-Йорке²⁸.

На ярмарке было представлено около 170 вакансий. Требовались управленцы в банковской сфере, сфере финансов, инвестиционных ценных бумаг, страховом деле, в частности, главные экономисты в финансовые институты, руководители высшего звена, отвечающие за операции с деривативами, либо риски рынка. Диапазон зарплат варьировал от 100 тыс. юаней (14,6 тыс. долл.) до 1,5 млн юаней в год²⁹. Также предоставлялся полный социальный пакет, включающий медобслуживание, обеспечение жильем, помощь при зачислении детей в школы.

В основном требовались специалисты с магистерской степенью и опытом работы более пяти лет в международных финансовых институтах. В качестве кандидатов на некоторые должности рассматривали только специалистов с докторскими степенями, и предпочтение отдавали обладателям профессиональных сертификатов, таких как: CFA (Chartered Financial Analyst), ACCA (Association of Chartered Certified Accountants), и CFP (Certified Financial Planner). К претендентам на должности в сфере управления рисками требования были еще выше. Они должны были иметь пятилетний опыт работы в финансовых институтах и десятилетний опыт стратегических исследований³⁰. По мнению организаторов, ярмарки вакансий вызвали большой ажиотаж среди зарубежных китайских специалистов. Всего более 2100 чел. посетили ярмарки, из них 300 чел. — в Лондоне, 200 чел. — в Чикаго, и более 1000 чел. — в Нью-Йорке. Участниками ярмарок были уволенные работники, специалисты, которых ожидало увольнение, и выпускники вузов. Некоторые участники ранее являлись руководителями высшего звена финансовых институтов, их опыт работы превышал 10 и даже 20 лет³¹.

Количество претендентов намного превышало количество вакантных мест, выставленных на ярмарках. На 170 вакансий изначально претендовало 4000 чел.³² К примеру, крупнейшая брокерская компания Китая Haitong Securities предлагала 27 вакансий на средние и высокие должности, а получила 540 заявок, 200 кандидатов отобрали на второе интервью³³. Компания отметила повышение профессионального уровня претендентов по сравнению с 2002 г., когда она впервые искала высококвалифицированных специалистов за рубежом. Кроме того, зарплатные ожидания претендентов существенно снизились по сравнению с 2002 г., что является следствием мирового финансово-экономического кризиса.

В марте 2009 г. провинция Гуандун провела мероприятие, аналогичное вышеописанным ярмаркам вакансий. Власти провинции отправили в США делегацию для поиска квалифицированных специалистов. Провинции требовались специалисты в области финансов, логистики, информационного обслуживания, культуры, производства оборудования, автомобилестроения, металлургии, нефтехимии и судостроения. Предполагалось рассматривать кандидатуры как китайских специалистов, получивших образование за рубежом, так и иностранных экспертов. Предпочтение отдавали лицам с магистерскими и более высокими степенями³⁴.

В мае 2009 г. Шанхайское муниципальное Бюро по трудовым ресурсам и социальному обеспечению организовало ярмарку вакансий в Вашингтоне. В качестве работодателей были приглашены китайские компании, университеты и институты. Ярмарка была организована для китайских выпускников зарубежных вузов. Социальный пакет, предлагаемый потенциальным сотрудникам, был таким же, как и в развитых странах. В 2008 г. после проведения аналогичной ярмарки вакансий на работу в Шанхай приехало более 5 тыс. китайских выпускников зарубежных вузов, не считая резидентов Шанхая, которые вернулись домой по окончании обучения за границей³⁵. Перед проведением ярмарок вакансий Шанхайское бюро по трудовым ресурсам и социальному обеспечению собирает информацию о качественных характеристиках и количестве специалистов, проживающих в настоящее время за рубежом, и особо востребованных в Шанхае. По данным Бюро, мировой финансово-экономический кризис оставил без работы более 100 тыс. служащих на Wall Street (США), из них 10–20 тыс. составляют китайцы,

многие из которых желают вернуться и работать в КНР³⁶. Необходимо отметить, что Шанхай был и остается наиболее успешным городом в привлечении зарубежных китайских специалистов, хотя конкуренция с другими городами и провинциями КНР за квалифицированных специалистов стремительно растет. В Шанхае работает т.н. Канцелярия по делам зарубежных китайцев, которая в свое время для укрепления связей с зарубежными учеными установила отношения с Ассоциацией выпускников шанхайских вузов за границей. Вместе они использовали связи с существующими организациями зарубежных ученых для сбора информации о новых организациях. Кроме Канцелярии по делам зарубежных китайцев, проблеме привлечения квалифицированных кадров уделяют серьезное внимание в Шанхайском бюро образования. Стремясь снизить роль правительства в привлечении зарубежных китайцев, Бюро переложило ответственность за трудоустройство вернувшихся специалистов с правительства города на рынок, учредив т.н. «рынок человеческих талантов»³⁷. Шанхай также стал первым городом Китая, который начал выдавать визы на длительное проживание для вернувшихся специалистов с зарубежными паспортами.

Ярмарки вакансий весьма эффективны для восполнения дефицита высококвалифицированных специалистов на китайских предприятиях, т.к. у представителей компаний есть уникальная возможность лично побеседовать с каждым кандидатом на должность. Однако поиск кадров может стать более удобным, если предприятие, или фирма обратится к услугам рекрутинговых компаний. Рекрутинговые компании собирают информацию о квалифицированных и высококвалифицированных специалистах и ученых, работающих в престижных зарубежных компаниях и исследовательских центрах; владеют информацией об уровне их зарплат, увольнениях и продвижениях по службе; следят за тенденциями на международном рынке труда; организуют поездки с целью найма специалистов по желанию китайской фирмы-заказчика.

Например, китайская рекрутинговая компания Wang & Li Asia Resources, которая специализируется на найме билингвов, в феврале 2008 г. совершила лекционную поездку, нацеленную на студентов десяти престижнейших магистерских программ по менеджменту, в крупнейшие города США — Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Лекции содержали информацию о перспективах китайского рынка труда и практическое руководство по поиску работы в Китае.

Организаторы отмечают подъем интереса зарубежных китайских специалистов, выпускников вузов к предложениям рекрутинговых компаний. Около 60–70% посетивших лекции были квалифицированными специалистами и выпускниками вузов — выходцами из материкового Китая — работающими или обучающимися в США³⁸. Такой подъем, по их мнению, связан с развитием мирового финансового кризиса, т.к. многие люди теряют работу и более охотно смотрят на перспективы трудоустройства в КНР. Еще десятилетие назад слушателями подобных лекций были, главным образом, американцы китайского происхождения, другие азиаты, проживающие в США. О повышении интереса зарубежных китайских специалистов и выпускников вузов к перспективам трудоустройства в КНР говорит и ведущая рекрутинговая компания Пекина — Career International, которая в декабре 2008 г. отправила делегацию на Wall Street для найма специалистов в области финансов, необходимых китайским предприятиям. Career International считает мировой финансово-экономический кризис идеальным временем для привлечения высококвалифицированных специалистов в области финансов, т.к. кризис привел к увольнениям банковских и финансовых служащих и существенно снизил их зарплатные ожидания³⁹.

Клиентами рекрутинговых компаний являются не только государственные и частные компании, научно-исследовательские центры, но и центральные власти Китая. К примеру, для осуществления «Программы 1000 талантов», в конце 2008 г. правительство КНР поставило перед рекрутинговыми компаниями задачу — собрать информацию о

технических специалистах и управленцах в сфере финансов, специалистах-новаторах по всем отраслям. Для успешного проведения «охоты за умами» правительство КНР выделяло денежные субсидии главным «охотникам» в размере 1 млн юаней каждому⁴⁰.

Кампании по поиску и найму квалифицированных и высококвалифицированных специалистов из числа зарубежных китайцев проводятся не только за рубежом, но и на территории КНР в рамках форумов и конференций для китайских выпускников зарубежных вузов, зарубежных китайских ученых и специалистов.

В октябре 2008 г. в Пекине прошел 5-й Всемирный форум зарубежных китайцев. В нем приняли участие примерно 200 ученых и предпринимателей китайского происхождения из 14 стран и регионов⁴¹. С делегатами форума встретился председатель национального комитета НПКСК, который призывал зарубежных китайских ученых содействовать сотрудничеству Китая с остальным миром, вносить предложения по дальнейшему развитию реформ и проведению модернизации. Цель Форума — служить мостом между зарубежными китайцами и КНР, доводить до сведения зарубежных китайцев информации о благоприятных экономических и политических изменениях в КНР. С 2001 г. в Пекине ежегодно проводится «Неделя вернувшихся китайских студентов». Организаторами мероприятия являются ЦК комсомола, Всекитайская федерация молодежи. Ассоциация студентов, вернувшихся из западных стран. На собраниях в рамках «Недели» обычно говорят об огромных возможностях самореализации для вернувшихся студентов в КНР. Звучат призывы вернуться и послужить родине, работая над инновационными проектами, либо открывая собственный бизнес⁴². Форумы и конференции проходят и в других городах КНР. Например, Гуанчжоу ежегодно проводит Конференцию зарубежных китайских ученых по науке и технике. Организаторами Конференции являются: министерство образования, министерство науки и техники, министерство кадров, Академия наук КНР и правительство Гуанчжоу.

В 2008 г. в рамках Конференции организаторы провели ярмарку, где предложили более 200 вакансий. Это, главным образом, вакантные должности ведущих специалистов в сфере финансов, промышленности, высшего образования в городах дельты Чжуцзян⁴³. К участию в Конференции организаторы пригласили представителей 500 ведущих национальных компаний Китая, а также представителей средних и малых компаний⁴⁴. Некоторые работодатели предлагали ежегодную зарплату свыше 2 млн юаней (290 тыс. долл.). Более 230 ученых и экспертов, получивших образование за рубежом, подали резюме на эти вакансии⁴⁵. Всего в Конференции 2008 г. приняло участие более 2000 зарубежных китайских специалистов и выпускников вузов из 28 стран и регионов, главным образом США, Европы, Японии, Австралии, Канады и Сингапура. 52% участников имели докторскую, 43% — магистерскую степень⁴⁶.

Конкуренция за высококвалифицированные кадры между городами и провинциями Китая непрерывно растет, и власти Гуанчжоу стараются не проиграть в этой борьбе. Правительство города делает все возможное, чтобы привлечь зарубежных китайских специалистов на работу в Гуанчжоу. В 2009 г. власти города предложили 5 млн юаней специалистам высшей категории из числа зарубежных китайцев с тем, чтобы они вернулись в Гуанчжоу и открыли бизнес. Средства предназначались для развития компаний, научно-исследовательских институтов, центров исследований и развития в Гуанчжоу. Дополнительно каждый вернувшийся специалист получал премию в 200 тыс. юаней. В 2008 г. премияльные выплаты были вдвое ниже⁴⁷. Значительное увеличение финансовых выплат является следствием острой конкурентной борьбы за высококвалифицированных специалистов с другими крупными городами Китая — Пекином, Шанхаем, Шэньчженем, которые также существенно повышают финансовые выплаты вернувшимся зарубежным китайским специалистам.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что второй канал привлечения в КНР высококвалифицированных и квалифицированных трудовых ресурсов динамично расширяется. появляются новые способы привлечения кадров.

Конечно, распределение мер по привлечению в Китай квалифицированных и высококвалифицированных специалистов по двум каналам является весьма условным. Оба эти канала взаимодействуют и зачастую неотделимы друг от друга. Например, на конференциях и форумах могут объявлять информацию о программах и грантах для зарубежных китайцев, предлагать потенциальным переселенцам субсидии на открытие своего дела. Авторы программ и грантов могут обращаться за информацией об уровне зарплат и количестве кадров приемлемого для этих программ и грантов уровня в рекрутинговые агентства.

Тем не менее, некоторые различия между двумя каналами все же существуют. Во-первых, это разное время появления: первый канал (программы, гранты) был открыт в конце 1980-х гг., второй (ярмарки вакансий, рекрутинговые компании, форумы, конференции) — в начале 2000-х гг. Во-вторых, первый канал ставит целью набрать группу ученых/специалистов под создание и развитие проектов (то, что еще не создано), а по второму каналу идет поиск сотрудников на конкретные, уже существующие вакансии в государственных и частных компаниях. В-третьих, первый канал используется только государством (правительством, министерствами в центре и на местах), оно разрабатывает программы и гранты, принимает решение о строительстве технопарков, отбирает претендентов, следит за выполнением проектов. Второй канал используется как государством, так и частными компаниями и агентствами, которые объявляют информацию о наличии вакантных мест и отбирают кандидатов на должности.

Успешность мер по привлечению в КНР зарубежных китайских специалистов, ученых, выпускников вузов во многом зависит от состояния экономической ситуации в Китае и странах пребывания, т.к. главным фактором возвращения является не столько патриотизм, сколько экономический интерес. В последние несколько лет рост интереса к Китаю у зарубежных китайских специалистов вызван устойчивым экономическим развитием страны на фоне стагнации и спадов в экономике других стран.

Проведенный в 2008 г. компанией Zhaopin.com опрос 500 зарубежных китайских студентов показал, что 80% из них желают вернуться домой. Причем, 41% опрошенных назвали причиной возвращения быстрое развитие Китая (36% — желание жить с семьей, 16% — сложность трудоустройства за границей, 4% — сложность карьерного роста за границей, 3% — другое)⁴⁸.

Центральные и местные власти КНР делают все возможное для улучшения условий труда и быта специалистов высшего уровня. Специалистам оказывают содействие в оформлении разрешения на длительное пребывание в КНР, регистрации, предоставляют жилье, обеспечивают доступность образования детям, предоставляют существенные стимулы и свободу действий в профессиональной сфере. Например, в Шанхае некоторым руководителям проектов разрешено оставлять себе 20–50% общих инвестиций в данный проект в качестве вознаграждения. А исполнителям исследовательских проектов, включенных в национальный план, правительство Шанхая обещает дополнительные премии в размере 10% от инвестиций в проект. По другим проектам (не включенным в национальный план) также предусмотрено вознаграждение, основанное на качестве выполнения проекта⁴⁹. Неудивительно, что многие вернувшиеся китайские ученые, специалисты, выпускники вузов рассматривают КНР как страну безграничных возможностей с огромным потенциалом внутреннего рынка.

Однако несмотря на широкий спектр мер, принимаемый правительством Китая для улучшения условий жизни и работы вернувшихся специалистов, реэмигранты сталкиваются с очень острыми, трудноразрешимыми проблемами. По имеющимся данным, можно выделить как минимум пять наиболее важных проблем.

Первой по значимости проблемой является социальное напряжение и недовольство местных кадров, вызванное особым положением вернувшихся китайских специалистов в КНР. Многие местные ученые и специалисты считают, что значение вернувшихся зарубежных китайцев переоценено, а их успехи — результат привилегированных условий, созданных правительством для работы и проживания зарубежных китайских специалистов. К примеру, 19% местных преподавателей вузов и 29% ученых считают, что вернувшиеся коллеги получают больше финансовых средств на проведение исследований (19% и 29%, соответственно), что вернувшихся зарубежных китайцев быстрее продвигают по служебной лестнице; 14% и 15% полагают, что жилищные условия вернувшихся китайских преподавателей и ученых значительно лучше, чем у местных. Но мнение вернувшихся китайских преподавателей и ученых не совпадает с мнением местных по данным вопросам. Только 3% вернувшихся китайских преподавателей и 18% ученых считают, что им выделяют больше денег на исследования (2% и 12%, соответственно), что их быстрее продвигают по служебной лестнице; 2% и 4% полагают, что жилищные условия у них лучше, чем у местных⁵⁰.

В Китае ведутся серьезные дискуссии о качестве вернувшихся китайских специалистов. Распространенному мнению о том, что вернувшие зарубежные китайцы вносят существенный вклад в развитие страны и обладают более высокой квалификацией, чем местные, противостоит утверждение, что возвращаются на родину далеко не самые талантливые люди, а лишь те, кто не добился профессиональных успехов за границей. Опрос 100 вернувшихся китайских предпринимателей и 100 местных предпринимателей из Шанхая, Пекина и Гуанчжоу, проведенный китайскими экспертами в 2004 г., показал, что владеют «новейшими технологиями» 34% вернувшихся против 9% местных предпринимателей и почти 50% вернувшихся (46%) против 30% местных предпринимателей обладают технологиями «не новейшими в мире, но новыми для Китая»⁵¹. Данные цифры свидетельствуют в пользу первого тезиса о роли и уровне квалификации вернувшихся китайцев.

В защиту второго тезиса приводятся данные опросов 2002 г., согласно которым двое из 82 ученых, опрошенных в городах Чанша, Гуанчжоу, Ухань и Куньмин, зарабатывали более 50 тыс. долл. в год накануне возвращения на родину, трое ученых — от 35 тыс. долл. до 50 тыс. долл. Очень немногие из них имели патенты, несмотря на то, что 17 чел. получили докторскую степень за границей. Из 109 вернувшихся преподавателей только 8 чел. зарабатывали более 25 тыс. долл. в год, тогда как зарплата 77% из них была ниже 12,5 тыс. долл. в год⁵². Приведенные данные, по нашему мнению, не отражают современную ситуацию. В настоящее время, как уже было отмечено выше, уровень вернувшихся специалистов принципиально вырос, что связано с экономическим спадом в странах пребывания зарубежных китайцев. Однако несмотря на улучшение качества реэмигрантов и, следовательно, повышение их роли в экономическом развитии Китая, недоброжелательное отношение местного населения по-прежнему сохраняется. Враждебное отношение местных китайских специалистов к вернувшимся отражается в интервью, которое провели китайские исследователи данной проблемы в университете на Юго-западе Китая. Все местные преподаватели университета и ученые сходились во мнении, что вернувшиеся китайские специалисты не представляют особой ценности для университета. Однако университет помогает вернувшимся китайцам купить жилье, выплачивает деньги на устройство быта и начало исследований⁵³. Сложившаяся ситуация препятствует приему на работу в университеты талантливых людей из других регионов Китая, получивших докторские степени в Университете Цинхуа (Пекин) и Академии наук КНР. Несмотря на то, что их уровень квалификации ничуть не ниже, чем у вернувшихся китайских специалистов, предпочтение все же отдают последним, что снижает энтузиазм в работе ученых и специалистов, получивших образование в Китае⁵⁴. Кроме того, некоторые считают требования вернувшихся китайских специалистов завышенными. Это каса-

ется и быстрого получения профессорских должностей, и стремления вести самостоятельные исследования и руководить другими специалистами, едва окончив программу пост-докторского обучения. Выполнение этих требований вносит дисбаланс в динамику развития исследовательских центров.

Недовольство местного населения вызывает и право детей вернувшихся специалистов на льготное зачисление в вузы. На эту тему в Интернете даже были развернуты жаркие дебаты. Например, на популярном китайском форуме (сайт 126.com), данная льгота была названа нарушением права граждан на равный доступ к образованию. Действительно, конкурс на зачисление в китайские вузы огромный, в целом по стране каждый год в вузы по конкурсу проходит лишь половина абитуриентов.

Второй проблемой, на наш взгляд, является сложность адаптации вернувшихся специалистов к условиям работы в КНР. Возвращаясь с большими надеждами и энтузиазмом, многие реэмигранты испытывают трудности в адаптации к условиям жизни на родине из-за своего опыта заграничной жизни и нереалистичных ожиданий. Большинство вернувшихся специалистов ищет работу в международных корпорациях, которые могут наилучшим образом оценить и оптимизировать опыт работы реэмигрантов. На государственных предприятиях реэмигрантам работать намного тяжелее в силу ряда причин, например, разницы менталитета работодателя и зарубежного китайского специалиста. Местные руководители китайских компаний зачастую недовольны вернувшимися китайскими специалистами. Например, лишь около 50% китайских предприятий выразили удовлетворение своими новыми сотрудниками из числа вернувшихся китайцев, и свыше 40% государственных компаний, или компаний с участием государственного капитала оценили реэмигрантов сравнительно хорошо. По словам китайских экспертов, данные цифры говорят о низкой оценке работодателями профессиональных качеств вернувшихся из-за границы китайских специалистов в тех сферах деятельности, где необходимы знания условий внутреннего рынка (недвижимость, консалтинг, право, бухгалтерия и т.д.)⁵⁵. При приеме на работу в указанные выше сферы деятельности, работодатели зачастую отдают предпочтение местным специалистам. Завышенные ожидания реэмигрантов остаются невоплощенными. В некоторых случаях высокообразованные вернувшиеся зарубежные китайцы с опытом работы оказываются на подсобных ролях. Они становятся не более чем постоянными переводчиками, которые сопровождают своих начальников в ежегодные путешествия как туристические гиды. В общем, реэмигрантам необходимо от двух до трех лет для полной адаптации к китайской системе и рынку и от пяти до десяти — чтобы полностью осознать свои профессиональные возможности.

Отметим, однако, что рассмотренный выше аспект проблемы не относится к лицам, обучавшимся, или работавшим за границей не более двух-трех лет, или приглашенным на работу по программе, гранту, или контракту. Зарубежные китайские предприниматели, вернувшиеся в КНР для открытия бизнеса, могут столкнуться с проблемой адаптации к китайским правилам ведения бизнеса и особенностям местной бюрократии.

Третьей проблемой служит ограниченное финансирование, либо отказ в финансировании рискованных бизнес-проектов вернувшихся китайских предпринимателей. Дело в том, что большинство инвестиционных компаний в Китае являются государственными и их акциями владеют политические деятели. Из-за страха перед возможным риском они либо отказываются финансировать тот или иной рискованный проект, либо предоставляют не более четверти от требуемых денежных средств⁵⁶, что вынуждает реэмигрантов-предпринимателей искать источники финансирования за границей.

Четвертой, очень существенной, проблемой является проблема регистрации реэмигрантов в городах проживания («хукоу»). Китайская система регистрации является первым препятствием для некоторых вернувшихся китайцев. Наиболее популярными направлениями возвращающихся из-за границы китайцев являются большие города, Пекин и Шанхай. Но именно в них сложнее всего получить «хукоу». Наличие соответст-

вующего «хукоу» даст льготы на образование, здравоохранение, социальное страхование и иногда даже возможность трудоустройства.

Для лиц, принятых на работу на госпредприятие или в организации, финансируемые государством, такие как университеты, которые предоставляют хороший социальный пакет, получение «хукоу» не является серьезной проблемой, т.к. эти работодатели имеют достаточное количество квот на предоставление «хукоу» своим новым сотрудникам. Однако если в семье вернувшихся китайских специалистов более одного ребенка, в получении «хукоу» может быть отказано⁵⁷.

Для лиц, работающих в иностранных компаниях, ситуация еще хуже. Хотя данные компании предлагают значительно более высокую зарплату, чем государственные организации, они не оказывают содействия в оформлении «хукоу» сотрудникам, имеющих китайское гражданство. Вернувшимся китайцам, которые не могут получить «хукоу» с помощью личных связей, приходится за многое платить очень высокую цену, включая хорошее образование для детей.

Наиболее сложным является вопрос регистрации детей, рожденных за пределами Китая. Зачастую дети, рожденные в другом государстве, остаются иностранцами для страны своих родителей. Когда родители возвращаются в Китай, дети испытывают двойные трудности: во-первых, неудобство быть иностранцем в Китае и соблюдать визовый режим; во-вторых, отсутствие местного «хукоу»⁵⁸. Неудивительно, что очень многие зарубежные китайцы, особенно те, у кого есть дети, тщательно взвешивают свое решение вернуться в Китай.

Пятой проблемой является проблема культурной адаптации реэмигрантов к условиям китайской реальности.

Многим вернувшимся китайцам сложно реинтегрироваться в китайское общество. Многие из них за время проживания за границей американизировались, европеизировались, и, вернувшись на родину, чувствуют себя вне китайской культуры. Немало вернувшихся на родину китайцев оставляют свои семьи за границей, главным образом, из-за сложности получения образования детьми, которые зачастую не знают китайского языка, а также из-за менее комфортных условий проживания в Китае, чем за границей. Если о комфортности проживания в Китае можно еще поспорить (в КНР сейчас функционируют теле- и радиоканалы на английском и других иностранных языках, работают западные бары, есть возможность купить машину и комфортное жилье в Пекине), то вопрос образования детей остается главным камнем преткновения при принятии решения вернуться на родину всей семьей.

Все вышерассмотренные проблемы, за исключением, может быть, проблемы «хукоу», не являются исключительно проблемами китайских реэмигрантов. Их испытывают практически все лица, долгое время прожившие за границей и решившие вернуться на родину. И разработками программ по привлечению в страну соотечественников занимаются не только в КНР.

Россия с 2006 г. запустила «Программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Конечно, у нас пока нет столь богатого, как у КНР, опыта по привлечению в страну зарубежных россиян. Данная программа — первая и пока единственная попытка заняться привлечением в страну трудовых ресурсов из числа соотечественников, проживающих за рубежом. У России другие демографические проблемы, чем у КНР, и следовательно, другие задачи в сфере привлечения соотечественников. Китай, как мы уже упоминали, страдает от избыточного количества неквалифицированной рабочей силы, поэтому страна нуждается в квалифицированных и высококвалифицированных кадрах, и все свои программы и мероприятия по найму государство и бизнес-компании выстраивают под них. В России существует дефицит трудовых ресурсов всех категорий, в т.ч. и неквалифицированных, низко- и среднеквалифицированных кадров. Конечно, приоритетными

реэмигрантами и для нас являются квалифицированные и высококвалифицированные кадры. И ряд российских ученых высказывается в пользу разработки краткосрочных программ и грантов, направленных на привлечение квалифицированных российских специалистов из-за рубежа для работы на предприятиях, преподавания, чтения лекций в российских вузах. Но бороться за квалифицированные и высококвалифицированные трудовые ресурсы нам, при современных российских условиях труда и быта, пока очень сложно. Квалифицированные кадры в Россию не поедут, т.к. уровень их жизни в странах пребывания намного выше российского. Нашими потенциальными переселенцами являются соотечественники из стран СНГ и ближнего зарубежья (в основном из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркменистана, Армении и Украины), а также некоторые соотечественники из Германии, Бельгии, Великобритании, Израиля, Бенина, Конго, Мадагаскара⁵⁹. И российская государственная программа выстроена под данную категорию соотечественников.

Но несмотря на разную адресную направленность российских и китайских программ, полагаем, что китайский опыт может быть полезен нашей стране при реализации и корректировке Государственной программы и разработки подобных программ в будущем.

Основными целями российской Государственной программы являются стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Российскую Федерацию, компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию⁶⁰. Для сравнения, ни одна китайская программа не ставила целью переселение зарубежных китайских специалистов на постоянное место жительства в КНР. Многие вернувшиеся китайцы оставляли свои семьи за рубежом, а также сохраняли свое иностранное гражданство или вид на жительство. В Китае действуют как долгосрочные, так и краткосрочные (несколько месяцев) программы. Полагаем уместным обратить внимание на данный аспект китайского опыта при разработке будущих программ и корректировке нынешней. Для наших потенциальных реэмигрантов целесообразно разрабатывать не только программы переселения на постоянное место жительства, но и краткосрочные и долгосрочные программы, направленные на привлечение соотечественников для работы по контракту. России это позволит сократить дефицит кадров на рынке труда, а вернувшимся россиянам даст возможность ознакомиться с российской действительностью, и определиться с решением остаться в России навсегда, или вернуться в страну пребывания.

Российская Государственная программа проходит в три этапа. Первые два этапа программы уже завершены. На первом этапе (2006 г.) разработан и принят ряд нормативных актов, проекты региональных программ. На втором этапе (2007–2008 гг.) началась реализация программы, в страну потянулись первые переселенцы. Сейчас идет третий этап программы (2009–2012 гг.), который предполагает дальнейшую реализацию региональных программ переселения и оценку их результативности, при необходимости проведение дополнительных мероприятий, анализ результатов программы⁶¹.

Российская Государственная программа, так же как и китайские программы, имеет центральный и региональные уровни. Но в Китае программы региональных уровней практически не зависят от центрального, а именно, у региональных властей есть право разрабатывать свои программы по привлечению специалистов, без прямого контроля со стороны центра. Если же программу запускает центр, то он несет полную ответственность за ее реализацию. Кроме того, привлечением кадров в КНР занимается не только государство, но и частные компании. Российская Государственная программа задает рамки, за которые не должны выходить программы субъектов федерации. Полагаем полезным расширять полномочия регионов по привлечению трудовых ресурсов из числа зарубежных россиян, а также подключить к реализации данной программы и аналогичных программ в будущем частные предприятия. Так, было бы целесообразным направ-

лять информацию о наличии вакансий в российских государственных и частных компаниях в представительства ФМС и консульские учреждения РФ за рубежом. И нанимать каждого соотечественника на конкретную гарантированную вакансию, а не отправлять участников программы в какой-либо регион России, только лишь в связи с наличием в данном регионе возможности трудоустройства потенциального переселенца, фактически обрекая их на самостоятельный поиск работы. В данном случае снова уместно воспользоваться китайской практикой. В Китае каждый потенциальный вернувшийся китайский специалист приглашается на конкретное рабочее место, либо для открытия собственного дела, разработок и продвижений научно-исследовательских проектов.

Несмотря на то, что российская Государственная программа предоставляет своим участникам государственные гарантии и социальную поддержку: компенсацию всех расходов переселенцев на переезд к будущему месту проживания и расходов на уплату госпошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории РФ; компенсационный пакет, включающий услуги государственных и муниципальных учреждений, дошкольного воспитания, общего и профессионального образования, социального обслуживания, здравоохранения, государственной службы занятости⁶², тем не менее, обеспечение ключевых интересов резмигрантов (трудоустройство, обеспечение жильем) отдано на откуп региональным властям, которые «вправе участвовать в субсидировании жилищных расходов участников Государственной программы»⁶³. Но имеют право — не означает, что обязаны. Заметим, что все китайские программы и предложения рекрутинговых компаний гарантируют потенциальным вернувшимся китайцам трудоустройство и денежные субсидии на жилье. Да, в рамках российской программы предусмотрено право переселенца «на получение единовременного пособия на обустройство («подъемных»)» и «получение ежемесячного пособия при отсутствии дохода от трудовой деятельности в период до приобретения гражданства РФ, но не более чем в течение шести месяцев»⁶⁴. Но сумма этих «подъемных» в программе не оговаривается, а учитывая, что объем ежемесячного пособия по безработице для переселенцев составляет 50% от прожиточного минимума в регионе⁶⁵, можно предположить, что суммы подъемных явно не хватит на приобретение резмигрантами собственного жилья.

Полезно позаимствовать у китайцев и практику поддержки участников программ в решении сложных социальных вопросов на протяжении всего периода действия программы. Поскольку российская программа нацелена на переселение соотечественников на постоянное место жительства, поскольку целесообразно установить продолжительный срок курирования деятельности вернувшихся россиян, не менее 5 лет с момента прибытия. Необходимо сделать организованным прибытие участников Государственной программы на выбранную для постоянного проживания в РФ территорию вселения. В настоящее время по условиям программы прибытие участников осуществляется самостоятельно, что создает дополнительные риски для здоровья, жизни резмигрантов и сохранности их имущества.

В защиту тезиса о необходимости изучения и заимствования опыта Китая в сфере привлечения трудовых ресурсов можно напомнить, что практически все программы найма зарубежных китайских специалистов завершены, либо протекают вполне успешно, чего, к сожалению, пока нельзя сказать о российской программе, в процессе реализации которой количество переселенцев оказалось меньше, чем прогнозировалось (с сентября 2007 г. по 15 октября 2009 г. — 16 тыс. чел.)⁶⁶.

Как мы уже отмечали выше, у России и Китая разные цели в привлечении соотечественников на родину. Полное копирование китайского опыта невозможно и бессмысленно. Но изучать этот опыт (как и успешный опыт других стран в данной сфере) и даже частично использовать (исходя из условий российской действительности) весьма полезно.

1. <http://www.easttime.ru/analytic/3/8/467.html>.
2. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: История и современность. М., 2009. С. 372.
3. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
4. Там же.
5. http://www.chinadaily.com.cn/china/2008-01/17/content_6402516.htm.
6. Ларин А.Г. Указ. соч. С. 373.
7. Там же.
8. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
9. Zweig D. Learning to compete: China's efforts to encourage a "reverse brain drain" // Competing for global talent. 2006. С. 195.
10. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
11. Zweig D. Op. cit. С. 201-202.
12. Там же. С. 191.
13. Там же. С. 197-198.
14. Там же. С. 200.
15. http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-01/06/content_7368552.htm.
16. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
17. <http://www.scidev.net/en/news/china-offers-research-grants-to-overseas-chinese.html>.
18. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
19. Simon D.F. Cong C. Creating an innovative talent pool. — // chinabusinessreview.com, November-December 2009. С. 35.
20. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
21. http://www.chinadaily.com.cn/china/2008-12/27/content_7346503.htm.
22. Там же.
23. Там же.
24. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
25. Zweig D. Op. cit. С. 199.
26. Там же.
27. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
28. http://www.chinadaily.com.cn/china/2008-12/18/content_7412764.htm.
29. http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2008-12/19/content_7323273.htm.
30. Там же.
31. Там же.
32. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
33. http://www.chinadaily.com.cn/china/2008-12/04/content_7268631.htm.
34. http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-01/13/content_7391169.htm.
35. http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-01/13/content_7390258.htm.
36. Там же.
37. Zweig D. Op. cit. С. 199.
38. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
39. http://www.chinadaily.com.cn/china/2008-12/18/content_7412764.htm.
40. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/se/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
41. http://www.chinadaily.com.cn/china/2008-10/29/content_7151827.htm.
42. http://www.chinadaily.com.cn/china/2008-12/21/content_7325993.htm.
43. http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-01/13/content_7391169.htm.
44. http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2008-12/26/content_7343396.htm.
45. http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-01/13/content_7391169.htm.
46. http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2008-12/26/content_7343396.htm.
47. Там же.
48. http://www.chinadaily.com.cn/china/2008-12/04/content_7268631.htm.
49. http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-01/16/content_7412412.htm.
50. Zweig D. Op. cit. С. 211.
51. Там же. С. 203.
52. Там же. С. 204.
53. Там же. С. 211.
54. Там же. С. 212.

55. http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/sc/txt/2009-09/27/content_219762_4.htm.
56. <http://proquest.umi.com/pqdweb?did=440338121&Fmt=3&clientId=23774&RQT=309&VName=PQD>.
57. <http://www.overseaschinesenetwork.com/site/news/2009/12/01/returned-chinese-face-gruelling-residency-headache>.
58. Там же.
59. *Бошио С.В.* Развитие законодательства о миграции // Аналитические обзоры Инс-та науч. исслед. и информации Росс. Акад. Гос. службы при Президенте Российской Федерации. 2009. № 2 (5). С. 42.
60. Там же. С. 36.
61. Там же. С. 37–38.
62. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Административные процедуры. М., 2009. С. 7.
63. Там же. С. 8.
64. Там же. С. 7–8.
65. Там же. С. 19.
66. *Чепурин А.В.*, Итоги реализации за рубежом Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Тез. науч.-практ. Конф. «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», 20 окт. 2009 г. М., 2009.

К 65-летию окончания Второй мировой войны

Советско-китайское взаимодействие накануне и на первом этапе Второй мировой войны (1937–1941 гг.)

© 2010

Р. Мировицкая

Автор показывает, что главным фактором, под воздействием которого складывались советско-китайские отношения в 1937–1941 гг., была война, развязанная Японией против Китая. Принимая решение оказать широкомасштабную военно-техническую, дипломатическую и морально-политическую поддержку Китайской Республике, руководство СССР учитывало, что расширение масштабов японской агрессии на китайском пространстве ведет к дальнейшему изменению баланса сил в регионе, создавая реальную угрозу безопасности Советского Союза.

Ключевые слова: антияпонская война, государственные интересы, стратегические цели, геополитические решения по проблеме, внутривосточная стабильность в Китайской Республике, договоры, пакты, И.В. Сталин, Чан Кайши.

Военные действия в азиатско-тихоокеанском регионе, где сталкивались интересы ведущих держав мира, включая США, Японию и СССР, начались задолго до Второй мировой войны. Осенью 1931 г. японские войска из Южной Маньчжурии начали оккупацию остальных маньчжурских территорий. В столицах мира, в том числе в Москве, напряженно следили за событиями в Китае.

В одном из первых докладов в Москву полпред СССР в Китайской Республике Д.В. Богомолов сообщал, что ожидание начала японо-советской войны — ведущая тема публикаций в китайских средствах массовой информации, заявлений китайских лидеров. Подобного варианта развития событий не исключали и в Москве. Вопрос о возможной войне с Японией находился в центре внимания советского руководства и в последующие годы¹. Но, как известно, ни в 30-е годы, ни в начале 40-х японо-советская война не началась — имели место лишь провокации японских военных в зоне советско-маньчжурской границы, на оз. Хасан (1938 г.) и р. Халхин-Гол (1939 г.). Не оказала Япония и военной поддержки нацистской Германии в 1941 г.

Мировицкая Раиса Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. Тел. 8 (499) 124-07-24.

Статья подготовлена на базе архивных материалов, опубликованных в документальном издании «Русско-китайские отношения в XX веке» М.: Памятники исторической мысли, 2000–2010. Т. 3–4.

Создав на территории Маньчжурии государство Маньчжоу-го, Япония развернула агрессию в северокитайских провинциях. Широкомасштабные военные действия между японскими и китайскими войсками начались в июле 1937 г. наступлением Японии на центральные районы Китая.

То, что Япония не решилась на войну с СССР, говорит не только о том, что ее правящие круги могли убедиться в существенном военном потенциале Советского Союза, но и о взвешенности его стратегической внешнеполитической линии на дальневосточном направлении. Последняя формировалась и уточнялась с учетом жизненных интересов СССР и Китайской Республики. Китаю была навязана война и страна нуждалась в средствах для отражения агрессии. Советский Союз должен был отвести угрозу от своих границ. СССР помогал китайской армии вооружением и боеприпасами, предоставлял кредиты на закупку вооружения, оказывал другое содействие, хотя и не объявлял войну Японии до августа 1945 г.² Советско-китайское сотрудничество уже тогда носило характер стратегического партнерства и в значительной степени было обращено в будущее.

Советская помощь Китаю в 1937–1939 гг.

Весной 1937 г. Чан Кайши объявил своим единомышленникам в Гоминьдане, что если Япония предпримет следующий крупный акт агрессии, Китаю не останется ничего другого как начать войну. Политическое решение по этому вопросу принималось нелегко — Китай был значительно слабее Японии в экономическом и военном отношении. Но в стране развернулось мощное антияпонское движение, и Чан Кайши не исключал, что если правительство не пойдет на организацию отпора агрессору, то потеряет контроль над страной, что сыграет на руку КПК в «коммунизации» Китая. Принимая решение о сопротивлении Японии, Чан Кайши учитывал также, что с конца 1936 г. милитаристские фракции в японской элите взяли верх и надежд на достойный мир у Китая нет³.

Чан Кайши предусмотрел два сценария развития событий в войне с Японией. Первый предполагал ставку на армию, подготовленную ранее с помощью германских советников; при этом ожидалось, что западные державы экономическими санкциями, не вступая в войну, заставят Японию искать мира с Китаем. Для результативности данного проекта китайские войска должны были продемонстрировать силу и одержать ряд побед в локальных сражениях на первом этапе войны. Согласно второму, худшему сценарию, державы будут не готовы оказать Китаю военно-техническую и иную помощь. Китай, опираясь только на свои вооруженные силы, не сможет одержать победу. Он будет сражаться до победного конца, но до начала мировой войны на Дальнем Востоке перейдет к затяжной войне⁴.

Китайское правительство искало пути вовлечения крупнейших держав в войну против Японии, придавая исключительно большое значение поддержке мирового сообщества. Западные державы до начала Тихоокеанской войны в декабре 1941 г. придерживались политики неучастия в войне на Дальнем Востоке. Что касается советской внешней политики, то ее приоритетным направлением был курс на организацию коллективного отпора агрессорам. Одной из важнейших причин выработки такого курса был прогноз западных аналитиков (не расходившийся с мнением, сложившимся в Москве), согласно которому ближайшей и главной целью японской агрессии является СССР. Однако военные действия на Западе и на Востоке были развязаны первоначально в пределах одной мировой системы, которая в советской политологии именовалась капиталистической.

Правительство Чан Кайши, заинтересованное в поддержке со стороны СССР, привлекло к переговорам с советским правительством видных гоминьдановских деятелей, в прошлом известных дружественным отношением к Советскому Союзу. Москва внимательно следила за развитием событий в Китае и задолго до июля 1937 г. приступила к проработке курса по дальневосточным проблемам, предусматривавшего морально-

политическую, дипломатическую и военно-техническую поддержку Китая⁵. В Москве был принят ряд принципиальных политических решений на случай японо-китайской или японо-советской войны.

Осенью и зимой 1937–1938 гг. советско-китайские отношения активно развивались по трем направлениям. Первым из них была организация доставки в Китай советской военной техники и специалистов, которые могли бы дополнительно подготовить китайский персонал, способный использовать советское вооружение на месте. Второе направление — политическая поддержка Китая в Лиге Наций и других международных организациях, куда Китайская Республика обращалась с требованиями рассмотреть вопрос о японской агрессии. Советским полпредом из Москвы направлялись директивы об оказании содействия Китаю во всех международных организациях. Под давлением делегации СССР во главе с наркомом М.М. Литвиновым в 1937 г. Лига Наций выразила моральную поддержку Китаю, осудив японскую агрессию, но созванная Лигой Наций Брюссельская конференция (ноябрь 1937 г.) отклонила согласованное с китайской делегацией предложение СССР о прекращении западными державами поставок оружия Японии и об отказе ей в кредитах.

Третьим направлением советской политики была деятельность по обеспечению внутривнутриполитического единства в Китае. Интересам и Советского Союза, и Китая равно отвечала способность последнего дать достойный отпор Японии, для чего он нуждался в стабилизации внутривнутриполитической обстановки. Соответственно две крупнейшие политические партии страны — Гоминьдан и КПК — должны были прекратить между собой борьбу и объединиться перед лицом внешнего агрессора. Данный проект в то время не мог быть осуществлен без активной поддержки извне. Советское руководство решительно ориентировало КПК на сотрудничество с Гоминьданом в борьбе за национальную независимость китайского государства. Начало реализации этой линии было положено VII конгрессом Коминтерна (сентябрь 1935 г.), провозгласившим курс на создание направленного против угрозы фашизма широкого единого фронта, объединяющего все слои общества. Образование единого фронта было признано необходимой тактикой народов колониальных и зависимых стран в борьбе против империализма, за национальное освобождение. Понадобились настойчивость со стороны Москвы, длительные усилия и добрая воля руководства КПК и Гоминьдана, чтобы компартия отказалась от непримиримой античанкайшистской позиции, а нанкинское правительство пошло на прямые переговоры и соглашения с коммунистами⁶. 25 августа 1937 г. ЦК КПК принял «Решение о современном положении и задачах партии», призывавшее к общенациональной войне сопротивления японской агрессии. Пункт 4 «Решения» гласил, что разногласия между КПК и Гоминьданом, а также «другими партиями антияпонского направления» сводятся к вопросу о том, «как победить в войне сопротивления»⁷. Единый фронт в Китае на базе военного и политического сотрудничества КПК и Гоминьдана был создан в 1937 г.

Отмеченные направления советской политики были взаимосвязаны. Они предусматривали принятие мер, поддерживавших Китай в войне сопротивления и предотвращающих возможность его капитуляции. Японская сторона 29 раз по разным каналам обращалась к китайскому правительству с предложениями о мире на ее условиях, но Чан Кайши оставался верен курсу на достижение целостности и независимости китайского государства.

Если на первом направлении Советский Союз мог все вопросы решать достаточно оперативно, то на втором он сталкивался с сопротивлением ведущих держав мира, которые опасались обострения отношений с Японией и усиления позиций СССР в Китае. В мае-июне 1937 г., до нападения Японии на центральные районы Китая, советская дипломатия пыталась продвинуть идею Тихоокеанского пакта. В Москве считали, что коалиция тихоокеанских держав может остановить агрессию Японии в Китае — Япония не решится противопоставить себя этой коалиции и рано или поздно сама присоединит-

ся к Тихоокеанскому пакту. Однако США сочли, что без участия в соглашении Японии на том этапе договоренность не имела смысла. Руководство Китайской Республики, учитывая отрицательное отношение США и Великобритании к Тихоокеанскому пакту, не желало конфликтовать с этими державами, и взяло курс на активизацию переговоров по согласованию с СССР условий двустороннего Договора о ненападении, который и был подписан 21 августа 1937 г. в Нанкине⁸.

Этот документ выходил за рамки традиционных международных договоров о ненападении. Параллельно стороны приняли устную декларацию, согласно которой СССР брал на себя обязательство не заключать какого-либо договора с Японией до тех пор, пока не будут восстановлены нормальные отношения между Китаем и Японией, а Китайская Республика обязалась не подписывать с третьей стороной в течение действия договора какие-либо договоры о совместных акциях против коммунизма⁹. Фактически подписанный документ можно рассматривать как договор о взаимной помощи сторон.

В ходе войны с Японией Чан Кайши, как и на более ранних этапах советско-китайских отношений, широко практиковал личную дипломатию, направляя в СССР своих специальных представителей, в том числе с целью убедить советское руководство в необходимости для Советского Союза вступить в войну. Этот вопрос неоднократно поднимался китайской стороной в 1937–1939 гг. 18 ноября 1937 г. по поручению своего правительства его поставил перед И.В. Сталиным посол Китайской Республики в СССР Ян Цзэ. Сталин заявил: «Если Китай будет успешно отражать натиск Японии, СССР начинать войну не будет. Если же Япония начнет побеждать, СССР вступит в войну»¹⁰. Заявление И.В. Сталина, очевидно, было обусловлено поступавшей из советских загранучреждений информацией, не предвещавшей серьезных поражений китайской армии. Но китайские войска в тот период уже отступали из Шанхая. Вероятно, новый кадровый состав советского полпредства и консульств после отъезда из Китая полпреда Д.В. Богомолова, военного атташе А.Я. Лепина и других опытных работников не в состоянии был дать объективный анализ событий, происходивших в стране. В последующих заявлениях И.В. Сталина позиция СССР относительно войны с Японией конкретизировалась применительно к текущему моменту.

Первые решения о военных поставках Китаю были приняты в Москве и реализованы еще до подписания советско-китайского договора 1937 г. СССР также предоставил Китаю льготные кредиты, в счет которых поставлялись оружие и различная военная техника. Часть военных грузов поступала в Китай морским путем, но в основном они доставлялись до советско-китайской границы по железным дорогам и далее перевозились автотранспортом через пров. Синьцзян по специально сооруженной в короткие сроки шоссейной дороге, а также по воздуху. Только за период с октября 1937 г. до середины февраля 1939 г. под перевозку грузов для Китая было занято более 5640 товарных вагонов, а на автомобильном тракте через Синьцзян — более 5200 советских грузовых автомашин. Свыше 4000 советских специалистов — автотехников, шоферов, автодорожников, специалистов других специальностей — обеспечивали военные поставки Китаю.

Синьцзян на определенном этапе стал центром сборки советской боевой техники, направлявшейся по маршруту Алма-Ата — Урумчи — Хами. С сентября 1937 г. по июнь 1941 г. в Китай было направлено более 1235 самолетов, 1600 орудий, другая военная техника и вооружение. С учетом стратегической важности пров. Синьцзян в 1938–1939 гг. в Москве были приняты решения об оказании поддержки нанкинскому правительству в упрочении власти руководства Китайской Республики в этом регионе¹¹. Главной геополитической задачей советской политики в регионе было не допустить создания на территории провинции второго Маньчжоу-го. После начала агрессии Японии в Китае именно по дорогам, проложенным от советской границы в Китай через Синьцзян, направлялась советская военно-техническая помощь. Не вступая в войну с Японией, СССР принял таким образом участие в создании в Китае условий для отражения японской угрозы.

С конца 1937 г. в районе станции Домна (Забайкалье) начал формироваться скоростной бомбардировочный авиационный полк, вооруженный средними бомбардировщиками СБ. Перед направлением в Китай летчики, радисты, стрелки и другие авиаспециалисты проходили там основательную подготовку. Танковые части направлялись через Монголию (Алма-Ата — Урумчи — Ланьчжоу). В Ланьчжоу, административном центре пров. Ганьсу, была организована служба ПВО для прикрытия от налетов японцев¹².

1 декабря 1937 г. первые советские военные самолеты произвели посадку в столице Китайской Республики Нанкине. Советские летчики приняли на себя главный удар японских воздушных армий. До мая 1938 г. было уничтожено более сотни японских самолетов, с мая по декабрь 1938 г. — более 80, уничтожено 70 военных транспортных и военных судов. Были потери и с советской стороны — свыше 200 советских летчиков погибли смертью храбрых в Китае¹³.

Зимой 1938 г. состоялся визит в Москву Сунь Фо, председателя Законодательного юаня Китайской Республики. Он передал И.В. Сталину просьбу Чан Кайши расширить масштабы советской помощи Китаю. И.В. Сталин сформулировал два условия, которые смогут обеспечить Китаю победу в войне: создание собственной военной промышленности в Китае и политическое единство страны¹⁴.

В ходе переговоров, проведенных Сунь Фо с советскими ответственными лицами при участии посла Ян Цзэ, были подписаны два первых соглашения о предоставлении Китаю двух кредитов по 50 млн долл. каждый, предназначенных для закупки техники и оборудования. Подписание соглашения о втором кредите состоялось в июле 1938 г.¹⁵, через три недели после начала Японией вооруженных провокаций у оз. Хасан. Не исключено, что таким путем, а также провокацией на р. Халхин-гол в 1939 г. Япония выразила свое отношение к советской помощи Китаю. Общая сумма советских кредитов достигла 450 млрд долл.¹⁶

Одна из главных задач советской дипломатии и освободительного движения в Китае на первом этапе отражения японской агрессии была решена: Китай не капитулировал. 17 июля 1938 г. Чан Кайши обратился к нации с призывом продолжать войну сопротивления. 25 августа и 4 сентября 1939 г. Чан Кайши вновь поднимал вопрос о подписании между СССР и Китайской Республикой пакта о взаимопомощи¹⁷.

В конце 1938 г. Чан Кайши обратился к советскому правительству с просьбой направить в Китай в качестве главного военного советника маршала В.К. Блюхера, которого он знал еще по совместной работе в 1920-е гг. и высоко ценил. Чан Кайши, не зная, что к тому времени Василий Константинович был расстрелян, заявил советскому полпреду, что откомандирование в Китай В.К. Блюхера было бы равносильно направлению туда сотысячной группировки войск Красной Армии¹⁸. К началу 1939 г. в Китай было направлено до 5000 советских военных специалистов, инструкторов, летчиков-добровольцев. Для оказания командованию китайской армии помощи в планировании военных операций в страну прибыла специальная группа военных советников, которая к концу 1939 г. насчитывала 75 чел. Среди них были такие известные советские военачальники, как В.И. Чуйков, П.С. Рыбалко, А.И. Черепанов и многие другие. 9 января 1940 г. Чан Кайши обратился к СССР с просьбой о выделении ему постоянного советника по политическим вопросам, а 17 января 1940 г. правительство Китайской Республики обратилось к советскому правительству с просьбой направить в Китай дополнительно военных советников разных родов войск¹⁹.

Советский Союз готов был внести свой вклад и в создание на территории Китайской Республики (в Синьцзяне) самолетосборочного и нефтеперерабатывающего заводов в рамках содействия реализации программы создания национальной промышленной базы в Китае. 11 августа 1939 г. уполномоченные правительств СССР и Китайской Республики подписали протокол о строительстве в Урумчи самолетосборочного завода, которое должно было положить начало осуществлению проекта развития национальной

промышленности в Китае. 1 октября 1940 г. началась частичная эксплуатация предприятия, а в основном строительство было завершено к февралю 1941 г. К моменту подписания акта об окончательном завершении строительства сооружения (5 июня 1942 г.) его производительность достигла 450 самолетов в год²⁰.

По инициативе китайской стороны 9 сентября 1939 г. было подписано соглашение о создании советско-китайской авиакомпании «Алма-Ата — Хами» сроком на 10 лет. Совместные советско-китайские предприятия, в том числе «Алма-Ата — Хами», действовали на паритетных началах. В авиакомпании техническое обслуживание авиалиний (самолетный парк, летный состав, навигационная служба, снабжение горючим и т.д.) обеспечивалось советской стороной²¹. Самолетами в Китай доставлялось оружие, другие важные стратегические грузы, а оттуда — важные для обороны СССР стратегические материалы: вольфрам, олово и др.

Таким образом, в 1937–1939 гг. китайская армия на регулярной основе получала советскую военную технику и оружие. Советские советники на месте готовили планы организации отпора Японии. Специалисты из СССР, работавшие в китайских военных школах и непосредственно в войсках, обучили к 1939 г. более 100 000 китайских военнослужащих. К сентябрю 1939 г. 80% военно-технической помощи Китайской Республике доставлялось из Советского Союза и лишь 20% — из США и Европы²².

Отдавая должное советской помощи, Китай продолжал интересоваться судьбой своих инициатив, касающихся расширения участия СССР в борьбе с Японией. Принимая советского посла А.С. Панюшкина 1 августа 1939 г., Чан Кайши, получивший письма из Москвы от И.В. Сталина и В.М. Молотова, поинтересовался, «не передавали ли они что-нибудь устно»²³ о вступлении СССР в войну. В ходе визита в Советский Союз специального представителя Чан Кайши генерала Хэ Яоцзу (декабрь 1939 — начало 1940 г.) китайская сторона неоднократно ставила вопрос о расширении советской военной помощи Китаю²⁴.

Первый этап Второй мировой войны в Европе (1939–1941 гг.)

В Китае чрезвычайно внимательно наблюдали за развитием событий в Европе. Чан Кайши был очень удивлен сообщением о заключенном в августе 1939 г. договоре СССР с Германией, рассматривая международную обстановку с точки зрения интересов китайского государства²⁵. В то же время китайский лидер был обеспокоен возможностью улучшения отношений СССР с Японией, союзницей Германии.

31 августа 1939 г. посол Китайской Республики в Москве Ян Цзэ посетил НКВД СССР. В беседе с заместителем наркома иностранных дел С.А. Лозовским посол, сообщив, что получил инструкцию своего правительства обсудить некоторые вопросы, указал, что на Дальнем Востоке циркулируют слухи о том, будто СССР предложил Японии заключить договор о ненападении, что Япония обратилась с аналогичным предложением к Советскому Союзу, и что Германия и Италия советуют Японии заключить соответствующий договор. С.А. Лозовский ответил, что среди этих слухов, судя по газетам, наиболее вероятен последний. Ян Цзэ интересовался, какова будет позиция Советского Союза, если Япония действительно поднимет вопрос о заключении упомянутого договора. Заместитель наркома отметил, что на данном этапе трудно что-либо сказать по этому вопросу. Когда японское правительство выдвинет какое-либо конкретное предложение, тогда советское правительство обсудит его и даст ответ. Международная обстановка весьма сложна, заявил советский дипломат, и решения будут приниматься с учетом всего комплекса вопросов²⁶.

Суммировал реакцию китайской элиты на новую расстановку сил в Европе известный китайский военачальник и политический деятель Фэн Юйсян. Беседуя с полпредом А.С. Панюшкиным 18 сентября 1939 г., Фэн отметил, что после заключения советско-германского соглашения в Китае по поводу складывающейся ситуации высказываются следующие мнения:

«1) Заключение соглашения означает, что СССР отказывается от помощи Китаю, заключит соглашение о ненападении с Японией.

2) СССР отказывается от коммунизма и от помощи слабым и малым народам.

3) СССР освободит свои руки на западе и сможет уделить больше внимания Дальнему Востоку»²⁷.

13 ноября 1939 г. состоялась беседа Чан Кайши с советским полпредом. Она продолжалась 15 минут. Приводим беседу в записи полпредства.

«Полпред: На вашу просьбу, высказанную во время предыдущей беседы и переданную мною гг. Сталину и Молотову, я вчера получил от них ответ, в котором говорится, что политика СССР в отношении Китая остается неизменной. В телеграмме г. Сталина говорится, что мнение части китайских газет относительно того, что в речи Молотова не затронут вопрос о Китае именно по той причине, что политика СССР в отношении Китая остается неизменной (так в тексте. — Р.М.). В прошлый раз в беседе с Вами, г. маршал, и с г. Чжан Чуном я говорил, что политика СССР в отношении Китая остается неизменной, теперь по этому вопросу имеется авторитетное подтверждение гг. Молотова и Сталина.

Чан Кайши: Какой имеется ответ относительно моего вопроса о сотрудничестве между СССР и Америкой по дальневосточной проблеме, также высказанной во время предыдущей встречи?

Полпред: Специально по этому вопросу ничего не сказано, но наши отношения с Америкой являются нормальными дипломатическими отношениями, и нет ничего такого, что говорило бы об изменении этих отношений.

Чан Кайши: Америка в настоящее время активизирует политику на Дальнем Востоке. С будущего года она прекратит снабжение Японии военными материалами и сырьем, что явится большой помощью Китаю в его войне сопротивления Японии. Если же СССР будет продавать Японии сырье, то это будет против интересов Китая. Поэтому я прошу передать своему правительству, чтобы с Японией не вести торговых дел. Если СССР будет торговать с ней, то трудно заставить Америку воздержаться от торговли...

Полпред: Если СССР будет вести какие-либо торговые дела с Японией, это отразится на позиции США?

Чан Кайши: Да, безусловно. И даже очень.

Полпред: Вашу просьбу я передам моему правительству»²⁸.

В Китае продолжали отслеживать внешнеполитические заявления советского руководства. Например, когда в докладе наркома иностранных дел В.М. Молотова, посвященном очередной годовщине Октября (1939 г.), Китай не был упомянут, это вызвало беспокойство в китайских правительственных кругах. Потребовались дополнительные разъяснения из Москвы. 11 ноября 1939 г. И.В. Сталин и В.М. Молотов направили телеграмму полпреду А.С. Панюшкину. В телеграмме подчеркивалось, что в докладе Молотова отсутствуют упоминания и ряда других стран помимо Китая. Некоторые китайские газеты, подчеркивалось в телеграмме, совершенно правильно истолковали этот факт как указание на неизменность политики СССР в отношении Китая. 13 ноября полпред ознакомил с телеграммой Чан Кайши²⁹. Но, как докладывал А.С. Панюшкин наркому, и после этих разъяснений правительственные круги страны продолжали проявлять излишнюю настороженность относительно политики СССР³⁰.

Власти Китая отдавали себе отчет в значимости для их страны советской помощи. 27 марта 1940 г. Чан Кайши направил И.В. Сталину письмо, в котором сообщал о назначении в Москву нового посла — Шао Лицзы — и выражал благодарность СССР за сочувствие и помощь китайскому народу³¹. В первой половине года официальные лица Китайской Республики неоднократно направляли руководителям СССР послания, в которых благодарили за помощь и высказывали надежду на ее продолжение³². 16 октября 1940 г. И.В. Сталин направил письмо Чан Кайши. В письме подчеркивалось, что в слож-

ной и противоречивой международной обстановке главной задачей Китая является сохранение и укрепление китайской национальной армии: «Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим»³³.

В июле 1940 г. по просьбе китайской стороны был продлен на год договор о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже, заключенный в августе 1939 г. По данным Российского комитета ветеранов войны, в 1940 г. советская сторона предоставила Китаю дополнительно два займа на закупку вооружения на сумму 200 млн долл.³⁴

В 1940–1941 гг. среди тем, обсуждавшихся официальными представителями Китайской Республики и СССР в контексте советско-китайских отношений, приоритетными были две: единый национальный фронт в Китае и советско-японские переговоры.

В начале 1941 г. Китай оказался на пороге возобновления гражданской войны между правительственными войсками и армией КПК. Поводом к обострению отношений двух партий стали события, происшедшие в южной части пров. Аньхой.

19 октября 1940 г. китайское командование направило приказ войскам 8-й и Новой 4-й армий — соединенный КПК, официально влившихся в Национально-революционную армию Китайской Республики, в соответствии с договоренностью, достигнутой в июле 1940 г., в течение месяца перебазироваться на северный берег Хуанхэ. Руководство компартии выразило несогласие с приказом, так как войска коммунистов были укомплектованы местными жителями, неохотно покидавшими родные места. Тем не менее командование коммунистических армий отдало своим войскам приказ о перебазировании, на прежнем месте дислокации остались лишь штабная команда Новой 4-й армии, примерно 4 тыс. бойцов и около 3 тыс. курсантов, медперсонала, членов семей командиров и т.д. 6 января 1941 г. части коммунистов внезапно были атакованы гоминьдановскими войсками, погибло около 7 тыс. чел. Командующий Новой 4-й армией Е Тин был взят в плен и содержался в заточении до 1946 г.

Обе конфликтующие стороны показали свою заинтересованность в контактах с советским руководством, чтобы довести до него собственные версии событий и обсудить пути выхода из кризиса.

15 января 1941 г. состоялась беседа советского полпреда и главного военного советника В.И. Чуйкова с представителями руководства КПК Чжоу Эньлаем и Е Цзяньном о вооруженном конфликте между войсками компартии и Гоминьдана. Полпред и В.И. Чуйков связали кризис в едином фронте с новой расстановкой сил в международных отношениях. В.И. Чуйков подчеркнул, что Чан Кайши, видимо, понял, что ни СССР, ни Англия, ни США не будут в значительных объемах оказывать вооруженную помощь Китаю в войне с Японией, и решил на обострение отношений с КПК, дабы в дальнейшем получить возможность маневра в зависимости от позиции держав.

Китайские коммунисты интересовались мнением советской стороны: не начать ли им гражданскую войну, выступив против Гоминьдана? На это полпред заявил: «Я считаю, что основным противником КПК в настоящее время остается по-прежнему Япония. Если КПК начнет активные вооруженные действия против Гоминьдана, то это будет лишь способствовать расширению гражданской войны в Китае, что не в интересах войны сопротивления Китая. Нужно во что бы это ни стало сохранить сотрудничество. Однако это не значит, что Вы должны дать себя в обиду. Вы уже начали, как вы говорите, политическое наступление против Гоминьдана. Вам, следовательно, необходимо продолжить его с тем, чтобы, с одной стороны, реабилитировать себя и показать широким народным массам подлинного виновника событий в южной части Аньхуй (так в тексте. — Р.М.). А с другой стороны, в Вашей политике не следует ссылаться на Чан Кайши как на организатора событий»³⁵. 20 января 1941 г. посол Китайской Республики в Москве Шао Лицзы получил телеграмму Чан Кайши с изложением его версии причин конфликта между войсками Гоминьдана и КПК. В телеграмме предлагалось сообщить ее содержа-

ние советскому правительству, если оно проявит к тому интерес. Чан Кайши было важно уяснить, готов ли СССР в этой ситуации продолжать помощь Китаю. Шао Лицзы, получив депешу, запросил правительство, должен ли он по собственной инициативе информировать советское правительство о случившемся³⁶. 25 января Чан Кайши встретился с советским полпредом и заверил его, что речь не идет об общеполитическом мероприятии или смене внутрисполитического курса. Разоружение частей Новой 4-й армии, заверил он посла, является лишь вопросом военной дисциплины. Следующая встреча официальных лиц СССР и Китая, посвященная этой проблеме, состоялась 29 января. Шао Лицзы на приеме у замнаркоминдел С.А. Лозовского повторил слова Чан Кайши о том, что речь не идет о смене курса. Шао заявил Лозовскому о своей надежде на то, что «советское правительство, став на позицию друга, будет выяснять интересующие его вопросы и помогать в укреплении единого фронта в Китае»³⁷. Тем самым китайское правительство фактически предложило СССР принять участие в урегулировании конфликта. С.А. Лозовский уточнил: правильно ли он понял, «что посол выразил пожелание, чтобы советское правительство говорило бы по вопросам внутренней политики Китая не стесняясь»³⁸. Посол ответил утвердительно. 30 января советник китайского посольства Лю Цзэжун в беседе с заведующим 1-м Дальневосточным отделом НКВД Г.Ф. Резановым проинформировал последнего, что получил телеграмму из Китая о совещании, в котором приняли участие члены правительства и руководство Гоминьдана. На совещании Чан Кайши подтвердил, что речь идет о чисто военной акции и конфликт между войсками Гоминьдана и КПК не вносит изменения в контакты с дружественными странами. 2 февраля 1941 г. Чан Кайши направил письмо И.В. Сталину с благодарностью за помощь Китаю в войне сопротивления³⁹.

Перспектива развертывания в Китае гражданского конфликта ни в коей мере не устраивала Москву. 4 февраля 1941 г. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров телеграфировал в Яньань, в штаб-квартиру КПК:

«Мы считаем, что разрыв не является неизбежным, наоборот, опираясь на массы, которые стоят за сохранение единого фронта, надо сделать все зависящее от компартии и от наших военных, чтобы избежать развертывания междоусобной войны. Просим пересмотреть Вашу позицию по этому вопросу и сообщить нам свои соображения и предложения. Димитров»⁴⁰.

В период обострения отношений между двумя крупнейшими политическими силами Китая советские военные советники, находившиеся на фронтах в зонах соприкосновения частей Гоминьдана и КПК, следуя указаниям из Москвы, должны были не допускать разгрома частей коммунистов, даже если те выступали зачинщиками столкновений. В связи с такой пристрастной позицией советников гоминьдановское правительство приняло решение вывести их из зон соприкосновения частей Гоминьдана и КПК и использовать главным образом на работе в военных учебных заведениях. Советское правительство не согласилось с этим. Решительная позиция руководства СССР сыграла важную роль в предотвращении полного распада единого фронта в Китае. В итоге контактов и переговоров конфликтующих сторон была подтверждена необходимость продолжить борьбу с Японией.

В связи с январскими 1941 г. событиями в южном Аньхое примечательна позиция США. Согласно сообщению Шао Лицзы, Соединенные Штаты, не ожидая информации от китайской стороны, достаточно четко выразили негативное отношение к курсу на разжигание гражданской войны в Китае. Весной 1941 г. Китай посетил представитель президента Рузвельта, Кэрри, целью миссии которого было выяснение того, насколько решительно Китай намерен продолжать борьбу с Японией, способен ли он вести войну и каковы его нужды. Шао Лицзы подчеркнул, что США планируют свою политику в Китае, исходя из того, что гражданская война в стране не возобновится⁴¹. Великобритания также выступила против развязывания гражданской войны в Китае.

25 марта 1941 г. состоялся 8-й пленум ЦИК Гоминьдана 5-го созыва. Чан Кайши на нем занял примирительную позицию в отношении КПК⁴². К тому времени он получил подтверждение того, что ни СССР, ни США, ни Англия не заинтересованы во внутренних распрях в Китае. Тем более, что в конце 1940 г. в Китай прибыла значительная партия советского вооружения, включая 150 самолетов. Некоторое смягчение внутривнутриполитического климата к лету 1941 г. означало, что единый фронт сохранен и война с Японией будет продолжена.

Международная обстановка продолжала обостряться. СССР вынужден был предпринять дополнительные меры к обеспечению своей безопасности. Весной 1941 г. между СССР и Японией был подписан Пакт о нейтралитете. Подписание этого документа было крайне отрицательно воспринято руководством Китайской Республики, которое на протяжении ряда лет рассчитывало на вовлечение СССР в войну с Японией. И тем не менее Чан Кайши 19 апреля 1941 г. в беседе с послом А.С. Панюшкиным заметил, что «несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина остается непоколебимой... Мне хотелось бы только надеяться на то, что если СССР будет предпринимать какие-либо шаги в отношении Японии, то это не будет тайной для нас»⁴³. 2 февраля 1941 г. Чан Кайши в письме И.В. Сталину писал о своей уверенности в том, что «наша страна, в течение 3,5 лет ведущая войну против Японии, до настоящего времени сохранила свою силу... В этом деле помощь, оказанная СССР, действительно является огромной»⁴⁴.

22 июня 1941 г. открыло новую эпоху в международных отношениях. Германия вероломно напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война. 23 июня 1941 г. ЦК КПК опубликовал директиву партийным организациям: Задачи КПК в условиях нападения фашистской Германии на СССР. В директиве, подписанной Мао Цзэдуном, подчеркивалась необходимость крепить единый антияпонский фронт, сотрудничество ГМД и КПК, в области внешних отношений объединиться для борьбы против общего врага со всеми теми, кто в Англии, США, других странах выступает против фашистских правителей Германии, Италии и Японии. 21 июля Чан Кайши направил И.В. Сталину телеграмму от имени армии и народа Китая с пожеланиями полной победы⁴⁵.

В 1941–1943 гг. советско-китайские отношения несколько охладилось, что было связано с сокращением советской военно-технической помощи Китаю и торговли с ним. Москва из-за тяжелого положения на советско-германском фронте не в состоянии была поддерживать прежний уровень военных поставок Китайской Республике. В середине 1943 г. руководство СССР в одностороннем порядке приняло решение отозвать своих военных советников из Китая, мотивируя этот шаг потребностью фронта в военных специалистах. Однако СССР сохранил влияние на ситуацию в Китае, что, в частности, позволило ему параллельно с американской дипломатией принять меры к недопущению войны между Гоминьданом и КПК в 1943 г., а по мере кардинальных изменений ситуации на советско-германском фронте развернулся и процесс нормализации отношений с Китайской Республикой.

Задача советской внешней политики в Китае в преддверии Второй мировой войны и на ее начальном этапе заключалась в обеспечении условий для успешного отражения Китайской Республикой японской агрессии. Даже не воюя с Японией непосредственно, СССР оставался фактическим союзником Китая. Хотя между СССР и Китаем время от времени возникали разногласия, в целом их отношения носили конструктивный характер.

Завершая экскурс в историю советско-китайских отношений времен Второй мировой войны, необходимо подчеркнуть, что современное российско-китайское стратегическое взаимодействие успешно осуществляется не только с учетом текущих реалий и потребностей. Позитивный опыт плодотворного межгосударственного сотрудничества, особенно тот, что накоплен в кризисные и для Китая, и для нашей страны годы, поможет избежать многих подводных камней в развитии российско-китайского партнерства.

1. См.: Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: Советско-китайские отношения (сент. 1931 — сент. 1937 г.). М., 2010. С. 6. См. также: там же. Док. № 158.
2. Следует учесть, что и Китайская Республика официально объявила войну Японии только 9 декабря 1941 г., на следующий день после США и Великобритании.
3. См.: АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 21. Д. 11. П. 187. Л. 39; *Мировицкая Р.А.* Китайская государственная и советская политика в Китае. Годы тихоокеанской войны, 1941–1945. М., 1999. С. 40.
4. *Carver J. W.* Chinese wartime diplomacy // *Chinese Bitter Victory. The War with Japan, 1937–1945.* Wash., 1985. P. 6–8.
5. См.: Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. Док. № 266–268, 270–271, 278, 281–283, 285, 287, 290–293, 296–298, 301–393, 307–322, 325, 330–418.
6. Подробно об этом см.: *Овчинников Ю.М.* Становление и развитие единого национального фронта сопротивления Японии в Китае. М., 1985. С. 39–48, 66–88.
7. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4: Советско-китайские отношения. Кн. 1: 1937–1944 г. М., 2000. Док. № 66.
8. Текст договора см.: Там же. Кн. 1. Док. № 53. С. 88–89.
9. Там же. С. 8–9.
10. Там же. Док. № 121. С. 156.
11. См.: Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4, кн. 1. Док. № 156, 166, 173, 182, 188, 197, 255, 328.
12. Там же. С. 586.
13. Российский комитет ветеранов войны. Китайская секция: альбом. М., 1996.
14. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4, кн. 1. Док. № 158. С. 198–200.
15. Там же. Док. № 150–151, 158, 174, 224–225.
16. См.: Российский комитет ветеранов войны. Китайская секция: альбом. М., 1996.
17. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4, кн. 1. Док. № 224, 372–373, 381.
18. Там же. Док. № 289. С. 365.
19. Там же. Док. № 429, 431.
20. Об авиаборочном заводе в Урумчи см.: Там же. Док. № 402–404, 406.
21. Там же. Док. № 315, 423.
22. Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. С. 260.
23. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4, кн. 1. Док. № 368. С. 479.
24. Там же. Док. № 420, 423, 426, 430, 432, 433.
25. Там же. Док. № 388, 394 и др.
26. Там же. Док. № 378. С. 494.
27. Там же. Док. № 393. С. 511–512.
28. Там же. Док. № 412.
29. Там же. Док. № 410, 412.
30. Там же. Док. № 418.
31. Там же. Док. № 443. С. 586.
32. Там же. Док. № 430, 432, 433.
33. Там же. Док. № 466. С. 622.
34. Российский комитет ветеранов войны. Китайская секция: альбом. М., 1996.
35. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4, кн. 1. Док. № 469. С. 628.
36. Там же. Док. № 470.
37. Там же. С. 631.
38. Там же.
39. Там же. Док. № 471, 473.
40. Цит. по: Коминтерн и II мировая война. Ч. 1. М., 1994. С. 500–501.
41. См.: Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. Док. № 474. С. 641.
42. Там же. Док. № 470. С. 630.
43. Там же. Док. № 477. С. 646.
44. Там же. Док. № 473. С. 635.
45. Там же. Док. № 482. С. 652.

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией с позиций сегодняшнего дня

© 2010

В. Кузьминков

В статье рассматривается одна из наиболее спорных проблем советско-японских отношений — вопрос заключения и денонсации Пакта о нейтралитете с Японией. Большое внимание уделяется анализу факторов и тенденций, оказавших определяющее влияние на содержание Пакта о нейтралитете. Анализируя его денонсацию, автор уделяет особое внимание сложившимся к тому времени международным условиям и международно-правовой базе документов, позволившим Советскому Союзу отказаться от нейтралитета с Японией раньше указанного в Пакте срока.

На основе комплексного анализа документов автор высказывает оригинальную точку зрения в отношении денонсации Пакта о нейтралитете и вступления СССР в войну против Японии.

Ключевые слова: агрессор, война, конференция, Пакт о нейтралитете, принадлежность, разногласия, обязательства, СССР, США, Устав ООН, Южный Сахалин, Япония.

2 сентября Россия отмечает 65-летие победы над Японией. Это — важнейшая историческая дата, поскольку с капитуляцией Японии завершилась Вторая мировая война — самая кровопролитная и разрушительная война в истории человечества. Тот факт, что главную роль в скорейшей капитуляции Японии сыграл Советский Союз, признается не только российскими, но японскими и другими зарубежными исследователями. Именно вступление СССР в войну, а не ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки побудили Японию принять условия Потсдамской декларации.

Однако, Советский Союз, внесший решающий вклад в победу над державами «оси» и окончание Второй мировой войны, оказался вовлеченным в острый территориальный спор с Японией. Уже более полувека она отказывается подписывать мирный договор с Россией, аргументируя это тем, что в конце Второй мировой войны Советский Союз в нарушение Пакта о нейтралитете напал на Японию и оккупировал так называемые «северные территории», а именно острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи. Следовательно, чтобы заключить мирный договор, необходимо урегулировать проблему территориального размежевания между двумя странами. Согласно японской позиции, Россия как правопреемница СССР должна вернуть вышеуказанные острова. Свою жесткую, бескомпромиссную позицию в отношении островов Япония объясняет исконностью прав на них, а также тем, что Советский Союз якобы действовал в нарушение современного международного права, начав военные действия против Японии до истечения срока действия Пакта о нейтралитете.

Исконность владения территорией не является аргументом для юридического признания территории за данным государством. А вот обвинение в нарушении современного международного права формально может стать предлогом для обсуждения вопроса об отторжении вышеуказанной территории от Российской Федерации. В этой связи попытаемся рассмотреть обоснованность утверждений японской стороны в отношении Пакта о нейтралитете.

Пакт о нейтралитете или Пакт о ненападении?

Важнейшим элементом системы аргументации японской стороны является ее утверждение о том, что, вступив в войну с Японией 9 августа 1945 г., СССР нарушил Пакт о нейтралитете. Следовательно, действия Советского Союза являются незаконными. Однако при оценке этого политического шага Советского Союза недостаточно ограничиться одной лишь констатацией этого факта. Его надо рассматривать в контексте международной ситуации, сложившейся к тому времени.

Вскоре после подписания 20 января 1925 г. в Пекине Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, получившей название Пекинской конвенции, с целью стабилизации обстановки на Дальнем Востоке правительство СССР стало предпринимать активные шаги для подписания пакта о ненападении. В августе 1926 г. и в июне 1927 г. советское правительство обращалось к правительству Японии с предложением заключить пакт о ненападении, подобный советско-германскому пакту о нейтралитете, подписанному в Берлине 24 апреля 1926 г. Однако в обоих случаях японская сторона ответила отказом.

Так, 16 июня 1927 г. в беседе с полномочным представителем СССР в Японии Валерьяном Довгалевским, премьер-министр Японии Гиити Танака заявил, что «заключение политического пакта несвоевременно», и предложил вернуться к этому вопросу по мере укрепления экономических связей между СССР и Японией¹.

Через месяц 25 июля 1927 г. Танака представил императору программу политики в отношении Китая, известную как «меморандум Танака». В «меморандуме» ставилась цель завоевания Маньчжурии и Монголии, а затем и всего Китая. Кроме того, в меморандуме говорилось о «неминуемом конфликте с красной Россией». В случае столкновения с СССР «нам вновь придется сыграть ту же роль, которую мы играли в русско-японской войне» — гласил меморандум². В последнее время подлинность «меморандума Танака» подвергается сомнению. Однако несомненно, что заключение с СССР пакта о ненападении на тот момент не отвечало экспансионистским планам Японии.

Кроме того, в военных кругах Японии имелись разногласия по поводу дальнейшей политики в отношении СССР. Существовала точка зрения, согласно которой проведение быстрой победоносной войны против ослабленного СССР должно было предшествовать развертыванию экспансии Японии в Восточной Азии. В частности, в своих донесениях в Москву новый полномочный представитель СССР в Японии Александр Трояновский писал: «В военных кругах Японии бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»³. Поэтому, когда 8 марта 1928 г. Советский Союз в лице полпреда Трояновского в третий раз поставил перед Танака вопрос о заключении пакта о ненападении. Танака заявил, что «для этого не пришло ещё время»⁴. С другой стороны, в Японии понимали, что в случае длительной войны против СССР ей не обойтись без китайского сырья. Поэтому было решено осуществить захват богатой сырьевыми ресурсами и имевшей важное стратегическое значение Маньчжурии.

18 сентября 1931 г. в результате Мукденского инцидента японская армия оккупировала Маньчжурию. Япония начала воплощать в жизнь свои экспансионистские планы. Выход японских вооруженных сил на границу с СССР увеличил опасность военного столкновения с Японией. Поэтому Советское правительство активизировало свои пред-

ложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие его не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. 31 декабря 1931 г. Народный комиссар иностранных дел СССР Максим Литвинов в беседе с находившимся в Москве проездом из Парижа в Токио министром иностранных дел Японии Кэнкити Ёсидзава отметил, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией», является основой советской внешней политики⁵. Литвинов указал на тот факт, что СССР стремится заключить пакты о ненападении со всеми соседями и предложил японскому правительству вступить в переговоры о заключении такого пакта. Ёсидзава не дал определенного ответа, но пообещал передать своему правительству это предложение⁶.

Ответа японской стороны пришлось ждать почти год. Дело в том, что японское правительство выжидало реакции западных держав на захват Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Договор о ненападении мог бы понадобиться в случае обострения отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за влияние в Китае. Однако западные державы не только не оказали сопротивления Японии в Маньчжурии, но и продолжили снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. Поэтому 13 декабря 1932 г. сменивший Ёсидзаву на посту министра иностранных дел Косай Утида вручил полпреду Трояновскому официальную ноту, в которой вновь было заявлено, что «еще не созрел момент для заключения договора о ненападении»⁷. В ответной ноте Советского правительства от 4 января 1933 г. указывалось, что «его предложение не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики, и поэтому остается в силе и в дальнейшем»⁸.

В конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный Генштабом императорской армии план войны против СССР на 1933 г., по которому японской оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от озера Байкал⁹. С этого момента Япония начала полномасштабную подготовку к войне с СССР. Однако для этого было необходимо создать мощную военно-экономическую базу в Маньчжурии и покорить весь Китай.

Готовясь к войне с Советским Союзом, 25 ноября 1936 г. японское правительство заключило с Германией антикоминтерновский пакт, сопровождавшийся секретным приложением, где главной целью борьбы обеих стран был назван Советский Союз. Вторая статья секретного приложения гласила: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, противоречащих духу данного соглашения»¹⁰.

7 июля 1937 г. японские войска вторглись в Китай, развязав против него агрессивную войну. Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Этот договор не ограничивался обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга. По сути это было соглашение о взаимопомощи в борьбе против Японии. Советский Союз оказывал значительную военную помощь войскам Чан Кайши. В китайском небе сражались советские летчики, боевые операции гоминьдановских войск разрабатывались советскими военными специалистами, в Китай направлялись советские самолеты, танки, артиллерия, стрелковое оружие, боеприпасы и другая военная помощь. Более того, при подписании советско-китайского договора о ненападении Советская сторона провозгласила «устную декларацию», в которой обязалась «не заключать какого либо договора о ненападении с Японией до времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены»¹¹.

Попытки Токио помешать советской помощи привели к пограничным столкновениям, наиболее крупные из которых произошли в районе озера Хасан в июле 1938 г. и на границе с Монголией на реке Халхин-Гол в августе 1939 г.

Поражение японской армии в вооруженном конфликте с советскими войсками в районе реки Халхин-Гол 11 мая 1939 г., а также внезапное подписание 23 августа 1939 г. советско-германского Пакта о ненападении привели к пересмотру военных планов Японии. Если в начале 1930-х гг. Япония строила планы в отношении советского Дальнего Востока, то в свете указанных событий было решено развивать японскую экспансию на южном направлении¹².

После поражения Франции в мае—июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Япония, стремясь не упустить благоприятный момент для захвата азиатских колоний западных держав, поспешила обеспечить себе прочный тыл на севере.

2 июля 1940 г. в беседе с Наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым японский посол в Москве Того Сигэнори внес в вербальной ноте на рассмотрение советского руководства проект пакта о нейтралитете. Согласно первой статье японского проекта в качестве основы взаимоотношений между странами признавалась Пекинская конвенция 1925 г., оставшаяся в силе Портсмутский договор 1905 г.¹³ Однако поскольку последний был серьезно нарушен Японией при оккупации Маньчжурии и давно подлежал пересмотру. Советское правительство отклонило японский проект.

В письменном ответе Молотова от 14 августа 1940 г. было заявлено, что предложенный японской стороной проект соглашения о нейтралитете будет выгоден только Японии. Тем не менее, Советское правительство готово рассмотреть проект договора о нейтралитете в равной степени выгодный как Японии, так и СССР¹⁴. Кроме того, СССР требовал ликвидации нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

30 октября 1940 г. на встрече с Молотовым новый посол Японии в России Татэкава Ёсичугу заявил, что японское правительство желает заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому Пакту о ненападении от 23 августа 1939 г.¹⁵ Татэкава заявил также, что переговоры о нейтралитете прекращаются, а все спорные вопросы, имеющиеся между странами, подлежат разрешению после заключения такого пакта. По поводу разницы между пактом о нейтралитете и пактом о ненападении Татэкава пояснил, что в пакте о ненападении более ясно выражен вопрос о ненападении.

18 ноября 1940 г. на советско-японских переговорах Молотов заявил, что «советское общественное мнение не сможет благожелательно воспринять заключение пакта о ненападении, если он не будет сопровождаться восстановлением территориальных потерь, понесенных Россией на Дальнем Востоке, а именно утратой в свое время Южного Сахалина и Курильских островов»¹⁶. Следовательно, если Япония не готова обсуждать вопрос о принадлежности данных островов, то было бы целесообразно заключить Пакт о нейтралитете, не предусматривающий разрешение территориальных проблем, и одновременно подписать специальный протокол о ликвидации концессий на Северном Сахалине.

Поэтому Молотов предложил вернуться к обсуждению пакта о нейтралитете, вручив Татэкаве его проект и проект протокола о ликвидации японских концессий в северной части Сахалина. В отличие от предложенного ранее проекта японской стороны, советский проект не признавал в качестве основы взаимоотношений Конвенцию 1925 г. Кроме того, пакт о нейтралитете предусматривал одновременное подписание протокола о ликвидации в месячный срок японских нефтяной и угольной концессий в северной части Сахалина и аннулирование соответствующих концессионных договоров между СССР и Японией от 14 декабря 1925 г. В качестве компенсации Советское правительство обязалось гарантировать Японии ежегодную поставку 100 тыс. т сахалинской нефти в течение пяти лет на обычных коммерческих условиях¹⁷.

21 ноября 1940 г. Татэкава заявил Молотову, что хотя условия протокола к проекту пакта о нейтралитете японская сторона считает неприемлемыми, сам проект заслуживает обсуждения. Посол также заявил, что для преодоления разногласий по протоколу

Токио предлагает продать северную часть Сахалина. В ответ Молотов категорически отверг предложение о продаже северной части Сахалина¹⁸.

После отказа Советского Союза продать северную часть Сахалина Японии переговоры о заключении пакта о нейтралитете между двумя государствами прервались более чем на месяц.

Тем временем 3 февраля 1941 г. на совещании кабинета министров и начальников штабов сухопутных и военно-морских сил Японии министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока представил «принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». В этом документе, в частности, излагался план заключения с СССР пакта о ненападении. Для решения этой и других важных задач было решено направить Мацуока в Европу¹⁹.

23 марта по пути в Европу Мацуока сделал остановку в Москве. На следующий день он встретился с Молотовым и Сталиным. В отличие от получасовой беседы с Молотовым, беседа Мацуока со Сталиным длилась около часа. В этой беседе, пытаясь оправдать заключение Пакта трех держав²⁰, японский министр заявил, что в Японии уже давно существует коммунизм, так называемый, «моральный коммунизм». Однако «англо-саксонские традиции нанесли ущерб Японии», а капитализм и индивидуализм затормозили развитие последнего. «Поэтому сейчас, — утверждал Мацуока, — мы выдвигаем лозунг — долой индивидуализм и капитализм. Но для этого нужно уничтожить англо-саксов»²¹. Касаясь японо-китайской войны, Мацуока заявил, что «Япония ведет войну не с китайским народом, а с англо-саксами, т.е. с Англией и Америкой», а также с Чан Кайши, который является слугой англо-саксонских капиталистов²². Таким образом, Мацуока пытался убедить Сталина в том, что Япония не собирается воевать с Советским Союзом и добиться положительного решения в отношении заключения пакта о ненападении, который бы служил гарантией безопасности тыла Японии во время ее экспансии на Юг.

7 апреля 1941 г. на обратном пути из Европы Мацуока вновь остановился проездом в Москве. В тот же день состоялась его беседа с Молотовым. В ней в ответ на предложение советской стороны ликвидировать концессию на Северном Сахалине Мацуока поставил вопрос о продаже последнего, заявив, что японцы пришли на этот остров еще в XVI в., а «в начале эры Мэйдзи (1875 г.) Россия отняла у них Сахалин. Таким образом, у японского народа осталось такое чувство, что когда-нибудь нужно Сахалин вернуть Японии. По Портсмутскому договору половина Сахалина была возвращена. Японский народ думает вернуть также и вторую половину Сахалина»²³. Напомним, что в 1875 г. Россия не «отнимала» у Японии Сахалин. По Санкт-Петербургскому трактату 1875 г., остававшийся неразделенным между Россией и Японией с 1855 г. остров Сахалин был обменен на все Курильские острова. Россия получила весь остров Сахалин, а Япония все Курильские острова. В 1895 г. действительность этого договора была подтверждена в специальной декларации русско-японского трактата о торговле и мореплавании.

Молотов отверг предложение Японии о продаже Северного Сахалина. Более того, он заявил, что «в СССР смотрят на Портсмутский договор примерно с таким же чувством, как в Германии относятся к Версальскому договору. Так что Портсмутский договор — плохая база для развития и улучшения отношений... Тем более, что Япония нарушала этот договор в отношении Маньчжурии». И далее: «у нас никто не понял бы сейчас продажу Северного Сахалина, поскольку все помнят, что только в результате поражения в 1905 г. Россия была вынуждена отдать южную половину Сахалина. Нашему общественному мнению было бы более понятно, если бы в исправление Портсмутского договора, как договора, заключенного после поражения, был поставлен вопрос о покупке южной части Сахалина, причем вопрос о цене мог бы быть разрешен по соглашению. Теперь более правильно было бы поставить вопрос о покупке у Японии не только южной части Сахалина, но и некоторой группы северных Курильских островов»²⁴.

Таким образом, очевидно, что советское руководство стремилось к пересмотру Портсмутского договора 1905 г. Следовательно, заключению Пакта о ненападении между Россией и Японией должно было предшествовать решение вопроса о принадлежности южной части острова Сахалин и Курильских островов.

9 апреля 1941 г. Мацуока вновь встретился с Молотовым и предложил вместо пакта о ненападении заключить пакт о нейтралитете, не предусматривающий разрешенные территориальные проблемы. В ответ советское правительство ограничилось только одним дополнительным условием — «одновременного подписания протокола о ликвидации нефтяной и угольной концессий». Кроме того, идя навстречу Японии, советское правительство в качестве компенсации предложило «заключить соглашение сроком на пять лет о поставке 100 тыс. тонн нефти ежегодно»²⁵.

11 апреля состоялась третья, заключительная встреча Молотова с Мацуока. В очередной раз японский министр заявил, что у него нет полномочий от своего правительства подписать протокол о ликвидации концессий, поскольку в правительстве на этот счет нет единого мнения. В качестве компромисса Мацуока передал проект письма на имя Молотова, в котором в неопределенных выражениях говорилось о возможности в дальнейшем ликвидировать все спорные вопросы о концессиях. В ответ Молотов обещал изучить содержание письма, но заметил, что позиция советского правительства в отношении одновременного подписания пакта о нейтралитете и протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине остается неизменной.

Итак, казалось, что советско-японские переговоры закончились провалом из-за нерешенности вопроса о ликвидации японских концессий. Однако за день до отъезда Мацуока на родину, он был приглашен в Кремль.

12 апреля 1941 г. на встрече со Сталиным Мацуока высказал мнение, что «если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он, Мацуока, предпочитает посредничать между СССР и Германией»²⁶. Кроме того, Мацуока в очередной раз предложил купить у Советского Союза северную часть острова Сахалина. На что Сталин сказал: «Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан — пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь Вы хотите взять Северный Сахалин. Вы что, хотите нас задушить? Какая же это дружба? В этой же беседе Сталин прямо заявил Мацуока о стремлении Советского Союза со временем включить Южный Сахалин и Курильские острова в состав своей территории»²⁷.

Вопрос о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине стороны договорились изложить в обменных письмах одновременно с подписанием Пакта о нейтралитете. Сталин согласился с формулировкой Мацуока о том, что концессии будут ликвидированы «в течение нескольких месяцев»²⁸. Однако выполнение этого обещания затянулось до марта 1944 года. Японцы ждали до последнего: когда уже не было никаких сомнений, что война закончится победой СССР, они приступили к выполнению обязательств.

Пакт о нейтралитете был выгоден как Советскому Союзу, так и Японии. В набравшей обороты Второй мировой войне, было очевидно, что столкновение с Германией неизбежно. Поэтому Сталин стремился обезопасить дальневосточные границы СССР с тем, чтобы в случае острой необходимости перебросить оттуда дивизии на западный фронт. В свою очередь, Япония, увязнув в войне с Китаем, стремилась лишиться Чан Кай-ши советской помощи. Кроме того, Япония получила возможность захватывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы более слабых стран на южном направлении, выжидая удобного момента для нанесения удара на северном.

Формирование коалиции союзных государств и денонсация Пакта о нейтралитете

Советский Союз отказался заключать с Японией пакт о ненападении из-за нерешенности вопроса о принадлежности южной части острова Сахалин и Курильских островов.

Однако в свете надвигавшейся угрозы со стороны Германии важно было обеспечить безопасность тыла. С этой целью вместо пакта о ненападении 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан Пакт о нейтралитете. 25 апреля 1941 г. этот документ был одновременно ратифицирован в обоих государствах. Срок действия пакта определялся в пять лет. Это означало, что даже в случае его денонсации одной из сторон, он продолжал бы иметь силу до 25 апреля 1946 г.

В отличие от пакта о ненападении, пакт о нейтралитете представлял собой более узкий документ, не предполагавший решения вопроса о принадлежности южной части Сахалина и Курильских островов, на которые претендовал СССР. Главным элементом пакта о нейтралитете была его вторая статья, текст которой гласил: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»²⁹.

Однако война на Тихом океане совсем не подпадала под эту формулировку, так как Япония выступала не объектом, а субъектом действия. Причем не просто субъектом, а субъектом-агрессором. Так, 7 июля 1937 г. Япония напала на Китайскую Республику, развязав вторую японо-китайскую войну. 7 декабря 1941 г. Япония вероломно, без объявления войны, совершила нападение на основные базы США и Великобритании в бассейне Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. После нападения Японии на США и Великобританию вторая японо-китайская война стала частью Второй мировой войны, а Япония — агрессором, развязавшим войну против США, Великобритании и Китая.

1 января 1942 г. в Вашингтоне двадцать шесть государств, в том числе Советский Союз, США и Великобритания подписали Декларацию объединенных наций. Они обязались использовать свои ресурсы для борьбы против агрессоров, сотрудничать в войне и не заключать сепаратного мира. Таким образом, начала формироваться коалиция государств-союзников в войне против стран «оси» — Германии, Японии и Италии.

Страны-союзники антигитлеровской коалиции не просто вели борьбу с государствами-агрессорами, они работали над формированием послевоенного мирового устройства. Одним из архитекторов послевоенного мирового устройства считается президент США Франклин Рузвельт, который отводил СССР важную роль в устройстве послевоенного мирового порядка. В своей работе «Дипломатия» бывший госсекретарь США Генри Киссинджер писал: «Рузвельт видел послевоенный мировой порядок как господство стран-победительниц — США, СССР, Великобритании и Китая, призванных охранять мир от стран, стремящихся на него посягнуть (такими странами, которые потенциально несут угрозу миру, Рузвельт считал, прежде всего, Германию и Японию)»³⁰.

Впервые с проектом декларации о создании международной организации, об ответственности четырех держав (США, Великобритании, СССР, Китая) за сохранение мира после войны Рузвельт выступил на квебекской встрече с Черчиллем в августе 1943 г. Впоследствии эта идея Рузвельта стала называться «четыре полицейских», и нашла свое отражение в Организации Объединенных Наций.

3 декабря 1943 г. в Каире на конференции глав правительств США, Великобритании и Китая было принято заявление, в котором излагались цели союзников в войне против Японии. К этому заявлению, получившему название Каирская декларация, в августе 1945 г. присоединился СССР. В Каирской декларации было заявлено, что «Три великих союзника ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии... Их

цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 года», и далее: «Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»³¹. Из декларации следует, что Япония была объявлена агрессором, и в наказание за агрессию союзники одобряли изъятие у нее территорий, приобретенных также до 1914 г., как это было в отношении Сахалина.

С 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась конференция глав союзных держав США, СССР и Великобритании. Выступая на конференции, Сталин впервые официально заявил о готовности СССР вступить в войну с Японией после победы над гитлеровской Германией³². Это был закономерный ответ на многочисленные просьбы союзников вступить в войну против Японии. Известно также, что именно в Тегеране Сталин поднял вопрос о возвращении СССР южной части острова Сахалин и передаче Курильских островов, как условия вступления СССР в войну с Японией³³.

Это заявление Сталина было закреплено 11 февраля 1945 г. на конференции в Ялте. Главы трех союзных держав — США, СССР и Великобритании подписали Ялтинское соглашение с его секретной частью, в которой было зафиксировано, «что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну с Японией на стороне Союзников при условии... возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов», а также «передачи Советскому Союзу Курильских островов»³⁴.

Надо отметить, что Ялтинская конференция была важнейшим форумом трех союзных держав, заложившим основы всей послевоенной системы международных отношений. В Ялте было принято решение о создании ООН³⁵.

В связи с принятыми на себя обязательствами Советский Союз больше не мог оставаться нейтральным в войне с Японией. 5 апреля 1945 г. Молотов принял японского посла Наотакэ Сато и от имени Советского правительства заявил, что Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был заключен «до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможно»³⁶.

С 25 апреля по 26 июня в Сан-Франциско прошла конференция, на которой во исполнение решения Крымской конференции 1945 г., была создана Организация Объединенных Наций. Первоначально приглашения участвовать в конференции были разосланы правительствам 42 стран, подписавших Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. или присоединившихся к ней и объявивших войну странам «оси». Но затем число участников выросло до 50 стран. 26 июня после длительных дебатов Устав ООН был принят, и состоялось его подписание.

Устав ООН стал важнейшим документом, подтвердившим обоснованность вступления Советского Союза в войну против Японии. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Устав ООН 20 августа 1945 г.

Формально Устав ООН вступил в силу 24 октября 1945 г. Однако в главе XVII этого Устава «Мероприятия по безопасности в переходный период» была зафиксирована процедура принятия политических решений союзниками до его фактического вступления в силу. Под «переходным периодом» имеется в виду период с момента подписания Устава ООН 26 июня 1945 г. на конференции в Сан-Франциско до момента его ратификации парламентами государств-подписантов и вступления в силу 24 октября 1945 г. Это был период, когда еще не были созданы и не работали такие важнейшие институты ООН, каким, в частности, является Совет Безопасности. Следовательно, Ус-

тав ООН как норма обычного и отчасти договорного международного права уже действовал к началу войны СССР с Японией.

Статья 106 главы XVII Устава ООН гласит, что «впредь до вступления в силу таких упомянутых в статье 43 особых соглашений, какие, по мнению Совета Безопасности, дают ему возможность начать осуществление своих обязанностей, согласно статье 42, участники Декларации Четырех Держав, подписанной в Москве 30 октября 1943 г., и Франция будут, в соответствии с приложениями пункта 5 этой Декларации, консультироваться друг с другом и, в случае необходимости, с другими Членами Организации с целью таких совместных действий от имени Организации, какие могут оказаться необходимыми для поддержания международного мира и безопасности». «Четыре Державы» — это СССР, США, Великобритания и Китай. Таким образом, уже с момента подписания Устава ООН любой подписант (в частности — СССР) по результатам консультаций с США, Великобританией, Китаем, Францией или другими членами ООН был обязан действовать так, как если бы он действовал в соответствии с резолюцией будущего Совета Безопасности.

Устав требовал от членов ООН совместных, коллективных мер против агрессора. Одна из основных задач ООН, сформулированная в статье 1 ее Устава, гласит, что члены организации должны «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира»³⁷.

Далее, статья 103 Устава ООН гласит: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу»³⁸. Вступив в ООН 18 декабря 1956 г., Япония одобрила Устав и тем самым согласилась с правомерностью действий Советского Союза в отношении Пакта о нейтралитете.

8 августа 1945 г. Молотов принял японского посла Сато и объявил, что поскольку «союзники обратились к Советскому Союзу с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира», со следующего дня Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»³⁹.

Следует отметить, что все действия Советского Союза в отношении Пакта о нейтралитете соответствовали целям и задачам Устава ООН (ст. 1 и 103).

Война СССР с Японией была частью Второй мировой войны, в которой Япония выступала агрессором на стороне Германии, а СССР вступил в войну с Японией на основе обязательств, данных союзным державам США и Великобритании. Эти обязательства имели «преимущественную силу» перед Пактом о нейтралитете с Японией, который Советский Союз предварительно денонсировал 5 апреля 1945 г. Приоритет союзных обязательств был закреплен в Уставе ООН (ст. 1 и 103).

Япония не была объектом военных действий, как это было записано в Пакте о нейтралитете, а являлась ее субъектом в полном смысле этого слова. Япония была агрессором, развязавшим войну против держав, находившихся в союзнических отношениях с СССР. Более того, приняв 14 августа 1945 г. Потсдамскую и Каирскую декларации, сохранившие принцип наказания агрессора, и подписав Акт о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г., японское правительство признало свою ответственность за агрессию.

Действия СССР являлись правомерными в силу неисполнения Японией ряда положений Пакта о нейтралитете. Этот факт был зафиксирован в документах приговора Токийского военного трибунала. В частности было отмечено, что Япония заключила Пакт о нейтралитете «будучи далеко не нейтральной, какой она должна была быть в соответствии с пактом» и «оказывала значительную помощь Германии», продолжая активную подготовку к войне против Советского Союза⁴⁰.

1. Архив внешней политики РФ (далее АВП РФ). Ф. 0146. Д. 10. Л. 10–11.
2. Русский архив. Т. 18. Великая отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е гг. Документы и материалы. М., 1997. С. 28–29.
3. Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР). М., 1969. Т. 15. С. 16.
4. АВП РФ. Ф. 0146. Д. 10. Л. 15.
5. АВП РФ. Ф. 0146. Д. 10. Л. 17.
6. Там же.
7. Правда. 1933. 17 янв.
8. Там же.
9. Дайтоа сэно: кокан сэн си. Дайхоньэй рикугун бу [Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки]. Токно, 1967. Ч. 1. С. 339–340.
10. СССР и Япония. М., 1987. С. 140.
11. АВП РФ. Ф. 06. (фонд секретариата Молотова), 1941 г. Оп. 3. П. 28. Д. 381. Л. 1 — 2.
12. *Черевко К.Е., Кириченко А.А.* Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.) Рассекреченные архивы (предистория, ход, последствия). М., 2006. С. 83.
13. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 388. Л. 4.
14. ДВП СССР. Т. 23. М., 1998. С. 400–403.
15. *Вада Харуки.* Хоппо:рё:до мондай рэкиси то мирай [Проблема северных территорий: история и будущее]. Токно, 1999. С. 140.
16. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 388. Л. 2.
17. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 3. Д. 18. Л. 44–54.
18. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 388. Л. 3.
19. Мацуока Ёсукэ — соно хито то сёгай [Ёсукэ Мацуока как личность и его жизнь]. Токно, 1974. С. 847–851.
20. Пакт трех держав 1940 г. известный также как Берлинский пакт 1940 г., или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 г. между представителями главных стран-участников Антикоминтерновского пакта: Германией (Иоахим фон Риббентроп), Италией (Галеаццо Чиано) и Японской империи (Сабуро Курусу) сроком на 10 лет.
21. Дипломатический вестник. 1974. № 23–24. С. 72–73.
22. Там же. С. 73–74.
23. АВП РФ. Ф. 06. 1941. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 6–20. Запись беседы Молотова и Мацуока 7 апреля 1941 г.
24. Там же. Л. 19.
25. Там же. Л. 24.
26. Дипломатический вестник. 1994. № 23–24. С. 76.
27. *Тихвинский С.Л.* Россия и Япония: Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 34.
28. Дипломатический вестник. 1994. № 23–24. С. 78.
29. Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1946. Т. 4. С. 550.
30. *Kissinger H.* Diplomacy. New York, 1994. P. 404.
31. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. 11. С. 105–106.
32. *Громыко А.А.* Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 177.
33. *Цуёси Хасэгава.* Хоппо:рё:до мондай то нитиро канкэй. Токно, 2000. С. 36.
34. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, The Conference at Malta and Yalta 1945. Washington, 1955. P. 984.
35. Ibid. P. 971.
36. Известия. 1945. 6 апр.
37. *Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С.* Действующее международное право. М., 2007. Т. 1. С. 12.
38. Там же. С. 33.
39. Правда. 1945. 9 авг.
39. *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 150–152.

Японские и корейские колонисты в Маньчжоу-го (1931–1945 гг.)

© 2010

В. Гайкин

В течение всего существования марионеточного государства Маньчжоу-го Япония реализовывала программы заселения Маньчжурии японскими и корейскими сельскохозяйственными колонистами. Японские поселения имели военно-стратегическое значение. Они создавались у границ с СССР и должны были стать оплотом японского военно-политического влияния. Корейские колонисты не пользовались доверием колонизаторов. Их поселениям отводилась роль хозяйственной базы японской агрессии.

Ключевые слова: Маньчжоу-го, корейские и японские переселенцы, колониальная политика Японии.

В течение всего периода существования марионеточного государства Маньчжоу-го Япония предпринимала всевозможные программы заселения Маньчжурии японскими и корейскими сельскохозяйственными колонистами. В самом откровенном виде о целях колонизации было сказано в журнале «Дайямондо» (1932. № 10): «Вооруженная крестьянская эмиграция возможна лишь силами японцев. Корейцы скорее могут быть использованы здесь лишь в качестве батраков. Их следует заставить заниматься рисосеянием — работой, уготованной им природой. Японо-корейская эмиграция в Маньчжурию может быть осуществлена переселением из Японии 500 вооруженных крестьянских семей, которые будут использовать как батраков 500 семей корейцев, ояпонивая их».

Организованное, направленное вселение японских крестьян началось уже в 1932 г. (корейцев только с 1937 г.). С помощью корейских колонистов, контролируемых японскими компаниями, предполагалось решить проблему обеспечения продовольствием как населения самой Японии, так и японской (Квантунской) армии в Маньчжурии. Программа японской колонизации была многоцелевой. Предполагалось решить проблему аграрного перенаселения самой Японии; создать в Маньчжурии «спокойные районы», свободные от партизанского влияния; заселить лояльным населением приграничные с СССР территории, одновременно формируя резерв рекрутов для японских армейских частей в Маньчжоу-го; заселять японскими колонистами окрестности промышленных центров для обеспечения их безопасности, а также «организовать строительство нового государства с участием всего народа, состоящего из разных этносов, ядром которого стали бы японские сельскохозяйственные переселенцы»¹. Интересно, что поставки товарного зерна этой программой не предусматривались.

В истории японской колонизации можно выделить три этапа: 1932–1936, 1937–1941, 1942–1945 гг. Первый этап можно назвать опытным (разведочным), второй — периодом довольно успешного вселения, третий — постепенного упадка колонизационного

процесса. В 1932–1936 гг. многие районы Маньчжурии были охвачены пламенем антияпонской войны, в которой принимали участие самые разные силы — от подразделений старой китайской (милитаристской) армии до красных партизан. Переселение японцев на этом этапе осуществлялось в русле борьбы с партизанским движением. Это были сравнительно небольшие, хорошо вооруженные группы колонистов, которых селили на границах партизанских районов, после так называемого «умиротворения» населения (читай — карательных операций). В задачи переселенцев входили: предупреждение перехода местных китайских крестьян на антияпонские позиции; установление контроля над китайскими отрядами самообороны (крестьянские формирования защиты от хунхузов); конфискация оружия у китайских крестьян; сотрудничество с японскими армейскими частями².

С одной стороны, японские переселенцы выполняли, отчасти, жандармские функции, противодействуя партизанам. С другой — само их переселение зачастую вызывало возмущение местного населения, называвшего колонистов «военными бандитами». Переселенцы занимали не только пустующие земли, но и нередко земли, конфискованные у китайских крестьян, что приводило к стычкам и даже восстаниям.

Удобным поводом для захвата земель в Маньчжурии была политика «разделения партизан и населения» (изоляция повстанцев) посредством создания нежилых зон, окружавших партизанские районы. На плодородные земли, с которых согнали китайских крестьян, селили японских колонистов. Японские авторы даже после войны отрицали факты занятия переселенцами уже обрабатывавшихся земель, настаивая на том, что колонисты осваивали лишь целину. На самом же деле, 37% земель, занятых японскими крестьянами в 1940 г., были ранее обрабатываемыми участками³. Общая площадь пахотных земель, захваченных в Маньчжурии для японских колонистов на 1941 г., в 3,7 раза превышала весь пахотный фонд Японии⁴.

Самым известным событием, связанным с захватом земель, стало восстание китайских крестьян в местечке Тугуйшань, начавшееся в марте 1934 г. Причиной послужили слухи о готовящихся масштабных конфискациях земли. В результате появился крестьянский отряд численностью 500 чел., вооруженный легким стрелковым оружием. Повстанцы стали называть себя «Северо-Восточной народной армией самообороны». Общее число крестьян, так или иначе участвовавших в восстании, составило 6–7 тыс. чел. Был уничтожен японо-маньчжурский отряд, прибывший с карательными целями, атакованы деревни японских переселенцев первого, а позже, и второго заезда, которые несколько недель находились в осаде. Многие колонисты погибли. После прибытия японской артиллерии при поддержке с воздуха осаду 20 мая 1934 г. сняли.

Руководителями восстания стали начальник местного отряда самообороны Се Вэньдун и руководитель сельскохозяйственного общества, относившиеся к местной помещичье-купеческой прослойке. Судьба Се Вэньдуна сложилась следующим образом. В 1935 г. его отряд перерос в так называемую «6-ю армию Северо-Восточной объединенной антияпонской армии», контролируемую китайской компартией. В период спада антияпонского движения в марте 1939 г. отряд сдался японцам. Крестьянские бунты, вызванные конфискациями земли, мародерством японских колонистов, возникли и в других районах⁵.

Компетентные японские органы оказывали непосредственную поддержку колонизации. Были сформированы органы управления переселенческим движением — переселенческие отделы. Интересно, что у руля управления иммиграцией стоял «особый отдел» Квантунской армии. Содействие оказывали японское посольство, корейское генерал-губернаторство, министерство колонизации. Как утверждал японский чиновник, «чтобы переселить один двор в Маньчжурию, требуется 4–5 тыс. иен. Для бюджета это тяжелая ноша»⁶.

После восстания крестьян в Тугуйшане особый отдел Квантунской армии провел в Синьцзине конференцию по проблемам колонизации (ноябрь-декабрь 1934 г.), которая получила название «Первая конференция переселенцев». Было признано, что колонисты, основная задача которых поддерживать порядок, своими действиями зачастую сами вызывали беспорядки. В апреле 1936 г. тот же особый отдел провел вторую конференцию, которая приняла масштабный 20-летний план переселения 1 млн дворов (5 млн чел.). В августе 1936 г. японское правительство приняло этот план к реализации⁷. Одновременно руководство колонизацией перешло от Квантунской армии к специально созданной в 1936 г. «Маньчжурской колонизационной компании» (Мантаку). Свои капиталы в нее вложили такие фирмы, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо.

Основной задачей первых пяти переселений (1932–1936 гг.) было содействие японским войскам в антипартизанской борьбе. В 1937 г. в связи со снижением активности партизан из-за перманентных карательных операций японской армии произошла частичная смена приоритетов. Больше внимания стало уделяться собственно сельскохозяйственным целям. Тем не менее, борьба с партизанами и соответственно переселение в партизанские районы считались основными приоритетами до 1939 г. (8-й заезд). Радикальное изменение политики переселения началось с 1940 г. по двум причинам: японской армии удалось к этому времени в основном подавить антияпонское партизанское движение; в связи с подготовкой агрессии против СССР на повестку дня встала задача заселения приграничных с СССР территорий японским населением. Забегая вперед, скажем, как к концу войны распределялись колонизационные потоки: 50% колонистов направлялись к границам с СССР, 40% в партизанские районы, 10% селили вокруг промышленных центров⁸.

Как уже говорилось, первый заезд так называемых «коллективных колонистов» (*сюдан имин*) был осуществлен в 1932 г. (301 двор). Они засеяли 400 те, однако из-за болезни переселенцев и нападений партизан урожай собрали только на половине этой площади. В 1933 г. состоялся второй заезд (467 дворов). Засеяно было столько же, но результаты хуже, чем у первого заезда (в результате восстания в Тугуйшане).

3-й заезд	1934 г.	225 дворов
4-й заезд	1935 г.	454 дворов
5-й заезд	1936 г.	1038 дворов

Из вселившихся за эти пять лет японских крестьянских семей реально остались только 2310 дворов. С 1937 г. началась реализация 1-го пятилетнего плана колонизации. Кроме «коллективных» колонистов появились «организованные» переселенцы (*сюго имин*), отличавшиеся от первых меньшей опекой властей и меньшим финансовым обеспечением.

6-й заезд	1937 г.	3618 дворов (сюдан)	54 двора (сюго)
7-й заезд	1938 г.	3949 дворов (сюдан)	611 дворов (сюго)
8-й заезд	1939 г.	6096 дворов (сюдан)	928 дворов (сюго)
9-й заезд	1940 г.	6455 дворов (сюдан)	2578 дворов (сюго)
10-й заезд	1941 г.	3248 дворов (сюдан)	1190 дворов (сюго)

В 1942 г. был принят 2-й пятилетний план колонизации (1942–1946 гг.), согласно которому планировалось переселить в Маньчжурию 136 800 дворов коллективных и организованных японских колонистов. Целевые показатели, как первого, так и второго пятилетнего плана достигнуты не были. В 1942 г. состоялось переселение 2026 коллективных и 584 дворов организованных колонистов. С 1932 г. до конца 1943 г. вселено 30 211

дворов коллективных и 5860 дворов организованных переселенцев. Кроме этих двух типов были так называемые разрозненные (неорганизованные) переселенцы (*бунсан имин*), коих до конца 1943 г. переселилось 1625 дворов (7908 чел.), «молодежный корпус» (*гиютай*) — 24 054 чел., «деревни самообороны» (*дзикэйсон*) 381 двор (1606 чел.). Общее число въехавших колонистов — 164 327 человек⁹.

Всего в конце войны в Маньчжурии насчитывалось 102 тыс. дворов сельскохозяйственных переселенцев (220 тыс. чел.), что составляло 1,8% от 5500 тыс. дворов аграрного населения Японии¹⁰. Таким образом, решить проблему аграрного перенаселения в Японии путем переселения крестьян в Маньчжурию решить не удалось. 46 тыс. колонистов умерли и погибли в Маньчжурии; 34 тыс. оказались в плену в СССР; пропали без вести 36 тыс.; благополучно вернулись в Японию 110 тыс. — переселенцев¹¹.

В августе 1936 г. правительство Маньчжоу-го и корейское генерал-губернаторство приняли «Программу руководства маньчжурскими корейцами», согласно которой, в частности, планировалось: 1. «взять под контроль новых переселенцев из Кореи; 2. управлять уже живущими в приграничном с Кореей поясе корейцами»¹². Программа положила начало контролируемому переселению корейцев в Маньчжурию. Для этого были созданы две компании: «Корейско-маньчжурская колонизационная компания» в Сеуле, и «Маньчжуро-корейская колонизационная компания» в Синьцзине. Функции первой: вложение капитала, работа с переселенцами в Корее (отбор подходящих кандидатов, выдача ссуд на переселение). Функции второй компании — работа с переселенцами в Маньчжурии, включая расселение и контроль, концентрацию в определенных местах уже живущих в стране корейцев, мероприятия по созданию собственных хозяйств корейцев в Маньчжурии (закупка земли, выдача ссуд и т.д.).

За год намечалось вселять до 10 тыс. дворов корейцев. Районы вселения новых иммигрантов — провинция Цзяньдао и область Дунбяньдао (территория, прилегающая к реке Ялуцзян). Живущих в маленьких хуторах и деревнях корейских крестьян приграничных районов предполагалось переселять в определенные пункты, чтобы помешать снабжению продовольствием партизанских отрядов, а также создать вдоль границ с СССР нежилую зону¹³.

В середине 1937 г. в программу внесли некоторые изменения. Ввиду уменьшения активности партизанских отрядов прекратилось насильственное выселение корейских крестьян из пограничных районов, были приняты меры к их закреплению в родных местах. Многие корейские иммигранты селились за пределами предназначенной для них зоны, поэтому в добавление к рекомендуемым территориям (Цзяньдао, Дунбяньдао) была создана зона, открытая для вселения корейских крестьян — 16 уездов близлежащих шести провинций Маньчжурии.

Таким образом в плане переселения корейцев вся Маньчжурия была разделена на три зоны. Первая — зона поощряемого переселения — 23 уезда Цзяньдао и Дунбяньдао. Вторая зона включала 16 уездов провинций Ляонин, Цзилинь, Бинцзян, Муданьцзян, Лунцзян, Аньнань¹⁴. Сюда въезд корейцев разрешался, но не стимулировался. И, наконец, третья зона — вся остальная территория Маньчжурии, закрытая для вселения корейцев.

Такое районирование было вызвано, во-первых, желанием не распылять корейские хозяйства в Маньчжурии, создать зону с преимущественно корейским населением вдоль границы с Кореей со стратегическими целями. Вторая причина открывается, если посмотреть на земли, годные для выращивания заливного риса. В первой зоне находилось 846 529 те из 993 494 те (1 те равен 0,99 га) земель в Маньчжурии (85%), годных для возделывания заливного риса, но еще не обрабатывавшихся. Прибавив 29 469 те такой земли во второй зоне, получим почти 90%. Вся эта земля могла быть «поднята» и обработана корейцами¹⁵.

Зональное поселение корейцев было связано с японской колонизацией Маньчжурии. В том же 1936 г. вместе с корейскими компаниями была создана «Маньчжурская колонизационная компания», специализировавшаяся на переселении в Маньчжурию японцев.

Рассматривая зоны с точки зрения увязки японского и корейского переселения, видим, что вторая зона являлась как бы промежуточной между первой (исключительно корейской) и третьей, предназначенной только для японцев. Во второй зоне могли селиться как корейские, так и японские колонисты. Третья, японская зона — пояс Северной Маньчжурии с центром в Харбине, бассейн реки Сунгари, Северо-Восток Маньчжурии (провинции Саньцзян, Муданьцзян, Бинцзян, и берега реки Ляохэ)¹⁶. Японская зона была расположена у границ с СССР и имела военно-стратегическое значение.

Если первоначальные капиталы «Маньчжуро-корейской колонизационной компании» и «Маньчжурской колонизационной компании» были равны и составляли по 1,5 млн иен, то уже в августе 1937 г. капитал последней был увеличен до 5 млн иен. Эта финансовая поддержка говорит о приоритете, отдаваемом японским колонистам¹⁷.

В 1937 г. из Кореи в Маньчжурию организовано выехали 2 339 семей (12 159 чел.), которые были помещены в 29 поселков уездов Аньту, Ванцин, Яньци и в 3 поселка уезда Инкоу¹⁸.

Была выработана программа на 1938 г., согласно которой намечалось вселить 5 тыс. семей (25 000 чел.) так называемых коллективных корейских переселенцев, которых планировалось отправлять группами в специально построенные поселки. Кроме того, планировалось отправить в 23 уезда зоны поощряемого вселения 3 тыс. «свободных» переселенцев¹⁹. Забегая вперед, скажем, что въехали в 1938 г. 2799 «коллективных» (14 198) и 3156 дворов «организованных» колонистов (9958), всего 5955 семей²⁰. В 1938 г. было впервые осуществлено вселение «свободных» иммигрантов. Всем им выдавались документы на въезд, но деньги на дорогу, питание, аренду земли, поднятие целины и пр. они должны были обеспечивать себе сами. Отличие их от иммигрантов, ранее по собственной инициативе переселявшихся в Маньчжурию, в том, что правительство пыталось контролировать этих переселенцев и управлять ими. Создание собственных хозяйств в 1938 г. планировалось в основном в поселках, расположенных и строящихся в районах железных дорог Синьцзин — Шэньян, Шэньян — Цзиньинь, Мэйхэкоу — Тунхуа, Синьцзин — Тунхуа с целью создания здесь пояса, населенного лояльными корейцами. В эти районы намечалось вложить большие средства. Предполагалось закупить 11 220 те земли, затратив на это, а также на ссуды корейским колонистам 3 млн иен, планировалось создать 740 хозяйств крестьян-собственников²¹. Земля записывалась на компанию, и до тех пор, пока корейцы не выплачивали всю ссуду с процентами, они фактически оставались на положении крепостных крестьян, полностью зависящих от компании.

Опыт первых вселений вызвал необходимость изменить и дополнить программу переселения корейцев. Так, на первом этапе переселенцы делились на коллективных и свободных переселенцев. При этом содействие оказывалось только коллективным. Свободные колонисты, как и до 1931 г., выезжали на свой страх и риск, зачастую без средств к существованию. В 1937 г. на конференции общества «Кёвакай» (досл.: «Общество гармонии», единственная официально разрешенная организация с некоторыми функциями политической партии) отмечалось: «Количество свободных переселенцев в этом году очень велико. В Корее часты стихийные бедствия, потеря работы, трудная жизнь — причины эмиграции. Свободные переселенцы обычно без гроша в кармане и еще везут с собой семьи. Жить им негде, скитаются с места на место... необходимо проводить политику, направленную на решение этих проблем, обеспечить всем этим скитальцам нормальное существование²². На этой же конференции отмечались неудобства, связанные с орга-

ничением районов вселения корейских иммигрантов 23-мя уездами 1-й зоны и 16-ю уездами 2-й зоны, что мешало росту числа иммигрантов²³.

Чтобы контролировать расселение в Маньчжурии корейских крестьян, японцы стали выдавать каждому эмигранту документ, разрешающий переселение. Не имевшие такой бумаги, приезжавшие самовольно, в Маньчжурию не допускались и с границы отправлялись назад в Корею. На конференции «Кёвакай» 1938 г. отмечалось: «На станции Аньдун ежедневно задерживают и отправляют обратно в Корею по 40–50 корейских крестьян, не имеющих документов на въезд»²⁴.

В июле 1938 г. комитет по колонизации принял новую «Программу работы с корейскими крестьянами», снимавшую территориальные ограничения на расселение корейцев в Маньчжурии. Все они стали делиться на три класса по сравнению с прежним делением на два класса. Первый класс — «коллективные переселенцы» (наиболее привилегированная категория). В соответствии с программой им должно было оказывать содействие корейское генерал-губернаторство. «Компания» обеспечивала еду на проезд, предоставляла начальный сельскохозяйственный капитал. Впоследствии из коллективных переселенцев планировалось создавать хозяйства крестьян-собственников. Отбор переселенцев производился администрацией провинций Кореи. Необходимым условием было наличие в семье двух или более трудоспособных мужчин.

Второй класс — «организованные переселенцы». Их отправляли на земли, граничившие с участками переселившихся ранее крестьян для увеличения поселений и расширения посевных площадей. Въезд осуществлялся также группами, но все расходы были заботой самих крестьян. Земля давалась в собственность или аренду.

Третий класс — это «разрозненные переселенцы». Так стали называться «свободные» крестьяне-колонисты 1938 г. Разрозненные переселенцы ехали на свои деньги по приглашению родственников или знакомых в Маньчжурии с разрешения корейского генерал-губернаторства и только при наличии документов на въезд. Чтобы стимулировать контролируемое переселение, была установлена скидка на проезд по железной дороге для тех, кто имел документы на въезд.

В 1939 г. наплыв переселенцев оказался рекордным. Общее их число составило 51 994 чел., из них коллективных колонистов было 4845 семей (20 085 чел.), неорганизованных — 7231 семья (27 056 чел.)²⁵.

В январе 1939 г. в Синьцзине открылась большая японо-маньчжурская конференция по колонизации. Она продолжалась с перерывами почти год. В результате в декабре 1939 г. японское правительство и «правительство» Маньчжоу-го приняли и опубликовали «Основную программу освоения Маньчжурии»²⁶. Главным принципом по отношению к корейским переселенцам было то, что они по численности и объемам экономической помощи приравнивались к японским колонистам. Другие пункты программы предусматривали переселение ежегодно до 10 тыс. корейских семей (а в будущем — еще больше), из которых более половины должны были составлять коллективные и организованные переселенцы.

Первые возводились в ранг японских коллективных колонистов, а вторые поднимались в разряд старых коллективных колонистов (корейцев). Причиной повышенного внимания к корейцам был неуспех японской колонизации (до 1941 г. удалось переселить только 85 тыс. японских сельскохозяйственных колонистов)²⁷. В 1940 г., в первом году работы по исправленной программе, в Маньчжурию переселилось 4608 семей (15 479 чел.) коллективных и организованных колонистов и 1842 семьи (7206 чел.) «разрозненных»²⁸. Это четырехлетие (1937–1940 гг.) было периодом активной и довольно успешной деятельности японских переселенческих организаций, в сети которых попадали разрозненные, не имевшие средств к существованию корейские крестьяне.

Подготовка к войне против СССР, к войне на Тихом океане, а затем и сама война, развязанная Японией в декабре 1941 г., заметно отразились на планах колонизатор-

ской деятельности. С августа 1940 г. до июня 1941 г. произошло слияние двух компаний — «Маньчжуро-корейской колонизационной компании», занимавшейся корейцами, и «Маньчжурской колонизационной компании», специализировавшейся на переселении японцев. Объясняли это необходимостью централизации руководства переселением после повышения статуса корейцев до уровня колонистов-японцев. Настоящая же причина слияния — это стремление сэкономить (сократить штат и другие расходы) на корейских колонистах, за счет чего увеличить финансовую поддержку японским переселенцам. Так в аппарате новой компании в 1942 г. только производственный отдел имел сектор, специализировавшийся на корейской иммиграции²⁹. Экономия коснулась и основной деятельности компании. В 1941 г. планировалось переселить 2000 семей коллективных и 4000 семей организованных эмигрантов-корейцев³⁰. Было вселено только 763 семьи колонистов — 3702 чел. (шестикратное уменьшение в сравнении с 1940 г.) и 1969 семей неорганизованных дисперсных переселенцев³¹.

Интересно рассмотреть изменение, а точнее, расширение географии направленного заселения Маньчжурии корейцами. В 1937 г., первом году контролируемого заселения Маньчжурии их селили только в две провинции — Цзяньдао (главным образом) и Цзиньчжоу. В 1938 г. прибавились Цзилинь и Тунхуа. В 1939 г., после отмены строгих ограничений на вселение корейцев, они появились в провинциях Бинцзян, Ляонин, Муданьцзян, Лунцзян — бывшая «промежуточная» зона. В 1940 г. географию «коллективных» и «организованных» переселенцев пополнили провинции Синьаньань и Бэйань. Причем именно на них падало $\frac{3}{4}$ годового вселения. В 1941 г. число переселенцев было невелико, поэтому вселяли их только в три провинции — Бэйань, Цзилинь, Ляонин³², а в 1942 г. — в провинции Хэйхо, Бэйань, Цзилинь, Цзяньдао³³. Коллективным и организованным переселенцам 1944 г. предлагались провинции Тунхуа, Цзяньдао, Саньцзян, Лунцзян, Ляонин, Дунган, Хэйхэ³⁴. Тенденция к расширению территории вселения была свойственна и неорганизованным переселенцам с той разницей, что их география была шире, так как вселение было неконтролируемым и ненаправленным.

Переориентация финансов на тихоокеанскую войну и подготовку агрессии против СССР отразилась и на программе превращения корейцев-арендаторов в крестьян-собственников (им давали ссуды на выкуп арендуемых участков). По годам это распределялось следующим образом: в 1937 г. было создано 1513 хозяйств собственников, в 1938 г. — 1786, в 1939 г. — 2851. С 1940 г. начинается свертывание программы: в 1940 г. — 1000, в 1941 г. — 425, в 1942 г. — около 1000. Всего — 8575 хозяйств крестьян-собственников³⁵.

С 1942 г. начал осуществляться 2-й пятилетний «план освоения Маньчжурии», основной целью которого было ускоренное превращение Маньчжурии в базу агрессии против СССР. Пункты этого плана, относившиеся к корейцам, предусматривали ежегодное вселение 10 тыс. семей³⁶. Однако на практике из-за нехватки средств программа постепенно сокращалась. В 1941 г. северные провинции Лунцзян, Саньцзян, Бинцзян были объявлены территорией первоочередной колонизации, имеющей государственное значение³⁷. Колонисты-японцы в этом плане котировались выше корейцев. Кроме того, разоренные на родине, выталкиваемые из деревни корейские крестьяне были вынуждены эмигрировать в Маньчжурию. Для переселения японских крестьян нужна была поощрительно-финансовая политика.

На 1942 г. намечалось переселить 2500 семей коллективных и организованных переселенцев и 5000 дворов неорганизованных иммигрантов. Было переселено соответственно 2027 семей (9293 чел.) и 6356 семей (13 732 чел.)³⁸. В 1943 г. в Маньчжурию выехали 1046 семей коллективных переселенцев-корейцев³⁹. На одновременное осуществление двух программ колонизации — японской и корейской — у компании не хватало финансовых средств. Военно-политические аспекты подготовки к агрессии взяли верх, предпочтение было отдано японским колонистам. В 1942 г. компания приобрела земель-

ных участков для японских колонистов в 13 раз больше, чем для корейцев. Расходы на японскую колонизацию составили в 1942 г. 114 млн иен, на корейскую — 26 млн иен. Примерно такое же соотношение затрат планировалось на 1943 и 1944 гг.⁴⁰

В 1943 г. капитал компании увеличился до 130 млн иен, пайщиками стали японское правительство, «правительство» Маньчжоу-го, корейское генерал-губернаторство, ЮМЖД, японские концерны Мицун, Мицубиси, Сумитомо. На 1944 г. планировалось переселить 26 000 японских семей и только 3000 корейских (в эту цифру не включены разрозненные корейцы)⁴¹.

В 1940 г. по официальным данным, в Маньчжурии насчитывалось 1,06 млн корейцев⁴², в 1942 г. — 1,2 млн чел.⁴³ В 1945 г. корейское население Маньчжурии составляло 1,4–1,5 млн чел. В 1940 г. 83,5% работающих женщин и 70,7% работающих мужчин занимались сельским хозяйством⁴⁴. Повышение в начале 1940-х гг. доли корейцев, занятых в несельскохозяйственном секторе, связано с ростом числа корейцев-чиновников, мелких торговцев, рабочих, а также с ввозом корейских чернорабочих для строительства военных объектов.

В 1944 г. в Маньчжурии насчитывалось 24 000 семей коллективных и организованных корейских колонистов⁴⁵ (10% корейцев, занятых в сельском хозяйстве). Все они экономически полностью зависели от японских организаций, которые снабжали крестьян предметами первой необходимости, сельхозинвентарем, забирая практически всю товарную часть урожая. Если учесть, что земля, которую обрабатывали корейцы, принадлежала японским компаниям, то положение этих колонистов мало чем отличалось от крепостной зависимости. Кроме того, вся провинция Цзяньдао, где концентрировалось около половины маньчжурских корейцев (с японским губернатором, японскими чиновниками, возглавлявшими ключевые управления провинции — полицейское и др.), была скорее придатком Кореи, чем частью Маньчжурии.

Таким образом, в системе колонизации Маньчжурии японские поселения имели военно-стратегическое значение. Они создавались у границ с СССР и должны были стать оплотом японского военно-политического влияния. Японцы имели оружие, большую часть времени занимались военной подготовкой. Корейские колонисты не пользовались доверием колонизаторов. Их поселениям отводилась роль хозяйственной базы японской агрессии, источника снабжения японской армии продуктами питания.

1. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин [Антаяпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы] // Рэкиси хёрон. 1962. № 7. С. 35.
2. Там же.
3. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин [Антаяпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы] // Рэкиси хёрон. 1962. № 10. С. 24.
4. *Моритакэ Маро*. Мансю иминси кэнкюкайхэн Нихон тэйкокусюги сита но мансю имин: [Рец. на кн. «Японский империализм и переселение в Маньчжурию»] // Рэкисигаку кэнкю 1977. № 451. С. 18.
5. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин [Антаяпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы]. Рэкиси хёрон. 1962. № 7. С. 38.
6. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин [Антаяпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы] // Рэкиси хёрон. 1962. № 9. С. 48.
7. Там же.
8. *Моритакэ Маро*. Указ. соч. С. 25.
9. Там же. Сс. 28.
10. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин [Антаяпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы] // Рэкиси хёрон. 1962. № 9. С. 58.
11. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин [Антаяпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы] // Рэкиси хёрон. 1962. № 10. С. 29.
12. Мансю кайтаку нэнкан. [Ежегодник колонизации Маньчжурии]. Синьцзинг., 1942. С. 66.
13. Там же.

14. Мансю тэйкоку кёвакай котоку ённэндо дзэнкоку рэнго кёгикай [Всеманьчжурская конференция общества «Кёвакай» 1937 г.]. Б.м., 1937. С. 57.
15. Мансю имин мондай то дзиссэки тэса [Проблемы переселения в Маньчжурию и результаты обследования]. Токио. 1937. С. 63.
16. Там же.
17. Мансю кайтаку нэнкан [Ежегодник колонизации Маньчжурии]. Синьцзин, 1944. С. 52.
18. Мансю ногё имин гайсэцу [Краткий очерк переселенцев в Маньчжурии]. Дайрен, 1939. С. 82.
19. Котоку ённэндо такусэй сюмуся утиаи кайги гидзироку [Материалы конференции по проблемам колонизации, 1937 г.]. Б.м., 1938. С. 49.
20. Мансю тэйкоку гайран [Обзор Маньчжурской империи]. Чанчунь. 1940. С. 373.
21. Котоку ённэндо такусэй сюмуся утиаи кайги гидзироку... [Материалы конференции по проблемам колонизации, 1937 г.] Б.м., С. 49, 50.
22. Мансю тэйкоку кёвакай котоку ённэндо дзэнкоку рэнго кёгикай. 1937. С. 115.
23. Там же. С. 112.
24. Мансю тэйкоку кёвакай котоку ённэндо дзэнкоку рэнго кёгикай [Всеманьчжурская конференция общества «Кёвакай», 1938 г.]. Б.м. 1938. С. 271.
25. Мансю тэйкоку гайран. С. 373.
26. Мансю кайтаку нэнкан [Ежегодник колонизации Маньчжурии]. Синьцзин, 1942. С. 67.
27. Там же. С. 194.
28. Там же. С. 204.
29. Там же. С. 66.
30. Котоку ситинэндо кайтаку тётё кайги гидзироку [Совещание начальников управлений колонизации 1940 г., протоколы]. Цзяньдао, 1940. С. 281.
31. Мансю кайтаку нэнкан. 1942. С. 204.
32. Там же.
33. Мансю кайтаку нэнкан. 1944. С. 135.
34. The Manchuria daily news. 1944. 19 may.
35. Мансю кайтаку нэнкан. 1942. С. 205.
36. Там же. С. 270–271.
37. *Хино Иватаро*. Рюкосё [Провинция Лунцзян]. Токио, 1942. С. 118.
38. Мансю кайтаку нэнкан. 1944. С. 136.
39. *Ко Сынче*. Манчу ноноп имин ы сахвесачок пунсок [Социально-исторический анализ сельскохозяйственных переселенцев в Маньчжурию] // Пэксан хакпо. 1971. № 10. С. 67.
40. Мансю кайтаку нэнкан. 1944. С. 53, 223–225.
41. Там же. С. 90.
42. Мансю кэйсацу гайё [Обзор полиции Маньчжоуго]. Шэньян. 1940, вклейка 1.
43. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин [Антаяпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы] // Рэкиси хёрон. 1962. № 7. С. 16.
44. *Taeuber I. B.* The population of Japan. Prineston (N.J.), 1958. P. 194.
45. The Manchuria daily news. 1944. 19 may.

Китай глазами русских писателей XIX — начала XX века

© 2010

В. Кузнецов

С «открытием» Китая западноевропейскими державами в первой половине XIX в. возрастает и число российских литераторов, посетивших эту страну. В разных изданиях появляются их впечатления о поездке в Китай. По ним читатель России судит о том, как и чем живут жители Поднебесной.

Ключевые слова: Китай, русские писатели, жизнь китайского населения.

Западный мир «открыл» Китай, вернее, вывел его из состояния самоизоляции, в конце 30-х годов XIX в. посредством орудийных залпов с английских фрегатов. Широкие круги российской общественности узнали о жизни этой страны от русских писателей, побывавших там. Впечатления некоторых из них были предметом анализа в отечественной научной литературе: в 2008 г. вышел сборник извлечений из произведений российских литераторов, в разное время посещавших Китай¹. Такого рода записи отечественных мастеров слова по-прежнему представляют собой немалый научный интерес и сохраняют познавательную ценность.

Одни из самых ярких и свежих для российской публики повествований о Китае оставил известный русский писатель Иван Александрович Гончаров. В качестве секретаря адмирала Е.В. Путятина он находился на борту фрегата российского флота «Паллада», в октябре 1852 — августе 1854 г. совершавшего кругосветное плавание с заходом в Гонконг (июль) и Шанхай (ноябрь-декабрь 1853 г.).

В Гонконге Гончаров стал очевидцем того, как лихорадочно англичане превращали захваченную ими после первой «опиумной» войны 1839–1842 гг. территорию в военную базу, плацдарм для последующего наступления на Китай, пользуясь дармовым трудом китайских кули из Макао. «Китайцам, — писал Гончаров, — конечно, не грезилось, когда они, в 1842 году, по Нанкинскому трактату, уступали англичанам этот бесплодный камень... что они же, китайцы, своими руками и на свою шею, будут обтесывать эти камни, складывать в стены, в брустверы, ставить пушки...»². Слова русского писателя оказались пророческими. Опираясь на Гонконг, в 1856 г. англичане спровоцировали против Китая вторую «опиумную войну». В конце октября 1856 г. английская эскадра

отплыла из Гонконга и начала обстрел Гуанчжоу (Кантона, как называют этот город в западной литературе).

“Два противоположных мира” — такое впечатление оставило у Гончарова посещение китайского и европейского кварталов. В первом — “одна часть живет на лодках, другая в домишках, которые все сбиты в кучу и лепятся на самом берегу, а иные утверждены на сваях, на воде”. Во втором — “почти нет ни одного дома; я ошибкой сказал выше *дома* (курсив авт. — В.К.): это все дворцы...”³. Там — теснота, “чад криков, запахов”, здесь, в европейском квартале — “простор, свежесть, чистота”⁴. Соответственно разделяются и занятия: англичане — командуют, китайцы — трудятся. “Канторы все отперты настезь: там китайцы, под присмотром англичан, упаковывают и распаковывают тюки, складывают в груды и несут на лодки, а лодки везут к кораблям”⁵.

Англичане, по мнению Гончарова, цепко держались за Гонконг потому, что обладание им давало возможность вести с Китаем выгодную торговлю, прежде всего опиумом. “...Обладание Гонконгом, пушки, свой рейд — все это у порога Китая, обеспечивает англичанам торговлю с Китаем навсегда, и этот островок будет, кажется, вечным бельмом на глазу китайского правительства”⁶.

По пути из Гонконга в Шанхай Гончаров не раз сталкивался с отголосками захватнических войн Англии против Китая. Вот он описывает “Седельные острова” — во время второй “опиумной войны” (1856–1858 гг.) здесь стояли, рассказывает Гончаров, английские военные суда⁷.

В отношении китайцев англичане поступали сообразно своим выгодам. Так, пиратство было подлинным бедствием для китайских рыбаков и торговцев, но англичане не гнушались пользоваться услугами пиратов. “Китайское правительство, — сообщает Гончаров, — слишком слабо и без флота ничего не может с ними (пиратами. — В.К.) сделать. Англичан и других, кто посильнее на море, пираты не трогают... Даже говорят, что англичане употребляют их для разных услуг”⁸.

С другой стороны, англичане помогали маньчжурской администрации в борьбе с тайпинами, поднявшимися в 1850 г. на восстание против власти богдыханов. Проплывая по реке Усун в Шанхае, Гончаров видел европейский бриг, купленный властями для борьбы с тайпинами. Командовал этим судном английский шкипер⁹.

Победив в двух “опиумных” войнах, англичане получили возможность баснословно обогащаться за счет сбыта в Китае опиума. “Страшно и сказать вам, — делится с читателем своим возмущением русский писатель, — итог страшной торговли. Тридцать пять лет назад в целый Китай привозилось европейцами товаров всего на сумму около пятнадцати миллионов серебром. Из этого опиум составлял немногим более четвертой части. Лет двенадцать назад... привоз увеличился вдвое, т.е. более нежели на сумму тридцать миллионов серебром, и привоз опиума составлял уже четыре пятых и только одну пятую другие товары. Это в целом Китае... А теперь гораздо больше привозится в один Шанхай”¹⁰.

По части сбыта опиума от англичан ничуть не отставали американцы. “За него (опиум. — В.К.) китайцы отдают свой чай, шелк, металлы, лекарственные, красильные вещества, пот, кровь, энергию, ум, всю жизнь, — писал Гончаров. — Англичане и американцы хладнокровно берут все это, обращают в деньги и так же хладнокровно переносят старый, уже заглохший упрек за опиум. Они, не краснея, слушают его и ссылаются одни на других”¹¹.

То, как обращались англичане с китайским населением, вызывало глубочайшее возмущение русского писателя. “Вообще отношение англичан с китайцами, — делился своими впечатлениями с читателями Гончаров, — повелительно, грубо, или холодно презрительно так, что смотреть больно”¹². Писатель приводил конкретные примеры. Вот английский морской офицер с корабля “Спатэн” по фамилии Стокс. Когда ему на улице попался китаец, шедший впереди и не уступавший дорогу, Стокс без всяких церемоний

хватал его за косу и оттаскивал в сторону¹³. Русский офицер Посыет с фрегата “Паллада”, спутник Гончарова, видел, как английский офицер со “Спатэна” избивал палкой двух китайских верховых так, что один из них свалился с лошади. “Проступок” их заключался в том, что они проехали по земле, отведенной для прогулок англичанам. “А здесь (в Шанхае. — В.К.) я не видал насмешливого взгляда, который бы китаец кинул на европейца: на лицах видишь почтительное и робкое внимание. — отмечал писатель. — Англичане вот так платят за это: на их же счет обогащаются, отравляют их, да еще презирают свои жертвы. Наш хозяин, Дональд, — конечно, плюгавейший из англичан, вероятно, нищий в Англии, иначе как решиться отправиться на чужую почву заводить трактир, без видов на успех — и этот Дональд, сказывал Т[ихменев], так бил одного из китайцев, слуг своего трактира, что “меня даже жалость взяла”, — прибавил добрый П[етр] А[лександрович]¹⁴.

Резкий контраст в сравнении с поведением англичан являло отношение русских моряков к китайцам. Во время переезда через рукав Усуна на плоту, рассказывал Гончаров, на плот, где он находился, с другого плота прыгнул было старик-китаец с внуком. Но промахнулся и упал в воду. И тут же ему на выручку кинулся русский офицер Посыет, спутник Гончарова. Он вытащил мальчика, а другие русские — старика¹⁵.

Страницы книги Гончарова пренеполнены сочувствием и уважением к китайскому народу. Китайцы, по мнению Гончарова, “живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь”¹⁶. Он не мог надивиться их вежливости, рачительности, хозяйственной сметке.

После посещения китайской деревни Гончаров писал: “Нельзя было не заметить ума, порядка, отчетливости, даже в мелочах полевого и деревенского хозяйства... всякая вещь обдуманно, не как-нибудь, применена к делу; все обработано, окончено, не увидишь кучки соломы, небрежно и не у места брошенной, нет упавшего плетня и блуждающей среди посевов козы или коровы; не валяется нигде оставленное без умысла и бесполезно гниющее бревно или какой-нибудь подобный годный в дело предмет. Здесь, кажется, каждая щепка, камешек, сор — все имеет назначение и идет в дело.

Почва по природе болотистая, а признака болота нет, нет также какого-нибудь недопаханного аршина земли; одна гряда и борозда никак не шире и не уже другой. Самые домики, как ни бедны и ни грязны, но выстроены умно: все рассчитано в них; кажда́м уголком умеют пользоваться: все на месте и все в возможном порядке”¹⁷.

Западноевропейцы, прежде всего англичане, пришли в Китай как завоеватели и захватчики. Это обстоятельство особо подчеркивал Гончаров. И его, естественно, живо интересовал вопрос: как относятся китайцы к европейцу? И Гончаров не скрывал своего удивления по этому поводу: явной неприязни писателю не доводилось встречать нигде. Вот в Шанхае “идет европеец — и толпа полегоньку сторонится, уступает место”¹⁸. В деревнях в ответ на приветствия китайские крестьяне “ласково кивали”¹⁹, “улыбались и просили войти”²⁰.

Семь лет спустя в Китае побывал другой русский писатель, Сергей Васильевич Максимов. Он был участником русской этнографической экспедиции в Амурской области и Маньчжурии.

Знаток быта русского крестьянства, Максимов стремился уяснить и поведать русскому читателю основные особенности материальной и культурной жизни китайского населения.

Размышляя о тогдашнем уровне социально-экономического развития Китая, Максимов высказывал любопытное суждение об известной общности исторических судеб европейских государств и гигантской восточной страны. “Несомненно то, что в Китае все задумано на широких размерах, решительных и смелых, но все, в то же время, как будто недовершено... по каким-то... отдаленным и временным причинам, едва ли не одинаковым с не менее самоуверенною и едва ли не более хвастливою Европой”²¹.

Не претендуя на исчерпывающую характеристику психологического склада китайского народа, С.В. Максимов вместе с тем пытался по-своему объяснить некоторые побудительные мотивы трудовой деятельности китайского крестьянина. “В тех вещах, где вознаграждение следует за трудом скоро, где работы таковы, что немедленно дают результаты, китайцы совершили изумительные успехи. Благодаря теплomu климату, естественному плодородию почвы, приобретению жителями знания того, какие земледельческие продукты дают выгодный урожай — китайцы почти изо всякого клочка земли умеют очень быстро извлекать тот продукт, которым, по их мнению, с избытком вознаграждается труд ея обработки... Почти каждая местность, которую можно разработать без большого труда, находится под посевом”²².

Посещение китайских театральныx представлений дало русскому литератору основание сделать следующий обобщающий вывод: “Китайская драматическая литература, стоя на почве старинных европейских духовных мистерий, дает сценические пьесы всегда с таким смыслом, в основании которого лежит бывалое историческое событие, а в заключении какое-нибудь нравоучение”²³.

Среди особенностей духовного быта китайцев Северо-Востока Максимов отметил известную религиозную индифферентность. “И сюда, в Маймачен (торговый пункт на границе цинской империи с Россией. — В.К.), — писал он, — точно так же привезли китайцы индифферентизм к делам веры, который здесь, вдалеке от религиозных центров и в среде сосредоточенно-деловой жизни, едва ли не стал еще сильнее и определеннее... Нет сомнения, что и здесь служители религии не пользуются никаким уважением и, находясь в состоянии крайнего нищенства, играют в городе, как и во всем государстве самую жалкую роль. Их здесь охотно и зло осмеивают в драмах, которые разыгрываются на публичных театрах, несмотря даже на то, что театральные подмостки всегда находятся в связи с помостом церковным и самые зрелища тесно соединены и непосредственно зависят от религиозных обрядов, служа им дополнением и образным объяснением”²⁴.

Местное название этих своеобразных мистерий — “поигро” — наглядное свидетельство общения русских и китайцев. “Таковые представления даются (помимо Аргуни) и в Маймачене, где оне получили полурусское, изуродованное название *поигро* (курсив авт. — В.К.), охотно усвоенное самими китайцами”²⁵.

С.В. Максимов не увидел в Китае той экзотики, которая приводила в умиление иных эстетствующих литераторов и ценителей изящного. У него перед глазами голод и страдания китайского народа, задавленного гнетом и произволом бюрократии, стесненного архаическими условностями социального порядка. “И все-таки, — заключает русский писатель, — ни в одном государстве не бывает таких жестоких и частых голодов, как некогда в России и теперь в том же Китае...”²⁶. “...Ни одно захолустье в мире, — продолжает С. Максимов, — не представляет таких возмутительных картин народного несчастья и страданий... Коренные законы доколотили китайцев... Нигде домашняя жизнь не стеснена таким множеством обрядов, нигде общественная жизнь не спутана такими приемами, обязательными церемониалами, число которых для простого человека выходит свыше тысячи”²⁷.

Но несмотря на все тяготы жизни китайский народ сохранил в себе такие силы и способности, которые заслуженно вызывали у русского писателя уважение: “Остались еще физическая сила, воспитываемая на благодатном климате, острый ум при замечательной способности извлекать, с дешевыми и простыми орудиями, большую пользу там, где другие не увидят и малой, окрепшее и сознательное патриотическое чувство, замечательная народная гордость, перед которой блекнет англосаксонская: сумели заставить народ отыскать в себе самих то, чему другие народы учатся взаимно друг у друга”²⁸.

Следом за И.А. Гончаровым и С.В. Максимовым со своими рассказами о Китае перед русским читателем выступила Е.М. Иванова, супруга российского вице-консула в Ханькоу. Первые свои впечатления она опубликовала в 1873 г. на страницах газеты

“Московские ведомости”. Потом она печаталась в литературно-политическом и научном журнале “Русская речь”²⁹ и, наконец, ее заметки о Китае вышли в свет отдельным изданием³⁰.

Очерк Е.М. Ивановой “Китай” представляет собой попытку дать емкую и всеобъемлющую картину жизни современного ей Китая, характера китайцев, их склонностей, вкусов и привычек. “Вообще же китайцы, — предуведомляет Иванова, — народ в высшей степени терпеливый и любящий. Самую нежную привязанность питают они к своим детям и безграничное уважение к старшим”³¹. Она сочла нужным также отметить, что “китайцы замечательно гостеприимны”, ссылаясь на свое присутствие в качестве гостыня на обеде, данном в честь приезда российского вице-консула в один из китайских городов в 1873 г.³²

Вместе с тем, отношение к европейцам со стороны широких слоев китайского населения в освещении Е.М. Ивановой сильно разнится от более ранних впечатлений И.А. Гончарова. “Европеец, идя по вечно многолюдным улицам большого китайского города, должен преимущественно иметь своего рода сноровку и, что называется, смотреть в оба, иначе рискует подвергнуться различного рода неприятностям, а более всего он не должен возмущаться посылаемым ему, на каждом шагу, эпитетом-прозвищем — *янгуэйзо* (заморский чорт) и не принимать его за личное оскорбление, так как китаец — простолюдник или сельский житель, придя в город, конечно, с удивлением будет смотреть на иностранца, а о другом каком-нибудь более приличном названии он едва ли и имеет понятие”³³.

Предметом особой неприязни китайцев являлись католические миссионеры, подчеркивала Е. Иванова, приводя в качестве примера факт сожжения кафедрального собора в Тяньцзине в 1870 г.

Проблема отношения Китая к Западу, как показала писательница, была весьма сложной и противоречивой. Она не ограничивалась лишь предвзятостью обывателя по отношению к “чужому”. На Западе, как оказалось, было и чему поучиться. “Уже некоторые из китайцев, — сообщала Иванова, — начали отправлять своих сыновей в учебные заведения в Англию или Америку”³⁴.

Она сделала ряд социологических обобщений относительно особенностей психического склада китайского населения, причин отставания Китая в социально-экономическом развитии в сравнении со странами Европы. Так, лишь несоответствием между численностью населения и количеством земли Е. Иванова была склонна объяснять исключительно бережное отношение китайцев к использованию пашни и непреодолимое желание создать поле, где только можно. “Скученность населения заставляет собственника дорожить каждым незначительным клочком земли и тщательно относиться к его обработке, несмотря ни на какие затруднения, будь то склон горы или даже замечательная возвышенность. По дороге к Калгану (Чжанцзякоу во Внутренне Монголии. — В.К.), в Гоанговском ущелье, сплошь и рядом встречаются запаханная и разработанные куски земли на уступах таких гор, где, казалось бы, человеческая нога не в состоянии была ступить”³⁵.

Отставание Китая Иванова объясняла также живучестью в быту традиционных норм поведения: “Буквальное исполнение прадедовских обычаев является главной причиной застоя Китая”³⁶.

Как специфическую особенность быта китайцев она отметила малое участие женщин в общественной производственной деятельности, давая этому явлению собственное объяснение. “Женщины мало работают вне дома, причиною тому как условия самой жизни, так и уродливость ног (т.е. неестественно маленькие ступни, рост которых задерживался бинтованием. — В.К.)”³⁷.

Отдавая должное трудолюбию и терпению китайского народа, Е. Иванова с горечью писала о пагубном влиянии широко распространенного употребления опиума.

“Много сил и способностей этого трудолюбивого и терпеливого народа гибнет от распространённого употребления опиума”³⁸.

В 1898 г. в Китае побывал Николай Георгиевич Гарин-Михайловский.

“4-го октября, — записал он в своем дневнике, — с перевала Тандынво-но мы спускаемся по северному склону Чанбайшаня в Маньчжурию”³⁹. Первые впечатления не вполне благоприятны: здесь могут ждать неприятности. Вот к Гарину и его спутникам присоединились два китайца. Они на известное время оказались попутчиками. Направлялись в ту же деревню, что и русские путешественники. Китайцы заверяли, что туда идти безопасно, хунхузов там теперь нет и что дорога им хорошо известна. В последнем Гарин убедился на деле. “Однажды мы было сбились, и если бы не сопровождавшие нас китайцы, вместо Шадарена или Шанданьона, не знаю куда и попали бы”⁴⁰.

“Хунхузнничество”, или бандитизм, было одним из мрачных явлений тогдашней действительности в Северо-Восточном Китае. С ним Гарину пришлось столкнуться непосредственно. Ему довелось ночевать в фанзе одного китайца, как оказалось, бывшего предводителя шайки хунхузов. И на примере этой личности писатель дает емкую характеристику социального феномена, порожденного хунхузнничеством. “Хозяин скупает у хунхузов добычу — награбленное, кожи убитых зверей, жень-шень, и потом перепродает их. И не смотрите, что он нищий: у него есть и золото и серебро... у него есть земля, которую обрабатывают ему исполу... эти (испольщики. — В.К.), как огня, боятся его; он владыка их жизни, его встречают с раболепными поклонами, он берет все, что ему понравится, не исключая и женщин. Это зародыш тех вассалов-баронов, имена которых так прославлены теперь их предками. Этот предком не будет, и ход событий, как осенний мороз побивает несвоевременные цветы, уничтожит и в этом уголке эти запоздавшие, уже отцветшие на общечеловеческой ниве цветы”⁴¹.

Минуло всего лишь два дня — и впечатления меняются. 6 октября отметка в дневнике Гарина: “...волшебная перемена — записывает он. — Мы едем долиной Сагнбудон-Мури. Ширина долины — сажен триста всего, но, куда ни посмотришь, все это уже заселенные и засеянные места...”

Отдыхает душа от ужасов жизни первобытных лесов, где во мраке времен свирепствуют еще разбойничьи цари, бароны...⁴².

Плоды созидательной деятельности местного населения заставили писателя отказать от первоначального мнения об обитателях края. “Собственно говоря, — делился Гарин с читателем, — отвратительное впечатление, которое произвели на меня первые китайцы — хунхузы и бароны — уже сгладились трудолюбивым видом сегодняшней долины, трудом, накладывающим особенную печать на лица”⁴³.

Жизнь тогдашнего китайского общества, как она представилась Гарину, была крайне контрастна. С одной стороны, материальный достаток и элементы культуры в домах имущих, с другой — голод и духовное одичание опиекурильщиков. Вот писатель ночует в деревне, в доме состоятельного китайца. “...Комната обширного китайского дома, где мы ночуем, производит очень сильное впечатление... На... возвышении стояли два столика, высотой в пол-аршина, с книгами на нем. По полкам стен — книги, у стены устроено что-то вроде конторки. На одной из полок стоят китайские лампы, красные китайские толстые свечи. А все в общем напоминало в этой высокой, в темной цвет отделанной комнате кабинет старого Фауста”⁴⁴. И вот другое помещение: “Вдоль стен, сплошь, род открытых лож с мягкими скамьями. На них в разных позах лежат люди... Третьи лежат неподвижно, как мертвецы, на боку и стеклянными выпученными глазами бессмысленно куда-то смотрят.

— Что это за люди?

— Курильщики опиума. Этот вот, с остановившимися глазами, уже готов; он видит то, что хочет...⁴⁵.

Гарин славит плодородие маньчжурской земли, отзывчивость ее на человеческий труд. “Куча золотистой кукурузы, вороха громадного гаоляна, в крестах сложенная чумиза, овес, буда, яр-буда, всевозможные бобы, красная и белая редька, кольраби, громадные тыквы, желтые, красные, красный перец, на канатах десятками рядов подвешенный табак, лук, чеснок, картофель, капуста”⁴⁶. Но это изобилие отнюдь не свидетельство всеобщего благоденствия. “Пролетариата в Китае за эти только несколько дней, — сообщает писатель, — я вижу такую же массу, как и у нас. Что до прокорма, то какое же это решение, если приходится решать этот вопрос путем выбрасывания детей на улицу, путем питания организма диким чесноком да горстью гаоляна?”⁴⁷

А.И. Гончаров писал о Шанхае как о центре опиоторговли, которой промышляли англичане и американцы. И вот что увидел Гарин несколько десятилетий спустя в том же городе: “Громадные, во много этажей, узкие и высокие плавучие здания на реке — все это склады опиума, все это принадлежит самому культурному народу в мире (англичанам. — В.К.), все это, дающее сотни миллионов дохода”⁴⁸.

“Как-то в клубе, — продолжает далее Гарин, — я выразил одному англичанину упрек за торговлю опиумом.

Он сделал гримасу.

— Принцип свободной торговли...

Ответ — типичный образчик ханжеского лицемерия, столь присущий Джону Буллю!”⁴⁹.

Опиум был не единственным средством духовного растряпанья и порабощения китайского населения, к которому прибегал Запад. В окрестностях Шанхая, сообщал Гарин, устроен большой католический монастырь ордена иезуитов, при нем коллегия, в которой обучались китайцы-христиане. “Дисциплина и дрессировка в монастыре доведена до поразительного, — особо отметил русский писатель. — Так дрессировать человеческую натуру умеют только иезуиты”⁵⁰.

Печатное слово, которым владели иностранцы, тоже служило целям духовного закабаления китайского народа. Это обстоятельство не укрылось от наблюдательности путешественника. “Французская газета в Шанхае клерикального направления: много пафоса, фарисейства и тенденциозного извращения фактов. Один американец, бывший солдатом на Филиппинах в американской армии и теперь возвращающийся в Америку, Mr. Trazug, говорит, улыбаясь:

— Вот такие же газеты и в испанских колониях”⁵¹.

Впечатления Н.Г. Гарина-Михайловского о Китае — отнюдь не созерцательные описания ландшафтов страны, памятников древней культуры, не рассказы об особенностях китайской кухни. Это емкая социологическая характеристика состояния тогдашнего китайского общества и в то же время панегирик душевному складу китайского народа. “Преклоняться придется не перед пяти тысячелетней культурой, не перед допотопными и нерасчетливыми орудиями и способами производства, а перед поразительной выносливостью и силой китайской нации.

Как живет нация, — задавленная произволом экономическим (калека-домосед женщина, обязательные орудия: борона, двухколесная телега, судно и прочее), произволом государственным (взятничество, вымогательство, пытки, казни и, как результаты, хунхузы, постоянные бунты), гнетом своей бесплодной интеллигенции, религиозным уродством (Конфуций) — живет и обнаруживает изумительную жизнерадостность и энергию.

И несомненным здесь станет только одно: что, когда в нации возродится атрофированная теперь способность к мышлению, а с ней и творчество, китайцы обещают, при их любви к труду и энергии, очень много”⁵².

Бросающиеся в глаза следы иностранного владычества — таким предстала китайская земля русскому писателю А.М. Федорову. Город Амой был первым пунктом на

территории Китая, с которым ознакомился Федоров, и он характеризовал его как “англо-китайский городок”. И с первого же беглого взгляда — контрасты. “Крыши китайских зданий сливались в одну пеструю зубчатую плоскость... Поближе, слева, прелестный цветущий островок: это дачное место европейцев”⁵³.

А.М. Федоров не дал развернутой картины жизни Китая, ограничиваясь скупыми, но емкими деталями. Они вполне позволяют представить читателю трудолюбие китайского населения, тяжелые условия, в которых китайцам приходится зарабатывать себе на жизнь. Ограничимся лишь двумя выдержками из книги Федорова.

“Но вот и архипелаг островов Чуан-синь (на подходе к Люйшуньюкоу. — *В.К.*)... нет клочка на островах, который не был бы возделан руками китайцев и не зеленел посевами риса и хлебов. Даже на крутых скатах, где, кажется, и стоять-то трудно, и там зеленеет посев, и там земля обработана и вспахана, как на ровном месте”⁵⁴. И еще: “В старом городе (Люйшуньюкоу. — *В.К.*) с его серыми, как бы заплесневелыми постройками, жизнь ташилась устало и скучно, как вот этот рикша, изможденный от утомительного бега, обливающийся потом и согнувшийся от напряжения”⁵⁵.

В Люйшуньюкоу А.М. Федоров побывал на китайском театральном представлении. Описание его производит сильное впечатление наглядностью происходящего на сцене. Писатель высоко отзывался о профессиональном мастерстве актеров, об их способности при минимуме декоративных средств воссоздать фон событий, увлечь зрителя своей игрой и привести его в восхищение.

“...Артист с выкрашенным в белую краску носом изображает злодея. По этому белому носу публика сразу угадывает, с кем имеют дело другие действующие лица. В то время, как мы сели на свои места, злодей по пьесе въезжал в заколдованный лес на буйном коне. Публика, по-видимому, верила и в лес, и в коня, хотя о коне трудно было догадаться по той тоненькой палочке, на которой прыгал белоносый злодей, тщетно стараясь укротить ее ударами хлыста, а о лесе можно было догадаться разве только по растерянному виду злодея, который красноречивыми жестами давал понять, что он заблудился в лесу...”

Крики восторга, отчаяния и ужаса вырывались у публики, сообразно с действиями артистов, среди которых были явно талантливые, особенно комик и совсем юный артист на женские роли”⁵⁶.

Делясь своими впечатлениями о пребывании в Китае, русские писатели не просто знакомили своего читателя с повседневной жизнью соседней страны, но делали ее по-человечески ближе и понятнее, способствовали расширению представлений российского общества о Китае и его обитателях.

1. Китай у русских писателей / Сост. А.Д. Романенко. М., 2008.

2. Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1952. Т. 2. С. 299.

3. Там же. С. 299.

4. Там же. С. 302.

5. Там же. С. 301.

6. Там же. С. 307.

7. Гончаров И.А. Указ соч. М., 1953. Т. 3. С. 91.

8. Там же. С. 92.

9. Там же. С. 109.

10. Там же. С. 128.

11. Там же. С. 127.

12. Там же. С. 125.

13. Там же. С. 125–126.

14. Там же. С. 126.

15. Там же. С. 134.

16. Там же. С. 126.
17. Там же. С. 118.
18. Там же. С. 109.
19. Там же. С. 118.
20. Там же. С. 136.
21. *Максимов С.* На Востоке. СПб., 1871. С. 514.
22. Там же. С. 515.
23. Там же. С. 556.
24. Там же. С. 555.
25. Там же.
26. Там же. С. 515.
27. Там же. С. 561.
28. Там же. С. 561–562.
29. *Иванова Е.* Китай / Русская речь. СПб. 1881. Авг.
30. *Иванова Е.М.* Китай. М., 1882.
31. *Иванова Е.* Китай / Русская речь. СПб. 1881. Авг. С. 180.
32. Там же.
33. Там же. С. 195.
34. Там же. С. 183.
35. Там же. С. 185.
36. Там же. С. 183.
37. Там же. С. 189.
38. Там же.
39. *Гарин Н.* По Корее, Маньчжурин и Ляодунскому полуострову. СПб., 1904. С. 206–208.
40. Там же. С. 210.
41. Там же. С. 214.
42. Там же. С. 229–230.
43. Там же. С. 232.
44. Там же. С. 233.
45. Там же. С. 229.
46. Там же.
47. Там же. С. 293.
48. Там же. С. 320.
49. Там же.
50. Там же. Там же. С. 320–321.
51. Там же. С. 321.
52. Там же. С. 292–293.
53. *Федоров А.М.* На Восток. СПб., 1904. С. 173.
54. Там же. С. 178.
55. Там же. С. 182.
56. Там же. С. 187 —188.

Российская эмиграция в Шанхае: русские музыканты и русская музыка (1920–1930-е гг.)

© 2010

А. Ипатова

Данная статья, четвертая из серии «Русская эмиграция в Шанхае»¹, посвящена творчеству русских эмигрантов, представителей музыкального мира, их роли в популяризации русской музыкальной культуры и хорового пения в Шанхае, в деятельности Китайской национальной консерватории, вкладу в развитие китайской и мировой музыкальной культуры.

Ключевые слова: российская эмиграция в Шанхае, русские музыканты, русская музыка и хоровое пение, Китайская национальная консерватория, Ф.И. Шаляпин, А. Вертинский, О. Лундстрем.

XX век вошел в историю как «век стремительных перемен», невиданного ранее прогресса и поступательного движения. Вместе с тем, это был век самых масштабных жестоких и кровавых войн и военных переворотов, диктаторских режимов, век самых крупных социальных революций, крушения колониальной системы.

Следствием геронческих и трагических событий века минувшего стала массовая эмиграция, своеобразный социально-политический и этнокультурный феномен всемирно-исторического развития.

Наиболее значительным был массовый исход из России во время Октябрьской революции и гражданской войны. Тогда страну покинуло, примерно, от 1,5 до 2 млн беженцев, существенно пополнивших русское зарубежье. Один из зарубежных историкографов белой эмиграции так определил этот феномен: «... в мировой истории нет подобного по своему объему, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем...»². Костяк белой эмиграции, ее хребет составили русские люди (90–95%), а по социальному составу — интеллигенция.

Основной поток эмигрантов устремился в Западную Европу, тем не менее одной из наиболее многочисленных была восточная, точнее китайская, ветвь, насчитывавшая, по разным данным, от 250 до 500 тыс. беженцев.

Главным, но не единственным центром русской эмиграции в Китае и Восточной Азии была Маньчжурия. С 1896 г. Маньчжурия входила в сферу влияния царской России³. Русский город Харбин и полоса отчуждения КВЖД, русские органы управления, охранная войска и вся инфраструктура позволяли сохранять привычный уклад жизни, культурно-духовные традиции, присущие русскому менталитету⁴. Эмигрантам там практически не пришлось вживаться в иную этнокультурную среду. Проблема адаптации сводилась в основном к поиску жилья и работы.

Вторым по численности и значению центром российской эмиграции на Востоке был Шанхай. Однако положение эмигрантов там принципиально отличалось от условий жизни их соотечественников в Маньчжурии. Крупнейший в Восточной Азии город-порт был традиционно ориентирован на внешний мир, внешние связи. Еще по условиям англо-китайского Нанкинского договора (1842) и последовавших за ним договоров цинского Китая с другими странами Запада Шанхай в числе пяти китайских портов был открыт для иностранной торговли. На его территории с середины XIX в. располагались, постоянно расширяясь, англо-американский Международный сэттльмент и примыкавшая к нему французская концессия. Это был один из наиболее ранних и значительных иностранных анклавов на территории Китая⁵.

В силу ряда причин, главным образом из-за сопротивления Великобритании Россия до конца XIX — начала XX вв. не входила в сферу традиционных интересов Шанхая. Тем не менее, вскоре после учреждения в 1861 г. в Пекине Российской дипломатической миссии и введения на территории Китая консульской службы в Шанхае было открыто российское консульство (1865). Первоначально оно было нештатным.

В 1896 г. началось строительство здания для консульства, которое затем было преобразовано в генеральное консульство. Первым генконсулом стал китаевед П.А. Дмитриевский⁶. Появились и первые российские учреждения, в их числе Шанхайское отделение Русско-Китайского банка, обслуживавшее не только обширные территории Китая к югу от р. Янцзы, но и Японию (с 1910 г. преобразовано в Русско-Азиатский банк). В 1899 г. в Шанхае была открыта Русская почтовая контора. В начале XX в. введена должность второго российского военного агента в Китае с местопребыванием в Шанхае и агента Министерства финансов. До завершения строительства КВЖД, курсировавшие между Одессой и Владивостоком суда Добровольного флота⁷, заходили и в шанхайский порт.

Завершение строительства КВЖД, а затем русско-японская война 1904–1905 гг. приблизили Шанхай к России. Постепенно стали открываться представительства, отделения и филиалы ряда московских фирм и страховых компаний. Численность русской колонии за период между русско-японской и Первой мировой войнами выросла до 400 чел.; в апреле 1918 г. русских в Шанхае насчитывалось уже свыше 1000 чел.⁸ Несмотря на столь бурный рост, в Шанхае к 20-м годам прошлого века еще не сложились условия для компактного проживания большой по численности российской диаспоры, принадлежавшей к иному цивилизационному ареалу. Этот крупнейший в Восточной Азии город-порт по-прежнему не имел налаженных торговых связей с Россией (за исключением транзита чая из Ханькоу в Россию).

Появившаяся лишь на рубеже XIX—XX вв. крайне малочисленная колония русских еще не успела стать сколько-нибудь заметным явлением в жизнедеятельности Шанхая с его космополитической этнокультурной средой, где наряду с китайской культурной традицией в иностранной части города господствовала западная культура. Именно этот крупнейший восточный мегаполис с его широко разветвленной современной инфраструктурой, оживленной культурной жизнью, солидным научно-педагогическим потенциалом, притягивал к себе российских эмигрантов практически неисчерпаемыми возможностями для применения рабочей силы в самых различных сферах деятельности.

Первые беженцы из Советской России стали прибывать в Шанхай уже в 1919 г., удвоив в течение лишь одного года численный состав колонии. Но по-настоящему массовый приток эмигрантов пришелся на конец 1922–1923 гг. Тогда после окончательного поражения белого движения в Приморье в октябре 1922 г. большинство его участников, от генералов до солдат, казаков и воспитанников кадетских корпусов, политические и

общественные деятели, враждебно настроенные к советской власти, а также представители творческой и научной интеллигенции, предприниматели и пр., как правило, с семьями, устремились в Китай. Часть из них (7,5 тыс. чел.) отплыли на судах Дальневосточной флотилии под командованием контр-адмиралов Г.К. Старка⁹ и В.В. Безауэра¹⁰. Двумя партиями с интервалом почти в год корабли прибыли в Шанхай 5 декабря 1922 г. и 14 сентября 1923 г. Шанхай встретил их неприветливо, как непрошенных гостей, а муниципальные власти отказались принять корабли. Г.К. Старк подчинился приказу покинуть шанхайский порт, высадив предварительно всех пассажиров. Генерал-лейтенант Ф.Л. Глебов¹¹, прибывший в Шанхай с большой группой казаков, такому приказу не подчинился, в результате чего казакам было запрещено сходить на берег. В течение трех лет и четырех месяцев они продолжали жить на кораблях, покидая их лишь небольшими группами для закупки продуктов и обращения за медицинской помощью¹².

В обстановке недоброжелательности со стороны местных властей и общества проблемы адаптации и последующего самоутверждения были неразрывно связаны со стремлением к сохранению своей национальной, в том числе и культурной идентичности, а не к ассимиляции в инокультурной среде.

Поселились беженцы в основном на территории Французской концессии, власти которой наиболее благосклонно отнеслись к эмигрантам, а жилье на территории концессии было существенно дешевле, чем в благоустроенном Международном сеттльменте.

Следующие волны массового притока русских эмигрантов в Шанхай, преимущественно из Маньчжурии, пришлись на 1925, 1929, 1931, 1932 и 1935 гг. Вызваны они были политическими событиями на Северо-Востоке в связи с изменениями в статусе КВЖД и провокациями на дороге, японской оккупацией Маньчжурии, образованием марионеточного государства Маньчжоу-го и последовавшей за этим продажей Советским Союзом своей доли КВЖД.

Среди эмигрантов, осевших в Шанхае, весьма высок был удельный вес представителей русской интеллигенции, особенно творческой, в том числе музыкантов. Параллельно с обустройством и адаптацией с первых же дней пребывания в Шанхае музыканты искали работу по специальности, и многим из них это удалось. Некоторые преуспели, прославившись не только в Шанхае, но и за его пределами, так как уровень их исполнительского мастерства был весьма высок. Значительная часть музыкантов окончила Санкт-Петербургскую (С.С. Аксаков, П.Д. Бирюлин¹³, Б.С. Захаров¹⁴, В.В. Сарычев¹⁵, А.Ю. Слуцкий¹⁶, Г.Б. Фидлон¹⁷ и др.), Московскую (Н.В. Приходько¹⁸) консерватории, а также консерватории в других городах России. Была среди них и выпускница Венской консерватории, талантливая пианистка В.А. Чернецкая¹⁹. Высшую музыкальную школу в Вене закончил И.Р. Подушка²⁰.

Многие музыканты до эмиграции имели хорошую практику в консерваториях и оперных театрах России, концертничали в Западной Европе, совершенствовались там свое мастерство. Заметное место в музыкальном мире Шанхая занимал прямой потомок писателя С.Т. Аксакова Сергей Сергеевич Аксаков (1890–1968), ученик А.Т. Гречанинова, А.А. Лягунова и К.Н. Игумнова, музыкант, композитор и общественный деятель. Будучи представителем Российского музыкального общества за границей (Париж) в Шанхае, вице-председателем Шанхайского просветительского общества, членом Комитета Общества камерных концертов, редактором музыкального отдела популярной газеты «Шанхайская заря», профессором Китайской национальной консерватории (Шанхай), он имел свою музыкальную студию, писал симфоническую музыку, занимался проблемами музыкального образования в условиях эмиграции²¹.

Значительная часть музыкантов прибыла в Шанхай из Владивостока на кораблях Дальневосточной флотилии 5 декабря 1922 г. В дореволюционной России Владивосток был самым крупным центром русской музыкальной культуры на Дальнем Востоке страны. Основными направлениями музыкальной жизни Владивостока были исполнительское и педагогическое. Сложившейся композиторской школы там не было²². Вполне естественно, что и в Шанхае русскую музыкальную культуру в основном представляли именно эти два направления.

Вначале русские музыканты были разобщены и могли рассчитывать, как правило, лишь на работу в оркестрах отелей, ресторанов, кафе и кабаре, далеко не всегда первоклассных, а также в кинотеатрах. Почин к самостоятельному организованному творчеству положил П.Ф. Селиванов²³, прибывший в Шанхай еще в 1919 г. Он открыл первую в Шанхае русскую музыкальную школу и создал подобие центра, где собирались эмигранты — певцы, артисты, музыканты, устраивались концерты, ставились оперетты и пр. С годами это объединение оформилось в Литературно-артистическое общество (ЛАО) под руководством П.Ф. Селиванова, целью которого была популяризация русского искусства, в том числе и музыкального, в Шанхае и за его пределами. Участники общества устраивали лекции-концерты, посвященные русской музыке и выдающимся русским композиторам.

Еще одним русским музыкантом-первопроходцем был прибывший в Шанхай в 1918 г. флейтист А.Н. Печенюк. Он практически сразу поступил в первый русский кинооркестр в театре «Аполло», где очень быстро стал ведущим оркестрантом. В 1926 г. его пригласили в Шанхайский муниципальный симфонический оркестр, а в 1933 г. еще и в симфонический оркестр при французском обществе «Альянс Франсез».

С появлением в Шанхае русских музыкантов, созданный в 1917 г. Шанхайский муниципальный симфонический оркестр стал постепенно приглашать их в свой состав. Сначала русские составляли в нем всего 10%, но к середине 1930-х гг. их было уже около 60% (из 45 музыкантов), причем им были доверены основные пульта. Более того, симфонические концерты русской музыки проходили под управлением русских дирижеров (А.Ю. Слуцкий, В.В. Сарычев и др.).

Многие из числа русских музыкантов этого оркестра играли также в созданном в 1926 г. Шанхайском муниципальном духовом оркестре, полностью состоявшем из русских оркестрантов-духовиков.

Обоими оркестрами руководил специально приглашенный маэстро Марио Пачи. Оркестры давали еженедельные концерты музыки европейских (иногда и русских) композиторов и неизменно пользовались успехом. Немалая заслуга в этом принадлежала русским музыкантам. Работа их оплачивалась вполне прилично. Так, первый оклад равнялся 200 долл., затем шли прибавки за выслугу лет, и со временем их зарплата доходила до 450 долл. в месяц. Имевшие уже приличный стаж игры в этих оркестрах получали наравне с муниципальными служащими отпуска и бесплатную медицинскую помощь.

Однако, несмотря на явные успехи русских музыкантов на исполнительском поприще, говорить о русском музыкальном мире, о русской музыкальной культуре в Шанхае было преждевременно. Лишь со второй половины 1920-х гг., когда в Шанхай стали приезжать, в основном из Харбина, пользовавшиеся известностью музыканты, певцы, дирижеры, такие как Б.С. Захаров, С.С. Аксаков, А.Ю. Слуцкий, В.В. Великанов, А.Л. Шеманский²⁴, М.Г. Крылова²⁵, С.А. Батурина, В.И. Ельцова²⁶, С.П. Маклецов и З.А. Прибыткова²⁷, музыкальная деятельность русских в Шанхае значительно расширилась и оживилась. Харбинцы повысили уровень музыкальной культуры в целом, дали импульс развитию новых для русской музыкальной жизни в Шанхае сфер деятельности.

К середине 1930-х гг. русские музыканты были представлены практически во всех музыкальных жанрах, причем теперь уже не только в качестве приглашенных исполнителей, но и в созданных собственными силами оркестрах, хорах, театральных спектаклях (опера, балет, оперетта, камерные оркестры, джаз-оркестры).

Так, в 1933 г. при французском обществе «Альянс Франсез» музыкант-гобоист В.В. Сарычев организовал из 35 русских эмигрантов любительский симфонический оркестр. В оркестре приняли участие опытные музыканты—профессионалы, чтобы поддержать молодого дирижера и его благородное начинание. Через год у дирижерского пульта В.В. Сарычева сменил дирижер-профессионал А.Ю. Слуцкий. Состав оркестра определил и его репертуар — популярная классическая и легкая музыка. Был и еще один духовой оркестр под управлением Д.Ф. Шута, игравший в Луна-парке и также состоявшийся из русских музыкантов.

Широкое распространение получили концерты камерной музыки в исполнении русских музыкантов. Было даже создано Общество камерных концертов во главе с профессором Б.С. Захаровым. Наибольшей известностью пользовался в Шанхае концертный квинтет под управлением А.Г. Бершадского²⁸ (первая скрипка), на протяжении многих лет с неизменным успехом выступавший в Астор-хаузе и Палас-отеле.

Особую популярность среди иностранцев в Шанхае завоевало русское хоровое пение, ранее практически неизвестное им. Первый большой концерт русского хора состоялся в декабре 1924 г. в Таун-хаузе под управлением широко известного на Дальнем Востоке дирижера-хормейстера П.Н. Машина²⁹. Успех превзошел все ожидания и положил начало живому интересу иностранцев к русскому хоровому пению. В музыкальной жизни Шанхая П.Н. Машина был особенно известен как создатель хоров духовного песнопения при Архиерейской церкви и Свято-Николаевском храме-памятнике³⁰, которые с успехом выступали в Таун-хаузе и других концертных залах. На одном из таких концертов прозвучала литургия П.И. Чайковского. В 1930-х гг. в Шанхае насчитывалось пять церковных хоров, но хор Свято-Николаевского храма под управлением П.Н. Машина считался лучшим. Он исполнял произведения А.Т. Гречанинова, П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова и др.

Именно этому опытному хормейстеру принадлежит организация двух светских хоров — Терского казачьего и Украинского. Казачий хор был создан в 1931 г. «для пропаганды красоты русского народного пения». Первое выступление состоялось в Лайсеум-театре и, по свидетельству зрителей, прошло под нескончаемые аплодисменты, переходившие в овации. В его репертуар входили военные и народные песни. Хор много гастролировал по Китаю, выступал в Пекине. Любопытный факт: в 1926 г., т.е. когда казаки еще жили на кораблях, Казачий союз устроил грандиозный бал в «Карлтон кафе», сбор от которого составил около 7 тыс. долл. Больше всего аплодисментов досталось Казачьему хору. Затем на протяжении нескольких лет казачьи балы повторялись и всегда имели ошеломляющий успех. Казаки устраивали свои балы в построенном по проекту А.И. Ярона самом большом театральном зале Шанхая — в отеле «Мажестик». Гвоздем программы неизменно был хор под управлением П.Н. Машина.

Выступал в Шанхае и русско-украинский хор под управлением В.Л. Фризовского³¹, созданный в 1930 г. Так русское хоровое пение зазвучало в Китае и стало неотъемлемой частью культурной жизни Шанхая.

В 1928 г. важным событием в музыкальной жизни иностранного Шанхая, в котором приняли участие русские музыканты и певцы, стал концерт памяти Ф. Шуберта, приуроченный к 100-летию его кончины. Организаторами концерта были учреждены призы. Все первые призы получили русские музыканты, среди которых были хор под

управлением П.Н. Машинна и школьный хор под управлением О.А. Теляковской. Большинство других призов также досталось исполнителям-эмигрантам. Первый приз получила Дора Трахтенберг³², талантливая ученица проф. Б.С. Захарова и маэстро Марио Пачи. Это было первое официальное признание русской музыки, русского хорового пения, русской музыкальной культуры шанхайским иностранным обществом, лишь незадолго до этого открывшим для себя мир русской музыки, искусство русского хорового пения.

Пять лет спустя, 28 мая 1933 г. состоялся еще более грандиозный концерт, посвященный памяти Р. Вагнера. В этот раз в концерте приняли участие объединенный русский хор под управлением П.Н. Машинна и русские солисты В.И. Ельцова, Глебова, А.Ф. Слободской и др. Концерт произвел неизгладимое впечатление величавостью музыки и блестящим исполнительным мастерством.

В 1934 г. П.Ф. Селиванов организовал Вокальное общество, которое организовало два хоровых концерта духовной и один светской музыки. В том же году было создано Международное (всешанхайское) хоровое общество. Вместе с Шанхайским муниципальным симфоническим оркестром был дан большой концерт при участии почти 70 музыкантов и 180 певцов-хористов, 25 из которых были русские. Все солисты также были из числа русских эмигрантов.

В 1930-е гг. значительно расширяется диапазон исполнительской деятельности эмигрантов: они берутся за постановки опер, балетов, оперетт. Так, в 1935 г. силами русских музыкантов и певцов была осуществлена постановка оперы Ж. Бизе «Искатели жемчуга». Но еще раньше с большим успехом прошли оперы А.С. Даргомыжского «Русалка» и П.И. Чайковского «Евгений Онегин». В 1931 г. в Шанхай приехал режиссер и артист оперетты В.В. Валин³³ со своей труппой. Русская оперетта быстро завоевала популярность в Шанхае.

Попытки объединить русский музыкальный мир продолжались и в 1930-е гг., но, к сожалению, как и все предыдущие, были неудачны. Созданное профессорами С.С. Аксаковым, Б.С. Захаровым и З.А. Прибытковой — самыми авторитетными в Шанхае музыкантами — Русское музыкально-просветительское общество избрало правление, куда вошли видные музыканты и музыкальные деятели. Цели и задачи общества носили объединительно-просветительский характер и сводились к тому, чтобы: 1) объединить разрозненные музыкальные силы; 2) устраивать лекции-концерты для русской молодежи, которая совершенно не знает не только русской оперы, но и имен величайших русских композиторов; 3) создать свой симфонический оркестр и оперную труппу; 4) открыть со временем русскую консерваторию.

Однако с самого начала руководители Общества допустили ошибку, выбрав для первого спектакля оперу М.П. Мусоргского «Борис Годунов» — произведение сложное, многоплановое, требовавшее большого числа участников, сложных декораций и пр. Организаторы постановки затратили много сил, времени, а главное, средств, причем взятых в кредит. Несмотря на колоссальный успех: четыре полных сбора в большом первоклассном театре «Эмбасси», вырученные средства не покрыли долги и расходы. Членам правления Общества пришлось расплачиваться собственными средствами. Неудачным было и следующее мероприятие Общества — лекция-концерт, организованное летом, без учета шанхайской жары и каникулярного периода. Ликвидировав и на этот раз задолженность из личных средств членов правления, Общество прекратило свое существование.

Русских музыкантов-шанхайцев захватило новомодное течение камерной музыки — джаз. Самым популярным был джазовый оркестр под управлением молодого артиста С.Л. Ермолаева, выступавшего под именем Сержа Ермолы. В 1929 г. из числа быв-

ших кадетов Хабаровского корпуса он организовал ансамбль джазовой музыки. Играли во многих отелях, кафе, концертных залах, записали несколько пластинок для иностранных и китайской («Стар») киностудий. С. Ермолаев был одаренным музыкантом и композитором. В сотрудничестве с известными иностранными композиторами писал музыку. Во время приезда Чарли Чаплина в Шанхай подарил ему танго собственного сочинения, которое настолько понравилось знаменитому артисту, что тот попросил разрешения использовать его для какой-нибудь из своих постановок³⁴. Джазовых оркестров в 1930-е гг. в Шанхае насчитывалось много, хотя уровень их игры был разным.

В 1935 г. из Харбина в Шанхай приезжает джаз-оркестр под управлением талантливого джазмена Олега Лундстрема, составивший серьезную конкуренцию даже лучшим местным оркестрам. О. Лундстрем сразу был принят на работу в «Мажестик», демократический по духу отель, куда можно было просто с улицы зайти потанцевать. В начале 1941 г. оркестр О. Лундстрема, уже прочно завоевавший популярность лучшего в городе джаза, был приглашен в фешенебельный отель «Парамаунт», где царила иная обстановка и публика была более требовательной. Сюда приходили не только танцевать, но и слушать музыку. Вскоре на крыше здания отеля зажглась красочная реклама «Олег Лундстрем и его оркестр». Это было убедительное признание.

Несмотря на столь ошеломляющий успех и широкую популярность, у знаменитого джазмена все эти годы зрело желание вернуться на Родину, которое разделяли и его музыканты. И не только они. Во второй половине 1930-х гг. идея возвращения на Родину буквально витала в воздухе, особенно укрепившись после агрессии Японии в Китае. В 1937 г. в Шанхае было создано «Общество за возвращение на Родину» и его печатный орган «Возвращение на Родину»³⁵. В том же 1937 г. все девять музыкантов оркестра О. Лундстрема обратились в Генеральное консульство СССР в Шанхае с просьбой об оформлении документов, необходимых для возвращения в Россию. Но, как вспоминал впоследствии Олег Леонидович, тогда консул Никита Григорьевич Ерофеев ответил отказом, сославшись на то, что в России, якобы, поймали каких-то троцкистов, и визы временно не выдаются. «По сути он нам тогда жизнь спас», — с благодарностью вспоминал О. Лундстрем³⁶.

Великая Отечественная война стала для всего русского зарубежья, в том числе и в Китае, своего рода моментом истины, разделив его на два лагеря: одни ратовали за победу Германии над Советским Союзом, другие готовы были с оружием в руках защищать Родину. По свидетельству самих эмигрантов, последних было значительно больше, настолько, что охваченный патриотическим порывом Олег Лундстрем считал, что в день начала войны «эмиграция самоупразднилась». «В тот день, — вспоминал он впоследствии, — всей толпой ринулись в консульство — очередь аж на мосту стояла! Все хотели защищать Родину. Мы в первый же день всем оркестром подали заявление в консульство — просили всех нас отправить на фронт. Через два месяца немцы уже были под Смоленском, я опять пришел в консульство. И опять вышел на Ерофеева! Он спросил: “Какие проблемы?” — “Просим всех нас немедленно отправить на фронт!” — “Ну молодца, патриоты!... Передайте вашим музыкантам: с фашистами справятся и без вас. Вы здесь нужнее”. Так он снова нас спас... Я лишь спустя годы понял, что он тогда для нас сделал. Ведь наш горячий патриотизм могли иначе истолковать в компетентных органах, тем более, что мы выросли за границей...» Но стремление вернуться на Родину у О. Лундстрема и его музыкантов не прошло. Они стали осваивать новые профессии, поступив на учебу в Высший шанхайский технический центр. Днем учились, вечером выступали. В то же время оркестр О. Лундстрема издавал газету «На Родину!», сборы от концертов передавал в фонд Красной Армии³⁷.

Осмыслив сказанное дипломатом, О. Лундстрем стал вносить коррективы и в свой репертуар, включая в него джазовые интерпретации популярных советских песен того времени, таких как «Катюша», «Шаланды полные кефали», и др. В 1945 г. оркестр принял участие в большом торжественном концерте, посвященном окончанию Второй мировой войны. О. Лундстрем выступил со своим первым опусом для джаза, в котором использовал мелодии С.В. Рахманинова. За первым удачным дебютом последовали и другие произведения на русские и восточные сюжеты. В течение 12 лет жизни в Шанхае (с 1935 по 1947 гг.) оркестр О. Лундстрема не имел себе равных.

После окончания войны И.В. Сталин обратился к соотечественникам, оказавшимся за рубежом, с призывом вернуться на Родину, и оркестр О. Лундстрема стал собираться в Советский Союз. «Для нас, — вспоминал он, — было совершенно ясно: жить нужно в своей стране и поднимать ее из разрухи...» Из Шанхая оркестр уезжал в полном составе на пароходе «Гоголь» 21 октября 1947 г. с третьей партией репатриантов. Так, третья попытка вернуться на родину стала для них успешной.

А до своего отъезда оркестр играл бесплатно на концертах, устраивавшихся для отъезжавших в Советский Союз³⁸.

Другим ярким явлением русской эстрады в Шанхае во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. был А. Вертинский — поэт, композитор, артист эстрады, певец, создавший свой уникальный жанр. Его искусство не предназначалось всем и каждому, певец русской эмиграции, он был понятен только русским. Вертинский сам говорил, что он «певец чисто русский» и не всегда бывал понятен иностранцам³⁹. То, о чем пел Вертинский, было им чуждо, особенно песни, рожденные в эмиграции и наполненные не проходящей тоскою по родине. «Об этой “дикой жалости к оставленной земле” Вертинский с эстрады умел поведать так, что на слушателей веяло холодком истинного искусства...», — писала о нем Н. Ильина⁴⁰, посвятившая певцу немало страниц своих воспоминаний.

В 1935 г., объездив полмира, Вертинский приехал в Китай и обосновался в Шанхае. Почему после Парижа, Нью-Йорка, Голливуда вдруг далекий Китай? Причина все та же. То, о чем пел Вертинский, было чуждо не только иностранцам, но и второму поколению русских эмигрантов в странах Запада, где активно шел процесс ассимиляции русской молодежи. Эту тенденцию особо отмечают и современные исследователи западной ветви русского зарубежья. «К середине 1930-х гг. для большинства русских беженцев, — пишет Л.И. Петрушева, — стало ясно окончательно, что их судьба — судьба эмигранта. К этому времени число русских эмигрантов пополнилось детьми, родившимися в эмиграции, не знавшими России, не знавшими русского языка. Русская эмиграция понимала, что дети, выросшие за границей, волей-неволей становятся “иностранцами”. Было бессмысленно и нереально уберечь их от влияния чужой страны». Трудно осуждать и тех родителей, — пишет она далее, — которые «считали, что их дети должны как можно скорее вжиться в “чужую” жизнь, понимая, что сделать это, не потеряв “свою”, нельзя»⁴¹.

А в Китае русская колония, весьма многочисленная и в основном хорошо образованная, не поддавалась ассимиляции и всячески стремилась к сохранению национальной самоидентичности. Для Вертинского это была самая благодарная публика, встречавшая его восторженно.

Вот как описывает один из его концертов автор книги «Повседневная жизнь “Русского Китая”» Н. Старосельская: «В 1940 году в Шанхае состоялся концерт Александра Николаевича Вертинского. Зал «Лайсеума» был переполнен — концерты Вертинского были очень редки, а цены на билеты очень высоки. Когда Александр Николаевич

спел свою песню «О нас и о Родине», зал словно разорвался пополам: кто-то бешено аплодировал, не скрывая слез, кто-то улюлюкал. Раздавались крики: «Большевикам продался!», «Браво!», «Ура!». Вертинский тогда уже знал, что при первой же возможности уедет в Россию, как знал и то, что здесь, в этом зале присутствуют те, кто не в силах простить Родине всех перенесенных из-за нее мук и от этого страдает еще сильнее. Но здесь же были и люди другого поколения — молодежь, также страстно, как и он, мечтавшая о возвращении на Родину. Это их выкрики: «Браво!» и «Ура!» — заглушали для Вертинского обвинения в продажности...

После концерта молодежь провожала артиста — не из поклонения, а для безопасности. Они охраняли его от возможных оскорблений, от возможного нападения, от всего того, от чего еще можно было охранять русского человека в «чужих городах», в эмиграции, в ощущении горького и трагического одиночества»⁴².

Обычно Вертинский выступал в «Ренессансе», популярном в Шанхае кафе-ресторане, принадлежавшем Василию Васильевичу Павло, в прошлом крупному камчатскому и владивостокскому владельцу недвижимости и рыбопромышленнику. Иногда пел с цыганским хором. К прежнему репертуару Вертинского здесь, на Востоке, добавились и песни, отражавшие восточный колорит в жизни русских эмигрантов. Наиболее известные из них «Дансинг-гёрл», т.е. «партнерша для танцев», и «Бар-девочка», посвященные благовоспитанным харбинским девушкам, попавшим в самое чрево шанхайского вертепа — кабаки, кафе-шантаны и т.п.:

Дни бегут все быстрее и короче,
И уже в кабаках пятый год
С иностранцами целые ночи
Вы танцуете пьяный фокстрот...
И под дикий напев людоедов,
С деревянною маской лица,
Вы качаетесь в ритме соседа
Без конца, без конца, без конца...
Это бред. Это сон. Это снится...
Это чей-то жестокий обман
Это вам подменили страницы
И испортили нежный роман.

В песне «Бар-девочка» Вертинский рисует картину трагической судьбы этих девочек, заканчивавшейся на «кладбище китайском»⁴³.

В Шанхае, по словам хорошо знавших его людей, Вертинский вел ночной божественный образ жизни. По окончании его выступления в «Ренессансе» собиралась обычно компания во главе с Вертинским («дедом») и после закрытия ресторана в два часа ночи веселой гурьбой отправлялась догуливать в открытые до утра кабаки на далекой от Французской концессии Ханчжоу-роуд, в западной части Международного сэттльмента, в районе загородных иностранных клубов. И так изо дня в день. «Требовалась железная выносливость, — писала Н. Ильина, — чтобы вести ту жизнь, какую вел Вертинский в Шанхае. Ни дома, ни женской заботы. Ежевечерние выступления. Бессонные ночи. Романы. Курение. Алкоголь. Пить этот человек умел: подвыпившим я его видела, пьяным — никогда. Позже, когда Вертинский женился, ему пришлось зарабатывать на семью, петь уже в двух местах; кончив работу в одном из кабаре Французской концессии, в

третьем часу ночи он отправлялся в ночной клуб «Роз-Мари» на Ханчжоу-роуд, открытый до утра. И ничего. Выдерживал. Не помню, болел ли он когда-нибудь?».

«Всегда элегантный, — вспоминала она, — (умел носить вещи, к тому же рост, фигура, манеры), аккуратный, подтянутый (ботинки начищены, платки и воротнички белоснежны) внешне на представителя богемы не похож совершенно. А по характеру — богема, актер... цены деньгам не знал, были — разбрасывал, раздавал, прогуливал, не было — мрачнел, сидел без них... Щадить себя не умел, о здоровье своем не думал (хотя и впадал иногда в мнительность!) И всегда был готов поделиться с теми, кто беднее его...»⁴⁴. Недаром ему присвоили звание «первого рыцаря шанхайской богемы».

Шанхайский период жизни Вертинского пришелся на годы японо-китайской войны 1937–1945 гг. Инфляция, рост цен, отчего особенно страдали китайцы и русские эмигранты. Даже такому популярному певцу как Вертинский, на котором хозяева ресторанов, кафе и других подобных заведений, где он выступал, хорошо зарабатывали, ухитрялись не доплачивать, задерживать жалованье. Все это, конечно, не лучшим образом сказывалось на его восприятии Шанхая, этого «восточного молоха», «желтого Вавилона» (распространенные определения этого города в 1930-е гг.).

Судя по всему, это был не лучший период в жизни Вертинского. Хотя именно в Шанхае он обрел семью, тем не менее в своих воспоминаниях он даже не упомянул его в разделе «Китай», а в заметках не написал ничего лестного. Незадолго до отъезда из Китая, находясь на курорте в Циндао, он посвятил Шанхаю стихотворение, жестко бичующее этот «город-улей москитов, термитов и пчел...»⁴⁵.

С началом Великой Отечественной войны А. Вертинский, как и многие другие эмигранты, был на стороне СССР в его противостоянии с фашистской Германией.

В 1943 г., в самый разгар войны он обратился к наркому иностранных дел В.М. Молотову с прошением простить его и разрешить вернуться на Родину. Прошение довольно большое, приведем лишь часть его. «Двадцать лет, — писал А.Н. Вертинский, — я живу без Родины. Эмиграция — большое и тяжелое наказание. Но всякому наказанию есть предел. Даже бессрочную каторгу иногда сокращают за скромное поведение и раскаяние. Под конец эта каторга становится невыносимой. Жить в дали от Родины теперь, когда она обливается кровью, и быть бессильным ей помочь — самое ужасное.

Советские патриоты жертвуют свой упорный сверхчеловеческий труд, свои жизни и свои последние сбережения.

Я же прошу Вас, Вячеслав Михайлович, позволить мне пожертвовать свои силы, которых у меня еще достаточно, и, если нужно, свою жизнь — моей Родине...

Пустите нас домой.

Я еще буду полезен Родине. Помогите мне, Вячеслав Михайлович. Я пишу из Китая. Мой адрес знают в консульстве в Токио и в консульстве в Шанхае.

Заранее глубоко благодарю Вас.

Надеюсь на Ваш ответ.

Шанхай. 7 марта 1943 г.»⁴⁶

Как известно, реакция Москвы была положительной, и по прошествии двух месяцев артист вместе с семьей получил визы и затем выехал в Советский Союз, где он был принят с большим почетом, обласкан и вновь испытал успех. Выступал с концертами, снимался в кино. В 1951 г. ему была присуждена Государственная премия.

Наряду с известными в Шанхае русскими музыкальными коллективами нельзя не отметить скромного популяризатора русской народной музыки, балалаечника Д.И. Большакова-Димова⁴⁷. Музыкально одаренный от природы он не был профессиона-

лом, но его концерты пользовались необыкновенным успехом. Впечатляло все: и высокое исполнительское мастерство, и интересный репертуар, и сам инструмент — русская народная балалайка, на трех струнах которой он исполнял сложнейшие музыкальные произведения. Большаков-Димов много гастролировал по Китаю, выезжал с концертами за его пределы, неоднократно выступал на Филиппинах, Яве, Суматре, в Индии и других местах. Звучал в Шанхае и русский баян. С большим успехом под собственный аккомпанемент выступал с русскими песнями и цыганскими романсами обладатель красивого драматического баритона Я.Д. Власов⁴⁸.

В 1930-е гг. среди русских музыкантов и вокалистов в Шанхае появилось новое поколение, воспитанное и получившее музыкальное образование там или в Харбине, что свидетельствовало о преемственности поколений.

Другим, не менее важным направлением в деятельности русских музыкантов в Шанхае было преподавание. Многие из них имели собственные музыкальные студии, классы и были профессионалами высокого уровня. В их числе такие известные педагоги-музыканты, как С.С. Аксаков, А.Ю. Слуцкий, Т.А. Стельницкая, В.А. Чернецкая и др.

Главным событием в музыкальном мире Шанхая в конце 1920-х гг. стало открытие в июле 1929 г. Китайской национальной консерватории. Для преподавания в ней была приглашена большая группа русских музыкантов и вокалистов, в их числе С.С. Аксаков, Б.С. Захаров, Е.М. Левитина, З.А. Прибыткова, Е.И. Селиванова⁴⁹, Н.Н. Славянова, А.С. Спиридонов, А.М. Томская, В.Г. Шушлин и др. В качестве программы обучения была принята и утверждена программа российских и европейских консерваторий. Директором вновь созданной консерватории был назначен Сяо Юмэй, бывший до того директором Национального профессионального музыкального училища (основано в ноябре 1927 г.). Китайская и иностранная молодежь, потянувшись в первое в Китае высшее музыкальное учебное заведение, где преподавали западную и русскую музыку, и прекрасно воспринимала ее. Около 100 студентов обучались в консерватории, наплыв был так велик, что в 1932 г. была установлена норма: на 10 китайцев принимали только одного иностранца⁵⁰. По словам В.Д. Жиганова, автора альбома «Русские в Шанхае», русская профессура, как показал концерт этой консерватории в ноябре 1934 г., сделала чудо: «Китайская молодежь легко справлялась с Листом, Шопеном, скрипичными и виолончельными концертами, оперными ариями. Звучал прекрасно поставленный Е.И. Селивановой хор и струнный оркестр. Да, это поистине великая заслуга русских перед Китаем и она впишется в историю».

Действительно, Шанхайская консерватория, у истоков которой стояли русские педагоги, одно из ведущих музыкальных учебных заведений современного Китая, где бережно сохраняются традиции, заложенные эмигрантами, носителями русской музыкальной культуры в далекие 20–40-е гг. прошлого века. Силами русских эмигрантов в Шанхае были созданы пользовавшиеся успехом русская опера, оперетта, драматический театр, русский балет.

В Шанхае, особенно после того, как туда стали приезжать русские харбинцы, бежавшие от японской оккупации, собралось много поэтов, художников, журналистов и представителей других творческих профессий, которые создавали свои кружки, общества. Так, появился «Шанхайская Чураевка» по аналогии с харбинской, «Понедельник» и др. Но самым популярным среди них было содружество ХЛАМ (аббревиатура слов художники, литераторы, артисты, музыканты). Создали его известные журналисты, артисты, писатели и музыканты осенью 1933 г. Общество устраивало выставки, концерты, тематические вечера. По выражению одного из членов ХЛАМа В. Петрова, Общество было настолько популярно, что на его «среды» собирался «весь Шанхай»⁵¹.

Разнообразили культурную жизнь Шанхая и гастроли знаменитых музыкантов, певцов. Самым выдающимся событием было посещение города Ф.И. Шаляпиным. За время дальневосточного турне он трижды посетил Шанхай и дал там три концерта. Русская пресса изобилвала восторженными публикациями о встрече артиста, воспоминаниями тех, кто пел когда-то вместе с ним в Мариинском театре⁵². Для краткости приведем опубликованный в альбоме «Русские в Шанхае» отчет о шанхайских гастролях русского певца: «Ф.И. Шаляпин в январе посетил Шанхай на несколько часов, проездом на гастроль в Японию, и тогда ему была устроена на пристани торжественная встреча, организованная русскими и иностранными общественными кругами и многочисленной группой русских артистов и литераторов. 22 февраля он вернулся с гастролей, имевших шумный успех, и дал в Шанхае два концерта в помещении самого большого в городе театра «Гранд», вмещающего 2200 человек.

Оба концерта были отмечены интенсивной для Шанхая предварительной продажей билетов и прошли с аншлагом. Выступление гениального артиста вызвало громовые овации почитателей его таланта. Газеты были полны восторженных описаний этих концертов, а также бесчисленных интервью с ним.

26 февраля по инициативе русских и иностранных кругов Шанхая был устроен блестящий прием в честь гениального артиста, состоявшийся вечером в помещении Французского клуба, под председательством представителя русской колонии К.Э. Мещлера⁵³. Этот прием собрал всех самых видных представителей международного Шанхая.

Чествовать мировую знаменитость собрались члены дипломатического и консульского корпуса почти в полном составе, высшие китайские власти, главы трех муниципалитетов, общественность, деловые круги, представители научных обществ, художественного и артистического мира — без различия национальностей. На чествовании были также мэр Великого Шанхая генерал У Течэн⁵⁴ и кумир китайской сцены Мэй Ланьфан⁵⁵, с которым у великого певца была трогательная встреча».

Вот как описала ее «Шанхайская заря»: «Особенно приветливо встретил Ф.И. знаменитого китайского артиста д-ра Мэй Ланьфана, которого приветствовал возгласом: «Брависсимо!».».

Затем Ф.И. Шаляпин написал несколько слов на художественном альманахе, подаренном им китайскому артисту.

Д-р Мэй Ланьфан выразил надежду, что по возвращении в Шанхай после поездки в Харбин, Ф.И. не откажется присутствовать на приеме, который намеревается устроить в его честь Шанхайское культурное общество⁵⁶.

Во время приема великому артисту приходилось почти одновременно говорить на русском, французском, итальянском и немецком языках. Только беседу с Мэй Ланьфаном на китайский язык переводил К.Э. Мещлер. Прием длился два часа (с 6 до 8 часов вчера), предельно заполненных непрерывными беседами, интервью, приветствиями и просто общением: сплошной поток людей, спешивших выразить свое восхищение, уважение, преклонение и восторг.

В репертуаре Федора Ивановича было около 100 различных произведений на русском, французском и итальянском языках. 7 апреля по пути из Пекина в США (через Японию) Федор Иванович еще раз посетил Шанхай, где неделю спустя, 15 апреля с неизменным успехом прошел его третий концерт.

Гастроли Ф.И. Шаляпина пришлись на период наивысшего расцвета русской культурной жизни в Шанхае, когда город еще не познал всех тягот японской оккупации и когда стремление русских, в том числе и музыкантов, к самореализации и самоутвер-

ждению, к пропаганде русской музыкальной культуры в иностранной среде приносило прекрасные результаты.

Слова харбинского поэта А. Ачира «... А за то, что нас Родина выгнала мы по свету ее разнесли» в наибольшей степени относятся к творческой интеллигенции, этому хребту русского зарубежья, в том числе и его китайской ветви. Волею судьбы русским эмигрантам пришлось творить за пределами исторической родины, и они знакомили мир с русской культурой, включая музыкальную. Таков их вклад в отечественную и мировую культуру, что хорошо прослеживается на примере города Шанхая.

Исполнительская деятельность русских музыкантов уже принадлежит истории, но есть Шанхайская национальная консерватория, рукотворный памятник деятельности русских музыкантов в этом городе, что дает основание говорить о весомом позитивном вкладе русских -шанхайцев в развитие китайской и мировой музыкальной культуры.

1. Тематически статья служит продолжением трех предыдущих, также озаглавленных «Российская эмиграция в Шанхае в 20–30-е гг.» (с разными подзаголовками, уточняющими их содержание, и также написанных в основном по материалам альбома В.Д. Жиганова «Русские в Шанхае» [1936]). Этим объясняется то, что некоторые важные моменты из жизни эмиграции в Шанхае здесь опущены, так как подробно рассмотрены автором в статьях: Российская эмиграция в Шанхае: эмигрантские благотворительные и общественные организации (20–30-е гг.) // Восток—Россия—Запад: исторические и культуролог. исслед.: К 70-летию акад. В.С. Мясникова. М., 2001. С. 173–206; Российская эмиграция в Шанхае: торгово-предпринимательская деятельность как способ адаптации и самоутверждения (20–30-е годы XX в.) // Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию акад. М.Л. Титаренко. М., 2004. С. 768–778; Российская эмиграция в Шанхае: русские служащие различных предприятий и фирм (1920–1930 гг.) // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию акад. С.Л. Тихвинского. М., 2008. С. 286–303.
2. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 11–12. Цит. по: *Афанасьев А.* Неутоленная любовь // Литература русского зарубежья. 1920–1925. М., 1990. Т. 1, кн. 1. С. 6.
3. См.: Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 74–77;
4. Подробно об этом см.: *Цицельская Ю.А.* Сравнение национальной ментальности русских и китайцев // Россия и АТР. 1999. № 3. С. 78–87.
5. Статья 2 Нанкинского договора предоставляла англичанам право на неограниченную торговлю в этих городах, свободу поселения и пр. Фактически Шанхайский порт был открыт для иностранной торговли 17 ноября 1843 г. Несколько лет ушло на строительство сэттльмента, и лишь к 1849 г. англичане переселились туда. К тому времени в Шанхае уже было создано 25 иностранных фирм, а число иностранцев, обосновавшихся там, достигло 100 чел. Примеру Англии последовали Франция (1849 г.) и США (конец 1850-х гг.), получив участки земли под свои концессии. В 1863 г. английский и американский сэттльменты объединились, образовав единый Международный сэттльмент. Примыкавшая к нему территориально Французская концессия отказалась от подобной акции, сохранив свою обособленность и собственную юрисдикцию. Российские эмигранты, поселившись преимущественно на Французской концессии, в свою очередь, за весьма короткие сроки превратили пустующую территорию в благоустроенный современный город. Более подробно об этом см.: *Ван Чжичэн.* Шанхай э цяоминь ши [История русской эмиграции в Шанхае]. Шанхай, 1993; *Он же.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008; *Он же.* Цзю Шанхай дэ эго цяоминь [Русская эмиграция в старом Шанхае] // Шэхуэй кэсюэ. 1991. № 7; *Ли Ситэн* и др. Фэн юй фупин. Эго цяоминь цзай Чжунго (1917–1945) [Сальвиния под ветром и дождем. Русские эмигранты в Китае]. Пекин, 1997. Сальвиния — разновидность воляного папоротника, у которого нет корней; Шанхай. / Гл. ред. *Тан Чэнчан*, зам. гл. ред. *Шэнь Хэнчунь.* Шанхай, 1989. (кит. яз.).
6. Дмитриевский Павел Андреевич, выпускник восточного фак-та Петербургского университета, ученик В.П. Васильева; генконсул в Шанхае с 1896 по 1900 г.

7. Добровольный флот — российское морское судоходное общество. Основано в 1878 г. на добровольные пожертвования в целях развития отечественного торгового мореплавания и создания резерва для военного флота. Находился в ведении Минфина, с 1883 г. — Морского министерства и с 1909 г. — Министерства торговли и промышленности. Суда Добровольного флота осуществляли дальние коммерческие рейсы, в том числе и на Восточную Азию. В 1925 г. вошел в состав Совторгфлота.
8. Ван Чжичэн. Цзю Шанхай дэ эго цяоминь. С. 59.
9. Старк Георгий (Юрий) Карлович (1878–1959, Париж), контр-адмирал. Окончил морской кадетский корпус (1898); участник русско-японской войны (на крейсере «Аврора»), Первой мировой и гражданской войн. 5 июня 1922 г. вступил в командование всеми вооруженными силами Приморья. Из Шанхая с частью флотилии ушел на Филиппины, откуда затем пересел в Париж, где работал таксистом и водителем грузовика. В годы Второй мировой войны отказался сотрудничать с нацистами. В 1945–49 гг. — председатель Всезарубежного объединения русских морских офицеров. Здесь и далее биографические сведения приведены по: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биобиблиогр. справочник. Владивосток, 2000; а также по альбому: *Жиганов В.Д.* Русские в Шанхае. Шанхай, 1936.
10. Безаур Василий Викторович (1887–1941, Гонконг), контр-адмирал колчаковского производства. Сын вице-адмирала В.В. Безаура. В Шанхае служил капитаном британского парохода. Убит при обстреле японцами его судна.
11. Глебов Федор (Фаддей) Львович (1888–1945, Шанхай), генерал-лейтенант семеновского производства, войсковой атаман Сибирского казачьего войска, участник белого движения в Сибири. Один из основателей и руководителей многих общественных организаций российской эмиграции в Шанхае. В 1942 и 1944 гг. был избран председателем Русского эмигрантского комитета.
12. Подробно об одиссее Дальневосточной флотилии и судьбе Дальневосточной казачьей группы см.: *Жиганов В.* Русские в Шанхае; *Петров В.* Русский Шанхай // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4. С. 211–213; *Сидоркин Л.* Судьба Дальневосточной казачьей группы (Шанхайский русский полк) // Русские в Китае. 1997. № 10, дек. С. 4–5; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 112–114; *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. С. 183–194; *Ипатова А.С.* Российская эмиграция в Шанхае: эмигрантские благотворительные и общественные организации (20–30-е гг.) // Восток—Россия—Запад. С. 175–178.
13. Бирюлин Павел Дмитриевич (1891—?), музыкант. Окончил Санкт-Петербургскую консерваторию с золотой медалью по классу арфы и классу рояля. Состоял в придворном оркестре (Петербург). В Шанхае с 1928 г. Солоист Шанхайского муниципального симфонического оркестра.
14. Захаров Борис Степанович (1887–1943, Шанхай), пианист. По окончании Санкт-Петербургской консерватории, совершенствовал исполнительское мастерство у знаменитого пианиста Леопольда Годовского в г. Вене. В 1915–1921 гг. — профессор Петроградской консерватории. Покинув Россию, много концертировал в Европе и Америке. В Шанхае с 1929 г. Председатель Общества камерной музыки, выступал в концертах Общества и с Муниципальным симфоническим оркестром. Профессор Китайской национальной консерватории (Шанхай). Автор многих музыкальных сочинений о Китае.
15. Сарычев Владимир Викторович (1895–1968, Сидней), музыкант. Окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классу гобоя (1912). Лауреат конкурсов. Пять лет служил в Театре музыкальной драмы; выдержав конкурс, поступил в Марининский театр, где прослужил 9 лет. В 1927 г. по приглашению дирижера Муниципального симфонического оркестра Марио Пачи прибыл в Шанхай. Дирижировал симфоническими концертами. В 1931 г. поставил оперу Ш. Гуно «Фауст». Председатель Общества профессиональных артистов.
16. Слущкий Александр Юрьевич (1887–1954, Сан-Франциско), дирижер. По окончании Санкт-Петербургской консерватории по классу теории композиции был дирижером Марининской оперы и Театра музыкальной драмы. В Шанхае дирижировал Муниципальным оркестром в симфонических концертах русской музыки, а также операми «Фауст», «Борис Годунов», «Русалка», «Евгений Онегин», «Кармен» и др. Имел собственную музыкальную студию, преподавал игру на рояле и теорию композиции. В 1935–36 гг. — дирижер русского театра оперетты в Шанхае.

17. Фидлон Григорий Борисович, скрипач и режиссер. Окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классу скрипки. Сололист оркестра в ресторане «Донон» (Петербург). В Шанхае руководил симфоническими оркестрами, выступал с сольными номерами.
18. Приходько Наталья Викторовна, преподаватель музыки. Окончила Московскую консерваторию по классу рояля (1914). В Шанхае с 1926 г., преподаватель музыки (рояль) во Французском муниципальном колледже и Французской муниципальной школе «Рими».
19. Чернецкая Вера Александровна, музыкант. Окончила Венскую консерваторию по классу рояля (1893), затем занималась 2 года у знаменитого пианиста А. Гринфильда. Гастролировала по Европе (около 300 концертов). И снова совершенствовала свое мастерство у знаменитой Терезы Карзико. В продолжении 5 лет объездила всю Европу с концертами, выступала при императорских домах, в том числе и в России. В Шанхае с 1926 г. Выступала с сольными концертами и вместе с Мунципальным симфоническим оркестром маэстро Марио Пачи. Впоследствии сосредоточилась на преподавательской деятельности.
20. Подушка Иосиф Рудольфович, музыкант, скрипач. Играл в симфонических оркестрах в Баку, Москве, Казани, в эмиграции — в квинтете М.А. Скидельского (Харбин, Шанхай), с 1923 г. — в Шанхайском муниципальном симфоническом оркестре; преподавал в американской школе и Китайском университете (с 1928).
21. См., например: *Скиф*. В студии композитора и педагога: У С.С. Аксакова // Феникс. 1936. № 33 (апр.). С. 21; *Арус*. Успехи русского композитора. Концерт в Е—миноре С.С. Аксакова покори Шанхай // Рубеж. 1938. 26 февр.; *Аксаков С.С.* Проблема музыкального образования в эмиграции // Шанхайская заря. 1934. 3 апр.
22. Подробно об этом см.: *Королева В.А.* Первая харбинская музыкальная школа // Россия и АТР. 1997. № 4. С. 27–40.
23. Селиванов Петр Федорович (1883 — после 1946), артист, общественный деятель. В России — артист императорских театров, посещал занятия в Санкт-Петербургской консерватории.
24. Шеманский Александр Леонидович, воспитанник Хабаровского гр. Муравьева-Амурского кадетского корпуса. Как певец выступал с 1925 г. в Харбинской и итальянской опере. В последние годы жил в США в г. Карпи. В Шанхае в 1931 г. пел в операх «Фауст» и «Кармен», давал сольные концерты.
25. Крылова Мария Григорьевна, прима императорского Марининского театра (СПб). В Шанхае с 1929 г. пела в операх «Фауст» и «Борис Годунов», выступала с Мунципальным симфоническим оркестром, давала сольные концерты. Преподавала вокал в собственной студии. Член Русского музыкального просветительского общества.
26. Ельцова Вера Ивановна, певица (меццо-сопрано). Училась в Санкт-Петербургской консерватории. В Харбине с 1923 г., пела в опере. В Шанхае с 1931 г. выступала с концертами, давала уроки пения.
27. Прибыткова Зоя Аркадьевна (1892—?), пианистка, актриса, режиссер драмы. Окончила Санкт-Петербургскую консерваторию под руководством своего дяди композитора и пианиста С.В. Рахманинова и императорские драматические курсы (1914). Играла в театрах Петрограда и Москвы. В Харбине открыла собственную студию. В Шанхае с 1929 г. Основала с В.В. Клариным Камерный (драматический) театр, где была режиссером. Профессор Китайской национальной консерватории по классу рояля (с 1931 г.).
28. Бершадский Абель Григорьевич (1896—?), скрипач. Окончил музыкальную школу профессора Фельдмана в Одессе, затем учился в Москве. Гастролируя с оркестром по Сибири, приехал в Харбин (1924). В Шанхае с 1929 г. Первая скрипка оркестра знаменитого Французского клуба.
29. Машин Петр Николаевич (1877–1944, Шанхай), певец, дирижер. Окончил Харьковское императорское музыкальное училище. В 1907–1924 гг. преподавал пение в Харбинском коммерческом училище, открыл первую русскую музыкальную школу в Харбине. В Шанхае с 1925 г. Был хормейстером в поставленных в Шанхае операх «Фауст», «Борис Годунов» и др.
30. Оба храма сооружены по проектам талантливого инженера-строителя, архитектора А.И. Ярона (1874–1935, Шанхай), который безвозмездно составил проекты храмов, руководил строительством, делал постоянные пожертвования и оплачивал работу технического персонала строителей. Основную финансовую и материальную поддержку строительству оказали предприниматели и коммерсанты из числа местных эмигрантов. Свято-Николаевский храм-памятник, посвященный последнему русскому царю Николаю II, сохранился до наших дней.

31. Фризовский Василий Львович (1881—?), учитель, общественный деятель шанхайской эмиграции: член Русской ассоциации профессиональных артистов театра, вокала и балета (1939), председатель Комитета помощи российским детям (27.07.1942).
32. Трахтенберг Дора, музыкант. С детства жила в Шанхае, где получила общее и музыкальное образование. С большим успехом выступала с Муниципальным симфоническим оркестром и в других концертах. В 1930-е гг. уехала в США совершенствовать свое исполнительское мастерство.
33. Валин (Катхе) Валентин Евгеньевич, режиссер и артист оперетты. Артистическую деятельность начал в Казанском Большом театре.
34. Ермолаев Сергей Лукьянович (Серж Ермола) (1908–1966, Сидней). Подробнее о нем см.: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. С. 119.
35. С 1940 г. выходила под названием «Новая жизнь», спустя некоторое время стала органом советских эмигрантов в Шанхае и выходила до 1952 г. (*Старосельская Н.* Повседневная жизнь «Русского Китая». М., 2006. С. 214–215).
36. Там же. С. 217.
37. Там же. С. 217–218, 220, 234. Е. Таскина датирует обращение О. Лундстрема в генконсульство 1943 г. (См.: Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3).
38. *Старосельская Н.* Указ. соч. С. 248. Лундстрем Олег Леонидович (1916–2005) на протяжении 70 лет бессменно руководил своим оркестром, (это уникальное явление в музыкальном мире было занесено в книгу рекордов Гиннеса). По возвращении на родину окончил Казанскую консерваторию. Гастролировал по всей стране. Народный артист РСФСР, доктор наук Международной академии Сан-Марино. В конце жизни снова побывал в Китае.
39. Подробно о шанхайском периоде жизни А.Н. Вертинского см.: *Ильина Н.* Дороги и судьбы: Автобиограф. проза. М., 1985; *Мелихов Г.В.* Неизвестные страницы из жизни Ф.И. Шаляпина и А.Н. Вертинского. М., 1998; *Старосельская Н.* Повседневная жизнь «Русского Китая».
40. *Ильина Н.* Указ. соч. С. 186.
41. *Петрушева Л.И.* Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920–1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.): Сб. ст. М., 1999. С. 139.
42. *Старосельская Н.* Указ. соч. С. 227–228.
43. Вертинский А. Дорогой длиною... М., 1991. С. 321–322, 326–327.
44. *Ильина Н.* Указ. соч. С. 169.
45. Вертинский А. Указ. соч. С. 268–271, 383–385, 324.
46. *Старосельская Н.* Указ. соч. С. 230–231.
47. Большаков-Димов Дмитрий Иннокентьевич. Окончил Читинское Землемерное училище и Петроградское Военно-инженерное училище, не закончив Петровско-Разумовскую академию, участвовал в Первой мировой войне и белом движении на юге России. В чине поручика оставил военную службу. В Шанхае с 1925 г.
48. Власов Яков Днионисьевич, воспитанник Высшей музыкальной школы им. Глазунова в Харбине по классу оперного пения. В 1929–30-е гг. пел в Харбинской опере и оперетте. В Шанхае с 1932 г.
49. Селиванова Елена Игнатьевна (1890—?), певица (сопрано). Окончила музыкальную школу в Киеве по классу вокала. Преподаватель пения и регент в Киевском епархиальном женском училище. Концертмейстер Русской оперы в Киеве. В Шанхае с 1921 г. Преподаватель сольного и хорового пения (1932–1935 гг.). С 1935 г. — профессор Китайской национальной консерватории. Жена Селиванова П.Ф.
50. Подробнее о консерватории см.: *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. С. 473–474.
51. *Петров В.* Русский Шанхай // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1–3. Удивительно, но А. Вертинский, посвятив этому обществу специальный раздел своих воспоминаний, дал самые, что ни на есть уничижительные оценки ХЛАМа и его членов: «Раз в неделю по средам в «Ренессансе» проходили вечера ХЛАМа. Слово ХЛАМ означало: Художники, Литераторы, Артисты и Музыканты. Конечно, ни художников, ни артистов, ни литераторов там не бывало по той простой причине, что таковых в Шанхае просто не было. Музыкантов было немного, но они по вечерам играли в дансингах и поэтому отсутствовали. Но зато бывала та публика, которая име-

- ла какое-то отношение к тому маленькому артистическому миру, который все же был в Шанхае. Ходили маникюрши, портнихи, парикмахеры, мелкие репортеры, спекулянты и жулики». // *Вертинский А.* Указ. соч. С. 381. В этом, видимо, нашло отражение общее неприятие им Шанхая, в трудные для него годы принявшего и признавшего его, его талант.
52. См., например: Шанхайская заря. 1936. 21 янв.
53. Менцлер Карл Эдуардович (1886–1940, Шанхай), дипломат и общественный деятель. Окончил Петербургский университет, служил в российских консульствах в различных странах. с 1917 г. — вице-консул генконсульства в Шанхае. После закрытия консульства — секретарь Бюро по русским делам (до июля 1924 г.); председатель Юридического общества. член многих общественных эмигрантских организаций в Шанхае, 1930-е гг. глава русской колонии в Шанхае. Убит в 1940 г. наемным убийцей.
54. У Тинчэн — видный государственный деятель, с 1932 по 1937 гг. мэр Шанхая.
55. Мэй Ланьфан (1894–1961), актер, непревзойденный мастер исполнения женских ролей в китайском театре. В своем творчестве стремился приблизить древнюю форму китайского театра к современному зрителю. Общественный деятель.
56. Шанхайская заря 1936. 27 февр.

Научная жизнь

Становление и развитие нового лингвистического направления в контексте российско-китайского межкультурного взаимодействия

Научное направление «Соизучение языков и культур. Лингвистическое (языковое) образование в вузе» в контексте российско-китайского межкультурного взаимодействия начало формироваться в 2005 г. в связи с открытием в Юридическом институте Читинского государственного университета кафедры международных информационных связей. Кафедрой обеспечивается обучение китайскому и английскому языкам по основным образовательным программам «Международные отношения», «Таможенное дело», реализуется основная образовательная программа «Связи с общественностью» с изучением китайского языка, дополнительная образовательная программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (китайский и английский языки)». Структурным подразделением кафедры является созданный в 2007 г. научно-образовательный Международный центр соизучения языков и культур Читинского государственного университета и Даляньского университета иностранных языков.

Названное направление сформировано на основе одного из важнейших современных приоритетов российско-китайского сотрудничества в АТР, выделенных академиком М.Л. Титаренко¹: организации русских и китайских культурных центров на сопредельных территориях для углубленного изучения русского и китайского языков, истории и культуры России и Китая.

Первая составляющая научного направления «Соизучение языков и культур» рассматривается его разработчиками в контексте решения Россией и Китаем вопросов долговременного взаимодействия и сотрудничества на основе стратегии соразвития двух стран.

Методология стратегии соразвития разрабатывается учеными ИДВ РАН под руководством академика М.Л. Титаренко и учеными Института экономических стратегий РАН под руководством члена-корреспондента РАН Б.Н. Кузика². Сотрудничество России и Китая способствует активной экономической интеграции нашей страны в СВА и АТР, относится к числу актуальных национальных приоритетов и является неотъемлемым условием решения задачи экономического подъема России. Стратегической базой интеграции России в АТР являются Сибирь и Дальний Восток. Очевидно, что скоординированное и взаимодополняющее развитие регионов Сибири и Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР способствует ускоренному росту экономики этих территорий. Серьезное внимание решению вопросов их соразвития уделяют руководители двух стран. Так, в 2009 г. Д.А. Медведевым и Ху Цзиньтао была одобрена «Программа сотрудничества ме-

жду регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)³».

В общей методологии стратегии соразвития России и Китая важнейшим элементом выступает разрабатываемое новое научное направление, в частности, его первая составляющая — «Соизучение языков и культур».

Идеи соизучения языка и культуры восходят к философским и лингвистическим концепциям В. Гумбольдта, утверждавшего, что изучение иностранного языка должно быть связано с освоением нового способа мировосприятия, характерного для носителя языка⁴. Над проблемой соизучения языка и культуры плодотворно работали и работают многие ученые (М. Байрам, Г. Зарате, Р. Ладо, Ж.Я. Ласер, Г. Робинсон, В.В. Сафонова, Э. Симонет, С.Г. Тер-Минасова, Ч. Фриз, В.П. Фурманова, И.И. Халева, И.А. Цатурова, Ш. Швейцер и др.).

В отечественном востоковедении язык всегда выступал как неотъемлемая составляющая часть общемировой культуры, инструмент культурного познания стран изучаемых языков. Согласно новому научному направлению, изучение иностранного языка способствует пониманию образа и стиля жизни людей, духовного наследия стран и народов, их историко-культурной памяти, современных проблем развития. Названное научное направление наряду с изучением иностранного языка и культуры предполагает и соизучение родной культуры и языка. Оно дает широкие возможности не только для соизучения российской и китайской культур, но и для решения вопросов соразвития приграничных территорий и международного межкультурного сотрудничества. В рамках научного направления разрабатываются различные проблемы российско-китайского межкультурного взаимодействия: региональное сотрудничество, национальная и международная безопасность, имиджевый потенциал, экологические проблемы, национальная политика и др. Соизучение российской и китайской культур в рамках единого геополитического пространства СВА и АТР делает возможным исследование их взаимовлияния и определение перспективных направлений сотрудничества и соразвития.

В рамках научного направления на конференции «Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия», ежегодно организуемой правительством Забайкальского края, проводится секция «Россия—Китай: гуманитарные и социально-экономические аспекты соразвития приграничных территорий». В ее работе принимают участие ученые из вузов КНР и России, аспиранты и студенты, занимающиеся изучением проблем соразвития приграничных территорий. Стало традиционным проведение в рамках работы секции дополнительных мероприятий: творческих диалогов российских и китайских ученых, преподавателей и руководителей вузов по вопросам образовательного сотрудничества; мультимедийных фотовыставок «Мир китайского языка и культуры»; круглых столов по результатам научно-полевых исследований и языковых стажировок студентов в КНР.

Научные исследования в рамках заявленного направления организуются при активном участии китайских коллег. Основными вузами-партнерами российской стороны в реализации этого направления являются Шаньдунский институт технологий и бизнеса, Тяньцзиньский международный институт культуры, Даляньский университет иностранных языков, Институт г. Маньчжурия Университета Внутренней Монголии. Формируются научные контакты с учеными Цзилиньского университета, Северо-Восточного педагогического университета, Сианьского университета иностранных языков, Муданьцзянского педагогического института, Тяньцзиньского педагогического университета, Тяньцзиньского университета профессионального образования, Пекинского исследовательского центра «Бавэй». На территории КНР при содействии названных вузов учеными, аспирантами и студентами проводятся полевые исследования, создающие базу для дальнейших научных изысканий.

Научно-исследовательская деятельность студентов организуется при содействии научно-аналитического студенческого объединения (НАСО). Результаты их исследований отражаются в научных публикациях, апробируются на научных конференциях разного уровня, используются при подготовке выпускных квалификационных работ, в практической деятельности Центра и кафедры в качестве справочных и учебно-методических материалов.

По тематике «Соизучения языков и культур» опубликовано и подготовлено к печати пять монографий⁵, ряд научных статей по вопросам сотрудничества с КНР в области международной безопасности, национальной политики, формирования имиджевого потенциала наших стран.

Что касается второй составляющей направления — «Лингвистическое (языковое) образование в вузе», то она направлена на исследование и решение проблем высшего языкового востоковедческого образования. На сегодняшний день именно эти проблемы обуславливают целый ряд противоречий, характерных для образовательного процесса:

– между глобальной необходимостью интеграции, наряду с европейским, в азиатско-тихоокеанское образовательное пространство и отсутствием концепций и моделей высшего языкового востоковедческого образования, позволяющих осуществлять такую интеграцию;

– между потребностью в развитии системы высшего языкового востоковедческого образования и «европоцентристским креном», существующим в системе высшего языкового образования;

– между потребностью в усилении патриотического воспитания будущих специалистов, изучающих восточные языки, с одной стороны, воспитания уважительного отношения к изучаемым восточным культурам, с другой, и неразработанностью системы такого воспитания;

– между потребностью будущих специалистов, изучающих восточные языки, найти свое место как в российском, так и в восточном обществе и культуре и неразработанностью содержания, форм и методики преподавания в системе высшего языкового востоковедческого образования;

– между потребностью в дальнейшем повышении качества высшего языкового востоковедческого (китаеведческого) образования и отсутствием в стране развитой научно-педагогической школы (при наличии авторитетной научной филологической школы изучения китайского языка), специально занимающейся педагогическими вопросами языкового китаеведческого образования, лингводидактики и методики обучения китайскому языку.

Исследование существующих противоречий высшего языкового востоковедческого образования и поиск путей их решения определяют основное содержание второй составляющей указанного научного направления.

Методологической базой названной составляющей выступает идеология нового российского евразийства. Новое евразийство рассматривается как трансцивилизационный феномен, имеющий преимущество перед другими формами сосуществования цивилизаций, поскольку способствует как самоидентификации национальных культур, то есть сохранению их этнических особенностей, так и симфонизации культур, их содружеству, взаимному обогащению, взаимовлиянию и соразвитию⁶.

На базе идей нового российского евразийства разработан комплекс ведущих научных понятий, главными из которых выступают понятия: новоевразийской поликультурной образовательной парадигмы; новоевразийского поликультурного образовательного пространства; нового международного поликультурного образовательного региона Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций КНР; специалиста по международному и межкультурному взаимодействию; личности новоевразийского

типа и т.д. Определены теоретико-методологические основы языкового поликультурного образования, разработаны концепция высшего языкового востоковедческого образования, определяющая его теоретико-аксиологические основы, цель и принципы, а также эффективная модель высшего языкового востоковедческого образования, нацеленная на формирование поликультурной личности новозразийского типа.

Названная составляющая научного направления реализуется в сотрудничестве с китайскими коллегами путем организации и проведения целого ряда международных и всероссийских научно-практических конференций, на которых обсуждаются полученные результаты.

Традиционной для направления является конференция «Лингвистическое образование в контексте XXI века», которая проводится с 2006 г. Конференция ставит цели решения теоретических и практических вопросов лингвистического образования, разработки путей решения лингводидактических и методических проблем обучения русскому и китайскому языкам как иностранным, а также другим иностранным языкам, активизации сотрудничества между преподавателями иностранных языков высших учебных заведений разных стран и обмена практическим опытом преподавания иностранных языков и культурологических дисциплин. Тематика конференции включает:

– организационно-педагогические аспекты преподавания иностранных языков в ВУЗе;

– актуальные проблемы современных лингвистических учений;

– язык, коммуникации и общественные связи;

– язык и культуру.

Ежегодно в ней принимают участие ученые-лингвисты, преподаватели-практики, аспиранты и студенты ведущих вузов России и Китая. В 2010 г. конференция проводилась в Институте г. Маньчжурия Университета Внутренней Монголии в рамках международной научной конференции «Россия—Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке». Участники рассмотрели образовательное сотрудничество России и Китая в контексте формирования нового международного поликультурного образовательного региона Сибири и Дальнего Востока РФ и Северо-Восточных провинций КНР; выработали ряд практических решений, способствующих повышению качества языкового образования на приграничных территориях. Сборники материалов конференции «Лингвистическое образование в контексте XXI века» издаются ежегодно.

Кроме того, вторая составляющая научного направления активно реализуется в участии в традиционной секции «Межкультурный диалог через лингвистическое образование» главной конференции Читинского госуниверситета «Кулагинские чтения»; традиционных международных конференциях «Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества» (Дальневосточный государственный технический университет), «Язык и культура» (Томский государственный университет); международной научно-практической конференции «Россия и Китай III тысячелетия: диалог в сфере культуры и образования» (Далаянь, КНР, сентябрь 2009 г.); международной научной конференции по проблемам обучения и распространения китайского языка и культуры в России (Цзилиньский университет, г. Чаньчунь (КНР), март 2010 г.); I конференции для русских и китайских преподавателей по методике преподавания китайского языка как иностранного для русскоговорящих граждан (Цзилиньский институт русского языка, г. Чанчунь (КНР), июнь 2010 г.).

Традиционной для всего направления становится электронная конференция «Соизучение языков и культур. Лингвистическое образование в вузе», которая проводится на сайте Российской Академии естествознания. В период проведения конференции участники имеют возможность длительного научно-профессионального общения в Интернет-пространстве по различным темам, касающимся проблем соизучения китайского

языка и культуры. Так, участниками конференции 2009 г. были рассмотрены вопросы духовной и материальной культуры Китая в аспекте традиционных религий и культурно-этнических доминант, находящихся отражение как в семейном укладе китайской нации, традициях имянаречения, особенностях чайной церемонии и традиционных видах декоративно-прикладного искусства Китая, так и в коммуникативных нормах поведения китайской языковой личности и в иероглифическом письме.

По данной составляющей научного направления опубликовано более 40 научных статей в российских журналах и зарубежных изданиях, 3 монографии, 9 учебных пособий. В соавторстве с китайскими коллегами издано учебное пособие «Разговорный китайский язык»⁷, которое получило рекомендательный гриф Учебно-методического объединения вузов РФ по образованию в области международных отношений МГИМО(У) МИД РФ для специальностей «Международные отношения» и «Связи с общественностью», а также было отмечено как лучшее вузовское издание в номинации «Языкознание и литературоведение» на втором дальневосточном региональном конкурсе на лучшее вузовское издание «Университетская книга — 2009».

Наряду с решением вопросов высшего языкового востоковедческого образования совместно с Даляньским университетом иностранных языков активно разрабатывается направление «Дидактические основы обучения китайских слушателей русскому языку и культуре».

Научно-исследовательская деятельность студентов на этом направлении представлена рядом языковых и межкультурных коммуникативных исследований. Составляется словарь неологизмов современного китайского языка, активно разрабатывается тема «Изучение российской и китайской языковых личностей: сравнительный анализ». В рамках проведенного исследования студентами опубликовано семь научных статей, выигран грант ЧитГУ, который выполнен в полном объеме в 2009 г.

Результаты научных исследований в названных областях используются в вузовском учебном процессе в образовательных программах, предусматривающих изучение китайского языка («Международные отношения», «Связи с общественностью» и др.), в работе Центра по обучению слушателей китайскому и русскому языкам, а также другим иностранным языкам. В сотрудничестве с Российским университетом дружбы народов осуществляется тестирование слушателей курсов по русскому языку как иностранному с выдачей сертификата государственного образца, а с вузами КНР — тестирование NSK, языковые стажировки студентов и преподавателей в китайских вузах. Полученные результаты исследований также востребованы в работе административных органов Забайкальского края, Забайкальской региональной общественной организации Общества российско-китайской дружбы (ЗРОО ОРКД), заинтересованных служб и подразделений.

ЗРОО ОРКД при содействии Маньчжурского народного общества дружбы с заграницей оказывает помощь в организации исследований и стажировок в различных городах и вузах Китая. Студенты и преподаватели выезжают при посредничестве общества в различные вузы КНР для проведения полевых исследований, прохождения языковых и профессиональных стажировок, курсов повышения квалификации. ЗРОО ОРКД оказывает содействие в организации и проведении научно-практических конференций на территории КНР и РФ.

В связи с пятилетием научного направления его коллектив выражает глубокую благодарность сотрудникам ИДВ РАН, РУДН, МГИМО(У): академику М.Л. Титаренко, профессорам А.В. Островскому, А.В. Виноградову, Д.А. Смирнову, Н.Е. Боровской, Е.С.

Баженовой, Т.М. Балыхиной, А.Ф. Кондрашевскому, а также ректору ЧитГУ профессору Ю.Н. Резнику и сотрудникам университета, при активной поддержке и помощи которых оно развивается.

© 2010

*Т. Гурулева, кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой международных информационных связей
Читинского государственного университета;*

*А. Макаров, доктор юридических наук, профессор,
директор Юридического института
Читинского государственного университета*

1. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 394.
2. *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. 656 с.
3. Российско-китайские отношения неизменно носят характер стратегического партнерства. 23 сент. 2009 г., Нью-Йорк. — <http://www.kremlin.ru/news/5545>.
4. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985. 451 с.
5. См., например: *Гурулева Т.Л., Макаров А.В.* Китай в системе региональной безопасности Северо-Восточной Азии. Чита, 2009. 136 с.
6. *Титаренко М.Л.* Указ. соч. С. 85.
7. *Дегтярева Н.В., Лоскутникова Н.Л., Гурулева Т.Л., Цой Кунь.* Современный мир в китайском языке: учеб. пособие. Чита, 2008.

XVIII конференция Европейской ассоциации китаеведения

XVIII конференция Европейской ассоциации китаеведения, которая в соответствии с ее уставом проводится раз в два года, состоялась 14–18 июля 2010 г. в одном из самых авторитетных высших учебных заведений Балтии — Латвийском государственном университете (г. Рига), основанном в 1919 г. Этот научный форум был организован молодыми учеными Латвии, Литвы и Эстонии под руководством Правления ЕАК при финансовой поддержке Фонда Цзян Цзинго. В конференции приняли участие свыше 250 специалистов-синологов Европы, США, КНР и Тайваня, в том числе делегация российских китаеведов из ИДВ РАН в составе В.Я. Портякова, Д.А. Смирнова, Н.Е. Боровской, С.А. Горбуновой.

На открытии конференции выступили ректор Латвийского государственного университета А.Марцис, президент ЕАК Б. Штайгер, президент фонда Цзян Цзинго проф. Юнь Ханьчу и председатель оргкомитета конференции Ф. Краусхар. XVIII конференция ЕАК проходила в дружественной атмосфере под девизом «Culture is a Crowded Bridge». Раскрывая его смысл, все перечисленные ораторы были едины в том, что «мост» — символ взаимопонимания между странами, между Европой и Китаем, ЕАК это тоже мост в расширяющихся контактах между китаеведами различных стран.

Развивая идею о том, что конференция в Риге может стать мостом между Западом и Востоком в изучении синологии, директор Санкт-Петербургского Института восточных рукописей И.Ф. Попова в своем содержательном докладе проанализировала малоизученную историю становления и развития синологии в Балтийском регионе с XVII в. до наших дней.

Сразу после торжественного открытия конференции согласно сложившейся традиции прошел заключительный этап конкурса молодых ученых. Собранным было представлено три доклада: А. Боермель (Кембридж) «Пожилые люди, пространство и общество в Пекине», Л. Патернико (Университет Сапиенса, Рим, Италия) «Грамматика китайского языка Мартино Мартини (1614–1661 г.)», Л. Схин (Университет Лейдена, Нидерланды) «Место действия в рассказах о Шанхае», сопровождавшихся прекрасными презентациями. Первое место было присуждено серьезному источниковедческому исследованию Л. Патернико. Осуществив многолетний научный поиск списков и печатных вариантов грамматики китайского языка Мартино Мартини в различных библиотеках Европы, в том числе в Российской государственной библиотеке, исследователь пришла к выводу, что этот труд XVII в. был первой наглядной грамматикой китайского языка.

Работа конференции проходила в 17 секциях. Их участники продемонстрировали широкий спектр мнений по различным проблемам Китая с древности до наших дней, а темы многочисленных подсекций (как оказалось, не всегда оправданно дробных) зачастую становились своеобразными «мостиками» между различными китаеведческими дисциплинами: философией, религией, литературой, лингвистикой, историей, археологией, географией, экономикой, политикой, международными отношениями и правом.

В секции «Философия и религия», заседаниями которой поочередно руководили преподаватель Латвийского университета А. Балтгалве, профессор М. Рихтер (Университет Колорадо, США), Б. Дессейн (Университет Генга, Бельгия), преобладали доклады, посвященные скрупулезному источниковедческому анализу в основном буддийских ис-

точных, в том числе эпиграфических. А. Хэрман (Университет Гента, Бельгия) выступила с докладом «Практика оральной гигиены. Путешествуя по шелковому пути». В соответствии с научным проектом, она осуществила сравнительное изучение дисциплинарных правил Винаи-питаки для буддийских монахов на основе оригинальных источников на пали и санскрите и их переводах на китайский язык с использованием данных о раскопках в Дуньхуане. Она сделала вывод, что приход буддизма в Китай ознаменовался не только привнесением новых религиозных концепций и структур, но и новых буддийских практик и предметов монашеского обихода. Т. Висслер, также из университета Гента, где в последнее десятилетие сформировалась серьезная буддологическая школа, остановился на изучении содержания отчетов о финансовой деятельности буддийских храмов, выбитых на каменных стелах XVIII в. В процессе презентации на экране демонстрировались тексты различных памятников эпиграфики, найденные в Китае. В результате их анализа Т. Висслер пришел к выводу, что эти стелы, называвшиеся стелами доверия, если их рассматривать в контексте взаимоотношений местных властей с религиозными структурами, являются необходимым источником при изучении различных периодов истории китайских религий.

«Мостик» между религиозной традицией и современностью перекинула С. Горбунова в докладе «Буддийский монастырь как оазис духовной культуры в китайском мегаполисе», проанализировав заявленную тему на примере буддийских монастырей Пекина — мегаполиса, население которого превышает 17,5 млн чел. Она подчеркнула, что буддийские монастыри, на протяжении веков являвшиеся центрами традиционной духовной культуры, для тысяч современных горожан остаются центрами спасения от напора массовой культуры. В то же время монастыри стоят перед сложной дилеммой балансирования между экономической и религиозной деятельностью. Им необходимо также решить проблему неформальной адаптации этой религии к условиям новой городской культуры, не потеряв при этом своего главного назначения.

Большое внимание в работе конференции было уделено современному Китаю. Секция «Международные отношения» оказалась самой представительной по числу докладов, касающихся современной проблематики, подтвердив тенденцию заметного роста внимания исследователей к деятельности КНР на международной арене. Работой подсекции «Теоретическое осмысление политики современного Китая» руководил В. Портяков (ИДВ РАН).

Пять из восьми заслушанных докладов были посвящены общим глобальным аспектам внешнеполитического курса КНР. Доклад Д. Мержеевского (Университет Лодзи, Польша) был посвящен дискуссиям китайских политологов о необходимости создания в стране собственной теории международных отношений. Цинь Яцин (Университет Цинхуа) подчеркнул, что аргументы в пользу такого шага заключаются в необходимости для КНР «иметь амбиции, развивать дух самостоятельности исследований». Ван Инвэй (Фуданьский университет) указал на возможность сказать свое слово, опираясь на тысячелетние традиции конфуцианской морали. Тема была продолжена в докладе Т. Наараярви (Университет Хельсинки, Финляндия), в котором были охарактеризованы современные китайские концепции международных отношений как страдающие недостаточной теоретической глубиной, чрезмерной политизированностью и сохраняющимися идеологическими ограничениями. В. Портяков (ИДВ РАН, Россия) остановился на проблемах становления Китая как ответственной глобальной державы, которая, по его мнению, «ориентируется на поступательное наращивание своей международной ответственности в целях улучшения образа страны в глазах мировой общественности и укрепления ее региональных и глобальных позиций. Одновременно Пекин четко дает понять, что он намерен выстраивать этот процесс собственным темпом, строго соизмеряя бремя принимаемой на себя ответственности со своими возможностями и интересами».

С. Беллигори (Институт европейских исследований, Бельгия) предприняла попытку осветить влияние отношения в Европе и США к подъему Китая на формирование

глобальной безопасности. Ситуация во многом определяется двойственным подходом Европы и США к Пекину: он рассматривается и как партнер, и как конкурент. При этом в ряде случаев активность Китая способствует росту недоверия к нему. В данном контексте действия Пекина в Африке были охарактеризованы как «звонок, заставляющий США проснуться». Координации подходов США, Европы и Китая к обеспечению глобальной безопасности в известной мере мешают различия во внешнеполитической «повестке дня» этих центров силы: Пекин привержен прагматической дипломатии, США — идеологическим ориентирам, а Европа — соблюдению общих норм и стандартов.

Среди региональных аспектов внешней политики КНР наибольшее внимание привлекло африканское направление. К. Мендес (Университет Коимбра, Португалия) детально осветила деятельность и значение Форума Макао, созданного в 2003 г. в составе КНР, Португалии, Бразилии, Восточного Тимора, Мозамбика, Анголы, Кабо-Верде, Гвинеи-Бисау; Республика Сан-Томе и Принсипи, сохраняющая дипломатические отношения с Тайванем, является наблюдателем.

Я. Юра (Школа торговли и права, Польша) попытался отчасти объяснить успехи Китая в Африке использованием «традиционных схем многовековой имперской политики древнего Китая». По его мнению, она повсеместно носит однотипный характер: за «мягкой силой», выдвигаемой на передний план, он неизбежно прячет «твердую силу».

А. Шкрудунас (Университет Каунаса, Литва) поделился с участниками конференции соображениями о возможности стратегического союза КНР и исламских государств Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока на антизападной основе.

К. Юнгблат (университет Гейдельберга, Германия) посвятил свой доклад переосмыслению тенденций привлечения прямых иностранных инвестиций и экспорта капитала самим Китаем. Была предпринята попытка более тесно увязать эти процессы со знаковыми событиями в политическом курсе страны (поездка Дэн Сяопина на юг, азиатский финансовый кризис, вступление в ВТО и т.д.).

На секции «Современная экономика и общество», подсекцией которой «Реформы в Китае в конце XX века» руководил Д. Смирнов (ИДВ РАН), выступили М. Карпов (Институт стран Азии и Африки, Россия), Д. Смирнов, Чэн Ивэнь (Университет Лейдена, Нидерланды), Чэнь Тайчан (Университет Оксфорда, Великобритания). М. Карпов сконцентрировался на специфике внедрения рыночных начал в экономику КНР в условиях сохранения политической монополии КПК. Доклад Д. Смирнова был посвящен основным моментам теории социализма с китайской спецификой Дэн Сяопина и ее эволюции на рубеже XX—XXI вв. Чэн Ивэнь осветил развитие отношений между крестьянским хозяйством, государством и бизнесом в КНР в период реформ на примере контрактов с крестьянами на выращивание табака. Чэнь Тайчан проанализировал вопрос о взаимосвязи традиционной внутрисемейной поддержки престарелых родственников и формирующейся пенсионной системы, а также ее влияние на традиционные семейные устои в КНР.

В программу конференции не была включена секция по проблемам образования, несмотря на ее крайнюю актуальность, и прозвучало всего три доклада по этой тематике. Среди них — презентация Х. Фролиха (Свободный университет Берлина, Германия) «Образование как общественно-полезный продукт» на секции «Новая история» (первая половина XX в.). Автор сконцентрировался на деятельности различных провинций КНР по стимулированию развития образования на рубеже XIX—XX вв.

С большим интересом было заслушано выступление Н. Боровской (ИДВ РАН) «Некоторые уроки сопоставления содержания обучения в конфуцианском Китае и православной Руси (Древность и раннее Средневековье)» на подсекции «Культурные связи через образование». Тема доклада находилась на стыке двух дисциплин — сравнительной педагогики и истории. Автор рассматривала содержание обучения как отражение процесса становления государственного аппарата при создании и укреплении первых централизованных государств — империй Хань и Тан (II в. до н.э. — X в. н.э.) на территории Китая, а с другой стороны — Киевской Руси и Московии (IX—XVI вв. н.э.). Пред-

ставив в презентации сопоставительные таблицы содержания обучения на этих этапах. Н. Боревская продемонстрировала, что обучение в Китае при империях Хань и Тан было намного разнообразней и насыщенной: был достигнут баланс между нравственным совершенствованием и усвоением знаний по ряду дисциплин (включая математику, медицину, юриспруденцию и пр.), в то время как формальное обучение на Руси существовало только на низшем уровне и ограничивалось религиозным воспитанием. Сравнения позволили докладчику сделать несколько выводов: 1) о роли собственной классической культуры как фундамента развития образования; 2) о том, в какой степени укрепление государственного аппарата в первых централизованных государствах определяло потребности в развитии образования.

В рамках работы конференции прошел «круглый стол», который инициировала и работой которого руководила Б. Штайгер (Германия). Он был посвящен состоянию синологических библиотек Европы в контексте создания единой базы электронных ресурсов. Два основных докладчика Д. Хэлливэл (Библиотека Бодлейна, Оксфорд) и М. Каун (Библиотека Берлина) осветили проблемы координации усилий различных синологических библиотек Европы в условиях сокращения финансирования, а также приобретения и оцифровки новых публикаций в странах Восточной Европы, сложности доступа к электронным источникам и специальным коллекциям. Д. Хэлливэл отметил, что перевод книг в цифровую версию — трудоемкая и достаточно дорогостоящая работа, которая должна вестись в соответствии с профинансированными проектами, в том числе международными. В качестве примера он привел библиотеку Кембриджа, в которой такой деятельностью занимаются 80 человек. В процессе оживленной дискуссии о положении синологических библиотек различных стран Европы, в которой приняли участие Р. Грэтрэ (Швеция), М. Бастид-Брюгьер (Франция), О. Ломова (Чехия), М. Сайе (Словения), был поставлен вопрос о формировании общей платформы для обсуждения проблемы перевода библиотечных фондов в электронный вид и создания соответствующих структур, а также о том, может ли Берлин стать центром для реализации этой задачи. В выступлении С. Горбуновой была дана характеристика фондов Синологической библиотеки РАН с точки зрения важности их включения в сферу общеевропейской базы доступного книжного обмена и будущего сотрудничества.

Работа конференции сопровождалась экспозицией последних синологических изданий на китайском языке, организованной Национальной библиотекой Тайваня. Часть из них была передана в дар библиотеке Латвийского государственного университета.

Тезисы докладов, характеризующих современное состояние европейской синологии и представленных участниками конференции на английском языке, были размещены на сайте и опубликованы до проведения конференции.

Конференция завершилась проведением Ассамблеи ЕАК, на которой были заслушаны отчеты Президента Б. Штайгер (Германия) и казначея М. Рихтера, а также прошли выборы Президента и Правления ЕАК. Президентом ЕАК стал профессор университета Лунда (Швеция) Р. Грэтрэ. В Правление ЕАК вновь вошла С. Горбунова. Очередная XIX конференция ЕАК состоится в Университете Дидро (Париж, Франция) в 2012 г., а юбилейная XX конференция 2014 г. — в Университете г. Коимбра (Португалия).

О научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения»

8 апреля 2010 г. в Институте Дальнего Востока РАН в рамках мероприятий, проводимых в Российской Федерации по случаю 60-летия установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Вьетнамом, состоялась научно-практическая конференция «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения». Ее организаторами выступили Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, Институт практического востоковедения, а также центральное правление Общества российско-вьетнамской дружбы. В конференции приняли участие около 50 научных работников, аспирантов и студентов российских исследовательских и учебных центров. Ее работу освещали представители средств массовой информации обеих стран.

С приветственным словом к участникам форума обратились директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л. Титаренко, советник-посланник Посольства СРВ в России Фам Тхи Бить Нгок (жен.) и председатель Общества российско-вьетнамской дружбы профессор В.П. Буянов. Они с удовлетворением отметили, что в последние годы наблюдается устойчивое развитие и углубление отношений стратегического партнерства между Россией и Вьетнамом. Интенсивный характер приобрел доверительный диалог между политическим руководством двух стран. Расширяется сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической областях, в сфере обороны и безопасности. Крепнут связи в области образования, культуры, туризма. Заметно активизировались контакты между парламентами, общественно-политическими организациями, средствами массовой информации двух стран.

Развитие этих положительных тенденций, подчеркнул академик М.Л. Титаренко, требует постоянной «эвристической, творческой подпитки» со стороны ученых. Поэтому проведение научных конференций вьетнамоведов должно войти в регулярную практику. Он поблагодарил представителей научных центров, откликнувшихся на приглашение принять участие в конференции, и призвал высказывать свои идеи и предложения, направленные на повышение качественных характеристик вьетнамоведения, совершенствование научного сопровождения всего комплекса отношений между Россией и Вьетнамом, подготовку новой плеяды вьетнамоведов.

Открывая работу секции «Современный Вьетнам», руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН к.и.н. Е.В. Кобелев дал анализ состояния исследований, посвященных истории и современному этапу российско-вьетнамских отношений, внутренней и внешней политике Вьетнама. Он отметил, что в отношении борьбы вьетнамского народа за национальную независимость и социальное освобождение, роли «советского фактора» в достижении вьетнамскими патриотами победы в борьбе против агрессоров, за воссоединение родины сфабриковано немало вымыслов. Задача российских ученых совместно с вьетнамскими коллегами, состоит в том, чтобы, опираясь на архивные документы, материалы, воспоминания участников и очевидцев вьетнамской войны, создать целостную, правдивую картину событий того времени.

С развитием этого тезиса выступил к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Юго-Восточной Азии Института востоковедения РАН А.А. Соколов. Отметив особый вклад первого президента независимого Вьетнама Хо Ши Мина в становление советско-вьетнамских отношений, он сказал, что изучение советских архивов начала 1950-х гг. проливает новый свет на сам процесс установления советско-вьетнамских отношений, на ту роль, которую в нем сыграл Хо Ши Мин.

Актуальные проблемы российско-вьетнамских отношений на современном этапе были обозначены в выступлении старшего научного сотрудника Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН А.С. Воронина. Основной вывод доклада сводился к тезису о том, что кризис, характерный для отношений двух стран в 1990-е гг., остался в прошлом. Нынешняя модель отношений — стратегическое партнерство — в целом адекватна реалиям современности. Она отвечает национальным целям России и Вьетнама, интересам мира, безопасности и развития в ЮВА и АТР. Вместе с тем динамично растущий потенциал обеих стран, требования национальных модернизационных проектов сформировали предпосылки для многократного роста взаимовыгодного сотрудничества на базе дальнейшего обновления его содержания, форм и методов, в том числе в сфере экономики.

Своего коллегу поддержал ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН к.э.н. В.М. Мазырин. Он всесторонне проанализировал состояние российско-вьетнамских отношений в торгово-экономической сфере. В 2009 г. товарооборот РФ и СРВ впервые за все годы сотрудничества превысил 1.8 млрд долл. Однако объемы и качественные показатели взаимной торговли пока еще существенно отстают от масштабов сотрудничества в политической и других сферах. Не отвечают они и возросшему экономическому потенциалу двух государств. В целях роста экономических связей предстоит преодолеть узость номенклатуры взаимопоставляемых товаров, увеличить удельный вес в товарообороте изделий с высоким уровнем добавленной стоимости, энергично расширять масштабы инвестиционного сотрудничества, в том числе в инновационной сфере.

Участники конференции с большим интересом выслушали выступление председателя Приморского краевого общества российско-вьетнамской дружбы, профессора ДГУ А.Я. Соколовского, который информировал об опыте работы краевого общества дружбы по развитию российско-вьетнамского межрегионального сотрудничества, о состоянии и проблемах вьетнамоведения на Дальнем Востоке, о подготовке вьетнамоведов в вузах Владивостока.

В ходе дискуссии участники конференции подчеркивали, что в предстоящий период все большее внимание в работе ученых должно уделяться изучению «человеческого фактора». В этом контексте была затронута миграционная проблематика. Было отмечено, что стороны располагают возможностями существенно расширить взаимодействие в сфере образовательной миграции, теснее увязав ее с решением стратегических задач, стоящих перед нашими странами. Со специальным сообщением о состоянии сотрудничества между Россией и Вьетнамом в сфере регулирования миграции выступил к.э.н., соискатель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН Н.Г. Кузнецов. Он проследил долгосрочные тенденции российско-вьетнамских миграционных потоков, подчеркнул роль государственных органов в устранении допущенных в этом процессе ошибок, в дальнейшем совершенствовании законодательной базы по защите прав мигрантов, созданию обстановки, которая исключала бы случаи проявления шовинизма и экстремизма на национальной основе.

Ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН к.и.н. Г.М. Локшин призвал участников конференции при изучении российско-вьетнамских отношений внимательнее учитывать особенности внутриполитической ситуации во Вьетнаме, глубокий отпечаток на которую накладывает разворачивающаяся в СРВ подготовка к XII съезду правящей компартии Вьетнама. Съезд, отметил он, приобретает особое значение в связи со сменой поколений во вьетнамском руководстве. На нем предполагается принять программу социально-экономического развития СРВ до 2020 г. В той

или иной форме эти факторы не могут не оказывать влияния на характер и интенсивность российско-вьетнамских отношений.

По мнению доцента кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки МГУ к.и.н О.В. Новаковой, в целях корректной оценки политической стратегии СРВ целесообразно также учитывать особенности социальной психологии политического класса страны, переживающей в последние годы «рenessанс» нравов и обычаев традиционного, в том числе монархического Вьетнама.

Секция «Традиционный Вьетнам» открылась серией докладов, посвященных филологическим проблемам. Доцент Института практического востоковедения Е.И. Тюменева поделилась наблюдениями по поводу различия систем частей речи во вьетнамском и европейских языках. Она высказала свои соображения по поводу учета этого фактора при переводе произведений вьетнамских авторов на русский язык и при разработке учебных программ вьетнамского языка.

Доклад доцента ИСАА МГУ Т.Н. Филимоновой был посвящен истории появления во Вьетнаме в начале прошлого века под влиянием западной культуры нового для литературы этой страны жанра — романа. Свообразие этого процесса было показано на примере романа Хоанг Нгок Тхатя «То Там», в котором новые и ранее неизвестные вьетнамской традиции формы парадоксальным образом выражали привычные неоконфуцианские идеи.

Преподаватель ИСАА МГУ М.А. Сюннерберг поделился опытом коллективной работы по составлению русско-вьетнамского словаря терминов по общественным наукам. Его предложения по одновременному включению в тексты словарных статей поясняющей части на русском языке, посвященной каждому конкретному термину, вызвали оживленную дискуссию.

Историческую часть секции «Традиционный Вьетнам» открыл доклад выпускника аспирантуры ИДВ РАН И.В. Усова, который на основе архивных документов, в том числе материалов VI конгресса Коминтерна, рассказал об идейных взглядах и политической деятельности вьетнамских коммунистов в период, предшествующий созданию Коммунистической партии Индокитая.

Выступление ведущего научного сотрудника ИДВ РАН А.Л. Федорина было посвящено продолжению дискуссии о степени формальной и реальной независимости Вьетнама от Сунской империи в конце X — начале XI вв. с привлечением новых, ранее не упоминаемых сведений как из вьетнамских, так и из китайских источников. Докладчик сделал вывод, что специфические взаимоотношения между двумя странами как независимыми государствами, одно из которых (Вьетнам), тем не менее, признавало верховенство второго (Китай), продолжали существовать вплоть до конца XIX в.

Работу секции завершил доклад патриарха российского вьетнамоведения профессора МГУ Д.В. Деопика, в котором он поделился первыми результатами исследования древней письменности, возникшей у насельников низовий р. Янцзы задолго до появления культуры предков ханьцев.

Участники конференции дали высокую оценку ее содержанию и итогам. Они высказались в пользу того, чтобы сделать такого рода научно-практические конференции вьетнамоведов ежегодными, традиционными, причем желательно с участием в них представителей как можно большего числа российских вьетнамоведческих научно-исследовательских и учебных центров.

О Седьмой международной конференции Общества по изучению зарубежных китайцев.

Китайская диаспора — крупнейшая в мире. История ее формирования насчитывает не одно десятилетие, а то и столетие. Этот феномен привлекает к себе внимание не только Китая и этнических китайцев, но и широкого международного научного сообщества. Поэтому нет ничего удивительного, что в 1992 г. было создано Международное общество по изучению зарубежных китайцев (International Society for the Study of Chinese Overseas, сокращенно ISSCO). С этого времени обществом проводятся регулярные конференции — раз в три года общие, а почти ежегодно — региональные. С 7 по 9 мая 2010 г. в течение трех дней в стенах Наньянского технологического университета Сингапура знатокам и специалистам по изучению китайской диаспоры была предоставлена уникальная возможность ознакомиться с историей и настоящим состоянием диаспоры, выступить с докладами, услышать новые интересные мнения, ознакомиться с современными взглядами на проблему. Официальная тема Седьмой конференции ISSCO — «Миграция, локализация и обмены: зарубежные китайцы в глобальной перспективе».

Повсеместные проявления процесса глобализации оказывают большое влияние на китайскую диаспору, что требует постоянного осмысления процессов миграции, адаптации и ассимиляции, взаимоотношений диаспоры с принимающими странами и с Китаем. Вот об этих явлениях и говорили участники конференции, высказывая различные, порой и противоположные точки зрения.

Одним из аспектов конференции стало рассмотрение истории формирования и особенности китайских диаспор в различных странах. Например, Сюзанна Бурска (Польша) отметила зарождающийся характер китайских сообществ в Польше, появление первого Чай-на-тауна, непростые взаимоотношения с другими этническими группами, прежде всего, с вьетнамцами, различные формы организации работы и досуга диаспоры. Польское общество в целом положительно относится к азиатским рабочим, однако, в стране не хватает опыта работы по интеграции иностранцев, по выработке иммиграционного законодательства. Стоит отметить существование на сегодняшний день на территории Польши четырех институтов Конфуция, двух Ассоциаций зарубежных китайцев, выпускающих свои газеты на китайском языке.

Большой интерес вызвал и доклад профессора В.Я. Портякова о китайских тор-

говцах в России.

Укрепляются не только экономические и торговые связи. Лю Хун (Великобритания) подчеркнул, что в странах АСЕАН насчитывается уже 18 Институтов Конфуция и более 14-ти классов Конфуция. Более 34 тыс. студентов из этих стран проходили в 2009 г. обучение в КНР. А около 90% торговли между Филиппинами и Китаем ведется через китайскую диаспору. Алисон Маршалл (Канада) представила исторический очерк о небольшом сообществе китайских мигрантов в Канаде в западной Манитобе, в конце XIX — начале XX века. Это была группа мигрантов, состоявшая исключительно из мужчин и создавшая свою особенную повседневную религию. Этот культ представлял собой своеобразный симбиоз христианской религии, поклонения руководителям Гоминьдана и элементов конфуцианства. По утверждению А. Маршалл, до сих пор можно увидеть людей, кланяющихся перед алтарем-портретом Сунь Ятсена.

Профессор Лео Сурьядината (Индонезия) представил точку зрения двух известных специалистов — Вильяма Скиннера и Эдгара Викберга по вопросам интеграции китайцев в страны Юго-Восточной Азии, их взаимодействия с этнонациями стран региона. Скиннер писал, что в отличие от Явы, например, в Таиланде китайские иммигранты успешно ассимилировались и становились тайцами в третьем поколении. Но китайцы-перанаканцы¹ существовали как отдельная, промежуточная группа и в Малайзии, и в Индонезии и были «слишком китайцами, чтобы стать малайцами или индонезийцами, но слишком малайцами и индонезийцами, чтобы называться китайцами». Данная точка зрения была выдвинута в период «холодной войны», во время стойкой антипатии ко всему китайскому (как к коммунистической угрозе), когда нормой было монокультурное общество. Однако в современных условиях глобализации и проведения политики мультикультурализма эта позиция существования промежуточной группы может быть подвергнута критике.

Неизменный интерес вызывает вопрос самооценки и достижений в учебе среди этнических китайцев. Как отметила Гулбахар Бэкет, профессор университета Цинцинатти (штат Огайо), китайские родители оказывают довольно сильное психологическое давление на детей, призывая их к большим достижениям, чем у их неазиатских одноклассников. На вопрос детей о причине таких завышенных тре-

бованиях родители отвечают: «ты же китаянка, ты можешь это сделать!» (You can do it!). Был приведен пример юмористической картинки в местном журнале, где мальчик азиатского происхождения говорит отцу, что получил 99,9% по одному из самых сложных предметов, на что возмущенный родитель отвечает: «А где остальные 0,1%?». Общее мнение большинства выступавших на тему индентичности зарубежных китайцев, соотношения их «китайскости» и приобретенных «туземных», местных черт можно выразить в тезисе о том, что некоторое «выпячивание» «китайскости» связано, помимо прочих факторов, с небывалым подъемом Китая (Вэй Ли — Аризона, США) и с проведенным властями КНР политикой поощрения реэмиграции и возвращения студентов и специалистов (возможность карьерного роста, высокий социальный статус и прочие значительные материальные привилегии). Можно сделать вывод о том, что первое поколение китайских мигрантов было привязано к своим корням (*ло-е зуй-гэнь*), второе свою «китайскость» отрицало (пускало свои корни на новом месте *ло-е шэнь-гэнь*), третье же снова хочет узнать родину предков, многие едут учиться путунхуа в КНР и на Тайвань, активно отмечают китайские традиционные праздники. Можно сказать, что эти люди несут в себе «два мира», такую особую двойную идентичность (“split identities”, “hybridized identities”), которая ведет к духовному и культурному обогащению.

Активное взаимодействие КНР с африканскими странами и, как следствие этого, увеличение потока трудовых ресурсов из КНР, не может не привлекать внимания. Ван Линчжи (США) выделяет несколько направлений, по которым ведется сотрудничество: привлечение китайских специалистов в инженерные проекты, строительство, дизайн, консалтинг. Только в 2007 г. стоимость инженерных проектов составила около 29 млрд долл. Докладчик подчеркнул, что на высшем дипломатическом уровне имидж КНР очень высок, и это заметно отличается от восприятия обычных людей в ряде стран Африки и Южной Америки. Причина заключается в распространяющихся через масс-медиа этнических предрассудках, с одной стороны, и с другой стороны, в неумении новых китайских мигрантов вести себя уважительно и корректно, что также не способствует

хорошим дружеским отношениям на бытовом уровне. Предлагается проводить курсы по подготовке к интеграции в местное общество и общению с местными жителями в связи с огромной разностью культур (подобные курсы уже есть в Австралии).

КНР на данной конференции представляли ученые из ведущих институтов, исследующих проблемы зарубежных китайцев: Университета хуацяо (г. Сямэнь), Цзинаньского университета (г. Гуанчжоу), Академии общественных наук Китая (Пекин) и др. Актуальную на сегодняшний день тему реэмиграции, реализации прав этой группы населения затронул Лю Гофу (Пекинский технологический университет). Политика в отношении реэмигрантов и их родственников строится на основе «Закона КНР о защите прав реэмигрантов и их родственников» (*«Чжунхуа Жэньминь Гунхэго зуйцзяо цюэцзюань цюаньши баоху фа»*), в котором репатрианты и их родственники выделены в особую группу населения. Четко прослеживаются три направления этой политики: охранительная, политика привлечения инвестиций и научно-технических кадров (включая студентов, вернувшихся после обучения из-за рубежа). Однако на современном этапе политика трансформируется из охраняющей в поощряющую, и упор уже делается на привлечение талантов и высококвалифицированных выпускников западных вузов. Реэмигранты должны ассимилироваться, вливаться в местное китайское общество. Судя по докладам, складывается такое понятие как «гибкое гражданство» («flexible citizenship», когда зарубежные китайцы вследствие интенсификации коммерческих отношений с партнерами из КНР проводят большую часть времени в Китае, приобретают там недвижимость, перевозят свои семьи, устраивают детей в местные вузы для изучения путунхуа и китайской культуры. Это явление получило название «челночного образа жизни» (shuttle lifestyle).

Китайцы за рубежом стремятся сохранить свое наследие, передать культуру и язык потомкам. Хочется отметить прекрасную библиотеку имени Ван Гуньгу в Центре китайского наследия (Chinese Heritage Centre) в Сингапуре, Ассоциацию Ихэсюань, в честь основателя которой Чэнь Цзягэна в 2008 г. в г. Сямэнь был открыт мемориальный музей.

© 2010

А. Сергеева,
аспирантка ИСАА при МГУ имени М.В. Ломоносова

1. Китайцы-перанаканцы (Peranakan Chinese) — потомки китайцев в Индонезии, Сингапуре и Малайзии, как правило, породнившиеся с местным населением, но ориентированные на китайскую культуру.

Рецензии

Дипломатия глобальных изменений климата и политика Китая* [Шицзе цихоу вайцзяо хэ Чжунго дэ индуй]. Пекин: Шиши чубаньшэ. 2009. 362 с.

Рецензируемая монография подготовлена группой ведущих китайских специалистов по проблемам глобальных климатических изменений — ученых, дипломатов, сотрудников госструктур — на основе материалов конференции «Ход переговоров об изменении климата и развитие низкоуглеродной экономики в Китае», проведенной 23 декабря 2008 г. Шанхайской академией международных проблем и Всемирным фондом дикой природы. Руководителем авторского коллектива и ответственным редактором работы выступил глава вышеназванной академии профессор Ян Цземьянь.

Непосредственной задачей участников конференции явился анализ хода переговоров об изменении климата на конференциях ООН в Бали (декабрь 2007 г.) и Познани (декабрь 2008 г.)¹ и выработка на этой основе рекомендаций относительно оптимальной позиции Китая на «пост-Киотский период», то есть после 2012 г. Дело в том, что в соответствии с Киотским протоколом КНР, как и другие развивающиеся страны, была на период 2008–2012 гг. освобождена от обязательств по сокращению выбросов парниковых газов в отличие от большинства развитых стран, взявших на себя конкретные обязательства. При этом Китай является полноправным участником «киотского процесса»: 29 мая 1998 г. КНР подписала Киотский протокол, а 30 августа 2002 г. постоянный представитель КНР при ООН передал генсеку организации документы о ратификации Пекином данного документа (С. 52). Однако, поскольку Китай выступает, наряду с США, одним из двух крупнейших в мире эмитентов парниковых газов (по данным рецензируемой монографии, на 2007 г. он был на втором месте по выбросам двуокиси углерода и на первом по остальным пяти, т.е. метану, гидрофторуглеродам, перфторуглеродам, закиси азо-

та и гекса-фториду серы), то на встречах в Бали и Познани на китайскую сторону было оказано беспрецедентное давление с целью заставить ее взять на себя конкретные количественные обязательства по сокращению выбросов. В целом же переговоры в Бали и Познани были призваны заложить основу для окончательного согласования на встрече в Копенгагене в декабре 2009 г. позиций и обязательств всех сторон Киотского протокола на период после 2012 г. Существо и особенностям процесса переговоров по проблемам глобальных климатических изменений и посвящен первый раздел монографии.

Во втором разделе предпринята попытка показать органическую связь позиции Китая по проблеме изменений климата с особенностями его энергетической стратегии, задачами обеспечения устойчивого развития страны на длительную перспективу и императивом массового освоения низкоуглеродных технологий.

С учетом рассмотрения в книге таких сопряженных с основной темой сюжетов, как сотрудничество Китая с Японией и США в противодействии климатическим изменениям, «климатические издержки» наращивания китайского экспорта после вступления страны в ВТО, влияние мирового финансового кризиса и избрания Б. Обамы президентом США на глобальные переговоры по климату, можно утверждать, что работа Ян Цземьяня и его коллег стала одним из первых исследований китайских ученых, комплексно и достаточно глубоко отражающих видение в Китае политико-экономических аспектов проблемы глобальных изменений климата и места страны в борьбе на «климатическом фронте».

Судя по монографии, китайская дипломатия видит свою основную задачу на кли-

* Подготовлено при содействии РГНФ. Проект № 09–03–00048а/р.

матическом направлении в том, чтобы добиться близкого к оптимальному баланса между соблюдением национальных интересов страны, прежде всего обеспечением ее права на динамичное долгосрочное развитие, и выполнением обязательств КНР по противодействию глобальному потеплению, связанных как с ее статусом «ответственной глобальной державы», так и с реальным положением одного из ведущих мировых эмитентов парниковых газов.

Пока, похоже, приоритет все же отдается интересам развития. Как утверждается в монографии, «переговоры о противодействии изменениям климата внешне выглядят как переговоры о сокращении выбросов парниковых газов в определенный период, однако более глубокий аспект проблемы затрагивает конкурентоспособность различных государств в обновлении своей энергетики и проблему пространства для экономического развития» (С. 10). Соответственно, констатируется, что выдвижение в любой форме целей глобального сокращения парниковых газов «будет ограничивать пространство для эмиссии таких газов Китаем и тем самым оказывать воздействие на процесс его модернизации» (С. 140).

С другой стороны, в монографии отмечается, что изменения климата будут оказывать влияние на мир в течение десятилетий и даже столетий, в связи с чем декларируется необходимость для Китая изменить подход, когда в стратегии чрезмерное внимание уделяется энергетической безопасности и недостаточное — проблемам изменения климата и охраны окружающей среды. Предлагается в дальнейшем ввести вопросы климатической и экологической безопасности в общий каркас долгосрочной стратегии развития и обеспечения государственной безопасности (С. 9). В данном контексте констатируется, что «в интересах собственного и мирового устойчивого развития Китай может и должен внести определенный вклад в защиту глобальной климатической системы» (С. 56).

В целом, как утверждается в монографии, Китай с начала 1990-х гг. постепенно добился баланса между эмиссией парниковых газов, неизбежно сопровождающих процесс экономического развития, и своими обязательствами как ответственной глобальной державы по противодействию глобальному потеплению. Об этом, например, свидетельствуют оценки Международного энергетического агентства, согласно которым удельная эмиссия двуокиси углерода при сжигании углеводородного топлива, расходуемого на создание ВВП, снизи-

лась в КНР с 5,47 кг/долл. США в 1990 г. до 2,76 кг в 2004 г., т.е. на 49,5%, тогда как в мире она снизилась в среднем лишь на 12,6%, а в странах—членах ОЭСР — на 16,1% (с. 141–142).

На протяжении ряда лет китайская позиция на переговорах по глобальным изменениям климата состояла в том, чтобы максимально оттянуть по времени принятие Китаем конкретных количественных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов. Этот подход, сходный, как утверждается в монографии, с политикой США, базировался на четком понимании того обстоятельства, что чем более ранним будет принятие обязательств, тем большее влияние оно окажет на развитие страны (С. 205–206). Давление на КНР международного сообщества по данному вопросу с середины нынешнего десятилетия нарастало, и на встрече в Познани ЕС потребовал от крупнейших развивающихся стран, в число которых входят Китай и Индия, снижения выбросов парниковых газов на 15–30% (С. 28). В этой ситуации китайская наука и дипломатия начали активно продвигать принцип «общей, но дифференцированной ответственности», зафиксированный еще в Рамочной конвенции ООН об изменении климата, стремясь таким образом найти аргументы в пользу минимизации возможного объема конкретных обязательств Китая в противодействии глобальному потеплению, раз уж их принятие становилось неизбежным.

Наибольшие надежды в этом плане Китай возлагал на понятие «исторически накопленных объемов выбросов парниковых газов». Лидерами здесь являются развитые страны, которые, дескать, и должны нести на длительную перспективу основное бремя снижения выбросов парниковых газов. На первый взгляд, такой подход выглядит рациональным: по оценке китайских ученых, среднедушевые накопленные выбросы двуокиси углерода в стране за период 1850–2004 гг. составили 68,9 т — около половины среднемирового уровня, 92-е место в мире. Однако уже обращение к абсолютному объему исторически накопленных выбросов кардинально меняет ситуацию: доля Китая за тот же период составила 13,8% от общемирового показателя, и это второе место в мире (С. 251) (здесь явно сказывается многонаселенность страны и долговременное доминирование угля в ее энергетическом балансе). Остается открытым и вопрос, почему предпочтению отдается историческому фактору, а не географическому — совершенно очевидно, что жизнь в се-

верных странах поддерживается за счет более высокой эмиссии двуокси углерода, чем в южных. В любом случае гипотетические исторические «недоработки» Китая в эмиссии парниковых газов перекрываются его явной «переработкой» в этом плане в последние годы, когда на страну приходилось 40% и более общемировых выбросов. С показателем в 4,3 т эмиссии углекислого газа на человека в год Китай уже перекрыл среднемировой уровень в 4,2 т (С. 241–242).

Пожалуй, одним из немногих действительно сильных «козырей» Китая является тезис о том, что с превращением страны в «мировую фабрику» туда из развитых стран вместе с переносом производства широкой гаммы продукции была перенесена и существенная часть выбросов парниковых газов. На наш взгляд, с этим аргументом действительно можно работать, но это требует убедительной методики расчетов.

Авторы монографии неоднократно выражали сомнения в успехе климатических переговоров в Копенгагене, прежде всего в связи с негативным воздействием мирового финансового кризиса. Как известно, эти опасения во многом подтвердились. Хотя участие в ключительной фазе Копенгагенской встречи премьеры Госсовета КНР Вэнь Цзябао содействовало выработке краткого официального коммюнике конференции, однако вопросы принятия основными эмитентами парниковых газов конкретных обязательств по сокращению их

выбросов на период после 2012 г. окончательно утрясены не были. Еще одна попытка договориться будет предпринята в декабре 2010 г. в мексиканском городе Канкун.

Что касается Китая, то он был вынужден, что называется «перейти Рубикон», взяв на себя 26 ноября 2009 г., т.е. накануне открытия климатических переговоров в Копенгагене, обязательство сократить к 2020 г. удельную эмиссию парниковых газов в расчете на единицу произведенного ВВП на 40–45% к уровню 2005 г. Судя по всему, это обстоятельство окажется дополнительным стимулом развития в стране низкоуглеродных технологий и смены типа экономического роста с экстенсивного на интенсивный.

Проблема же изменения климата, судя по погодным аномалиям 2010 г., не перестанет напоминать о себе. По мнению японского ученого Норичика Канне, именно вокруг этой проблемы будет в конечном счете выстраиваться международный порядок в нынешнем столетии². Даже если это некоторое преувеличение, «климатическая дипломатия» лидеров глобальной экономики, включая вышедший летом 2010 г. на вторую позицию в мире Китай, будет привлекать все большее внимание международного сообщества. И монография профессора Ян Цземяня и его коллег служит хорошим источником для уяснения аргументации и особенностей позиции Китая по проблеме глобальных изменений климата.

© 2010

В. Портяков
д.э.н., профессор

1. За последние полтора десятилетия в мире сформировалась разветвленная система международных переговоров по изменению климата. С 1995 г. ведут отсчет Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата (подписана в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, вступила в силу в 1994 г.). В ноябре 2005 г. «стартовала» ежегодная Конференция сторон Киотского протокола, официально вступившего в силу 16 февраля 2005 г. Конференция ООН в декабре 2007 г. в Бали охватила сразу несколько мероприятий: 13-ю Конференцию сторон Рамочной конвенции, 3-ю Конференцию сторон Киотского протокола и ряд других переговоров в более узких форматах. В Познани, соответственно, состоялась 14-я Конференция сторон Рамочной конвенции и т.д.
2. *Norichika Kanie. Green Growth and A New World Order // Global Asia. Seoul. 2010. Vol. 4. № 4. P. 13.*

Ткаченко Б.И. Курильская проблема: история, право, политика и экономика. Владивосток: Изд-во Морского гос. ун-та, 2009. 312 с.

Монография профессора-консультанта Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского Б.И. Ткаченко крайне важна и актуальна для анализа современных российско-японских отношений по так называемой «Курильской проблеме», порожденной претензиями Японии на пересмотр итогов Второй мировой войны. Работа представляет собой комплексное исследование исторических, правовых, политических и экономических аспектов данной проблемы.

Автор обратился к проблеме «территориального спора» в период резкой активизации японских правящих кругов в обосновании своих территориальных претензий к России. Они рассчитывают уже в нынешний период добиться передачи Японии российских Южно-Курильских островов. В июне—июле 2009 г. японский парламент предпринял в этом отношении практические шаги, приняв закон о принадлежности Южно-Курильских островов Японии со всеми вытекающими из этого последствиями.

Следует иметь в виду, что в данном случае мы имеем дело с притязаниями на территорию Российской Федерации и угрозой национальной безопасности России в международной сфере, к которым относится возможная утрата части российской территории, морских экономических владений вокруг них с богатейшими биоресурсами и запасами нефти, газа и железомарганцевых конкреций на морском дне.

В связи с этим объектом исследования Б.И. Ткаченко явились российско-японские взаимоотношения по территориально-пограничной проблеме в новейшее время с анализом исторической и политико-правовой доказательной базы территориального размежевания между двумя странами. Теоретической основой исследования явилась концепция национальной безопасности и национальных интересов России во взаимосвязи с нормами международного права и на базе оценок эффективности внешнеполитических мероприятий российского МИДа.

Существует значительный пласт научной и научно-публицистической литературы по российско-японской территориальной проблеме, в которой представлены различные точки зрения. Как отмечает автор, большинство

исследователей, в особенности это касается японских, делали упор на

исторический аспект освоения «спорных» территорий (Курильские острова и о. Сахалин) представителями обоих государств, заостряя внимание на том, кто и когда побывал на этих территориях, какие материальные памятники оба народа там оставили.

Такой подход в равной степени может быть использован как российской, так и японской стороной. Исторический подход выигрышен для Японии, правящие круги которой в своих территориальных притязаниях к России вырывают из исторического контекста любой факт или документ и оперируют им как непреложной истиной.

В настоящее время для обоснования своих притязаний японские авторы берут за основу Симодский трактат 1855 г., по которому все Южно-Курильские острова отошли к Японии. В равной степени они способны взять за основу Санкт-Петербургский договор 1875 г., согласно которому острова Курильской гряды севернее острова Итуруп отошли к Японии в обмен на отказ от совместного владения островом Сахалин. Портсмутский мирный договор 1905 г., по которому Япония получила Южный Сахалин, также упоминается в японских исследованиях как аргумент, подтверждающий японские притязания на дальневосточные территории.

Иными словами, в будущем территориальная проблема может возникнуть вновь, даже при условии выполнения Россией нынешних японских требований. В связи с этим Б.И. Ткаченко сделал прогноз о возможном давлении на Россию по всему периметру ее границ на Западе, Юге и Востоке под предлогом приоритетности «исторических фактов». Кроме того, автор убедительно показал, что историко-графический подход к решению территориальной проблемы методологически ущербен, поскольку не позволяет ее решить в той плоскости, в которой и в связи с чем она возникла.

Для разрешения территориальной проблемы, выдвинутой Японией, Б.И. Ткаченко предложил и обосновал политико-правовой подход, который нашел отражение в рецензируемой монографии, состоящей из шести глав, объединенных в двух разделах, а также прило-

жения.

В первом разделе рассмотрены историко-правовые аспекты «Курильской проблемы». В четырех главах этого раздела проанализирована история формирования российско-японской границы в XVIII—XX вв. (С. 19–36), рассмотрена правовая основа передачи Курильских островов Советскому Союзу в результате итогов Второй мировой войны (С. 37–67). Особое внимание уделено анализу международно-правовых и политических вопросов территориальной проблемы во второй половине XX в., а также последним событиям российско-японских отношений по так называемой «Курильской проблеме» (С. 94–123).

Во втором разделе рассмотрено экономико-стратегическое значение Южно-Курильского субрегиона на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (С. 124–164). В двух главах раздела дана оценка геополитических, оборонных и экономических аспектов «Курильской проблемы» для национальной безопасности России. В приложении к монографии публикуются 84 текста договоров, соглашений, заявлений и других правовых документов по территориально-пограничному размежеванию России и Японии (С. 174–309).

Необходимо подчеркнуть, что рецензируемое исследование носит комплексный характер, представляя собой органический синтез исторических, политологических и международно-правовых аспектов изучаемой проблемы. В ходе исследования Б.И. Ткаченко акцентировал внимание на юридической неправомерности японских претензий на российские дальневосточные территории. Он также отметил существенные просчеты отечественной дипломатической службы на переговорах по заключению мирного договора с Японией.

В работе представлена комплексная оценка экономико-стратегической значимости Южно-Курильского субрегиона для России, включая оценку его природных, биологических и минерально-сырьевых ресурсов, имеющих огромное значение для обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Б.И. Ткаченко подчеркивает колоссальное стратегическое, военное и экономическое значение этих островов для национальной безопасности России. Он провел математический расчет вероятных убытков Российской Федерации в случае утраты Южно-Курильских островов с учетом стоимости суши, имеющих возобновляемых запасов морских биоресурсов, а также прогнозных запасов нефти, газа, железомарганцевых конкреций на шельфе. По

самым общим оценкам автора, природные ресурсы Южно-Курильского субрегиона, даже без оценки стоимости территории островов и полезных ископаемых континентального шельфа, составляют не менее 2,5 трлн долл. США (С. 155). В работе подчеркивается, что по мере истощения мировых сырьевых запасов эта цифра может возрасти.

В результате выполненного исследования автор пришел к ряду практических выводов и предложил рекомендации, позволяющие избежать повторения ранее сделанных ошибок. По мнению Б.И. Ткаченко, «Курильская проблема» восходит к ошибочному решению политического руководства СССР и лично Н.С. Хрущева о передаче Японии островов Малой Курильской гряды после заключения мирного договора между СССР и Японией (С. 81, 91). Согласно международно-правовым документам союзных держав периода Второй мировой войны и в первые послевоенные годы (Каирская декларация 1943 г., Ялтинское соглашение, Потсдамская декларация, Акт о капитуляции Японии 1945 г. и Сан-Францисский мирный договор 1951 г.), утраченные права СССР (России) на Южный Сахалин и Курильские острова были восстановлены. Иными словами, имела место реституция, что полностью согласуется с современными нормами международного права (Устав ООН, Венская конвенция о праве междунаrodnых договоров). Заявление советского руководства о возможности передачи Японии части Южно-Курильских островов (Малой Курильской гряды) противоречило интересам национальной безопасности нашей страны как во второй половине 1950-х гг., так и в последующий период.

В процессе ратификации Совместной советско-японской Декларации 1956 г. в том, что касается части второй ст. 9, были нарушены нормы внутреннего законодательства особо важного значения — Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г., поскольку предварительно не было получено согласие РСФСР на изменение (уменьшение) ее территории. Следовательно, ратификация Декларации 1956 г. в части второй ст. 9 является юридически ничтожной, что с международно-правовой точки зрения (ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров) является основанием для признания недействительности ратификации этого документа для РСФСР (С. 89–91).

Кроме того, часть вторая ст. 9 вступила в противоречие с международно-правовыми документами — Потсдамской дек-

ларацией и Сан-Францисским мирным договором 1951 г. К тому же Япония сама в одностороннем порядке нарушила эту советско-японскую Декларацию путем заключения в 1960 г. расширенного Договора безопасности, направленного, в том числе и против Дальнего Востока СССР. Затем в 1960 г. в процессе обмена памятными записками и в последующие годы японское правительство выдвинуло в отношении СССР территориальные претензии на так называемые «Северные территории», под которыми в Японии понимают не только Южные Курилы, но и Северные Курилы и даже Южный Сахалин. В международно-правовом плане меморандум правительства Японии правительству СССР от 5 февраля 1960 г. означает, что тем самым Япония первая официально денонсировала часть вторую ст. 9 Совместной советско-японской Декларации 1956 г., относящуюся к территориальным изменениям.

Продолжая выдвигать дополнительные территориальные претензии на острова Кунашир и Итуруп, Япония продолжает удерживать ст. 9 указанной Декларации в состоянии денонсации (С. 86–89). Автор сделал ссылку на ст. 44, 60 и 62 Венской конвенции относительно статуса международных договоров. Указанные статьи Венской конвенции предусматривают возможность прекращения договора или приостановление его действия в целом или в части вследствие нарушения одним из участников, а также вследствие коренного изменения обстоятельств, которые произошли в отношении факторов, существовавших при заключении договора, и в силу отделимости части второй ст. 9 Совместной советско-японской Декларации 1956 г. от остальной части договора.

Б.И. Ткаченко обращает пристальное внимание на геополитическую, демографическую и экономическую ситуацию в районе островов Малой Курильской гряды, которая коренным образом изменилась за последние шесть десятилетий. На островах выросли и проживают несколько поколений российских граждан, что свидетельствует об эффективном освоении этой территории. Обещание советского руководства передать эти острова Японии в порядке акта доброй воли было дано в конкретной геополитической ситуации середины 1950-х гг., исходившей из стремления в исторических условиях того периода убрать американские военные базы с острова Окинава и в расчете на скорейшее заключение мирного договора. Однако эти надежды и расчеты не оправдались: военный союз Японии с США был расширен на антисоветской основе. Следова-

тельно, мирный договор не был заключен по вине японской стороны. Соответственно отпали и условия для выполнения части второй ст. 9 Совместной советско-японской Декларации 1956 г.

В 1990-е гг. в результате смены политического строя в СССР и образования Российской Федерации, ставшей самостоятельным субъектом международных отношений, российское руководство начало проводить новый курс решения двусторонних международных проблем преимущественно за счет необоснованных уступок в сфере геополитических, военных и экономических интересов России. Этот подход непосредственно отразился на проблеме заключения мирного договора с Японией и решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи.

Начало этому процессу положил М. Горбачев, впервые в отечественной истории зафиксировав в советско-японском заявлении от 18 апреля 1991 г. «проблему территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп» во взаимосвязи с «вопросом, касающимся разработки и заключения мирного договора между Японией и СССР», что означало выход за рамки Совместной советско-японской Декларации 1956 г., в которой острова Итуруп и Кунашир вообще не упоминались (С. 96–99).

Начиная с 1990-х гг. Япония проводила политику навязывания дискуссии о «Курильской проблеме» в ходе двусторонних встреч на высшем уровне. Руководство СССР в периоды нахождения у власти Н. Хрущева и М. Горбачева, а также политические лидеры России в период президентства Б. Ельцина, вступив в дискуссии с японской стороной о «Курильской проблеме», сами способствовали созданию напряженной ситуации на российско-японской границе в районе Южно-Курильских островов.

Б.И. Ткаченко подчеркивает, что «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» носит долгосрочный характер и предусматривает обеспечение суверенитета, территориальной целостности России, ее военной, экономической безопасности и безопасности ее пограничного пространства. Притязания Японии на территорию Сахалинской области — субъекта Российской Федерации — относятся к угрозам национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере применительно к ее территориальной, военной, экономической и погра-

ничной составляющей (С. 160–161).

В ходе исследования автор пришел к выводу, что отказ Российской Федерации от Южно-Курильских островов способен породить международные проблемы, которые неизбежно усугубят ослабление политического, военного и экономического потенциала России в современном мире. Слом ялтинско-потсдамской системы приведет к реанимации и активизации территориальных претензий к России по всему периметру ее границ, в том числе и в европейской части страны. В целом это может привести к ситуации международной нестабильности и пересмотру других послевоенных границ в Европе и на Дальнем Востоке. В частности, как убедительно показал автор, участниками Сан-Францисского мирного договора в силу ст. 25 и 26 может быть поставлена под вопрос правовая принадлежность центральной и северной частей Курильского архипелага, а также Южного Сахалина. В соответствии со ст. 22 этого договора может быть задействован механизм консультаций для решения возникшего спора, касающегося интерпретации или выполнения этого договора Японией, которая не имеет права распоряжаться территориями, от которых она отказалась в силу ст. 2 этого договора. Этот спор может быть урегулирован путем передачи в специальный трибунал по претензиям или другими согласованными средствами, в частности путем созыва международной конференции участников Сан-Францисского мирного договора (49 государств-участников). Кроме того этот спор может быть передан для решения Международному Суду ООН.

Как известно, в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН от 15 октября 1946 г. и в силу ст. 22 Сан-Францисского мирного договора Япония согласилась с общей декларацией о принятии без специального соглашения юрисдикции Суда вообще в отношении всех споров, имеющих характер, указанный в этой статье. Таким образом, государственная принадлежность Курильских островов и Южного Сахалина России может быть оспорена и стать предметом международного юридического разбирательства в случае даже частичной уступки японским территориальным требованиям (С. 119–122). Кроме всего прочего, отказ Российской Федерации от Южно-Курильских островов приведет к внутренним проблемам в самой России — резко ухудшится морально-психологическая обстановка в российском обществе.

Все вышесказанное говорит о том, что продолжение переговоров между Россией и

Японией (1991–2008 гг.) по достижению соглашения о мирном договоре и «решению Курильской проблемы» путем передачи Японии части российской территории, крайне неблагоприятно для российской стороны. В ходе переговоров Япония преследует цель удовлетворения собственных территориальных притязаний, а не заключение мирного договора как такового. По мнению автора, достижение соглашения о заключении мирного договора вне контекста о передаче Японии упомянутых российских территорий нереально, а дальнейшее продолжение этих переговоров в этой связи бессмысленно (С. 123).

В ходе анализа документов Б.И. Ткаченко доказал, что на переговорах японская сторона планомерно отстаивает государственные интересы Японии. Это логично и естественно вытекает из идеологизированной внешней политики этого государства, то есть японская сторона ведет себя как национально ориентированный партнер. Следовательно, российские участники переговорного процесса должны отстаивать интересы собственного государства, используя в ходе переговоров юридические и политические слабости противной стороны. Отсутствие политической воли, способности гибко и творчески решать возникающие вопросы в государственных интересах, стремление достичь соглашения ценой территориальных уступок воспринимаются японскими партнерами как слабость и непрофессионализм.

В связи с этим заключение мирного договора России с Японией путем территориального компромисса не отвечает долгосрочным национальным геополитическим, экономическим и оборонным интересам России. Оно привело бы к очевидному ущербу российским интересам: в настоящее время — для рыболовства и добычи морепродуктов, а в будущем — для эксплуатации ресурсов морского шельфа и недр (С. 163).

Кроме того, автор полагает, что в данном случае России следует исходить из условий законности и справедливости решения территориального вопроса по итогам Второй мировой войны, закрепленных в соответствующих международных договорах и соглашениях. Продолжение переговоров по данной «проблеме» не отвечает национальным интересам России. Поэтому автор предлагает дополнить Конституцию Российской Федерации положением о неотторжимости территории России, недопустимости изъятия территории субъекта Федерации без согласия этого субъекта, поскольку

ст. 4 Конституции РФ носит в известной мере декларативный, а не нормативный характер — «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». В ранее действовавшей Конституции Российской Федерации 1978 г. это положение было зафиксировано четко и однозначно: «Территория Российской Федерации целостна и неотчуждаема» (ст. 70). «Территории края области не могут быть изменены без их согласия» (ст. 84⁹) (С. 164).

Б.И. Ткаченко считает разумным и отвечающим интересам Российской Федерации предусмотреть необходимые правовые и организационные меры в сфере обеспечения государственной целостности по недопущению пропаганды и практических действий, направленных на нарушение территориальной цело-

стности России любыми должностными лицами, государственными органами, политическими партиями, общественными и религиозными организациями, отдельными гражданами.

Монография Б.И. Ткаченко носит прикладной характер и практически ориентирована на повышение эффективности внешней политики на Дальнем Востоке, на решение проблем обеспечения экономической и военной безопасности как Дальнего Востока России, так и Российской Федерации в целом. Результаты комплексного исследования могут быть использованы для аналитической проработки региональных проблем Дальнего Востока России при принятии решений в области внешнеполитической деятельности и в дипломатической практике при заключении мирного договора России и Японии.

© 2010

*Л. В. Забровская,
кандидат исторических наук*

Собрание китайских ксилографических новогодних картин. Альбом картин «няньхуа», хранящихся в России / Под ред. Фэн Цицай; / Сост. Б.Л. Рифтин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, [Чжунго мубань няньхуа цзицэн: Элосы цаи пинь цзюань / Чжубянь Фэн Цицай. / Чжубянь Лифуцин. Чжунхуа шуцзюй,] 2009. 570 с.

Новогодние картины *няньхуа* — уникальное явление китайской культуры. Они и по сей день появляются в продаже в Китае в самых неожиданных местах. В нашей стране, если повезет, их можно встретить не только в антикварных и букинистических магазинах — их видели, например, в продаже и на Тишинском рынке по 800 рублей за штуку. В начале прошлого века их печатали в огромном количестве, и простые китайцы покупали сразу несколько штук по 5 фэней за лист. Рассматривая красочные картины, понимаешь, почему они были так популярны в народе. В отличие от русских лубков, китайские картины гораздо богаче — как по манере исполнения, так и по содержанию. Здесь можно встретить изображения многочисленных божеств, разного рода благопожелания, иллюстрации к театральным действиям (любимым зрелищам простых китайцев), эпизоды из литературных произведений и даже своеобразные агитплакаты в миниатюре на злобу дня. Нередко доброе пожелание передавалось через ребус, дающий работу воображению. Это свидетельствовало об особом вкусе и автора картинки, и покупателя, привитом в результате многовековой традиции. Каждый выбирал то, что грело его душу, демонстрируя окружающим сферу своего увлечения.

Китайские лубки оказали влияние и на русскую культуру. Пути проникновения двух культур проследил академик Б.Л. Рифтин в послесловии к книге "Собрание китайских ксилографических новогодних картин. Альбом картин, хранящихся в России", который в прошлом году был издан в Китае. Широко известно, что в XVIII — XIX вв. стены в домах бедняков в России украшались лубками. Когда Пушкин писал своего "Станционного смотрителя" и упомянул про висевшие на станции лубочные картинки, он едва ли подозревал, что на некоторых почтовых станциях могли висеть китайские лубки. Литератор П. Ефёвский (1810–1846) в опубликованном посмертно в 1846 г. очерке "Петербургские разносчики" писал о тогдашних офенях, которые по всей России торговали русскими лубками: "Вероятно, всякому

известно, что жители Владимирской губернии, уездов Вязниковского и Ковровского, занимаются большей частью разносчицкьей промышленностью... В Крыму и на Коле (Кольском полуострове), в Малороссии и на Камчатке, в Литве и Чукотской земле — везде вы встретите бесстрашного и неутомимого вязниковца... Если Вам случится ехать... и остановиться на Вязниковской станции, не поленитесь, пока меняют лошадей, войти в находящуюся при станции гостиницу и посмотреть на картины, украшающие ее стены. Извольте знать, что эти картины чисто китайской работы и привезены вязниковцами из Кяхты". "Следует пояснить, — отмечает Б.Л. Рифтин, — что Кяхта, находящаяся на границе, и рядом с ней уже на китайской территории Маймайчэн были в то время основными пунктами русско-китайской торговли. Как рассказал Ефёвскому старый офеня вязниковец, китайцы в Кяхте часто обманывали их. Отсюда можно сделать вывод, что офени покупали у китайцев лубочные картины и продавали их в России"¹.

Мода на подражание китайским лубкам (хотя это было не столько подражанием, сколько творческим использованием некоторых символов и приемов) возникла в России в начале XX в., когда в стране уже появились любители *няньхуа*, и прошло несколько выставок, на которых русские художники познакомились с китайскими лубками. В марте 1906 г. Н.Н. Колубушкин организовал в Москве выставку произведений китайского и японского искусства, предметов культа и обихода. На ней были представлены "вещи, собранные во время пребывания и путешествия в Китае и Японии, причем большая часть их экспонировалась в 1902 г. в Ханое, а в 1903 в Осаке. Из 1066 экспонатов 709 были китайскими; среди них шесть картин на бумаге, три картины — иллюстрации к волшебной сказке"². Вполне возможно, что среди них были и новогодние картины. Первая в мире выставка китайских новогодних картин была организована В.М. Алексеевым в Санкт-Петербурге в 1910 г. Второй по времени и первой в Москве стала выставка, организованная слуша-

телем архитектурного отделения Московского училища живописи, ваяния и зодчества Н.Д. Виноградовым, открытая в помещении училища. На ней был представлен 551 экспонат, в том числе китайские народные картины и другие китайские экспонаты общим числом 210³. Выставка, продолжавшаяся с 19 по 24 февраля 1913 г., вызвала живой интерес московской художественной интеллигенции. В нескольких картинах П.П. Кончаловского (1876–1956), И.И. Машкова (1881–1941), утверждавших живописный неопримитивизм (так они называли свое направление) и стремившихся воплотить в своем творчестве те же эстетические принципы, которые лежали в основе народного искусства, прослеживается влияние китайских новогодних лубков. Художница Н.С. Гончарова (1881–1962), творчеству которой присуща лубочная экспрессия и яркая декоративность образов, создает картину с изображением китайки с ребенком явно под влиянием китайского лубка. Причем на полу нарисованы китайские лубки, скорее всего театральные⁴.

Рецензируемая книга — еще один значимый факт взаимного обогащения двух культур. Эта книга издана в двадцатитомной серии “Собрание китайских ксилографических новогодних картин” (“Чжунго мубань няньхуа цзичэн”) под редакцией известного писателя Фэн Цицая (р. 1942). Восемнадцать томов отведены различным лубочным центрам Китая, а два — картинам, сохранившимся за рубежом: в России, где самые большие в мире собрания китайских лубков конца XIX — начала XX вв., и в Японии, где сохранились редкие картины XVIII в. Издано уже десять томов серии, остальные в работе. Появлению российского тома, в который вошли только картины, не сохранившиеся в Китае, китайские любители традиционного народного искусства обязаны российскому ученому-синологу, академику Б.Л. Рифтину.

Почти двадцать лет тому назад, в 1991 г., тогда еще в Советском Союзе был осуществлен удивительный проект: ленинградское издательство “Аврора” и пекинское “Народное искусство” совместно на русском и китайском языках издали альбом “Редкие китайские народные картины из советских собраний”. Хотя новогодние картинки были чрезвычайно популярны, в Китае их сохранилось не так уж много. Самая большая коллекция находится в Тяньцзине и составляет около тысячи экземпляров. А в нашей стране только в собрании Государственного Эрмитажа их насчитывается более трех тысяч. Поскольку каталогов китайских по-

вогодних картин не существует, чтобы определить редкие экземпляры, неизвестные в Китае, Б.Л. Рифтин пригласил к участию в составлении альбома лучшего знатока китайского лубка профессора Ван Шуцуня. Были просмотрены коллекции в музеях и библиотеках Ленинграда и Москвы, картины из Этнографического музея при историческом факультете Казанского университета, а также некоторые частные собрания. В результате кропотливой работы было отобрано 206 редких лубков, неизвестных в Китае, которые в качестве иллюстраций и вошли в альбом. Несмотря на довольно высокую (по тем временам) стоимость альбома и значительный тираж русского издания (8 тыс. экз.), он был распродан в течение одного месяца и считается библиографической редкостью.

Новый альбом картин, хранящихся в России, явился продолжением российско-китайских контактов в области культуры. Он появился во многом благодаря его составителю — Б.Л. Рифтину и известному китайскому писателю и художнику Фэн Цицаю, который одобрил его работу. Их встреча произошла в Тяньцзине в 1981 г., когда после долгого перерыва в отношениях между Россией и Китаем Б.Л. Рифтин впервые после “культурной революции” по приглашению китайской стороны посетил Китай. При встрече с Фэн Цицаем выяснилось, что у того было 19 *няньхуа*. С 2003 г. Фэн Цицай возглавил программу спасения национального наследия Китая, задача которой состоит в изучении и сохранении произведений народного творчества различных регионов страны, а также их записи на цифровые носители. Серия “Собрание китайских ксилографических новогодних картин” издается в рамках этой программы. Фэн Цицай организовал при Тяньцзиньском университете интересный музей народных картин.

История новогодних картин насчитывает почти тысячелетие. Ван Шуцунь считает, что *няньхуа* появились в XII в., в годы правления династии Южная Сун, когда войска киданей захватили северный Китай. Тогда часть гравюров и художников переехала вслед за императорским двором в новую столицу Линьань (современный Ханчжоу). К этому времени относятся письменные упоминания о первых новогодних картинах, напечатанных с помощью оттисков с деревянных досок. “На базаре и в лавках было полно всевозможных товаров, продавали изображения богов дверей, талисманы из персикового дерева, дощечки с картиной встречи весны. В лавках, где торговали бумажными иконами, печатали изображения Чжун

Куя, богов богатства, коней с повернутыми назад головами и тут же предлагали все это покупателям⁵. Самые ранние из дошедших до нас лубков созданы при династии Цзинь, когда Китай захватили чжурчжэни. В Россию они попали благодаря русскому географу и путешественнику, исследователю Центральной Азии П.К. Козлову (1863–1935), который в 1907–1909 гг. в южной части пустыни Гоби проводил раскопки засыпанного песком мертвого города Хара-Хото, одного из центров таугутской цивилизации. В 1909 г. П.К. Козлов привез в Петербург найденные книги и картины, и среди них три ранних *няньхуа*, и поныне хранящиеся в Государственном Эрмитаже⁶. Китайские лубки попадали в Россию самыми разными путями. В Этнографическом музее при историческом факультете Казанского университета хранится несколько десятков редких лубков, выполненных на темно-синем фоне. Подобных новогодних картин нет больше ни в нашей стране, ни в самом Китае. Привезли их в Казань санитары отряда Красного Креста, принимавшие участие в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Лубки эпох Юань (1279–1368) и Мин (1368–1644) практически не сохранились, если не считать нескольких экземпляров, находящихся в Китае, а вот эпоха Цин (1644–1911) считается периодом расцвета этого вида народного творчества.

Новогодние картины *няньхуа* прежде всего связаны с празднованием в Китае традиционного Нового года по лунному календарю или, как его еще называют, Праздника весны. Лубки создавались для самых широких народных масс города и деревни. “Все эти картины жили, как правило, один год — их никто не собирал и не хранил, как старинные свитки, вот почему их так мало в китайских музеях. Бедняки покупали их за несколько медяков перед Новым годом и наклеивали взамен старых в разных местах своего жилища: на воротах, дверях комнат, на стенах, особенно часто над теплой лежанкой — *каном*, занимающем на севере почти треть комнаты, на потолке, подле окон, на столбах, поддерживающих крышу, на шкафчиках и сундуках для одежды, буфетах для посуды”⁷.

Со временем лубки приобретали все более красочные формы и глубокое содержание. Как пишет в предисловии к альбому Фэн Цициай, “печатные новогодние картины являются величайшим наследием народного изобразительного искусства Китая. Благодаря длительной и сложной истории их развития, обширной географии этого народного творчества,

содержанию картин, где прослеживается вся глубина традиций встречи Нового года, а также таланту многих поколений создателей лубков, их можно считать высочайшим проявлением культуры Китая. Достигнув верха совершенства, они продолжают завораживать многочисленных поклонников”⁸. Если говорить о российских любителях *няньхуа*, то их новогодние лубки в первую очередь привлекают обилием культурологических составляющих, втиснутых в небольшие размеры картин. Какой бы ни был сюжет лубка, каждый китаец может увидеть в нем целую историю. Как правило, на самих лубках иероглифический текст довольно скуп: в то время в комментариях к картинам не было необходимости, поскольку покупателями в основном были люди неграмотные, но тем не менее, хорошо знакомые с представленными на картинах сюжетами. К сожалению, современному китайцу к новогодним картинам зачастую требуется подробный комментарий. Издание 1991 г. снабжено полным комментарием, потребовавшим от создателей больших усилий, но в рецензируемом альбоме, к сожалению, в силу ряда обстоятельств комментарий оказался весьма скудным.

Шесть разделов альбома посвящены различным городам или провинциям, где были произведены *няньхуа*. Первыми идут тяньцзинские лубки, затем шаньдунские, хубэйские, хэнаньские и шанхайские. В последнем разделе собраны новогодние картины, созданные в Пекине, а также в провинциях Шаньси, Сычуань, Хубэй, Фуцзянь, Гуандун и Цзянсу. Этот территориальный принцип вполне оправдан, потому что композиция лубков подчинялась цеховым правилам, которые в свою очередь различались в зависимости от места производства *няньхуа*. Внутри основных разделов лубки классифицированы по тематике. Вначале расположены *няньхуа*, изображающие различных божеств — в частности, столь любимого китайцами Чжун Куя (изображавшегося для устрашения нечистой силы) и охранителей дверей *мэньшэней*. Далее следуют театральные и литературные лубки, благожелательные лубки, лубки по случаю различных народных праздников и другие.

Первый раздел — самый представительный, в нем более 314 новогодних картин. Все они созданы в печатнях Янлюцина, что в двадцати километрах от Тяньцзиня. Лубки этой печати поражают обилием света и яркостью красок. Их можно отличить от лубков других провинций по особой цветовой гамме, придающей картине дух праздника и радости. Приме-

ром может стать лубок на сюжет народного предания о девушке-вонительнице “Хуа Мулань идет на войну” из коллекции Кунсткамеры (С. 57). Этот лубок отличается от других тем, что его обрамляет орнамент.

В разделе шаньдунских лубков в подразделе «Литературные *няньхуа*» привлекают внимание лубки с изображением восьми даосских бессмертных — *басянь*. На обеих картинах изображены святые, пьющие вино. Подобные лубки имели пожелание долголетия. В последнем разделе в числе божеств представлены лубки духов-охранителей дверей *мэньшэней*. Обычай наклеивать лубки с *мэньшэнями* был весьма распространен в Китае. В качестве охранителей обычно изображали полководцев, которые отгоняли от жилища нечистую силу. Иногда в роли духов-охранителей выступали прославившиеся чиновники. Особый интерес представляют театральные лубки. Например, лубок “В царстве Шато”, отпечатанный в Янлюцине, создан на основе пьесы по историческому роману “Повествование о падении династии Тан и эпохе Пяти династий”.

Составитель альбома сделал все, чтобы представить китайским любителям лубков те картины, что хранятся в России, и подробно описать историю собирательства *няньхуа* в нашей стране. Б.Л. Рифтин написал обширное послесловие к альбому и озаглавил его “Китайские лубки в России”. По содержанию и объему (в послесловии более 62 стр. текста с многочисленными фотографиями и иллюстрациями) это серьезное научное исследование. В нем подробным образом сообщается о китанстах, любителях китайской культуры и людях, далеких от изучения Китая, которые способствовали тому, что коллекции и отдельные экземпляры *няньхуа* составили российский фонд китайских лубков, насчитывающий около 6 тыс. экземпляров. Определенный интерес для китайских читателей представляют фотографии музеев, библиотек и других хранилищ, в фондах которых находятся китайские новогодние картинки. Эти фотографии показывают, что *няньхуа* хранятся по всей нашей огромной стране, начиная со столицы царской России Санкт-Петербурга, который с середины XIX в. был столицей российской синологии, и заканчивая Хабаровском и Комсомольском-на-Амуре. Академик Рифтин проделал грандиозную работу по созданию альбома, что свидетельствует о его научном подходе в сочетании с любовью к китайским новогодним лубкам и одержимостью коллекционера. Он и не скрывает своего увлечения: “Начиная составлять аль-

бом, я сам стал покупать старинные китайские лубки. Каждый раз, приезжая в Ленинград, я находил несколько лубков в букинистическом магазине на Невском проспекте. Лубки все время дорожали. Кроме этого, я искал людей, у которых были китайские народные картины. Так, у одного химика из Ленинградского университета, который собирал японские гравюры, оказалось 19 редких китайских лубков. Он купил их по случаю у одного человека, у которого было более 50 картин. Когда химик по моей просьбе позвонил ему и спросил про остальные, то оказалось, что их купил какой-то инженер из Таджикистана. Я просил моих ленинградских друзей навещать в букинистические и антикварные магазины и сообщать мне о появляющихся лубках. К сожалению, я не всегда успевал... Лубки попадались и в Москве”⁹.

Во многом выпуск данного альбома — дань памяти академику В.М. Алексееву (1881–1951), который был первым из многочисленных отечественных собирателей китайских новогодних лубков. Его коллекция, которую он начал собирать в 1906 г., приехав на стажировку в Китай, составила основу фондов китайских лубков Эрмитажа в Санкт-Петербурге. В.М. Алексеев не только на протяжении всей жизни пополнял свое собрание *няньхуа*, но и постоянно занимался изучением лубков и их популяризацией среди российских любителей народного искусства, мечтая об издании альбома *няньхуа*. Еще в 1909 г., возвращаясь со стажировки на родину, он случайно оказался в одном купе с В.Л. Комаровым (будущим академиком и президентом АН СССР), который в 1897 г. привез в Россию лубки из Маньчжурии. “Мы вместе с Комаровым, — вспоминал Алексеев, — стали строить планы по изданию огромного тома-альбома, вроде альбомов Ровинского (Ровинский в 1881 году издал огромный альбом русских народных картинок. — Б.Р.), и, вообще, дело нам казалось новым, увлекательным. Однако, когда я представил в Академию наук план этого издания, мне было сразу же сообщено, что это сплошная химера... Все мои планы рухнули”¹⁰.

Издание рецензируемой книги свидетельствует о том, насколько последовательно и планомерно Б.Л. Рифтин претворяет в жизнь замыслы своего учителя. Работой по собиранию лубков ученый занимается на протяжении почти полувека. Чтобы составить эту книгу, в поисках китайских лубков Б.Л. Рифтин побывал в разных городах России. Раньше сообщалось о лубках только в музеях Москвы и Ленинграда. Б.Л. Рифтину удалось познакомиться

с коллекциями китайских народных картин в Иркутске, Омске, Казани, Саратове, Новосибирске, Хабаровске и получить сведения об отдельных экземплярах лубков из Ростова-на-Дону, Челябинска, Комсомольска-на-Амуре и некоторых других городов. Следует выразить слова признательности работникам музеев и библиотек этих городов. Среди них — Этнографический музей при историческом факультете Казанского университета, Областной художественный музей Иркутска, Омский государственный историко-краеведческий музей и многие другие. Благода-

ря доброжелательности их сотрудников и помощи в поисках китайских новогодних картин рецензируемый альбом смог пополниться уникальными репродукциями. В альбом в основном были отобраны неизвестные ранее лубки.

Опубликованный в Китае альбом свидетельствует о том, что дело, начатое академиком В.М. Алексеевым, нашло продолжение и в России, и в Китае. Издание этой книги явилось еще одним важным вкладом в совместное дело укрепления культурных связей российского и китайского народов.

© 2010

*Н. Захарова, кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного лингвистического университета.*

1. Чжунго мубань няньхуа цзинчэн: Элосы цан пинь цзюань; / Чжубянь Фэн Цицай, Чжубянь Лифудин, Чжунхуа шуцзюй, 2009. Собрание китайских ксилографических новогодних картин: Альбом картин, хранящихся в России. Под ред. Фэн Цицай; Сост. Б.Л. Рифтин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. С. 444.
2. Там же. С. 469.
3. Там же. С. 469.
4. Там же. С. 467—468.
5. Ван Шуцунь. К истории китайской народной картины. // Редкие народные картины из советских собраний. / Сост. Б. Рифтин. Ван Шуцунь, Лю Юншань. Л., Пекин, 1991. С. 23.
6. Чжунго мубань няньхуа цзинчэн. / Чжубянь Фэн Цицай, Элосы цан пинь цзюань. / Чжубянь Лифудин, Чжунхуа шуцзюй, 2009. Собрание китайских ксилографических новогодних картин: Альбом картин, хранящихся в России. / Под ред. Фэн Цицай. / Сост. Б.Л. Рифтин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. С. 465.
7. Рифтин, Б.Л. О китайском лубке и его русских собирателях // Редкие народные картины из советских собраний. Л., Пекин, 1991. С. 12.
8. Чжунго мубань няньхуа цзинчэн. / Чжубянь Фэн Цицай, Элосы цан пинь цзюань. / Чжубянь Лифудин, Чжунхуа шуцзюй, 2009. Собрание китайских ксилографических новогодних картин: Альбом картин, хранящихся в России. / Под ред. Фэн Цицай. / Сост. Б.Л. Рифтин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. С. 5.
9. Там же. С. 470.
10. Там же. С. 471.

Contents

POLITICS

G. Toloraya. A New Cycle of the Korean Crisis (2008–2010): Implications for Russia and Perspectives for Overcoming the Deadlock

A. Basov. China as a New Space Power

ECONOMY

I. Troyekurova, K. Pelevina. Prospects for China's Energy Market

L. Zakharova. Formation of Inter-Korean Economic Relations in the Late 20th Century

M. Panchenko. The Economic Foundation of Strategic Partnership between Russia, India and China

RUSSIAN FAR EAST

A. Bardal. Transport Links between the Russian Far East and China: Current Status and Future Projects

G. Romanova. Russian Far East—Northeast China: Trade Links, Transit, Transport Communications (1920–1930s)

STATE AND SOCIETY

A. Afonasiyeva. On the Question of Attracting Qualified Personnel from Overseas Chinese to Work in the PRC

BY THE 65th ANNIVERSARY OF THE END OF WORLD WAR II

R. Mirovitskaya. The Soviet-Chinese Interaction on the Eve and at the First Phase of World War II (1937–1941)

V. Kuzminkov. The Current View on the Neutrality Pact between USSR and Japan

V. Gaikin. Japanese and Korean Settlers in Manchuko (1931–1945)

CULTURE

V. Kuznetsov. Russian Writers of XIX — Early XX Centuries about China

A. Ipatova. Russian Emigration in Shanghai: Russian Musicians and Russian Music (1920–1930s)

SCIENTIFIC EVENTS

T. Guruleva, A. Makarov. Formation and Development of New Linguistic Trends in the Context of Russian-Chinese Civilization Interactions

S. Gorbunova, V. Portyakov. XVIII Conference of the European Association for Chinese Studies

A. Voronin, A. Fedorin. Scientific and Practical Conference “Actual Problems of Vietnamese Studies in Russia”

A. Sergeeva. The Seventh International Conference of Society for the Study of Overseas Chinese

BOOK REVIEWS

V. Portyakov. Global Climate Change Diplomacy and China's Policy

L. Zabrovskaya. B. Tkachenko. Kuril Issue: History, Law, Politics and Economics

N. Zakharova. Collection of Chinese New Year Xylographic Paintings. Album Art “nianhua” Stored in Russia

Summary

G. Toloraya. A New Cycle of the Korean Crisis (2008–2010): Implications for Russia and Perspectives for Overcoming the Deadlock

North Korea today has become an object for geopolitical rivalry, first of all, between USA and China. Should DPRK disappear from the world map that would mean not only the revision of the World War II results, but a tangible success for USA in checking the growing Chinese expansionism. Russia should recognize the choice and decide — what is more desirable for it: a Korean unification on South Korean terms, a radical change in strategic and military balance on the Far East or a status-quo, implying the need to preserve North Korean statehood.

Russia should design its policy on the presumption of stable hereditary power transition in DPRK and has no choice but to maintain good relations with Pyongyang. However, it is necessary to stop North Korean nuclear and missile proliferation activity.

Key words: North Korea, nuclear problem of Korean Peninsula, Russia-Korean relations, Six-Party talks.

A. Basov. China as a New Space Power

The article analyzes the development of space industry in China at the present stage in terms of scientific and commercial interests of the country.

Key words: China, launch vehicles, satellites, space orbital station, the Moon exploration, the PLA Air Force, weapons.

I. Troyekurova, K. Pelevina. Prospects for China's Energy Market

The article noted that China has recently embarked on diversification of imports of oil and gas to provide a new perspective and reliable sources of energy supplies. China enters into agreements on cooperation in development or co-ownership of oil and gas fields with the countries located in different parts of the world. The projects related to oil and gas supplies from Russia to China are now also under consideration.

Key words: China, energy resources, diversification, cooperation, the projects of oil and gas supplies.

L. Zakharova. Formation of Inter-Korean Economic Relations in the Late 20th Century

Inter-Korean economic relations were established at the end of the 1980s. The author analyzes prerequisites, conditions, dynamics and features of this process in the late 20th century. In order to reach a new level of cooperation, North Korea and South Korea were to go through the period of 1990s — radical change in the geopolitical situation in the world, the new balance of power in the region, the first nuclear crisis, feeling out the ground for improving economic ties. The achieved results were the prelude to a substantial expansion of bilateral economic relations in the early 21st century.

Key words: Korean peninsula, DPRK, Republic of Korea, inter-Korean economic relations, "sunshine policy", inter-Korean trade.

M. Panchenko. The Economic Foundation of Strategic Partnership between Russia, India and China

The article is devoted to economic aspects of the "strategic triangle" of Russia, India and China. It is shown that despite the expansion of trade and economic cooperation between these countries, its foundation is not yet strong enough.

Key words: geopolitics, the international order, the strategic partnership, "strategic triangle RIC", economic cooperation.

A. Bardal. Transport Links between the Russian Far East and China: Current Status and Future Projects

The article discusses the problem of transport links between adjacent areas of Russia and China. The main elements of the infrastructure for the mutual transportation and routes are described. The structure of transported cargo and passenger traffic dynamics are analyzed. The mid-term projects in the field of transport cooperation between Russia and China are explored.

Key words: the Russian Far East, transport infrastructure, transportation between Russia and China, the Tumen project, bridges across the Amur.

G. Romanova. Russian Far East—Northeast China: Trade Links, Transit, Transport Communications (1920–1930s)

The article examines in detail the dynamics and characteristics of trade relations of the Russian Far East and Northeast China in 1920–1930s. Describing the role of transport communications in regional economic development, the author emphasizes the active use of historical experience in the process of expansion of economic relations between Russia and China. The international significance of the Vladivostok port is highly valued due to its transit opportunities in preparation for APEC Summit-2012.

Key words: a transport corridor "East — West", Trans-Siberian railway, Chinese Eastern railroad, Far East of Russia, Northeast China, Vladivostok, APEC Summit-2012.

A. Afonasiyeva. On the Question of Attracting Qualified Personnel from Overseas Chinese to Work in the PRC

The article discusses the measures taken by the PRC leadership to bring into China foreign scholars and skilled professionals of Chinese origin in order to reduce the deficit of skilled personnel on the labor market. The author identifies a number of problems faced by Chinese re-emigrants at home. The paper carries out a comparative analysis of Chinese and Russian experience in attracting labor from among the compatriots living abroad. The author concludes that the Chinese experience in this field is partly useful for Russia.

Key words: China, Russia, labor force, qualified and high-qualified personnel, overseas Chinese, re-emigrants.

R. Mirovitskaya. The Soviet-Chinese Interaction on the Eve and at the First Phase of World War II (1937–1941)

The author shows that the main factor, which influenced Soviet-Chinese relations in 1937–1941, was a war waged by Japan against China. Taking the decision to render a broad-scale military-technical, diplomatic, moral and political support to the Republic of China, the Soviet leadership took into account that the expansion of Japanese aggression in China would lead to further change in the regional balance of power and create a real threat to the security of the Soviet Union.

Key words: anti-Japanese war, state interests, strategic objectives, geopolitical solutions, domestic political stability in the Republic of China, treaties, pacts, Joseph Stalin, Chiang Kai-shek.

V. Kuzminkov. The Current View on the Neutrality Pact between USSR and Japan

The article discusses one of the most contentious issues of Soviet-Japanese relations — the issue of conclusion and denunciation of the Neutrality Pact. Much attention is paid to the analysis of facts and trends that have had a decisive influence on the content of the Neutrality Pact. Analyzing its denunciation, the author pays particular attention to the international

conditions and the international legal basis of documents that allowed the Soviet Union to abandon neutrality with Japan before the specified date.

Based on a comprehensive analysis of documents, the author expresses his original view on denunciation of the Neutrality Pact and the entry of the Soviet Union into the war against Japan.

Key words: aggressor, war, conference, Neutrality Pact, disagreement, obligations, USSR, USA, UN Charter, Kurils, South Sakhalin, Japan.

V. Gaikin. Japanese and Korean Settlers in Manchuko (1931–1945)

Throughout the existence of a puppet state Manchuko, Japan implemented the program of settlement Japanese and Korean agricultural colonists in Manchuria. Japanese settlements had military strategic significance. They were set up near the border with the Soviet Union and had become a mainstay of the Japanese military and political influence. Korean settlers did not enjoy the confidence as much as Japanese. Their settlements were designated to be the economic base of Japanese aggression.

Key words: Manchuko, Korean and Japanese immigrants, the colonial policy of Japan.

V. Kuznetsov. Russian Writers of XIX — Early XX Centuries about China

Since China's "opening" by Western Powers in the first half of the XIX century the number of Russian writers visiting China had grown significantly. Their publications in different editions allowed Russian readers to learn what is the life of the Chinese people.

Key words: China, Russian writers, the life of the Chinese population.

A. Ipatova. Russian Emigration in Shanghai: Russian Musicians and Russian Music (1920–1930s)

The article is devoted to the creative activities of Russian representatives of the music world, their role in the popularization of Russian music culture and choral singing in Shanghai, at the Chinese National Conservatory, contribution to the development of the Chinese and world music.

Key words: Russian emigration in Shanghai, Russian musicians, Russian music and choral singing, Chinese National Conservatory, Fyodor Shalyapin, Alexander Vertinskiy, Oleg Lundstrom.

Рахманин Олег Борисович
7.10.1924–5.8.2010

Российское востоковедение понесло тяжелую утрату. На 86-м году жизни скончался видный китаевед, крупный общественный деятель, ветеран Великой Отечественной войны, активный член Общества российско-китайской дружбы, доктор исторических наук, профессор Олег Борисович Рахманин.

В 1939 г. Олег Рахманин стал курсантом 1-ой Московской специальной артиллерийской школы, а затем 1-го Томского артиллерийского училища. В 1942–1945 гг. служил в рядах Советской Армии и участвовал в боях на Курской дуге, где получил тяжелое ранение.

После демобилизации 21-летний О. Рахманин, обладавший суровым опытом фронтовика, был направлен на работу в Министерство иностранных дел СССР.

После учебы и дипломатической практики О.Б. Рахманин в 1946–1949 гг. работал в генконсульствах СССР в китайских городах Чанчуне и Харбине. Именно с Китаем он связал всю свою последующую жизнь и многогранную трудовую деятельность.

Затем с 1949 года молодой дипломат, более 10 лет находясь в КНР, работал в Посольстве СССР в КНР и одновременно закончил Народный университет в Пекине. Благодаря хорошему знанию китайского языка он неоднократно участвовал в советско-китайских переговорах на высшем уровне, в том числе с Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и другими руководителями Китая.

По окончании в 1960 г. Высшей дипломатической школы МИД СССР О.Б. Рахманин на протяжении трех лет являлся советником посольства СССР в КНР.

С 1968 по 1986 гг. О.Б. Рахманин работал в Центральном Комитете КПСС, пройдя путь от референта до первого заместителя заведующего Отделом ЦК.

В июле 1975 г. Олег Борисович был избран председателем Комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР, а в 1984 г. — заместителем председателя Комиссии по иностранным делам Совета Союза. В 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Находясь на руководящих постах в сфере советской внешней политики, О.Б. Рахманин стремился содействовать раскрытию “белых пятен” в истории советско-китайских отношений, развитию отечественного китаеведения. С его усилиями связано открытие для научных исследований материалов архива Коминтерна, относящихся к Китаю, архивных документов КГБ о деятельности репрессированных советских политических и военных советников в Китае. Весом и значителен его вклад в создание Института Дальнего Востока, в организацию издания журнала “Проблемы Дальнего Востока”, членом редколлегии которого он длительное время являлся. О.Б. Рахманин был также одним из инициаторов создания Всесоюзной ассоциации китаеведов и входил в состав ее руководства.

Результаты научной деятельности Олега Борисовича были воплощены в ряде монографий, большом количестве брошюр, журнальных и газетных публикаций. Главная тема его изысканий — история советско-китайских отношений в период после 1945 г. Особое место среди трудов Рахманина по этой теме занял очерк истории отношений между СССР и Китаем в период с 1945 по 1980 гг., в котором освещались важнейшие аспекты межпартийных и межгосударственных связей, ключевые моменты внешней полити-

ки СССР и КНР. Он ввел в научный оборот большой объем новых документальных данных, ставших важным источником для других исследователей.

Как историк-международник О.Б. Рахманин подготовил и издал более 100 научных трудов. За учебник "Внешняя политика Советского Союза" ему была присуждена Государственная премия СССР. Ряд книг Олега Борисовича был издан в США, Японии, Китае, Гонконге, в некоторых европейских странах. Труды О.Б. Рахманина проникнуты искренним уважением к китайскому народу, его древней культуре и достижениям в строительстве нового Китая.

В течение ряда лет О.Б. Рахманин был первым заместителем председателя Центрального правления Общества советско-китайской дружбы, членом президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, почетным членом Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития.

С марта 1987 г. Олег Борисович работал в Институте военной истории Министерства обороны СССР. Его интересы были сосредоточены на исследовании современных проблем КНР, включая военно-политические аспекты, а также на вопросах геополитики и безопасности. Он принимал непосредственное участие в составлении и издании 11-го тома "Истории Второй мировой войны 1939–1945 годов". Его перу принадлежит целый ряд научных работ, затрагивающих темы победы Вооруженных сил СССР на Востоке, хода Второй мировой войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, конфликта на КВЖД, военного строительства в КНР и реформ в китайской армии.

О.Б. Рахманин был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1 степени, Дружбы народов, двумя медалями "За отвагу", отмечен рядом зарубежных наград. За вклад в развитие науки он был удостоен серебряной медали имени П.Л. Капицы.

Олег Борисович вел активную общественную деятельность, являлся членом Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Академии проблем дипломатических наук и международных отношений, членом Союза журналистов России, лауреатом этой организации за вклад в международную публицистику.

Олег Борисович навсегда останется в памяти тех, кто его знал, общался с ним и работал под его руководством, как неутомимый труженик, требовательный к себе и коллегам, верный друг и товарищ, доброжелательный к людям, человек с неунывающим духом, неиссякаемой энергией, подвижник.

Коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН, члены Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" испытывают чувство глубокой скорби в связи с кончиной Олега Борисовича Рахманина и выражают искренние соболезнования его родным и близким.

*Дирекция и общественные организации ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»,
Центральное правление Общества российско-китайской дружбы*